

Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этою бесконечностью и руководит его поступками.

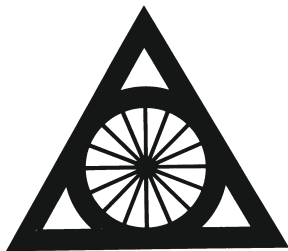
Л.Н. Толстой

Л е о н Д е н и

С П И Р И Т И З М –

РЕЛИГИЯ БУДУЩЕГО

композиционный перевод с французского
Йога Раманантаты

Нижний Новгород

Издатель Москвичев А. Г.
2019 год

*Настоящая публикация подготовлена к печати
Йогом Раманантатой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

УДК 159.961.7

ББК 86.30

КТК 001

ДЗЗ

Дени, Леон

ДЗЗ Спиритизм – религия будущего / редакция, составление, композиционный перевод приложений и предисловие Йога Раманантаты. – Н. Новгород, 2019. — 442 с.

ISBN 978-5-6042822-8-1

Леон Дени (1847-1927), французский философ и писатель, благоговейно названный учениками и последователями «апостолом Спиритизма», в новых исторических условиях — в конце XIX-го века и в первой четверти XX-го — продолжил развитие философии, основы которой были заложены Алланом Кардеком. Его труды, как и труды его предшественника, переведены на все основные языки мира и десятки раз переиздавались во Франции.

Леон Дени — не только тонкий мыслитель, но и прекрасный художник слова. Поэзия и проникновенный лиризм сочетаются в его творчестве с тонким философским анализом и несгибаемой логикой. На этих страницах читатель найдёт всю правду о жизни и смерти и сможет понять, что смерти нет, а есть только бессмертие и жизнь вечная. Это не книга дурной и невнятной мистики, это книга великой радости и правды, которая заставит вас посмотреть на мир совершенно другими глазами.

В качестве дополнительных материалов, необходимых для уяснения проблематики книги, даны избранные статьи Аллана Кардека и сделанный автором-составителем свод афоризмов Пифагора, античного зачинателя спиритической науки.

ISBN 978-5-6042822-8-1

© Москвичев А. Г., издание,
оформление, 2019

© Йог Раманантата, перевод, комментарии, редакция, 2019

СОЧИНЕНИЯ ЛЕОНА ДЕНИ:

**APRÈS LA MORT. ПОСЛЕ СМЕРТИ
L'AU-DELÀ ET LA SURVIVANCE DE L'ÊTRE. ЗАГРОБНАЯ
ЖИЗНЬ И ВЫЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТИ
CHRISTIANISME ET SPIRITISME. ХРИСТИАНСТВО И
СПИРИТИЗМ
DANS L'INVISIBLE! (SPIRITISME ET MÉDIUMNITÉ). В
НЕЗРИМОЕ! (СПИРИТИЗМ И МЕДИУМИЗМ)
ESPRITS ET MÉDIUMS. ДУХИ И МЕДИУМЫ
LA GRANDE ÉNIGME. ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА
LE GÉNIE CELTIQUE ET LE MONDE INVISIBLE. КЕЛЬТСКИЙ
ДУХ И НЕЗРИМЫЙ МИР
LE MONDE INVISIBLE ET LA GUERRE. МИР НЕЗРИМЫЙ И
ВОЙНА
LE POURQUOI DE LA VIE. ОСНОВАНИЕ ЖИЗНИ
LE PROBLÈME DE L'ÊTRE ET DE LA DESTINÉE. ЧЕЛОВЕК И
СУДЬБА ЕГО В МИРЕ ЭТОМ И ИНОМ
POURQUOI LA VIE? В ЧЁМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?
LE SPIRITISME ET SES DÉTRACTEURS. СПИРИТИЗМ И ЕГО
КЛЕВЕТНИКИ
SYNTHÈSE SPIRITUALISTE. СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЙ
СИНТЕЗ
LA VÉRITÉ SUR JEANNE D'ARC. ПРАВДА О ЖАННЕ Д'АРК**

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

По словам Дидро, «люди перестают мыслить, когда перестают читать». Сегодня это уже не вся правда. Сегодня гораздо актуальнее другое: люди перестают мыслить, когда они читают вздор.

Раньше книги писали единицы, а читали, извините, нули; теперь книги пишут нули, а читают единицы. Как правило, модным писателям, как нынешнего, так и прошлого времени, совершенно нечего сказать, и они только и говорят что об этом, но говорят на страницах своих бесчисленных пудовых книг. Читать подобную «литературу» значит глупо губить время своей жизни.

В самом деле, главный вред посредственных книг в том, что они отвлекают от чтения очень хороших, а хорошие и серьёзные книги нельзя читать безнаказанно: *читая и понимая их, человек меняется к лучшему.*

Бессмысленная книга всегда причинит больше вреда, чем «безнравственная». Книги, написанные их авторами ради денег – да и какие это деньги?! – развращают и оглупляют читателей. Слегка повторимся: раньше книги писали писатели, а читали читатели; сейчас – пишут читатели и не читает никто.

Увы, в книжных шкафах у людей, как правило, стоят те книги, которых никто не читает, более того, никогда и не собирался читать. Это что-то вроде витрины интеллектуальных и культурных претензий.

Человек предпочитает не думать, а смотреть. Убедиться в этом легко: глупая болтовня по телевизору отвлекает его от чтения даже самых незамысловатых книг.

Опять же, каждая хорошая книга в два раза толще своего физического объёма – вот что всегда следует иметь в виду. Подчас немногие слова говорят о многом, и для постижения иной небольшой книги надобна целая жизнь. Автор ста томов партийных книжек равен нулю, автор одной книги (Лабрюйер, например) заключает в себе бесконечность.

Леон Дени (1847–1927), которого ученики и последователи благоговейно называли «апостолом Спиритизма», в новых исторических условиях – в конце XIX-го века и в первой четверти XX-

го – продолжил развитие философии, основы которой были заложены Алланом Кардеком. Его труды, как и труды его предшественника, переведены на все основные языки мира и десятки раз издавались и переиздавались во Франции, особенно самый знаменитый из них – «После смерти». А.Конан-Дойль, высоко ценивший работы французского автора и переведший на английский язык его книгу «Правда о Жанне д'Арк», сказал: «Работа над переводом этой книги была для меня почётной миссией».

Леон Дени не только тонкий мыслитель, но и прекрасный художник слова. Поэзия и проникновенный лиризм сочетаются в его творчестве с тонким философским анализом и негибкой логикой. Редкое и удивительное сочетание поэзии и философии порождает совершенно особого рода прозу и, разумеется, представляет серьёзные трудности для перевода.

Данная книга неизбежным образом весьма необычна как по содержанию, так и по языку. В своей работе над текстом переводчику необходимо пришлось придерживаться традиций русской прозы «серебряного века», ведь характер смыслового и словесного материала предполагает приподнятость и торжественность стиля. В результате текст в основном оказывается написан так, что из него, как и из песни, слова не выкинешь и вставить в него тоже ничего нельзя – по причине ритма.

Флобер, величайший мастер ритмической прозы (это искусство он привил и Мопассану), самым тщательнейшим образом выверял свои фразы в отношении ритма и дыхательного цикла. Для писателя-оккультиста ритм прозы играет ту же роль, что и генерал-бас для композитора. Он служит основой, на которой выстраивается вся мелодия информации; основой, через которую читателю придаётся дополнительный стимул и делается соответствующее внушение.

Неподготовленный читатель (особенно если он ещё и редактор) обязательно хочет многое в таком тексте исправить, сделать привычным и на своём уровне понятным. Взявшись за эту неблагодарную работу, он, фигурально говоря, стремится выступить в роли самозванного настройщика, который перед самым концертом, вдруг расстроил бы пианисту рояль, до его вмешательства настроенный совершенно правильно. По неведению, он желает

вторгнуться в область, в которой, простите меня, наверное, мало что смыслит.

И в самом деле, как же можно об этих вещах говорить без торжественности, без мелодии, без определённого, хотя сокрытого и замысловатого, ритма? Будничность, избитость слова и фразы здесь, думается, как нельзя более неуместны.

На взгляд переводчика, в русском языке было и всё ещё есть правило стилистики, подобное явлению «е» *caduc* во французском. И в русском это – беглое «и», замещающее мягкий знак «ь» в окончаниях существительных: «знание» – «знанье», «мнение» – «мненье», «понятие» – «понятье» и прочая. При этом, точно так же как по-французски наличие «е» *caduc* в произношении является признаком высокого стиля, так по-русски наличие беглого «и» в указанных позициях – признак стиля невысокого или недостаточно высокого (за исключением, разумеется, немногих смысловых различий, типа: «воскресение» – «воскресенье»).

В этой связи можно говорить о чередовании в окончаниях существительных беглого «и» и мягкого знака [ь]. Помимо того, искусное чередование этих букв позволяет делать в русской прозе интересные ритмические построения, о чём, разумеется, ни один редактор слушать не пожелает, и мириться с чем он откажется наотрез.

Стремясь найти ответы на глубоко волнующие его вопросы, читатель неизбежно столкнётся с горами литературы, известной под названием «философии», «богословия», «мистики», «новой мысли» и тому подобного, большая часть которой состоит из пустых фраз и невнятных рассуждений. Не спорим, книги эти порой не лишены определённых достоинств; за скучным тяжеловесным слогом в них временами обнаруживаются неожиданные проблески мысли; то тут, то там мелькают крупницы здравого смысла. Но всё это тонет в необозримых болотах словесной трясины. И так выходит, что ищущие руководства к действию, стремящиеся к идее встречаются лишь *слова, слова и слова*.

Но не так обстоит дело здесь. Читатель! На этих страницах ты найдёшь всю правду о жизни и смерти, и поймёшь, что смерти, собственно, нет, а есть только бессмертие и жизнь вечная. Это не книга дурной и невнятной мистики, это книга великой радости и правды, которая заставит тебя посмотреть на мир совершенно другими глазами. Прочтя её, ты станешь духовно богаче и внутренне преобразишься. Невозможно

не поддаться тайному очарованию великого мастера, задушевно и просто говорящего о сложнейших проблемах человеческого и космического Бытия.

Уже во всём мире есть группы энтузиастов, которые без всякой поддержки государства и официозных «научных» структур лишь на собственные средства создают и опробывают соответствующую аппаратуру для установления контактов и общения с тонким миром и его обитателями – я говорю об инструментальной транскоммукации. О, если хотя бы сотая, да что там! – десяти тысячная часть того времени и тех денег, что сейчас вкладываются и тратятся на развитие военной промышленности, бесконечную софистику мобильной связи, на насаждение и пестование спорта и прочей чуши и ахинеи, была направлена на создание соответствующих приборов и установление контакта с так называемыми «умершими», то проблема эта была бы давным-давно уже решена и земной человек точно так же бы знал о принципиальном бессмертии своей природы, как сегодня он знает о том, что Земля круглая и что она вращается в космическом пространстве вокруг Солнца. Пока что же, если продолжить образ, солнце вращается у нас вокруг плоской и неподвижной земли, которая стоит, по мнению одних, на четырёх китах, тогда как, по убеждению других – опирается на четырёх слонов, и именно об этом сейчас и идут все споры в научной, религиозной и политической сферах жизни нынешнего человечества. О, суeta суeta! О, добровольное самоослепление!

На самом же деле, конечно, следует помнить и понимать, что на Земле живёт не только маленькая часть человечества, но и далеко не лучшая его часть.

Французскому писателю Александру Эппу принадлежат такие слова: «Леон Дени написал самую прекрасную, самую благородную и драгоценную книгу, какую я когда-либо читал. Книга эта называется «После смерти». Читайте её и все остальные его книги – и вы узнаете великую, освободительную и плодотворную радость, которая охватит вас после всех истязаний скорби, наперекор вашему страху смерти и великому трауру по тем, кого мы считаем “умершими”!»

Уор рашанантата

Москва, 26 апреля 2019 г.

*Настоящая подборка текстов сделана
на основе следующих произведений
Леона Дени:*

**ПОСЛЕ СМЕРТИ
ЧЕЛОВЕК И СУДЬБА ЕГО В МИРЕ ЭТОМ И ИНОМ
КЕЛЬТСКИЙ ДУХ И НЕЗРИМЫЙ МИР
ПРАВДА О ЖАННЕ Д'АРК
МИР НЕЗРИМЫЙ И ВОЙНА**

Человек, который начинает жить для души, подобен человеку, который вносит свет в тёмный дом. Темнота тотчас же рассеивается. Только упорствуй в такой жизни – и в тебе совершится полное просветление.

Будда

Твои тени живут и исчезают. То, что в тебе вечно, то, что понимает, принадлежит непреходящей жизни. Это вечное есть существо, которое было, есть и будет и час которого не пройдёт никогда.

Рамакришна

I. Славные города древности, я видел их лежащими в саване из камня и песка: Карфаген с его белыми отрогами, греческие города Сицилии, равнины Рима с обвалившимися акведуками и разверстыми могилами, некрополи, спящие двадцативековым сном под пеплом Везувия. Я видел последние останки древних городов, некогда человеческих муравейников, сегодня же пустынных развалин, которые солнце Востока обжигает своими знойными ласками.

Я представил себе толпы, некогда суетившиеся и обитавшие в этих местах; оне проходили пред моим мысленным взором с раздирающими их страстями, с их любовью, ненавистью, рухнувшими честолюбивыми устремленьями, с их победами и поражениями – дымы, унесённые дыханием времени. И я сказал себе: «Вот чем становятся великие народы, исполинские города: кучкой камней, мрачными курганами, могилами, затенёнными чахлой растительностью, листья и стебли коей со стоном колышет вечерний ветер». История отметила быстротечность их существования, кратковечность их величия, их конечное падение, а земля покрыла всё. А сколько других, коих неизвестны даже названия; сколько городов, рас, цивилизаций погребено навсегда под толщею вод, на поверхности затонувших материков!

И я вопрошал самого себя, для чего она, вся эта суeta народов Земли, для чего эти поколения людей, сменяющие друг друга подобно слоям песка, непрестанно наносимым волною, дабы покрыть слои, им предшествовавшие; для чего все труды, всякая борьба, все страдания, если всё должно привести во склеп?! Века, эти мгновения вечности, вместили в себя народы и царства, а затем ничего не осталось и от них самих. Сфинкс поглотил всё.

Куда же мчится человек в беге своём? В небытие или к неведомому свету? Улыбающаяся, вечная, Природа обрамляет своим великолепьем печальные обломки империй. В ней всё умирает для того лишь, чтоб вновь возродиться. Трудно постижимые законы и незыблемый порядок правят её движеньем. Неужели же один только человек вместе со всеми своими свершеньями предназначен небытию и забвению?

Скорбное впечатление, произведённое зрелищем мёртвых городов, я нашёл его ещё более мучительным пред хладными останками моих близких, тех, кто разделил со мной мою жизнь.

Умирает один из тех, кого вы любите. Склонившись над ним, со сжимающимся сердцем, вы видите, как по его чертам медленно разливается загробная тень. Внутренний очаг бросает всё меньше бледных и дрожащих отблесков, вот они ослабли ещё, а затем прекратились и вовсе. И ныне, всё, что в этом существе означало жизнь, — эти глаза, недавно блестящие, эти уста, произносившие слова, эти подвижные и деятельные руки — всё подёрнуто дымкой, всё безмолвно, недвижно, безжизненно... На этом смертном одре остался один только труп! Есть ли человек, не вопрошавший у себя объяснения этой тайны и, во время мрачного бдения, этого торжественного уединения со смертью, не думавший о том, что ждёт ещё его самого? Разгадка этой тайны волнует нас всех, ибо пробьёт час — и все мы покоримся неумолимому закону. Нам необходимо знать, действительно ли всё прекращается в этот миг, есть ли смерть всего лишь унылый отдых в уничтожении, в ничтожестве, в небытии, либо же, напротив того, вступление в иную область ощущений?

* * *

II. В ту самую пору, когда материализм достиг своей наивысшей точки, распространив повсюду идею небытия, появляется новая наука, новое верование, основанное на действительных фактах. Наука эта дарует человеческой мысли прибежище, в коем та наконец обретает знание вечных законов прогресса и справедливости. И тогда происходит расцвет идей, идей, давно считавшихся мёртвыми и которые в действительности только дремали, ожидая своего часа; и расцвет этот возвещает человечеству умственное и нравственное обновление. Учения, бывшие душою прошлых цивилизаций, выступают вновь в ещё большем величии, и множество явлений, давно пренебрегаемых,

но важность коих наконец узрели некоторые учёные, является подвести прочную основу доказательств и уверенности. Изучение магнетизма, гипнотизма, внушения; ещё более, исследования фактов психической природы, поставляют всё новые данные для решения великой проблемы. Открываются широкие горизонты и далёкие перспективы, формы существования обнаруживаются в таких условиях, в коих и не предполагали их увидеть. И из этих исследований, открытий и наблюдений выступает новое мировоззрение, новое жизнеистолкование, намечается познание высших законов, явствует торжество вселенской справедливости и порядка. И миропониманье это достаточно хорошо сделано, чтобы с более твёрдой и просвещённой верой в будущее пробудить в человеческом сердце глубокое чувство долга, неподдельную привязанность к своим ближним, что само по себе уже способно изменить лицо обществ.

* * *

III. В наше время люди создают себе о мироздании и об истине крайне поверхностные и материалистические понятия. Современная наука в исследованиях своих ограничилась тем, чтоб накопить наибольшее число фактов и затем вывести из них соответствующие законы. Она тем самым добилась великолепных результатов; но что касается знания высших основоположений и первопричин, то оно навсегда останется для неё недоступным. Даже вторичные причины ускользают от неё. Невидимая область жизни более обширна, чем та, которую охватывают наши органы чувств; и именно в этой невидимой области царствуют те причины, коих нам видны только следствия.

У античности было совсем иное видение вещей и иной способ их изучения. Мудрецы Востока и Греции не пренебрегали наблюденьем за внешней природой, но вечные основоположения они открывали как раз за исследованием души и сил ей внутренне присущих. Душа была для них словно книгой, в коей

таинственными письменами были записаны все факты и все законы. Сосредоточением своих способностей, созерцательным и глубоким изучением самих себя, они поднимались вплоть до высот Самопричины, вплоть до Сути, из коей исходят все существа и вещи. Врождённые законы разума объясняли им порядок и гармонию Природы, тогда как изучение души давало им ключ ко всем вопросам жизни.

Душа, помещённая, по их мнению, между двумя мирами – видимым и оккультным, вещественным и духовным, созерцающая и проникающая их оба, есть высшее орудие познания. Соответственно степени своей развитости и чистоты, она с большей или меньшей силою отражает лучи, исходящие из божественного источника. Разум и совесть не только управляют нашими суждениями и действиями, они также суть самые верные средства к постижению истины и обладания ею.

У всех великих религий было два лица: одно – видимое, другое – сокрытое. В последнем заключаются дух и суть, в первом – форма или буква. Под материальным символом скрывается глубокий смысл. Этой двойственностью обладали браманизм в Индии, герметизм в Египте, политеизм в Греции и само христианство при своём возникновении. Судить об этих религиях по внешней и обыденной стороне их – это всё равно что судить о нравственном достоинстве человека по его платью. Для того, чтоб познать их, надобно постичь их сокровенную идею, одухотворяющую их и являющуюся причиной их существования; из плоти мифов и догм надобно выделить животворящую суть, сообщающую им силу и жизнь. И тогда вам откроется единое, высшее, неизблемое учение, коего человеческие религии являются лишь несовершенными и временными упрощениями, соразмеренными с потребностью времени и среды.

* * *

IV. Жизнь есть не что иное, как развитие, во времени и пространстве, Духа – единственной постоянной реальности.

Материя есть её низшее выражение, её изменчивая форма. Собственно Сущее, источник всех существ, есть Бог, одновременно тройственный и единый – сущность, вещество и жизнь; в Нём воплощается вся вселенная, всё мироздание. Отсюда тройственный деизм, перешедший в образной форме из Индии и Египта в христианское учение, которое три составные части бытия обратило в трёх личностей. Душа человеческая, эта частица мировой души, бессмертна. Она развивается и восходит к своему Создателю посредством постоянного совершенствования, проходя при этом чрез бесчисленные существования, попеременно земные и духовные. В своих телесных воплощениях она является человеком, тройственная природа коего – тело, перисprit и душа – становится микрокосмом, или малой вселенной, уменьшенным подобием макрокосма, или Великого Целого. Вот почему мы можем найти Бога во глубине самих себя, вопрошая себя в одиночестве, изучая и развивая свои сокрытые способности, свой разум и свою совесть. Вселенская жизнь имеет две стороны: инволюцию, или схождение духа в материю чрез индивидуальное сотворение, и эволюцию, или постепенное восхождение по цепи существований к божественному Единству.

* * *

V. На склоне лет мыслящий человек делает для себя мучительное открытие. Оно становится ещё мучительнее из-за того, что он узнаёт по своём возвращении в Космос. Он вдруг обнаруживает там, что образование, обыкновенно даваемое человеческими учреждениями – церквями, школами, университетами –, если и сообщает нам знание о множестве второстепенных вещей, то зато не научает нас почти ничему, что нам всего более важно знать о своём поведении и характере нашей земной жизни для приготовления нас к жизни потусторонней.

Те, кому доверена высокая миссия просвещать и направлять душу человеческую, выглядят полными невеждами во всём, что касается её природы и её истинных судеб.

В университетских кругах царит ещё полная неуверенность касательно решения самой важной проблемы, которая когда-либо вставала перед человеком в ходе его кратковременного нахождения на земле. Эта неопределённость отражается на всей системе образования. Большинство преподавателей и учителей систематически удаляют на своих уроках всё то, что касается феномена жизни, её смысла и конечной цели.

То же бессилие мы находим и у священника. Своими утверждениями, никак не подкреплёнными доказательствами, он оказывается не в состоянии влить в души, которые он взял на своё попечение, ту веру, каковая более не отвечает ни требованиям здоровой критики, ни запросам разума.

Действительно, в Университете, как и в Церкви, душа современная встречает лишь темноту и противоречие во всём, что касается проблемы её природы и её грядущей участи. Именно этому состоянию вещей мы обязаны большею частью бед нашего времени: бессвязностью идей, хаосом сознания, нравственной и общественной анархией.*

Образование, которое изливается на поколения людей, весьма разносторонне, но оно нисколько не освещает им путь жизни, оно не закаляет их для битв земного существования. Классическое образование может научить человека культивировать, украшать свой ум, но оно не научит его действовать, любить и жертвовать собой. И ещё менее – создать себе такое понятие о жизни и судьбе, которое станет развивать глубокие энергии нашего «Я» и направлять наши порывы, наши усилия к действительно высокой цели. Однако, такое понятие необходимо каждому живому существу, всякому обществу, ибо оно – поддержка, верховное утешение в трудные часы, источник мужских добродетелей и высоких вдохновений.

* Автор часто говорит в таких случаях «мы», но читателю следует иметь в виду, что с его стороны это не столько авторское, сколько докторское «мы». (И.Р.)

Карл Дюпрель сообщает следующий факт: «Один из моих друзей, университетский профессор, имел несчастье лишиться дочери, и это пробудило в нём интерес к проблеме бессмертия. Он обратился к своим коллегам, профессорам философии, надеясь найти утешение в их ответах. Но его постигло разочарование: он просил хлеба, ему предложили камень; он искал утверждения, ему ответили неопределённостью!»

Франциск Сарси, этот совершенный образец университетского профессора, писал: «Я человек земной. Я не знаю ничего о том, как я сюда попал и почему меня сюда бросили. Я точно так же не знаю, как я отсюда уйду и что будет со мною после моего ухода».

Невозможно сознаться в этом с большею откровенностью: школьная философия после стольких веков исследований и труда всё ещё остаётся доктриной без света, без чувства, без жизни.* Душа наших детей, метущаяся между разными и противоречивыми системами – позитивизмом Огюста Конта, натурализмом Гегеля, материализмом Стюарта Милля, эклектизмом Кузона и т.д. – пребывает в неопределённости, лишённая идеала и достойной цели.

Отсюда раннее уныние и всеразъедающий пессимизм, эти болезни упадочного общества, страшная угроза будущему, к которой добавляются горький цинизм и насмешливый скептицизм стольких молодых людей, верящих лишь в удачу и поклоняющихся только успеху.

Известный профессор Рауль Пиктэ отмечает это состояние ума во введении к своей последней работе о физических науках.** Он говорит о разрушительном действии, которое оказывают на ум его учеников материалистические теории, и заключает: «Эти

* По поводу университетских экзаменов г-н Дюкро, декан факультета в Эксе, пишет в «Журналь де деба» от 3 мая 1912 года: «Складывается такое впечатление, словно между учеником и вещами помещается некий заслон, какая-то пропасть выученных слов, бессвязных и непонятых фактов. Это мучительное впечатление особенно ошутимо в философии». (Л.Д.)

** Raoul Pictet, «Etude critique du matérialisme et du spiritualisme par la physique expérimentale». (Л.Д.)

несчастные молодые люди допускают, что всё происходящее в мире является необходимым и фатальным следствием первичных причин, на которые воля их повлиять никак не может; они полагают, будто собственное их существование поневоле является игрушкой неумолимого рока, во власти коего они все находятся, связанные по рукам и ногам. Эти молодые люди отказываются от борьбы при встрече с малейшими трудностями. У них больше нет веры в себя. Они делаются живыми склепами, в коих оказываются безвозвратно замкнуты их надежды, усилия и желания, – общими могилами, в которых погребается всё, что заставляло их сердце радостно биться, пока не пришёл день их интеллектуального отравления».

Всё это приложимо не только к некоторой части нашей молодёжи, но и ко многим людям нашего времени и нашего поколения, у которых можно отметить определённого рода моральную усталость и внутреннюю опустошённость.

Фредерик Мейерс в свою очередь признаёт это: «Есть своего рода беспокойство, недовольство, отсутствие веры в действительную значимость жизни. Пессимизм – нравственная болезнь нашего времени».*

Всевозможные немецкие теории – учения Ницше, Шопенгауэра, Геккеля и других – немало, в свою очередь, посодействовали тому, чтобы развить это состояние вещей. Влияние их распространилось повсеместно. В значительной степени им следует приписать медленную работу – тёмное дело скептицизма, отчаяния и уныния, – которая совершается в современной душе человечества.

Пришло время дать решительный отпор этим мрачным доктринам и за пределами официальных форм и обветшавших религий отыскать новые методы образования и просвещения, которые смогут соответствовать повелительным нуждам нынешнего времени. Нужно подготовить умы к потребностям, к битвам жизни нынешней и жизнью последующих. В особенности же нужно научить человека в интересах его действительных целей

* F.Myers, “Human Personality and its Survival of Bodily Death”. (ЛД.)

самопознанию, раскрытию и развитию собственных скрытых сил, в нём дремлющих.

До сей поры мысль замыкалась в сравнительно узком кругу: религии, школы или системы, которые исключали одна другую и враждовали друг с другом. Это привело к нынешнему глубокому размежеванию умов, возникновению доктрин, исполненных насилия и взаимной нетерпимости, смущающих и потрясающих общественный порядок.

Научимся выходить из этих узких рамок и позволять мысли двигаться совершенно свободно. В каждой системе содержится некая часть истины, но ни одна из них не заключает её в себе всю. У Вселенной и жизни обличия слишком многообразны, число их слишком велико, чтобы какая-либо система смогла вместить их все в себя. Из всех этих несвязных концепций, нужно выделить фрагменты истины, в них содержащиеся, и сблизить их, согласовать один с другим; затем, присоединяя к ним новые и многообразные обличья истины, каждодневно открываемые нами, стремиться к величественному единству и гармонии мысли.

Нравственный кризис и упадочность нашей эпохи вызваны в значительной мере тем, что дух человеческий слишком давно обездвижился. Нужно вырвать его из объятий косности, вековых привычек, вознести его к небывалым высотам, не упуская из виду прочные основания, даруемые ему возросшим и обновлённым знанием. И мы трудимся над созданием этого завтрашнего знания, которое даст необходимое мерило оценки, средства проверки и контроля, без которых мысль, предоставленная сама себе, всегда будет находиться в опасности заблуждения.

* * *

VI. Смятение и неуверенность, которые мы отмечаем в образовании, отображаются и усиливаются, сказали мы, во всём социальном порядке.

Повсюду, как внутри так и снаружи, можно наблюдать тревожное состояние кризиса. Под сверкающей поверхностью цивилизации скрывается глубокое беспокойство. Раздражение растёт и ширится в рядах общества. Конфликт интересов, борьба за жизнь ужесточаются день ото дня. Чувство долга ослабевает в сознании человеческом до такой степени, что многие люди даже не ведают боле, в чём долг этот состоит и где искать его.

В чём объяснение сей загадки, сего вопиющего противоречия между благородными устремлениями нашего времени и грубой действительностью фактов и дел? Почему режим, породивший столько надежд, грозит привести к полному нарушению общественного равновесия?

Непреклонная логика ответит нам: демократия, распространившаяся в самых широких массах и среди их руководителей, вдохновлялась учениями, построенными на отрицании, и поэтому в отношении счастья и возвышения человечества она тоже могла привести лишь к отрицательному результату. Каковы идеалы, таков и сам человек; какова нация, такова и страна!

Отрицательные доктрины в самых крайних своих последствиях неизбежно приводят к пустоте, к общественному небытию. В человеческой истории мучительный опыт этот уже проделывался многократно.

Пока речь шла о том, чтобы разрушить остатки прошлого, нанести сокрушительный удар сохранившимся привилегиям, демократия умело пользовалась своими возможностями. Но сегодня уже надлежит строить, строить град грядущий, град будущего, просторное здание, должное дать приют мысли многих поколений. И перед лицом такой задачи отрицательные доктрины демонстрируют свою недостаточность и обнаруживают собственную хрупкость; мы видим, как лучшие труженики бьются в своего рода материальном и нравственном бессилии.

Никакое дело человеческое не может быть великим и прочным, если оно не вдохновляется в теории и на практике, в своих принципах и своём применении вечными законами Вселенной.

Всё, что задумано и возведено вне верховных законов, построено на песке и обречено на крушение.

Индивидуальная эволюция и прогресс личности — основополагающий закон природы и жизни. В этом смысл человеческого бытия и норма существования Вселенной. Выступать против них или подменять их какой-либо иной целью было бы таким же безумием, как и желать остановить вращение Земли или прилив и отлив океанов.

Самая слабая сторона современного мировоззрения — это полнейшее незнание человека, его природы, законов, управляющих его судьбою. А не зная человека индивидуального, как можно было бы управлять человеком социальным?

Источник всех наших зол и бед — в недостаточности нашего знания и в нашей нравственной неполноценности. Любое общество пребудет слабым и разделённым до той поры, пока недоверие, сомнение, себялюбие, зависть и ненависть будут господствовать в нём. Нельзя преобразовать общество, издав новые законы. Законы, учреждения суть ничто без нравственности и высокой веры. Впрочем, какую бы ни была политическая форма и законодательство народа, если это народ, обладающий чистотой нравов и твёрдыми убеждениями, то он всегда будет счастливее и могущественнее другого народа, уступающего ему в нравственности.

Поскольку общество является результирующей индивидуальных сил, хороших или дурных, то, чтобы улучшить форму этого общества, нужно сначала влиять на ум и сознание индивидов.

Но для современного материалистического учения человек внутренний, человек, наделённый индивидуальным сознанием, не существует; общность поглощает его целиком. Принципы, которые материализм исповедует, суть не что иное, как отрицание всякой высокой философии и всякой высшей причины. Люди помышляют лишь о завоевании прав. А ведь пользование правами невозможно без исполнения обязанностей. Право без обязанности, которая его ограничивает и корректирует, породит лишь новые невзгоды и новые страдания.

Мы уже можем соразмерить масштабы бедствия, причинённого негативными доктринами. Детерминизм, материализм, отрицая человеческую свободу и ответственность, подрывают сами основы вселенской этики. Мир нравственный оказывается всего лишь придатком физиологии, т.е. царством, в коем проявляется слепая и безответственная сила. Избранные умы исповедуют метафизический нигилизм, и вся масса людская, народ – без веры, без твёрдых принципов – оказывается отдан во власть кучки людей, эксплуатирующих его страсти и наживающихся на его вожделениях.

Позитивизм, хотя и не так непреклонен, не менее зловещ по своим последствиям. Своей теорией непознаваемого он упраздняет понятие цели и всеобщей эволюции. Он берёт человека на нынешней фазе его жизни – этом по сути дела фрагменте его судьбы – и мешает ему смотреть вперёд и назад; метода бесплодная и опасная, сделанная, как кажется, в расчёте на духовных слепцов, и весьма ложно её объявили самым прекрасным завоеванием ума современности.

Таково нынешнее состояние общества. Опасность невероятно велика, и если только не произойдёт какого-то великого духовного и научного обновления, мир погибнет в хаосе и смятении.

Наши политические деятели уже ощущают, что значит жить в обществе, в котором поколеблены основные нравственные устои, в котором все санкции искусственны и бессильны, где всё перепутано, даже такое элементарное понятие, как добро и зло.

Церкви, и это правда, несмотря на изношенность форм и их ретроградный дух, всё ещё группируют вокруг себя много восприимчивых душ: но они более не способны отвести опасность, потому что сами поставили себя в невозможность дать точное определение судьбы человеческой и мира загробного, которое бы опиралось на доказательные факты.

Человечество, уставшее от догм и не подкреплённых доказательствами теорий, погрузилось в материализм и безразличие. И нет иного спасения для мысли как в учении, основанном на опыте и свидетельстве фактов.

Откуда придёт это учение? Из пропасти, в которую мы скатываемся, какая сила нас извлечёт? Какой новый идеал возвратит человеку веру в грядущее и рвение к добру? В трагические мгновения истории, когда уже казалось, что спасения нет, что надежда напрасна, неизменно приходила вышняя помощь. Душа человеческая не может застрять в тенетах и погибнуть окончательно. В миг, когда религии прошлого отдаляются и исчезают, проступает некая новая концепция жизни и судьбы, основанная на науке фактов. Великая традиция оживает в ещё более широких формах, формах несравненно более юных и прекрасных. Она указывает всем на грядущее, полное надежды и обещаний. Восславим новое царство Идеи, победительницы материи, и станем трудиться, пролагая ей пути!

Велика задача, ждущая совершения. Целиком надлежит переделать образование и воспитание человека, потому что, как мы видели, ни университет, ни церковь больше не справляются с этой обязанностью, так как не располагают более необходимой творческой и жизненной силой, чтобы осветить путь для движения новых поколений. Одно-единственное учение обладает этой силой – учение научного спиритуализма. Оно уже просматривается на горизонте интеллектуального мира и представляется предназначенным озарить грядущее.

Этой философии, этой науке, свободной, независимой, не подверженной никакому официальному давлению и не стремящейся к политическому компромиссу, новейшие открытия каждый день дают новые и ценные подкрепления. Явления «магнетизма» и телепатии являются приложениями того же самого закона, управляющего одновременно человеком и Вселенною.

Ещё несколько лет терпеливого труда, добросовестного эксперимента, настойчивых поисков, и новое образование обретёт свою научную форму, свою основу. Это событие будет крупнейшим историческим фактом со времени возникновения христианства.

Образование, как известно, мощнейший фактор прогресса, в нём содержится зародыш всего будущего. Но для своей полноты оно должно вдохновляться изучением жизни в её двух чередующихся

формах – зримой и незримой, жизни в её полноте, в её восходящей эволюции к вершинам природы и мысли.

У наставников человечества есть, стало быть, безотлагательный долг. И это – поместить спиритуализм в основание воспитания и обучения, трудиться над переделкой внутреннего человека и нравственным здоровьем. Нужно пробудить душу человеческую, усыпленную пагубной риторикой, показать ей таящиеся в ней силы, обязать её к осознанию самой себя и исполнению славного своего назначения.

Современная наука проанализировала внешний мир, её прорывы в объективной Вселенной глубоки и внушительны, за это честь ей и слава; но она ещё ничего не ведаёт о Вселенной незримой и о внутреннем мире. А ведь там-то и помещается беспредельная империя, которую ей ещё предстоит завоевать. Знать, какими нитями человек связан с единым целым, спуститься в таинственные складки человеческого существа, где свет и тень перемешиваются как в пещере Платона, пробежать по его лабиринтам, тайным вместилищам и убежищам, выслушать «Я» обыденное и «Я» глубокое, сознание и подсознание – нет исследования более важного, более неотложного и необходимого. И пока школы и академии не введут его в свои программы, они не сделают ничего стоящего для действительного просвещения человечества.

Но уже нам видно, как возникает и утверждается совершенно чудесная и непредвиденная психология, из которой возникнет совершенно новое понимание человека, его бытия и судьбы и такая идея о высшем законе, которая объёмлет собой и разрешает все проблемы эволюции и становления.

* * *

VII. Нельзя современный спиритуализм – и в этом отличие его от всех прежних спиритуалистических учений – представить себе как некую чисто метафизическую концепцию. Он демонстрирует

нам, что наделён совершенно иным характером и отвечает требованиям поколения, воспитанного в школе критицизма и рационализма, того поколения, которое преувеличения болезненного и агонизирующего мистицизма сделали весьма недоверчивым и осмотрительным.

Просто верить — этого сегодня уже недостаточно: сегодня желают ещё и знать. И никакая философская и нравственная концепция не имеет шансов на успех, если она не опирается на доказательство одновременно логическое, математическое и позитивное, и если, помимо того, она не отмечена той особой печатью достоверности, которая удовлетворяет сокровенно присутствующему в нас чувству справедливости.

Нетрудно заметить, что все эти условия в совершенстве соблюдены Алланом Кардеком в его «Книге Духов», каковая является превосходным изложением учения современного спиритуализма.

Книга эта есть плод огромной работы классификации, согласования и изъятия, проделанной над бесчисленным множеством посланий и сообщений, поступивших из различных источников, ничего не ведающих друг о друге, сообщений, полученных во всех частях света и объединённых этим несравненным собирателем в целое после удостоверения в их подлинности. Он позаботился о том, чтобы удалить единичные и разобщённые мнения, все сомнительные свидетельства, с тем чтобы оставить лишь те положения, в отношении которых все утверждения были согласны между собой.

Работа эта далека от завершения. Она продолжается всякий день и после кончины великого просветителя. В целом у нас уже составилось могучее учение, основные направления коего были определены тогда Кардеком и теперь, по мере сил, развиваются его духовными наследниками при содействии мира незримого. Каждый из них привносит свою песчинку в строительство того огромного общего здания, фундамент которого что ни день укрепляется стараниями экспериментальной науки, а стены возносятся всё выше и выше.

Также и меня, я могу сказать это, духовные наставники удостоивали своими наставлениями. На протяжении последних

сорока лет они ни разу не отказали мне в своём содействии и дружеских советах.

В произведении Аллана Кардека наставление духов по каждому вопросу сопровождается комментариями и разъяснениями, подчёркивающими красоту принципов и гармонию целого. В этом-то и проявляются качества автора. Он, прежде всего, стремился дать ясный и точный смысл выражениям, постоянно присутствующим в его философическом рассуждении; далее, – чётко определить термины, которые могли быть истолкованы поразному. Ему было известно, что путаница, царящая в большинстве философских систем, происходит от недостатка ясности в выражениях, используемых их создателями.

Другое правило, не менее существенное во всяком методичном изложении и которому Аллан Кардек скрупулёзно следовал, – это необходимость ясно излагать мысли и подавать их в условиях, облегчающих читателю их уразумение. И наконец, развив идеи в определённом порядке и должных взаимосвязях, он умел извлечь из них такие выводы, которые по всем законам логики и нормам человеческого мышления представляли собой уже некую реальность, некую уверенность и определённость.

Вот почему мы намерены применить здесь термины, взгляды и методы, использовавшиеся Алланом Кардеком, как являющиеся наиболее надёжными. При этом к нашей работе мы присовокупим результаты исследований и опытов, проделанных за пятьдесят лет, прошедших после появления его работ.

Стало быть, Учение Духов, вдумчивым толкователем и организатором которого был Кардек, в той же мере что и наиболее ценимые философские системы отмечено такими важнейшими качествами, как ясность, логика и точность.

Но есть в нём, помимо этого, нечто такое, чего не могла предложить никакая иная система. И это – впечатляющая бесконечность проявлений, с помощью каковых данное учение сначала утвердилось во всём мире, а затем смогло подвергнуться повсеместному и ежедневному контролю. Учение это обращается ко всем людям вне зависимости от их социального или имущественного положения, их пола, возраста или расы, и оно

обращается не только к их чувствам, к их уму, но и к тому, что есть в них лучшего: к их разуму и совести. Сокровенные силы эти, не составляют ли оне в единстве своём мерила добра и зла, истины и заблуждения, которое, разумеется, проступает более ясно или расплывчато в зависимости от степени продвинутости душ, но которое всё же обретается в каждой из них как отражение того вечного разума, кой породил их все?

* * *

VIII. Формальным основанием всего старого материализма являлось догматическое утверждение о *неделимости* атома («атомос» — неделимое), утверждение, от которого наука, развиваясь, вынуждена была отказаться, разрушив тем самым фундамент, на каковом извечно возводилось здание материализма. Теория неделимого и неразрушимого атома, которая 2000 лет служила основой в физике и химии, была наконец оставлена наукой вследствие открытий Кюри, Беккереля, Лебона и других. В 1876 году Берглю в «Химическом синтезе» охарактеризовывает эту теорию как «роман хитроумный и изощрённый». «На этом примере, — говорит Лебон («Revue scientifique», 31.XII.1903) — можно видеть, что некоторые научные догмы состоятельны ничуть не более, чем божества древних веков». Но ещё и прежде этих учёных сэр Вильям Крукс, великий английский физик, заявил: «Материя есть не что иное, как одна из форм движения». Таким вот образом рушится единственная точка опоры, на которой строилась вся материалистическая теория.

* * *

IX. Мы помним ещё насмешки, которым подвергались эти исследования в самом своём начале, и о том, сколько критиков всё

ещё ополчается на тех, кто смело продолжает эти исследования и поддерживает отношения с невидимым миром. Но разве не осыпали насмешками, даже внутри самих учёных обществ, множества открытий, кои позднее оказались ослепительными истинами. То же самое будет и с существованием духов. Один за другим, учёные вынуждены признать его, и зачастую происходит это в результате опытов, предназначенных доказать как раз необоснованность утверждений об их существовании! Сэр Вильям Крукс, знаменитый английский физик, которого его соотечественники сравнивают с Ньютоном, – один из этих учёных. Назовём также Рассела Уоллеса, Оливера Лоджа, Чезаре Ломброзо в Италии; докторов Поля Жибие и Дарье во Франции; в России статского советника Аксакова; в Германии барона Дюпреля и астронома Цёлнера.

Человек серьёзный, держащийся на равном удалении от слепой легковёрности и не менее слепой недоверчивости, знает, что эти явления имели место во все времена. Вы найдёте их на всех страницах истории, в священных книгах всех народов, как у ясновидцев Индии, Египта, Греции и Рима, так и у медиумов наших дней. Пророки Иудеи, христианские апостолы, жрицы Галлии получали свои откровения из того же источника, что и Жанна д'Арк., вдохновенная спасительница Франции. Медиумство существовало всегда, ибо человек всегда был духом, и этот дух, во все эпохи, открывал себе окно в мир, недоступный нашим обычным чувствам.

Постоянные, непривычные явления эти происходили всюду и во всех формах, от самых общих, самых грубых – таких, как вращающиеся столы, бесконтактное передвижение предметов, посещаемые привидениями дома – до самых утончённых и возвышенных, как, например, экстаз или высокие вдохновения, что определяется уже характером и природой вмешивающихся духов.

* * *

Х. Великий английский натуралист, председатель английского Антропологического общества, Альфред Рассел

Уоллес, создавший одновременно с Чарльзом Дарвином и независимо от него теорию естественного отбора, один из основоположников биогеографии, составивший также словари 75 наречий народностей Малайского архипелага и имеющий много других научных заслуг, пишет следующее: «Когда я начал изучать спиритуализм, я был убеждённым материалистом. В моём уме не было места понятиям о каком-либо духовном существовании. Факты однако вещь упрямая; они убедили меня и заставили принять их задолго до того, как я счёл возможным допустить их духовное истолкование. Убеждённость в этом последнем росла во мне постепенно, под постоянным давлением настойчивых фактов, которых нельзя было ни отрицать, ни объяснить каким-либо иным образом». И ещё: «Факты вещь упрямая, и они меня побороли. Спиритические явления доказаны и так же бесспорны, как и явления всех прочих наук».

* * *

XI. Сэр Вильям Крукс, великий английский физик и химик, открывший посредством спектрального анализа химический элемент таллий, много занимавшийся изучением физических явлений при прохождении электрического тока через разрежённые газы, открывший радиометрические силы и построивший измерительный прибор – радиометр, сконструировавший спинтарископ – прибор, позволяющий обнаружить присутствие отдельных альфа-частиц; работавший также в области астрономии, аналитической химии, свёклосахарного производства, крашения тканей и многого-многого другого, посвятил долгие годы своей исследовательской деятельности изучению спиритических явлений.

Для того, чтобы строго по-научному проконтролировать последние, он сконструировал особые приборы небывалой чувствительности и неслыханной точности. Ассистируемый

замечательным медиумом мисс Флоренс Кук и другими учёными, столь же строго методичными, как и он сам, он проводил эти исследования в своей лаборатории в окружении специальной аппаратуры, которая делала невозможной всякую *попытку* мошенничества и подлога, о которых так любят утверждать наши оппоненты. Сэр Вильям Крукс писал по поводу спиритических фактов: «После того, как я убедился в реальности спиритических феноменов, с моей стороны было бы малодушием и низостью отказать им в своём свидетельстве».

На седьмом году своих спиритических исследований, создав за это время ряд новых приборов и аппаратов, предназначенных либо для того, чтобы обеспечить возможность строго научного контроля, либо же для того, чтобы регистрировать наблюдающиеся явления, учёный, говоря о реальности спиритических явлений и материализаций духов утверждает: «Я не говорю, что это возможно; я говорю, что это есть».

В своей работе «Исследования в области Спиритизма» Крукс анализирует различные виды наблюдаемых феноменов: передвижение тяжёлых тел в пространстве, исполнение музыкальных произведений без контакта человеческих пальцев с клавишами рояля, пневматографию, «прямое письмо», появление рук при дневном свете, появление фигур и лиц и т.д. Вечерами, перед глазами исследователей, в течение нескольких месяцев появлялся дух молодой миловидной женщины по имени Кэти Кинг, который приобретал на некоторое время все качества и свойства человеческого тела, наделённого необходимыми органами и способностью ощущения, беседовал с Круксом, его супругой и со всеми присутствующими, позволял проводить с собою все необходимые опыты, давал до себя дотронуться, себя аускультировать и фотографировать, после чего эта дама растворялась в воздухе, как лёгкий туман.

Утверждали, будто потом сэр Крукс отказался от этих слов. Однако У.Стед писал по этому поводу в «Нью-Йорк америкэн»: «Лондон, 7 Февраля 1909. Я видел сэра Вильяма Крукса в «Гоуст-Клубе», где он обедал, и он уполномочил меня сказать следующее: «Со времени начала моих опытов в области спиритуализма,

опытов, которыми я занимаюсь вот уже тридцать лет, я не вижу никакой причины изменять моё прежнее мнение».*

* В своей статье, насмешливо им озаглавленной «Естествознание в мире духов», Ф.Энгельс дал «уничтожающую», по словам его adeптов, критику опытам В.Крукса и А.Р.Уоллеса; в действительности же критика, данная им, всего лишь поверхностна и предвзята.

Что касается предвзятости, то, чисто по-человечески, она с его стороны совершенно естественна и понятна: ведь делом всей жизни Энгельса, равно как и Маркса с Лениным, было «научное» обоснование и победное утверждение материализма, материализма, который вместе со всеми своими теориями и выводами безжалостно побивается ненавистным и чуждым ему спиритизмом; отсюда и понятное стремление найти какие угодно доводы против того, что перечёркивает дело всей вашей жизни; а это уже – подход субъективный, пристрастный, чуждый самому духу научного исследования проблемы, которое может состояться лишь в том случае, если вы с чистой совестью скажете себе, что вы не знаете ничего о том, что сейчас будете исследовать, и отметёте решительно в сторону все свои эмоции, склонности и интересы. Именно поэтому «уничтожающая» критика, о которой у нас идёт тут речь, поверхностна: ведь человек берётся «изучать» предмет, будучи заранее твёрдо убеждён в его ложности, а такая установка уже неизбежно не позволяет ему проникнуть вглубь рассматриваемой проблемы. «Нельзя познать вещи, исходя из ложности их», – как справедливо говорит Гегель, а, стало быть, такая критика несерьёзна и не имеет никакого значения.

Эту статью с нападками на «доверчивость» и «легкомыслие» названных учёных Энгельс написал в 1878 году, но, как видим, и в 1909 году Крукс с не меньшей убеждённоcтью отстаивает свои взгляды. Если мы примем во внимание, какой это был добросовестный и требовательный исследователь, то мы поймём, сколь нелепо было бы утверждение о том, будто сэр Крукс был жертвой той же самой мистификации в течение тридцати лет! А стало быть, не менее нелепо утверждать, чтобы и в ту пору, о которой говорит Энгельс, сэр Крукс мог стать жертвою каких-либо ловких фокусников, особенно если принять во внимание те строгие условия контроля, в которых он всегда проводил свои опыты. Здесь нет места устраивать подробный и последовательный разбор несостоятельности доводов и выводов, коими наполнена названная энгельсовская статья, здесь также не место восхищаться её плоским и довольно пошлым юмором, но мы полагаем, что если вы внимательно прочтёте и поймёте то, что предлагается вам узнать из публикуемых нами материалов, то необходимость в таком разборе отпадёт для вас сама собой, а плоский юмор исполнит вас жалости к тем, кто смеётся над вещами в высшей степени серьёзными и опошляет их. (Й.Р.)

* * *

ХII. А вот мнение о спиритизме сэра Оливера Лоджа, другого крупнейшего английского физика, работы которого в области электричества, в частности теория ионов, известны во всём мире: «Что касается меня, то со всем чувством ответственности я должен заявить следующее: в результате своих исследований в психизме, я давно и совершенно постепенно приобрёл убеждение в том, что не только сохранение индивидуального существования есть факт, но и в том, что некоторые сообщения, пусть случайно, с трудом и при определённых условиях, могут всё же дойти до нас сквозь пространство. Предмет этот не из тех, что позволяют делать быстрые и лёгкие выводы; доказательства могут быть получены лишь теми, кто посвящает ему время и серьёзные исследования». И далее: «Я был лично приведён к уверенности в будущем существовании доказательствами, покоящимися на чисто научной основе». Продолжая свои исследования, этот же учёный, бывший также ректором Бирмингемского Университета и членом Королевской Академии, писал ещё: «Я признаю себя спиритом, поскольку я должен принять спиритические феномены как реальный факт».

* * *

ХIII. Мнение доктора Ричарда Ходсона, С.Ш.А.: «Не имея в том и тени сомнения, я считаю, что наши спиритические корреспонденты являются именно теми людьми, которыми они себя называют; я считаю, что они пережили изменение, называемое нами «смертью», и что они сообщались с нами, так называемыми «живыми», посредством организма погружённой в транс миссис Пайпер».

Доктор Ходсон, скончавшийся в декабре 1906 года, стал с той поры медианумическим путём являться своему другу – профессору Джеймсу Гислопу. При этом он с исчерпывающей точностью вдавался во многие подробности опытов и работ, проведённых

Обществом психических исследований, председателем американского отделения коего он являлся. Сообщения эти, совершенно согласованные между собой, были переданы адресату разными медиумами, которые абсолютно друг друга не знали. В них можно найти слова и выражения, присущие доктору Ходсону при жизни.

* * *

XIV. Фредерик Мейерс, профессор из Кембриджа, которого международный Спиритический Конгресс 1900-го года в Париже избрал почётным председателем, в своём фундаментальном исследовании «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» (“Human Personality and Its Survival of Bodily Death”) приходит к выводу, что из потустороннего мира до нас могут доходить голоса и послания. Говоря о медиуме миссис Томпсон, он пишет: «Я считаю, что бо́льшая часть этих посланий приходит от духов, которые временно пользуются организмом медиумов, для того чтобы передать их нам».

О важности этого научного труда, изданного в 1903г., профессор Ф.Флурнуа из Женевского Университета, известный скептик в такого рода вопросах, высказался в следующих выражениях: «Доказательства и рассуждения, выдвинутые Мейерсом в пользу супранормальных психических феноменов, представляют собой, по численности своей и весомости, слишком объёмное досье, для того чтобы теперь можно было его игнорировать, если только нарочно не закрывать на него глаза, и было бы явным сумасбродством пытаться ныне отрицать его всё целиком под тем фальшивым предлогом, будто подобный предмет не заслуживает внимания науки».

* * *

XV. В Германии те же свидетельства в пользу существования духов и их проявлений явствуют из работ астронома Цёльнера, профессоров Ульричи, Вебера, Фехнера из Лейпцигского Университета, Карла Дюпреля из Мюнхена, доктора Сириакса из Берлина и многих других. Все эти учёные, тоже скептики поначалу и так же ведомые желанием разоблачить то, что они почитали «вульгарными фокусами», были вынуждены, из уважения к правде и истине, провозгласить реальность наблюдаемых феноменов.

* * *

XVI. Значительные и темпераментные выступления в пользу спиритизма произошли в Италии. Страстные обсуждения будоражили научный мир этой страны в связи с опытами профессора Энрико Кьяйя из Неаполя, проведёнными им при содействии медиума Эвзапии Паладино. Этот исследователь воспроизвёл все примечательные феномены спиритизма: аппорты (принесение предметов), материализации, левитации и т.д., к коим нужно ещё добавить и слепки ног, рук и лиц, полученные в расплавленном парафине, который поместили в особые сосуды, гарантированные от человеческого прикосновения. Опубликование этих фактов вызвало резкую критику со стороны знаменитого профессора Ломброзо, из Неапольского Университета. Тогда синьор Кьяйя вызвался повторить их в его присутствии. Множество сеансов состоялось в конце 1891 года в квартире синьора Ломброзо, и он, вместе с присутствовавшими тут же профессорами Тамбурины, Вирджилио, Бьянки и Виццоли, из Неаполитанского Университета, мог констатировать реальность спиритических явлений, после чего он предал эту констатацию общественной гласности.

* * *

XVII. «L'Italia del Popolo», политическая газета города Милана, опубликовала 18 ноября 1892 года особое приложение, содержащее протоколы 17 сеансов, состоявшихся в этом городе у синьора Финци, в присутствии того же медиума – Эвапии Паладино. Этот документ скреплён подписями крупнейших учёных различных стран; среди них: доктор Скиапарелли из Миланской астрономической Обсерватории; Аксаков, российский статский советник и директор газеты «Psychische Studien» («Психические исследования») в Лейпциге; доктор Карл Дюпрель, из Мюнхена; Анджело Брофферио, профессор философии; Джероза, преподаватель физики в Высшей Школе в Портичи; Эрмакора и Дж.Финци, доктора физики; Шарль Рише, профессор медицинского факультета в Париже, директор «Revue Scientifique»; Ломброзо, профессор медицинского факультета в Турине. Эти протоколы утверждают воспроизведение следующих спиритических феноменов, полученных в темноте в то время, как руки и ноги медиума находились под контролем двух ассистентов: бесконтактное перемещение различных объектов: стульев, музыкальных инструментов и т.п.; отпечатки пальцев на чёрной бумаге и оттиски тех же пальцев в глине; появление рук на светящемся фоне; появление фосфоресцирующего свечения; поднятие медиума со стула и перенос на стол; перемещение стульев вместе с сидящими на них людьми; прикосновения, ощущаемые присутствующими; появление живых человеческих рук на голове медиума; появление мужского бородатого лица. (Последние явления получены в полумраке.) В своих выводах вышеназванные исследователи, с учётом принятых мер предосторожности, исключавших любую попытку подлога или фокусничества, подтвердили реальность спиритических феноменов. «Из всей совокупности наблюдаемых явлений, – говорят они, – выступает объективное торжество той истины, которая незаслуженно была опорочена».

* * *

XVIII. Приведём мнение профессора Ломброзо, из Туринского Университета, крупнейшего итальянского криминалиста, который

сам долгое время отрицал спиритические теории, пока однажды не согласился их изучить. С того времени он коренным образом изменил свои взгляды. «Я вынужден, — говорит он, — выразить мою убежденность в том, что спиритические явления обладают исключительно огромной важностью и что долг науки неотложно направить своё внимание на изучение этих явлений». Этот же учёный высказал ещё и такое точное свидетельство: «Спиритизм рассматривают как мошенничество или фокусничество, что избавляет людей от необходимости размышления. Я стыжусь того, что раньше оспаривал возможность спиритических явлений».

* * *

XIX. В 1904 году профессор Ломброзо публикует в римском журнале «Rivista d'Italia» следующее важное заявление по поводу «сверхъестественных» психических явлений: «Среди этих проявлений можно назвать левитацию, т.е. поднятие тела в воздух без всякого усилия со стороны того, кто его осуществляет, или того, кого поднимают; движение неодушевлённых предметов; и, что ещё более странно, — проявление существ, обладающих волей, характером мышления, существ настолько самобытных и своевольных, как если бы это были живые люди; иногда даже предвосхищение случившихся позднее событий. После того, как я достаточно долго отрицал реальность этих явлений, прежде чем смог увидеть их воочию, мне пришлось признать их, когда, вопреки моей воле, самые красноречивые, самые осязаемые доказательства бросились мне в глаза. Я не считал возможным отрицать эти факты из-за того только, что я не смог их себе объяснить».*

* * *

XX. Профессор Милези, из Римского Университета, «один из самых уважаемых корифеев молодой итальянской

* Последнее замечание, думается нам, есть воплощение честного и объективного, т.е. истинно научного подхода к предмету. (И.Р.)

психологической школы», известный во Франции своими конференциями в Сорбонне о творчестве Огюста Конта, пошёл ещё дальше по пути популяризации спиритических явлений. В протоколе, помеченном 11-ым февраля 1904г. и опубликованном в январском номере парижского «Revue des Etudes psychiques», профессор Милези выразил своё свидетельство об имевших место в его присутствии материализациях духов, среди каковых была и его собственная сестра, скончавшаяся тремя годами ранее в Кремоне. Вот отрывок из этого протокола: «Более всего чудесными были на этом сеансе явления по природе своей светящиеся, хотя и производились они в полумраке. Всего их было девять, и все присутствующие могли их видеть... Три первых воспроизводили черты сестры профессора Милези, умершей три года назад в женском монастыре, в возрасте 32 лет. Она появилась с присущей ей восхитительной улыбкой».

* * *

XXI. Мнение Камилла Фламариана, знаменитого французского астронома: «Я не колеблюсь сказать, что тот, кто заявляет, будто спиритические явления противоречат науке и несовместимы с ней, просто не знает, о чём он говорит. На самом деле, в природе нет ничего оккультного, ничего сверхъестественного, есть лишь неведомое; но то, что было неведомым вчера, становится истиною завтрашнего дня». «Я всего лишь исследователь, и всё то, что только могут написать, сказать обо мне или подумать – мне до последней крайности безразлично. Ни одно из соображений выгоды, какого бы рода она ни была, не направило ни одного моего шага». И в третьем томе своего объёмного труда «Смерть и её тайна», он заключает в следующих выражениях: «Душа переживает физический организм и может проявляться после смерти».

* * *

XXII. Доктор Поль Жибье, ученик Пастера, при содействии медиума Слэйда, особо изучал любопытный феномен прямого письма на грифельной доске, чему он посвятил 33 сеанса. Внутри двойных грифельных досок, которые поставлял для опытов не медиум, а сам экспериментатор, и которые им же были опечатаны,* ему удалось получить многочисленные послания на многих языках. «Мы наблюдали эти явления, — пишет он, — столько и столько раз и в таком разнообразии форм, что нам позволительно сказать, что мы не можем больше верить ни во что видимое нами в повседневной жизни, если нам нельзя положиться на свои чувства и в этом частном случае». В 1900 году этот же учёный направил международному Спиритическому Конгрессу, собравшемуся в Париже, докладную записку, в которой сообщалось о многочисленных материализациях призраков, имевших место в его собственной лаборатории в Нью-Йорке в присутствии многих свидетелей, в частности лаборантов, которые очень умело ассистировали ему в его исследованиях по биологии. (См. «Официальный отчёт IV Международного Спиритического Конгресса»).

* * *

XXIII. Шарль Рише, профессор Французской Медицинской Академии, откровенно затронул вопрос о новой психологии: спиритических феноменах, телепатии, втором зрении и т.п. В своей

* Обращаем внимание читателя на то обстоятельство, что все учёные экспериментаторы, принимаясь за спиритические опыты, исходят из недоверия к медиуму, видя в нём замаскированного обманщика и считая, что причиной феноменов является его искусное фокусничество. И именно поэтому, поскольку эта подозрительность ведёт их к принятию всех возможных мер предосторожности, ни у одного здравомыслящего человека нет причин сомневаться в верности результатов их опытов и в справедливости тех выводов, к которым эти исследователи на основании своих опытов приходят, особенно в тех случаях, когда скептические исследователи начинают высказываться в пользу спиритизма и из его противников, гонителей делаются его сторонниками и поборниками. (Й.Р.)

работе знаменитый профессор прежде всего задаётся вопросом: «А существует ли она, эта оккультная психология?» И отвечает на него следующим образом: «Для меня нет никаких сомнений в том, что она существует; не может такого быть, чтобы столько видных людей в Англии, Америке, Франции, Германии, Италии, России, Испании и других странах могли бы так грубо и глупо ошибиться. Они взвесили и обсудили все возражения, какие им были высказаны оппонентами; но эти последние не сказали им ничего нового, утверждая о возможной случайности или обмане: спириты достаточно об этом думали ещё до того, как им сделали этот упрёк; и мне поэтому трудно поверить, что вся работа их была бесплодна и что они размышляли и экспериментировали над пустыми иллюзиями».*

В своей статье в «Фигаро» от 9 октября 1905 года, озаглавленной «По ту сторону науки», г-н Рише идёт ещё дальше по пути утверждений: «Оккультный мир существует. Рискуя показаться своим современникам сумасшедшим, я верю в то, что призраки существуют».**

* * *

* Любопытна в этой связи незатейливая «логика» врагов спиритизма: они полагают, что когда исследователи-практики не приходят в своих опытах ни к каким результатам и делают на этом основании отрицательные выводы, то они, оказывается, всегда правы и, стало быть, им можно верить; когда же они приходят к подтверждению феноменов, то тогда они всегда ошибаются и результаты их не внушают никакого доверия. То есть, если опыты не подтверждают того, что Солнце вращается вокруг Земли, как то говорят нам глаза наши, но, напротив того, утверждают, что Земля вращается вокруг Солнца, то, стало быть, и долой эти опыты, то, стало быть, им нельзя оказывать никакого доверия. И это на полном серьёзе! И это именуется «наукой». Смешно, право! (Й.Р.)

**В этом смысле судьба г-на Рише весьма поучительна: ведь поначалу он был прожжённым скептиком и ярким противником спиритизма, напрочь отрицал всё с ним связанное и заявлял, что он есть именно тот человек, которого потусторонняя жизнь не интересует и который в ней ни-сколько не нуждается. Однако, когда он начал изучать спиритизм, то факты убедили и его, и из ярого противника спиритизма, коим он был, он скоро стал не менее страстным его поборником и горячим защитником. (Й.Р.)

XXIV. Доктор Дюкло, директор института Пастера, на конференции, проведённой в Генеральном Психологическом институте, сказал: «Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но мир, полный влияний, постоянно воздействующих на нас таким образом, что мы ничего о них не знаем, весь пронизанный этим «quid divinum», которое мы угадываем, ничего толком о нём не ведая, т.е. психический мир – мир более интересный, нежели тот, в котором до сей поры утвердилась наша мысль. Постараемся сделать его доступным для наших исследований. Нас ждут там невероятные открытия на благо человечества».

* * *

XXV. Много сотен случаев появления духов собрано в «Proceedings» («Протоколах О.П.И.»). Надо отметить, что эти появления почти всегда происходят в момент смерти или, в некоторых случаях, даже после смерти лиц, облик которых они воспроизводят. Объективность, реальность этих фактов явствует уже из самого слога «Протоколов», а также подтверждается свидетельствами, собранными в ходе опросов. В отдельных случаях, появления производили столь сильное впечатление на случайно оказавшихся рядом животных, что, например, собаки, завидев духов, бывали охвачены ужасом, прятались или убегали, а лошади резко останавливались, тряслись всем телом, покрывались потом и отказывались идти дальше.

* * *

XXVI. Иногда, и это один из самых сильных доводов, убеждающих в достоверности этих появлений, призраки являются совершенно маленьким детям, неспособным ни на какой расчёт, ни на какой обман. «Анналы психических наук» от 1-16 Февраля 1909

года приводят много подобных фактов. В одном из них, девочка двух с половиной лет многократно и в разных местах видит свою маленькую сестрёнку, умершую некоторое время назад, и протягивает к ней ручку. В другом случае, трёхлетняя девочка замечает в миг смерти своего маленького братика одну из своих умерших тётей и бежит к ней, следуя за нею по комнате.

* * *

XXVII. Профессор Ломброзо заявил в одной из своих статей: «Случаи посещаемых привидениями домов, в которых в течение ряда лет воспроизводятся появления призраков или шумы, согласовываясь с рассказами о трагической смерти, имевшей место в этих домах, и наблюдаясь в отсутствие медиумов, свидетельствуют в пользу действия умерших». — «Часто речь идёт о домах необитаемых, в которых явления эти происходят иногда в течение многих поколений, и даже в течение веков».

* * *

XXVIII. Многие появления вызывали как слуховые и осязательные, так и зрительные впечатления. Сообщается о призраках («Протоколы О.П.И.»), которых поочерёдно видели на разных этажах того же дома различные свидетели. В «Призраках Живых» часто упоминается о различных физических эффектах, вызванных действием привидений, таких как шумы, стуки, открывающиеся двери, передвинутые предметы и т.п.; там же говорится о голосе, предсказывающем события. Некоторые призраки были даже сфотографированы.

* * *

XXIX. Уильям Стед, крупный английский публицист, известен как своей честностью, так и своей храбростью и бескорыстьем. При случае, если того требует истина, он умеет сражаться со всею Англией. Общеизвестно, как он, вопреки своим личным интересам, забыв о многих миллионах, кои он должен был унаследовать от Сэсила Роудса, осмелился публично назвать последнего одним из зачинщиков англо-бурской войны. Он дошёл до того, что потребовал для него наказания в виде каторжных работ.

В пору этой самой войны, г-н Стед зашёл к одному фотографу, который хотя и не был сведущ в вещах такого рода, обладал тем не менее вторым зрением. Г-н Стед хотел посмотреть, чего тот может добиться, так как его самого изучение оккультного мира очень интересует. Фотограф увидел, как вместе со Стедом в его ателье вошёл также призрак, появлявшийся в нём и несколькими днями раньше. Все согласились на том, что фотограф попытается сфотографировать его вместе с писателем. Во время съёмки, в ответ на заданный ему вопрос, призрак назвался Пьетом Бота. Среди всех Бота, известных г-ну Стеду, не было ни одного, носящего такое имя. На фотографии, рядом с ним, действительно было видно получившееся совершенно чётким, весьма характерное бурское лицо.

Когда был заключён мир и генерал Бота приехал в Лондон, г-н Стед послал ему эту фотографию. Наутро к нему явился один из южно-африканских делегатов, г-н Уэсселс. Крайне заинтригованный, он сказал Стеду: «Этот человек никак не мог быть с вами знаком! Его ноги никогда не было в Англии! Это один из моих родственников, у меня есть его портрет». — «Он умер?» — спросил Стед. — «Он был первым бурским военачальником, убитым при осаде Кимберли», — отвечал его посетитель. — «Это Петрус Бота, но мы сокращённо звали его Пьет». Увидев фотографию, другие делегаты Свободных Штатов также узнали бурского воина.

* * *

XXX. Профессор Ньюбольд из Пенсильванийского Университета приводит в «Протоколах О.П.И.», т.ХІІ, стр.11 несколько примеров сновидений, указывающих на чрезвычайную активность души во время сна, каковая увенчивается получением сведений из мира незримого. Среди прочих, мы отметим случай д-ра Гильпрехта, преподавателя ассирийского языка из того же университета, узнавшего во сне значение одной древней надписи, над смыслом которой он доселе безуспешно бился. В довольно сложном сновидении, в котором появляется некий жрец древних храмов Ниппура, он получает от этого последнего объяснение той загадочной надписи. Все подробности этого сна были признаны точными. Указания жреца касались определённых археологических вопросов, не известных сегодня ни одному человеку на земле.

Отметим при этом, что во всех этих случаях тело перцепиента находится в состоянии покоя, его физические органы восприятия усыплены, но психическое существо в нём продолжает бодрствовать и действовать; оно видит, слышит и общается без посредства слов с другими подобными ему существами, т.е. с другими душами.

Явление это имеет общий характер и происходит с каждым из нас. В переходе от бдения ко сну, в тот миг, когда наши обычные средства общения с внешним миром отключаются, в нас открываются новые каналы связи с природой, и в их числе и способность более интенсивного зрения. Во всём этом нам раскрывается иная форма жизни, жизни психической, каковая проявится также и в других феноменах, о которых у нас будет идти речь, и всё это докажет нам, что человек обладает ещё и иными способами восприятия и проявления, весьма отличными от того, что предлагают нам материальные органы ощущения.

* * *

XXXI. Мы приведём ещё один случай передачи сообщения во время сна. Это явление получено г-ном Кедо Миятовичем,

полномочным послом Сербии в Лондоне и приводится «Анналами психических наук» за 1 и 16 января 1910 г.

По просьбе венгерских спиритов, просивших Миятовича связаться с медиумом, чтобы прояснить один исторический вопрос, касающийся древнего сербского монарха, умершего около 1350 года, Миятович отправился к г-ну Ванго, о котором в эту пору было много разговоров и коего прежде он ни разу не видел. Медиум, погрузившись в транс, сообщил о присутствии духа одного молодого человека, очень желавшего, чтобы его выслушали, но язык которого был ему совершенно непонятен. Впрочем, в конце концов ему удалось воспроизвести несколько слов.

Оказалось, что это сказано по-сербски. Вот перевод:

«Прошу тебя, написать матери моей, Наталье, и скажи, что я умоляю её простить меня». Это был дух сербского короля Александра. Г-н Кедо Миятович был ещё менее склонен сомневаться в этом, когда к представленным поначалу доказательствам, удостоверявшим личность говорившего, были добавлены ещё и новые: медиум описал, как выглядит покойный, и этот последний к тому же высказал сожаление, что за два года до своего убийства не последовал конфиденциальному совету, который дал ему дипломат, пришедший теперь к медиуму.

* * *

XXXII. Передача мыслей и образов на расстояние осуществляется равным образом как во сне, так и наяву. Множество примеров такого рода можно найти в специальной литературе, в частности в «Призраках живых» Мейерса. Моя матушка, в последние годы жизни, часто видела меня рядом с собой в Туре, хотя, странствуя по Востоку, я в ту пору был весьма далеко оттуда.

Все эти явления могут быть объяснены проекцией воли проявляющегося, которая вызывает у перципиента образ самой действующей особы. В последующих примерах мы увидим, как психическая личность, душа, целиком высвобождается из

своей физической оболочки, с тем чтобы проявиться в форме фантомальной. По этому поводу также не имеется недостатка в свидетельствах.

Мы уже не раз говорили о результатах исследований, предпринятых лондонским Обществом психических исследований. Они позволили собрать порядка тысячи случаев появления на расстоянии призраков живых особ, подтверждённых достоверными свидетельствами. Эти материалы помещены в несколько томов в форме протоколов, подписанных учёными, являющимися членами академий и различных научных обществ. Среди этих имён фигурируют господа Гладстон, Бальфор и другие.

Этим явлениям обыкновенно приписывают субъективный характер. Но такое мнение не выдерживает серьёзного рассмотрения. Некоторые появления наблюдались последовательно несколькими лицами на различных этажах одного и того же дома; другие оказывали влияние и на животных: собак и лошадей. В некоторых случаях призраки воздействуют на материю, открывают двери, передвигают предметы, оставляют следы на пыли, покрывающей мебель. Слышны голоса, рассказывающие неведомые факты, точность которых подтверждается впоследствии. Напомним в их числе случай г-жи Хокинс, призрак которой наблюдался четырьмя лицами сразу.

Во Франции великое множество фактов этого рода было собрано и издано «Анналами психических наук» д-ра Дарье и профессора Ш. Рише, а также К. Фламарионом в его трёхтомной работе «Смерть и её Тайна».

Приведём случай, сообщённый крупнейшими лондонскими газетами: «Дейли экспресс», «Ивнинг пост», «Дейли ньюс» от 17 мая 1905 г., «Эмпайр» от 14 мая и другими. Эти газеты сообщили о появлении на заседании парламента, в Палате Общин, призрака одного из депутатов, майора сэра Карна Рэкса, который в это время находился дома по болезни. Три других депутата подтвердили реальность этого появления. Вот как выразился сэр Джильберт Паркер: «Я хотел принять участие в дебатах, но меня забыли вызвать. Когда я возвращался на место, то заметил сэра Карна Рэкса, сидящего на своём обычном месте. Поскольку

мне было известно о его болезни, я поприветствовал его и сказал: «Надеюсь, вы поправились». Он мне ничего не ответил, что меня весьма удивило. Друг мой был очень бледен. Он сидел совершенно спокойно, опершись на руку; выражение лица его было бесстрастное и суровое. На мгновение я задумался, как мне следует поступить, но когда я снова взглянул в сторону сэра Карна, то он уже исчез. Я тут же принялся за розыски, надеясь найти его в вестибюле. Но Рэкса там не оказалось, и никто его там не видел... Сам сэр Карн не сомневается в том, что он действительно появился в Палате в форме своего эфирного двойника, поскольку он весьма стремился попасть на заседание, чтобы на голосовании поддержать правительство».*

В «Дейли ньюс» от 17 мая 1905 года сэр Артур Гейтер добавляет своё свидетельство к сказанному сэром Дж.Паркером. Он говорит, что не только сам видел сэра Карна Рэкса, но и обратил внимание на его присутствие другого депутата, сэра Генри К.Бэннермена.

* * *

XXXIII. Экстериоризация, или «раздвоение человеческого существа», может быть вызвана «магнетическим» действием. Были проделаны соответствующие опыты, и перед ними никакие сомнения невозможны. Субъект после усыпления раздвояется и производит материальные действия на расстоянии.

Мы уже говорили раньше о случае гипнотизёра Льюиса. В иных подобных обстоятельствах появившаяся фигура была сфотографирована. Аксаков приводит три таких случая в своём «Анимизме и Спиритизме». Другие аналогичные факты были отмечены У.Стедом в бытность его директором «Бордерленда».

Так объективность души в флюидической её форме, проявляющейся в местах, отдалённых от точки нахождения тела,

* «The Empire» от 14 мая 1905 г. Воспроизведено в «Annales des Sciences psychiques» за июнь 1905 г. (Л.Д.)

оказывается положительным образом доказанной и не может быть подвергнута серьёзному сомнению.

Впрочем, достаточно обратиться к истории, чтобы узнать, что прошлое изобилует фактами этого рода. Феномены «билокации живых» часто фигурируют в религиозных анналах. Прошлое также не менее богато рассказами и свидетельствами, касающимися духов умерших, и это обилие утверждений, вся эта настойчивость, прослеживаемая чрез века, без сомнения, указывают, что среди предрассудков и заблуждения должна быть также и доля реальности.

В самом деле, проявление и сообщение на расстоянии между духами, воплощёнными в физическое тело, необходимым и логичным образом приводит к признанию возможности сообщения между духами воплощёнными и развоплощёнными.

Обитатели космического пространства* уже доставили многочисленные экспериментальные доказательства этого закона вселенской общности в той мере, в какой вообще только возможно твёрдо удостоверить его в нашем материальном мире.

Среди прочих фактов отметим опыт, проделанный лондонским Обществом психических исследований, которому учёный мир обязан столькими открытиями в психической области. В этом опыте была установлена система обмена мыслями между Соединёнными Штатами и Англией через посредство двух медиумов, погружённых в транс. С помощью этих посредников послание было передано напрямую от одного духа другому. Это послание состояло из четырёх латинских слов – языка, не известного ни тому, ни другому медиуму.

Этот опыт проводился под контролем профессора Гислопа из Колумбийского Университета в Нью-Йорке. Были приняты все необходимые меры предосторожности для избежания подлога.

Опыты того же рода проводились в течение 1913 г. госпожой де Уоттвилль при посредстве двух медиумов. Одна из них – г-жа Т*** в Париже, другая – мадемуазель Р*** в Паде-Кале, соответственно их разделяли 260 км расстояния. Духи

* «Космическим пространством» в спиритической литературе называется не только материальный космос, но и мир бесплотных духов. (Й.Р.)

«Рудольф», «Шарль» и «Эмили» одновременно продиктовали этим медиумам несколько совершенно идентичных сообщений. «Такого рода перекрёстная переписка, – говорит д-р Жэле, – отличается характером непредвиденности, большим разнообразием и стихийностью проявлений, что исключает возможность предварительной подготовки, а, стало быть, и подлога. Ни сама г-жа Уоттвилль, ни её медиумы не помышляли о получении такого рода явления на своём первом сеансе».

«Если феномен телепатии изучать в различных аспектах, то общая перспектива этой проблемы всё расширяется и расширяется, и в конце концов в ней приходится признать способ сообщения неопределимой важности в смысле признания посмертного существования. Поначалу мы усматривали в ней простую, почти механическую передачу мыслей и образов от одного мозга другому. Но вот феномен приобретает всё более разнообразные и впечатляющие формы. После мыслей, на расстояние передаются уже проекции призраков живых, умирающих и наконец, без всякого нарушения в цепи фактов, появления умерших, при этом наблюдатель в большинстве случаев ничего ещё не знает о кончине появившихся особ. Во всей этой непрерывной цепи проявлений, всё более усложняющихся в своих последствиях, усматривается неоспоримое доказательство неразрушимости души».

Телепатия, или проекция на расстояние мысли и даже образа проявляющегося, ставит нас в присутствие могучего акта воли. Душа сообщается посредством передачи присущей ей вибрации: это несомненное доказательство факта, что душа не есть некое составное целое, некое следствие или взаимодействие сил, но, напротив того, самый центр жизни и воли в нас самих, центр динамический, отдающий команды организму и управляющий его функциями. Телепатические проявления не знают пределов. Сила и независимость души открывается в них в высшей мере, ибо здесь тело не принимает в совершаемом явлении никакого участия. Оно скорее препятствие, чем помощник. Поэтому-то, как мы увидим в дальнейшем, телепатические проявления производятся с гораздо большей силой именно после смерти человека.

«Самопроекция, – говорит Мейерс, – это единственное действие, которое человек определённо представляется способным совершить с равным успехом как до, так и после смерти тела».

* * *

XXXIV. После феномена видения во время естественного сна во сне случившегося ясновидения при не спровоцированном. Д-р Дж. Максвелл погрузил г-жу Агульяна, очень чувствительного субъекта, в гипнотический сон. Она экстериоризировалась (высвободилась из тела) и отлетела в духовном теле из своей физической оболочки. Д-р Максвелл отправил её на некоторое расстояние навестить г-на Б***, одного из своих друзей, и посмотреть, что тот делает. Было 10 ч. 20 мин. вечера. «Медиум, к немалому удивлению нашему, говорит нам, будто она видит г-на Б***, который, полуодетый, ступает босыми ногами по камням. Это показалось мне полнейшей бессмыслицей. Но когда на следующий день я рассказал об этом своему другу, то он очень удивился моему рассказу и сказал мне буквально следующее: «Вчера вечером мне стало нехорошо, и один из друзей, г-н С***, живущий со мною, посоветовал мне опробовать методу Кнайпа, и так настаивал, что я, чтобы убажить его, в первый раз попытался вчера походить босыми ногами по холодному камню; я был действительно полуодет во время этого занятия. Когда я прогуливался по каменным ступенькам лестницы, часы показывали 10.20 вечера». (J.Maxwell, «Les Phénomènes psychiques»).

* * *

XXXV. Существует множество случаев ясновидения в сомнамбулическом состоянии. Сообщения такого рода можно найти во всех работах и журналах, особо занимающихся этими вопросами. Приведём только такой пример:

«Г-н Луи Кадью, директор завода «Гран-Палю» под Ландерно, департамент Финистер, бесследно исчез в конце декабря 1913 г. Предпринятые розыски – было обследовано и русло реки Элорн – не дали никаких результатов. Г-жа Камилла Гофман, проживающая в Нанси, при консультации в состоянии гипнотического сна заявила, что тело может быть найдено на опушке леса по соседству с заводом, присыпанное тонким слоем земли. По этим указаниям брат жертвы смог найти труп в точном соответствии с описанием, данным ясновидящей».

* * *

XXXVI. Учёные, изучавшие спиритические явления: сэр В.Крукс, А.Р.Уоллес, Р.Дейл-Оуэн, Аксаков, О.Лодж, Поль Жибье, Мейерс и другие установили многочисленные случаи появления умерших. Дух Кэти Кинг, материализовавшийся у сэра Вильяма Крукса, члена лондонской Королевской Академии, в течение трёх лет, был 26 марта 1874 года сфотографирован в присутствии группы экспериментаторов.

То же было и с духами Джона Кинга и Абдуллы, сфотографированных Аксаковым. Академик А.Р.Уоллес и д-р Томсон получили спиритические фотографии своих матерей, скончавшихся много лет назад.

Мейерс говорит о 231 случае появления покойников. Среди них приведён один, сообщающий о скорой смерти перципиента (наблюдателя):

«Один коммивояжёр, человек вполне положительный, увидел однажды утром свою сестру, умершую 9 лет назад. Когда он рассказал об этом домашним, то ему никто не поверил. Но, описывая видение, он упомянул о наличии на лице призрака царапины. И эта подробность вдруг произвела на мать настолько сильное впечатление, что она лишилась чувств. Прийдя в себя, она рассказала, что эта царапина на лице дочери появилась из-за её неловкости, когда он укладывала тело в гроб, и что она

замаскировала царاپину, обильно присыпав её пудрой, и, таким образом, никто на свете не мог быть в курсе этой подробности. И тот факт, что царапина эта была увидена её сыном, стал для неё доказательством подлинности видения, в котором она увидела предупреждение о скорой его смерти, каковая и действительно произошла несколькими неделями позже».*

Приведём также следующие случаи. Один молодой человек пообещал, что если он умрёт первым, то явится своей девушке, не пугая её. И он действительно явился год спустя, но только сестре этой особы в ту минуту, когда она садилась в экипаж. («Протоколы О.П.И.», X, стр.284.) Или вот случай мадам де Фревилль. При жизни она любила гулять по кладбищу возле могилы мужа. Через семь или восемь часов после её кончины её заметил там садовник, проходивший случайно мимо.

Далее это и случай отца одного семейства, умершего во время поездки. Он явился своей дочери в неизвестной одежде, в которую после смерти его нарядили посторонние люди. Он сообщил ей о некоторой денежной сумме, во владение которой она вступала и о существовании каковой ей ничего не было известно. Оба эти факта были впоследствии признаны точными. («Протоколы О.П.И.», X, стр. 283.)

Наконец случай Роберта Маккензи. Он явился перед своим хозяином, когда тот ещё ничего не знал о его смерти, чтобы снять с себя возведённое на него обвинение в самоубийстве. Это обвинение затем было признано не соответствующим действительности, так как смерть его была вызвана несчастным случаем. («Протоколы О.П.И.», II, стр.95.)

* * *

* Есть ли надобность указывать, что дух пожелал показаться с этой «царапиной» лишь за тем, чтобы дать тем доказательство своего тождества? Так же обстоит дело и со многими из следующих случаев, где духи появляются в костюмах и с атрибутами, являющимися для них лишь способами удостоверить перципиентам свою подлинность. (Л.Д.)

XXXVII. На парижском Спиритуалистическом Конгрессе 1900 года, на заседании от 23 сентября, д-р Бэйоль, сенатор департамента Буш-дю-Рон, бывший губернатор Дагомеи, словесно изложил феномены появлений, свидетелем коих ему довелось быть в Арле и Эгьере. Призрак Ацеллы, молодой римской девушки, могила которой находится в Арле, на античном кладбище Алискамп, материализовался до такой степени, что оставил отпечаток своего лица в горячем парафине. Существенно при этом, что отпечаток был не впалый, как то обычно бывает со слепками и *муляжами*, но рельефный, выпуклый, что сделать невозможно ни одному живому существу. Эти опыты, проделанные с принятием всевозможных предосторожностей, проводились в присутствии таких лиц, как префект департамента Буш-дю-Рон, поэт Мистраль, один дивизионный генерал, медики, адвокаты и других. (См. «Compte rendu du Congrès spiritualiste international» de 1900, p.241 и далее.)

* * *

XXXVIII. В своей книге «Смерть и её Тайна», т. II, стр. 412, г-н Камилл Фламарион рассказывает об одновременном явлении в Тулоне адмирала Пейрона двум морским офицерам, прежде с ним знакомым и ещё не знавшим о его смерти. Один из них – капитан фрегата, другой – старший морской механик; оба состояли членами штаба адмирала, когда он командовал эскадрой французского средиземноморского флота. Находясь в совершенно разных местах, оба были разбужены появившимся призраком, причём подробности и детали представившегося им видения совершенно совпадали.

В исследовательской группе в Туре, работой которой я руковожу довольно давно, медиумы описывали являвшихся покойников, видимых, правда, только им. Но следует учесть, что они не знали их прежде, не видели их фотографий, а при этом так описывали их, что присутствовавшие тут же узнавали их со слов ясновидящих.

Порой духи материализуются до такой степени, что могут писать на глазах людей многочисленные послания, каковые и

остаются как свидетельства их появления. Так случилось с женой банкира Ливермура, почерк духа которой был признан экспертизой в точности соответствующим тому почерку, каким она обладала при жизни. (Аксаков, «Анимизм и Спиритизм»).

Ещё чаще духи воплощаются в тело усыпленных медиумов и говорят, пишат, жестикулируют, беседуют с присутствующими, удостоверяя им тождество своей личности.

В явлениях этого рода медиум временно оставляет своё тело, и подмена личности оказывается полной. Язык, осанка, почерк, мимика принадлежат уже духу, постороннему для данного физического организма, каковым он пользуется лишь несколько мгновений.

Явление инкорпорации, столько раз совершавшееся при посредстве медиумичества г-жи Пайпер, было объектом самого тщательного наблюдения и контроля со стороны доктора Ходсона, профессоров Гислопа, Вильяма Джеймса, Ньюбольда, Оливера Лоджа и Мейерса. Отныне инкорпорация представляет собой целый комплекс самых убедительных доказательств, свидетельствующих в пользу того, что душа выживает после смерти тела. Личность Жоржа Пельгама проявилась *post mortem* как его родителям, так и друзьям детства (всего тридцать человек) в такой степени, что ни у кого из них не осталось ни малейшего сомнения насчёт источника этих сообщений.

То же самое относится и к случаю профессора Гислопа. Задав духу своего отца 205 вопросов, ответа на которые он не знал, г-н Гислоп получил от духа 152 ответа совершенно точных, 16 неточных и 37 сомнительных, поскольку проверить их никакой возможности не оказалось. Проверки эти совершались им в ходе многочисленных поездок по Соединённым Штатам и имели целью выяснение малейших подробностей, касавшихся истории семейства Гислопов до рождения профессора, поскольку все контрольные вопросы относились к истории данного семейства.

* * *

XII. Парижские «Анналы психических наук» за июнь 1907 г. приводят следующий факт, имевший место в Америке около 1860 года:

«У генерального судьи Эдмондса, председателя Верховного Суда штата Нью-Йорк, вице-председателя Сената Соединённых Штатов, была дочь, у которой начала проявляться медиумическая способность. Это выразилось в том, что вокруг неё стали самопроизвольно происходить спиритические явления. Данное обстоятельство не замедлило пробудить её интерес к этой области, и в конце концов она начала посещать спиритические сеансы. Тогда-то она и стала «говорящим медиумом». Когда в ней проявлялась другая личность, Лора иногда начинала говорить на языках, которых совершенно не знала.

Однажды вечером у г-на Эдмондса, в Нью-Йорке, собралось на дому порядка десяти человек. Туда пришёл и г-н Грин, нью-йоркский артист, приведший с собой некоего господина, которого он представил как мистера Евангелидеса, из Греции. Вскоре в мисс Лоре проявилась личность, обратившаяся к греческому гостю по-английски и сообщившая ему большое количество фактов, должных убедить его в том, что с ним говорит его друг, умерший несколько лет назад в его доме, о чём никто из присутствовавших не имел ни малейшего понятия. Время от времени девушка произносила слова и целые фразы по-гречески, что позволило г-ну Евангелидесу задать вопрос, не может ли и он сам говорить по-гречески. Он действительно говорил по-английски лишь с большим трудом. Разговор, таким образом, продолжался по-гречески, со стороны Евангелидеса, и попеременно по-гречески и по-английски со стороны мисс Лоры. Временами Евангелидес казался очень взволнованным. На следующий день он возобновил свой разговор с мисс Лорой, после чего он разъяснил присутствующим, что незримая личность, проявлявшаяся при медиумическом посредничестве мисс Лоры, была не кем иным, как одним из его очень близких друзей, умершим в Греции; это был брат греческого патриота Марка Боцариса. Этот друг сообщил Евангелидесу о смерти одного из его сыновей, который находился в Греции и к моменту отбытия отца в Америку был совершенно здоров.

Евангелидес ещё много раз заходил к Эдмондсу, и через десять дней после своего первого визита он сообщил ему, что только что получил из дома письмо, уведомляющее его о смерти сына; это письмо должно уже было быть в пути в то время, когда состоялся первый разговор Евангелидеса с мисс Лорой.

«Хотел бы я, — говорит по этому поводу судья Эдмондс, — чтобы мне разъяснили, как я должен рассматривать данный факт. Отрицать его — невозможно: уж слишком он явен. С таким же успехом я мог бы отрицать, что солнце освещает землю. Это произошло в присутствии десяти человек, людей всё образованных, умных, рассудительных и как никто другой способных отличить иллюзию от действительного факта».

Г-н Эдмондс сообщает нам, что до этого самого дня дочь его не слышала ни единого новогреческого слова. Он добавляет, что в других случаях она говорила на тринадцати языках, среди которых польский и хинди, тогда как в нормальном состоянии она знает лишь английский и французский, причём последний лишь в той мере, в какой его можно выучить в школе. И этот г-н Дж.У.Эдмондс не был какой-то заурядной личностью. Никто и никогда не ставил под сомнение совершенную целостность его характера, и все работы его недвусмысленно свидетельствуют о ясности его ума и здравости суждения». («Annales des Sciences psychiques», juin, 1907.)

* * *

XL. Во Франции, среди значительного количества случаев, мы отметим то, что произошло с аббатом Гримо, управляющим приюта для глухонемых в Воклюзе. При посредстве усыпленной мадам Галлас, он получил от духа г-на Форкера, скончавшегося восемь лет назад, послание, переданное беззвучным движением губ по особой методе, разработанной им в своё время для глухонемых. Этой методе он обучил и аббата Гримо, и среди всех присутствовавших только это уважаемое духовное лицо и было в состоянии уразуметь переданное. Протокол этого примечательного

сеанса, подписанный двенадцатью свидетелями, и разъяснение, данное аббатом Гримо, недавно были опубликованы нами в другой нашей работе.*

* * *

XLI. Г-н Максвелл, генеральный прокурор апелляционного суда города Бордо, доктор медицины, рассматривая явление инкорпорации, каковое он наблюдал на примере мадам Агульяна, жены рабочего-цементщика, говорит в своей работе «Психические явления» следующее: «Наиболее любопытна личность одного врача, умершего более ста лет назад. Его медицинская терминология весьма архаична. Он даёт растениям устаревшие медицинские названия. Диагнозы его обыкновенно верны, но даваемое им описание внутренних симптомов, наблюдаемых им, вполне способно удивить врача двадцатого века... Вот уже десять лет, как я наблюдаю моего потустороннего собрата, и он нисколько не изменился за это время, а логика его отличается завидным постоянством».

Я и сам часто наблюдал этот феномен. При посредстве различных медиумов я мог беседовать со многими умершими родными и друзьями, добываясь от них указаний, неведомых медиумам, и это было для меня убедительным удостоверением их личностей.

Если принять при этом во внимание те трудности, какие выдвигает перед духом необходимость сообщаться с людьми через посредство организма и в особенности мозга, каковой не был обустроен им самим и не стал послушен ему в обращении благодаря длительному употреблению и практике; если учесть, что из-за существенного различия в условиях существования на земном и посмертном плане нельзя потребовать от развоплощённого духа всех тех доказательств, которых бы мы попросили от материального человека, то нужно признать: явление инкорпорации (*втеления*) представляет собой феномен всего более способный самим фактом

* Имеется в виду книга: Léon Denis, «Dans l'Invisible», chap. XIX. (*И.Р.*)

своего существования утвердить духовность нашей природы и то, что жизнь наша продолжается и после смерти нашего материального тела.

* * *

XLII. Участники Международного спиритического Конгресса 1900 года, собравшегося в Париже, единодушно подтвердили два следующих принципа: сохранение сознательного «Я» после смерти и наличие связей между живыми и мёртвыми. Единогласным принятием этот Конгресс утвердил следующие положения:

1) Бог, Высший Разум, первичная причина всего сущего – есть;

2) множество обитаемых миров существует;

3) душа бессмертна; она проводит ряд своих физических воплощений на Земле и в других мирах Космоса;

4) выживание человеческой души после смерти тела подтверждается на практике сообщениями духов, получаемыми медианимическим путём;

5) счастливые или несчастные условия протекания человеческой жизни зависят от достижений, осуществлённых душой в её предыдущие физические воплощения, от её достоинств и недостатков, от успехов, коих ей предстоит добиться;

6) сущее бесконечно в своём совершенствовании;

7) вселенские солидарность и братство представляют собою закон природы Целого.*

* Грустно видеть, сколь низко пала философская и научная мысль современности в сравнении с тем, что было сделано в начале этого века! сколь велико невежество и скудоумие большинства мыслящей части современного человечества! Положения, данные Конгрессом Спиритуалистов, представляют собою самоистины, аксиомы, которые всякому Землянину следует уразуметь и запомнить крепче, нежели таблицу умножения, как принято говорить о безотносительных ценностях в этом веке, или нежели «Отче наш», как говаривали прежде. Ибо глубокое усвоение

XLIII. Телепатия не знает границ. Она преодолевает все преграды и соединяет мысль жителей Земли с мыслью жителей космического пространства, связует мир зримый с мирами незримыми, человека – с Богом. Связь эта как нельзя более тесна и сокровенна.

Телепатическая связь является основой общественных отношений в мире духов, она – обычный способ, каким они обмениваются мыслями и ощущениями. Явление, именуемое на земле «телепатией», есть не что иное, как способ сообщения между всеми мыслящими существами в их высшей жизни, и молитва является одною из самых могущественных форм его, самым высоким и чистым его применением. Телепатия – проявление вселенского и вечного закона.

Все существа, все тела обмениваются вибрациями. Звёзды влияют друг на друга сквозь необозримые пространства Вселенной; точно так же и души – оне средоточия энергий и очаги мысли – оказывают впечатление одна на другую и могут сообщаться на любом расстоянии. Закон притяжения распространяется на души, как и на звёзды, и он влечёт их к общему центру – центру вечному и божественному. Так устанавливается двусторонняя линия связи: по одной стороне к Нему восходят их чаяния в форме призывов и молитв, по другой к ним снисходит помощь в форме благодати и вдохновений.

Великие поэты, писатели, художники, мудрецы и праведники знают эти побуждения, внезапные вдохновения, духовные проблески, озаряющие мозг подобно молнии и исходящие, как кажется, из высшего мира, величие и опьяняющую красоту коего

этих самоистин бесконечно важнее знания всяких теоретических и прикладных истин науки и молитв всех религий вместе взятых: в усвоении их залог индивидуального исправленья каждой слабой или тёмной души и коллективного спасения всего заблудшего земного человечества. Это путь преобразования земного мира, переустройства ада в рай. (Й.Р.)

они отражают. То же и с видениями, открывающимися душе: в полёте экстаза она прозревает этот недоступный мир, воспринимает его лучения, мелодии, ароматы.

Всё это доказывает нам, что душа способна воспринимать не только посредством материальных органов чувств, но и получать так знания, проистекающие от некой духовной причины и далеко простирающиеся за пределы земного. Благодаря именно этим проблескам и озарениям она приобретает способность видеть во вселенских вибрациях прошлое и грядущее, прозревает зарождение форм – форм искусства и мысли, красоты и святости, из коих постоянно ткуются новые формы, и разнообразие их так же неисчерпаемо, как и самый источник, из которого оне исходят.

Взглянем на этим вещи с менее возвышенной точки зрения, посмотрим, каковы последствия их в земной среде. Признание телепатии знаменует собой новую фазу в человеческой эволюции. Человек обретает новые психические силы и способности, которые позволят ему однажды проявлять свою мысль сквозь любые расстояния без посредства материальных носителей и приспособлений. Эта фаза представляет собой один из самых великолепных этапов в развитии человечества на пути его к более совершенной, к более интенсивной и свободной жизни. Она может оказаться также прелюдией самой великой нравственной революции, которая когда-либо совершалась на нашей планете. Так зло будет побеждено или значительно уменьшено. Когда мысли можно будет читать в мозгу, у человека не останется секретов, и он больше не посмеет порождать злые мысли, а стало быть, и творить зло.

* * *

XLIV. Во всех своих отношениях с другими людьми мы должны постоянно помнить следующее: люди суть странники на пути, стоящие на разных ступенях эволюционной лестницы, по которой мы восходим все. Стало быть, мы ничего не должны от

них требовать, ничего ожидать, что не состояло бы в связи с их степенью развития.

В отношении всех мы должны проявлять терпимость и благожелательность и уметь прощать, ибо если нам причиняют вред, осыпают насмешками и оскорбляют, то почти всегда это вызвано отсутствием знания и понимания, отсутствием, которое обусловлено недостающим уровнем развития. Бог не ожидает от людей ничего сверх того, что они смогли приобрести ценой длительных и мучительных трудов. Тем более у нас нет права требовать от них большего. Разве сами мы не походили на наиболее отсталых из них? Если бы каждый из нас мог прочитать в своём прошлом, чем он был и что делал, насколько бы снисходительнее мы стали к ошибкам ближнего! И даже сейчас порой мы заслуживаем той же снисходительности, которую должны проявлять к другим. Будем строги к самим себе и терпимы к другим. Будем учить их, просвещать, мягко направлять их – именно таково повеление закона сопричастности.

Наконец, нужно уметь переносить всё с терпением и в полнейшей ясности сознания. Каковы бы ни были деяния ближних в отношении нас, мы не должны питать к ним ни малейшей враждебности, ни малейшего злопамятства. Более того, всё, что причинило нам неприятность и огорчение, должно служить нашему собственному нравственному воспитанию. Всякое неприятное переживание, случающееся с нами, является возмездием, постигающим нас сегодня за дела наши в прошлых и преступных жизнях. Не будь в нашем прошлом проступков, вся жизнь наша состояла бы из одних радостей – вот что следует почаще повторять себе. Так нам в конце концов удастся без горечи встречать все испытания жизни, усматривая в них для себя лишь исправление былым ошибкам и средство нашего усовершенствования.

Со ступени на ступень мы достигнем так спокойствия духа, того самообладания и той абсолютной уверенности в будущем, какие сообщают силу, умиротворение и позволяют твёрдо стоять посреди самых суровых испытаний.

Когда приходит старость, то иллюзии и суетные упования опадают как сухие листья от ствола древа нашего, а высочайшие

истины являются нам лишь в большем блеске, подобно звёздам, сияющим в зимнем небе сквозь оголённые ветви сада. И нас тогда мало трогает, что судьба не одарила нас славою и прочими улыбками и радостями удачи, если она обогатила нас ещё одной добродетелью, прибавила нам ещё одну крупницу нравственной красоты. Жизни мучительные и безвестные порой оказываются самыми плодотворными, тогда как жизни полные блеска, чаще всего надолго приковывают нас к грозной цепи ответственности.

Счастье не кроется в вещах внешних или дарах фортуны, оно обретается единственно внутри нас самих, в той внутренней жизни, которую мы умеем себе создать. Какое может иметь значение, что небо черно над нашими головами и что люди, окружающие нас, злы, если на челе у нас сияет свет, если в сердце нашем живёт радость добра и нравственная свобода? Но если я стыжусь самого себя, если зло завладело моей мыслью, если преступление и предательство живут во мне, то все дары и радости земли не вернут мне молчаливого мира и радости чистой совести. Мудрец ещё в этом мире создаёт внутри себя надёжное прибежище, святилище, сокровенную обитель, в которую не проникают волнения и распри мира внешнего. Точно так же и в жизни космической, в жизни бесплотных духов веления долга и претворение справедливости суть вещи чисто внутреннего, интимного порядка. Каждая душа несёт в себе свой свет или мрак, свой рай или ад. Но будем помнить, что нет ничего непоправимого: настоящее положение низшего духа – почти неразличимая точка в беспредельности его судеб.

* * *

XLV. Иногда спрашивают себя, необходима ли религия? Религия, надлежащим образом понятая, должна быть связующим

* Отказываться от религии вообще потому только, что современные формы её, как, например, христианство или ислам, зашли в тупик и претерпели вырождение, так же глупо, как отказываться есть яйца вообще только потому, что яйцо, попавшееся вам сегодня за завтраком, оказалось тухлым. (И.Р.)

звеном, объединяющим людей друг с другом и единой мыслью приобщающим их к Высшему Началу вещей.*

В душе есть некое естественное чувство, которое влечёт её к идеалу совершенства, с коим она отождествляет Благо и Справедливость. Если б оно было просвещено наукой, укреплено разумом и основано на свободе совести, то чувство это, самое благородное из тех, кои дано питать человеку, стало бы побуждающей силой к свершению великодушных и благородных дел; но затемнённое, искажённое, пронизанное материалистическими идеями, оно, усилиями духовенства, слишком часто становилось орудием эгоистического господства.

Религия необходима и неразрушима, ибо причину своего существования она черпает в самой природе человека, возвышенные чаянья и стремления коего она выражает. Она также есть выраженье вечных законов, и, с этой точки зрения, должна соединяться с философией, которую она переводит из области теории в область свершения, наделяя её жизнью и деятельностью.

Но для того, чтоб оказывать своё благотворное влияние, чтобы вновь сделаться побуждающей силой к возвышению и прогрессу, религия должна очиститься от бесчисленных искажений, скинуть с себя шутовские наряды, в кои она рядилась в течение стольких веков. Исчезнуть должна не сама суть её, но внешние и материальные формы вместе с тёмными мифами. Следует остерегаться от смешенья вещей столь несхожих. Истинная религия – это не внешнее проявление, это некое чувство, идущее изнутри, и подлинный храм Всевышнего строится в сердце человеческом. Истинная религия не может быть сведена к узким рамкам установлений и обрядов. Ей нет нужды ни в словесных формулах, ни в образах; её не занимают видимость и формы, в коих выражается поклоненье, она судит догматы лишь по их влиянию на совершенствование обществ. Она охватывает все культы, все верования, поднимается выше их и говорит им: «Истина больше, чем только это!»

* В церквах не учили почти ничему дурному: там лишь очень дурно учили хорошему. (Й.Р.)

Следует однако понимать, что не все люди в состоянии достичь таких интеллектуальных высот. Именно поэтому необходимы терпимость и доброжелательность. Если долг зовёт нас отвлечь умы здравые и сильные от вульгарных сторон религии, то так же необходимо воздержаться и от того, чтоб бросать камни в души страждущие, рыдающие, неспособные усваивать абстрактные понятия и находящие в своей наивной вере поддержку и утешенье.

Как бы то ни было, но число искренно-верующих уменьшается день ото дня. Мысль о Боге, некогда бывшая в душах простой и великой, претерпела вырождение из страха перед адом и, как следствие, потеряла своё могущество. Из-за невозможности подняться к Абсолюту, некоторые люди сочли необходимым приспособить к себе и к своей мерке всё то, что они желали понять. Именно таким образом они принизили Бога до своего собственного уровня, наделив его своими страстями и слабостями, преуменьшив Природу и Вселенную, разложив на разные цвета в призме своего невежества золотой луч Истины. Ясные понятия естественной религии были произвольно затемнены. Вымысел и фантазия породили заблуждение, и оно, застыв в догме, встало препятствием на пути народов. Свет был заслонён теми, кто почитал себя его хранителями, и потёмки, в кои они желали погрузить остальных, сделались в них самих и вокруг них. Догмы извратили религиозное чувство, а сословные интересы исказили чувство нравственное. Отсюда скопище предрассудков, суеверий, злоупотреблений, идолопоклоннических ритуалов, вид коих вверх стольких людей в отрицание.

* * *

XLVI. Согласно Пифагору, материальная эволюция миров и духовная эволюция душ происходят параллельно, согласованно и объясняют друг друга. Великая Душа, разлитая во всей Природе, оживляет материальную субстанцию, вибрирующую под её воздействием, и производит все формы и все живые существа. Разумные существа, посредством длительных и сосредоточенных

усилий, высвобождаются из-под власти материи, над коей они, в свою очередь, начинают господствовать и управлять ею, они добиваются свободы и совершенствуются, переживая бесчисленную последовательность существований. Таким образом, невидимое объясняет видимое, и развитие материального мира есть проявление Божественного Духа.

Как и египетские жрецы, его учителя, Пифагор знал, что планеты порождены Солнцем и что они вращаются вокруг него, что каждая звезда есть солнце, освещающее другие миры и входящее вместе со своей планетной свитой в одну из звёздных систем, в коих бесчисленно множество миров, управляемых теми же законами, что и наш. Но знания эти никогда не вверяли письмам. Они составляли предмет изустного обучения, передаваясь в строжайшей тайне. Обыватель бы их не понял; их сочли бы противоречащими мифам, а стало быть, кощунственными.

Потайная наука учила также тому, что некий неуловимый флюид разлит повсюду и проникает собою все и вся.* Эта действующая сила самого тончайшего свойства, под влиянием воли, изменяется и преобразуется, разрежается и сгущается соответственно силе и степени возвышения душ, пользующихся ею и ткущих себе звёздные одежды из её вещества. Она как бы соединительная чёрточка между духом и материей, и всё – мысли, события – запечатлевается в ней, отражается в ней подобно тому, как предметы отражаются в зеркале. Свойствами этого флюида. действием, оказываемым на него волей, объясняются, например, такие явления, как внушение и передача мыслей на расстояние. Древние аллегорически называли его «таинственным покрывалом Изиды» или «мантией Кибелы», коя окутывает всё живущее. Этот же самый флюид служит средством общения между миром видимым и невидимым, между людьми и бесплотными душами пространства.

* * *

* Йогии называют этот чистейший вид энергии, источник всех остальных проявлений её санскритским словом «прана». (Й.Р.)

XLVII. Оккультная наука составляла одно из важнейших направлений тайного обучения. Из всей совокупности явлений она сумела вывести всеобщий закон отношений, связующих воедино мир земной с миром духов. Обладая собственным методом, она развивала высшие способности человеческой души, что делало для той возможным и чтение мыслей, и виденье на расстоянии. История подтверждает факты ясновиденья и пророчества, исполненные оракулами греческих храмов, сибиллами и прорицательницами. Многие скептически настроенные умы склонны считать эти факты подложными. Несомненно, следует отдать дань преувеличениям и вымыслу, но недавние открытия экспериментальной психологии показали нам, что во всём этом было нечто большее, чем пустые суеверия и досужие домыслы. Открытия эти возлагают на нас обязанность с бóльшим вниманием изучить совокупность фактов, кои в античности основывались на твёрдо установленных правилах и являлись предметом глубокой и пространной науки.

Способности эти встречаются, как правило, лишь у людей с необычайно чистыми и возвышенными чувствами; оне требуют длительной и тщательной подготовки. И Дельфы обладали людьми, наделёнными такими способностями. Оракулы, о которых сообщает Геродот по поводу Крёза и сраженья при Саламине, являются тому подтверждением. Позднее злоупотребленья вкрались в оракульское искусство. Редкость лиц с необходимыми данными вынуждала жрецов быть менее тщательными в их подборе, и постепенно прорицательская наука выродилась и вышла из употребления. По свидетельству Плутарха, исчезновение её переживалось всем античным обществом как величайшее несчастье. Вся Греция верила во вмешательство духов в дела человеческие. Так у Сократа был свой «демон», или дружественный гений.* И когда при

* О знаменитом «демо́не» Сократа говорится во многих работах, Сократу посвящённых; немало упоминает о нём в своих диалогах и Платон; особо затронут этот вопрос в его диалоге «Феаг», ставящем по этой причине всех критиков в крайне затруднительное положение. Но Вл.С. Соловьёв справедливо указывает, что для Сократа и Платона природа этого «демона» выражала некую основную истину, именно то, что «всякое дело внутреннего усовершенствования человека зависит не от людского произвола, не от преходящих добрых желаний, а от чего-то более важного

Марафоне и Саламине греки с оружием в руках отбросили назад ужасающее нашествие персов, их вдохновляло при этом убеждение в том, что невидимые силы поддерживают их усилия. Афиняне утверждали, будто при Марафоне они видели двух светозарных ратников, сражавшихся в их рядах. Десятью годами позже, пифия, вдохновлённая духом, с высоты своего треножника, указала Фемистоклу средства к спасению Греции. И это неслучайно, ведь победа Ксеркса означала бы завоевание и порабощение Эллады варварской Азией, истребление созидательного греческого духа, что, быть может, на две тысячи лет отодвинуло расцвет мысли в её идеальной красоте.* И греки, эта горстка людей, разгромили на голову огромную армию персов, и, сознавая поддержку оккультных сил, они воздавали им почести в храме своей хранительницы богини Афины, кой являлся символом духовной мощи, возвышаясь на скале афинского акрополя, обрамляемого ослепительным морем и грандиозными силуэтами Пентеликона и Гимета.

* * *

XLVIII. Материя, когда её изучают пристально, рассеивается словно дым. Реальность её лишь мнимая, и материя не может дать нам никакого основания для уверенности. Постоянная реальность и уверенность есть лишь в духе. Лишь ему одному мир открывается в своей живой целостности и в своём извечном великолепии. Лишь он один может вкусить и понять гармонию этого мира. Именно в духе Вселенная познаёт себя, отражает себя и обладает собой.

и глубокого, чем мы не можем распоряжаться, а с чем должны сообразоваться. Есть более важный, чем мы сами хозяин в нашем внутреннем доме, — есть у всех, хотя явственно он говорит только таким исключительным людям как Сократ — для блага их собственного и чужого». (Й.Р.)

* В самом деле, в ту пору, о которой идёт речь, Греция была факелом человеческой мысли, воплощением человеческого прогресса, ибо культура греков значительно опережала степень развитости остальных народов Европы, и в человеческой истории уничтожение Греции означало бы трудно обратимый шаг назад. (Й.Р.)

Дух есть более того, он – сокрытая сила, воля, правящая материей и движущая её – *Mens agitat molem* – и сообщающая ей жизнь. Все молекулы, все атомы, как мы сказали, непрестанно движутся и обновляются. Тело человеческое словно жизненный поток, в коем воды сменяют друг друга. Каждая частица замещается другими частицами. Самый мозг подвержен этим изменениям, и всё наше тело полностью обновляется за несколько лет.*

Стало быть, неточно сказать, что мозг производит мысль. Он всего лишь орудие, инструмент её. Наша личность сохраняется через все изменения, неустанно происходящие в теле, и вместе с ней сохраняются наша память и наша воля. В человеческом существе наличествует разумная и сознательная

* Это замечание совершенно справедливо. Например, Йога всегда учила, а данные современной науки подтверждают это, что материя, составляющая наше тело, целиком и полностью обновляется за определённый промежуток времени. Так атомы молекул, составляющих кровь, замещаются за период от нескольких мгновений до нескольких дней; молекул, составляющих различные ткани – за период от нескольких дней до нескольких месяцев; всего дольше поддерживается материальный состав костных тканей, на полное обновление которых требуется от нескольких месяцев до нескольких лет. Таким образом, выходит, что материя, составляющая тело человека, обновляется целиком и полностью за средний срок в полтора года, т.е. за это время в его тканях не остаётся ни одного атома, бывшего в них эти полтора года назад. И если допустить, что человек есть тело, а этому и учит современная материалистическая наука, то получится, что за средний срок в полтора года человек перестаёт быть самим собой, превращается в совершенно другого человека, в другую личность. Неверное допущение в начале приводит материалистов к абсурдным выводам, впрочем сами до последних они не доходят, поскольку просто не думают над такими вещами. Возвращаясь к нашему предмету: хотя материя в человеке всецело обновляется, замещаясь другой, он тем не менее продолжает оставаться самим собой, ощущая себя некой постоянной личностной целостностью, что опровергает все теории материалистов и убедительно показывает, что дух независим от материи и что он стоит выше её. Всякий детский лепет материалистов о так называемой «постепенной адаптации» атомов, молекул и клеток к общей системе организма наивен и неуместен, поскольку он не может объяснить сохранение индивидуальности человеческого «Я». (Й.Р.)

сила, правящая гармоничным движением материальных атомов согласно потребностям существования; некая суть, некое начало, возвышающееся над материей и переживающее её.

То же самое и со всей совокупностью вещей. Материальный мир есть лишь внешний облик, изменчивая видимость, проявление вещественной и духовной действительности, обретающейся внутри его. Так же как человеческое «я» заключено не в переменчивой материи, но в духе, так и «Я» Вселенной заключается не в совокупности планет и звёзд, её составляющих, но в сокрытой Воле, в невидимой и нематериальной Силе, правящей её скрытыми пружинами и определяющей её развитие.

Материалистическая наука видит лишь одну сторону вещей. В бессилии своём определить законы Вселенной и Жизни, она, однажды изгнавшая всякое предположение и строящаяся лишь на голых фактах, также оказалась вынужденной выйти за пределы ощущения и опыта и прибегнуть к предположению, для того чтоб дать какое-то объяснение природным законам. Именно это она и сделала, приняв за основу физического мира атом, не воспринимаемый нашими органами чувств.*

* * *

* Неделимость атома спокон веку была сутью всего материализма («атомос» по-гречески значит «неделимое»), и поэтому, с той поры, как наукой было доказано, что и этот кирпичик мироздания также, в свою очередь, делится и подразделяется на ещё более мелкие элементы, материализм и строящиеся на его основе теории потеряли под собою всякую почву, свой *raison d'être*, и остаётся только удивляться их упрямой живучести после нанесённого им смертельного удара, тем более ужасного, что сделан он был совершенно неожиданно и рукою своих же друзей-естествоиспытателей. Если при этом материалисты надеются парировать сыплющиеся на них новые удары шпагою диалектики, то им следует знать, что у шпаги этой – клинок обоюдоострый. И поэтому им, отбиваясь от ударов в тумане, напущенном ими на понятие материи, следует быть готовыми к тому, что они не поранят никого, кроме самих себя. (Й.Р.)

XLIX. Если б мир был всего лишь смещением материи, управляемой слепой силою, т.е. *случаем*, то тогда не было б этой равномерной, постоянной последовательности тех же самых явлений, совершающихся по установленному порядку; не было б этой искусной приспособляемости средств к цели, этой гармонии законов, сил, соотношений, проявляющейся во всей Природе. Жизнь оказалась бы случайностью, исключительным фактом, а не явлением общего порядка. Нельзя было б объяснить этого стремленья, этого побужденья, во все века, с мига появленья изначальных простейших существ, направляющего жизненный поток по лестнице эволюции к формам всё более совершенным.

Слепая, бессознательная, лишённая цели, как бы материя могла разнообразить себя, как бы могла она развиваться во вселенском масштабе, необъятные черты коего вырисовываются всякому внимательному наблюдателю? Как бы могла она согласовать частицы свои, свои молекулы друг с другом таким образом, чтобы те составили все чудеса Природы, начиная от миров, населяющих бесконечное пространство, и кончая органами человеческого тела: мозгом, глазом, слуховым аппаратом; кончая насекомым, птицей, цветком?

Успехи геологии и предъисторической антропологии пролили новый свет на историю первоначального мира; но надеждам материалистов найти себе точку опоры, поддержку своим теориям в законе эволюции существ не суждено было оправдаться. Из исследований этих проступает идея самая главная, и это – уверенность в том, что слепая сила нигде не господствует безусловным образом. Напротив того, именно ум, воля, разум повсюду торжествуют и царствуют. Одной только грубой силы не хватило бы для того, чтоб обеспечить сохранение и развитие видов. И среди живых существ обладателем Земли и покорителем природы стал не самый сильный, не самый физически вооружённый, но наиболее одарённый в умственном отношении.

Мир, с самого своего возникновения, ступает ко всё более высокому состоянью вещей. Закон прогресса проступает чрез все эпохи, как в последовательных преобразованиях Земли, так и в этапах развития человечества. Некая цель угадывается

во вселенной, цель, к коей всё движется, всё развивается, как живые существа, так и неодушевлённые предметы; и цель эта есть Благо, Добро. История Земли наиболее красноречивое тому свидетельство.

Нам, без сомнения, возразят, что за всем стоят борьба, страдание и смерть. На это мы ответим, что усилие и борьба являются самими условиями прогресса. Что же касается смерти, то она не есть небытие, как мы докажем в дальнейшем, но вступление живого существа в новую фазу развития. Из изучения природы и анналов истории рельефно выступает тот основательный факт, что есть единая Причина всему сущему, и, чтоб познать эту причину, нужно подняться выше материи, вплоть до разумной сути, до этого живого и сознательного закона, объясняющего нам строй Вселенной, как опыты современной психологии объясняют нам проблему жизни.*

* * *

Л. О философском учении судят прежде всего по его нравственным выводам, по тому влиянию, кое оно оказывает на общественную жизнь. И с этой точки зрения, теории материалистические, основанные на фатализме, не способны служить побуждающей силой к нравственной жизни, освящением законов совести. Чисто механическое понятие, которое оно даёт о мире и жизни, уничтожает идею свободы и, стало быть, ответственности. Из борьбы за существование они делают непреклонный закон, согласно коему слабые должны пасть под ударами сильных — закон, навсегда изгоняющий из жизни царство

* Всякий раз, как мыслитель-материалист говорит о существовании у жизни, жизни в смысле самом общем и отвлечённом, цели, и тем более, разумной цели, он тем самым контрабандой и под вымышленным именем протаскивает в свою систему идею о Боге, ибо у неразумной и никем не управляемой материи не может быть ни цели, ни смысла, ни разумности. (И.Р.)

мира, общности интересов и братства людей. Проникая в умы, теории эти могут вызвать у счастливых лишь безразличие и эгоизм, у обездоленных — отчаянье и жестокость, и безнравственность — у всех.*

Несомненно, есть честные и порядочные материалисты и добродетельные атеисты, но всё это отнюдь не из-за строгого следования своим учениям. Если они таковы, то лишь вопреки своим мнениям, а не благодаря им; причиной тому тайное побуждение их природы, а также то, что совесть их сумела устоять перед всевозможными софизмами такой философии. Из всего этого неизбежно следует, что материализм, отрицая свободу воли, делая из интеллектуальных способностей и моральных качеств лишь следствие свойств химических комбинаций, секрции серого вещества мозга, рассматривая гениальность как невроз, тем самым унижает человеческое достоинство, отнимает у жизни её высокий смысл и возвышенный характер.**

* * *

II. Проникшись убеждением, что за пределами текущей жизни нет ничего, что нет справедливости иной, кроме справедливости людей, каждый может сказать самому себе: «Зачем бороться и страдать? Для чего жалость, смелость, правдивость? Чего ради сдерживать себя и обуздывать свои аппетиты, свои желанья? Если человечество предоставлено

* Материализм опирается на неверие, предлагает человеку небытие как смысл его жизненного движения и эгоизм как утешение; помимо того, он ничего не объясняет и ничего не способен доказать. (Й.Р.)

** Свами Анантананда говорит: «Быть материалистом значит считать, будто тело и есть сам человек, и сводить человека единственно к телу. Тому, кто придерживается такого взгляда, не избежать и соблазна смешать человека с содержимым его кишечника, что многие и делают. Воистину ассенизаторская философия! Каких только скотств и преступлений ни ожидать от неё! Позор вам, материалисты!» (Примеч. Й.Р.)

самому себе, если нигде и ни в чём нет разумной, беспристрастной власти, которая судит его, направляет, поддерживает, то какой помощи может ожидать оно? Чья поддержка облегчит ему тяжесть испытаний?»

Если во Вселенной нет ни разума, ни справедливости, ни любви, ничего, помимо слепой силы, которая давит и сжимает живые существа и миры в тисках бессмысленной, бездушной, бессознательной судьбы, то идеалы, благо, нравственная красота суть всего лишь иллюзии и ложь. И тогда уже не в них, но в грубой и скотской действительности, не в долге, но в чувственном наслаждении должно человеку видеть цель жизни, и чтоб достичь её, он должен безжалостно растоптать пустую чувствительность и никчёмную щепетильность.

Если мы приходим из небытия, чтобы вернуться в небытие, если та же участь, то же забвение ожидает преступника и мудреца, эгоиста и любящего, если лишь по прихоти случая одним на долю выпадают исключительно страдания, а другим достаются радости и почести, тогда позволительно провозгласить надежду химерой и оставить страждущих без утешенья, а жертв судьбы без справедливости. Человечество вращается, влекомое движеньем земного шара, без цели, без ясности, без нравственного закона, постоянно обновляясь рождением и смертью – двумя крайностями, между коими человек мечется и исчезает, оставив после себя след не больший, чем искра в ночи.

Под влияньем таких учений, совести остаётся только умолкнуть и уступить место грубому инстинкту; дух расчёта должен заместить энтузиазм, а любовь к наслаждению – благородные устремленья души. И тогда каждый будет думать лишь о себе. Несчастных станут осаждать отвращенье к жизни и мысли о самоубийстве. У обездоленных не будет ничего, кроме ненависти к имущим, и в своей ярости они разнесут в куски эту грубую материальную цивилизацию.

Но нет, мысль, разум с трепетом и дрожью восстанут и протестуют против этих учений одиночества и отчаянья. Человек, говорят они нам, борется, трудится, страдает не для того, чтоб исчезнуть в небытие; материя – это ещё не всё; есть также законы,

стоящие выше её, законы порядка, строя и гармонии, и вся Вселенная не есть всего только бездушный и лишённый сознания механизм.*

* * *

III. Как бы слепая материя могла управлять собой по умным и мудрым законам? Как бы лишённая разума, чувства, смогла она произвести существ, наделённых разумом и чувством, способных отличать добро от зла, справедливое от несправедливого? Как! душа человеческая, способная любить вплоть до самопожертвования, душа, в коей запечатлено чувство прекрасного и доброго, и она вышла из стихии, не наделённой этими качествами ни в малейшей мере? Мы чувствуем, любим, страдаем, и мы исходим от причины, коя глуха, бесчувственна и нема? Мы, стало быть, совершеннее и лучше, нежели она сама?

Рассуждать таким образом значит оскорблять логику. Невозможно предположить, чтоб часть была больше целого, чтобы рассудок мог произойти от причины, начисто лишённой рассудка, чтобы мёртвое порождало живое и чтобы Природа, лишённая

* Материализм – это ограничение, ограничение зрения зрителя и ума мыслителя, но воспринимаемое им не как собственный недостаток, а как реальная граница внешнего. Это – очки, о которых он забыл и забыл, что они сидят у него на носу, но думает, будто они – оболочка внешнего мира, на который он смотрит. Как только материалист снимет эти очки, устранив это ограничение, т.е. перестанет отрицать реальность мира духовного и действительность вещей духовного порядка, материализм сразу исчезнет, а все достижения его науки органически вольются в то цельное знание, от которого их искусственно отделили. Противопоставлять Демокрита Платону, или наоборот, значит не понимать ни Платона, ни Демокрита. В морали они совершенно тождественны, а в остальном – Платон занимается изучением мира идей, а Демокрит – мира материи. Ни одно, ни другое не исключают друг друга, но лишь дополняют, ибо стоят они на разных иерархических уровнях. (И.Р.)

всякой цели, могла породить существ, способных преследовать какую-либо цель.

Напротив того, здравый смысл говорит нам, что если рассудок, любовь к добру и красоте есть в нас, то лишь потому, что они происходят от первопричины, обладающей ими в несравненно большей степени. И если во всём проявляется порядок, если некий план угадывается во всём мироздании, то это значит, что их разработала некая мысль, что их задумал некий разум.

* * *

ЛIII. Но если идея небытия подчиняет нас себе, если мы верим в то, что у жизни нет завтрашнего дня и что со смертью кончается всё, то тогда, чтобы быть логичными, мы должны признать, что надо всеми прочими чувствами должны главенствовать заботы материального существования и личная выгода. И что нам в таком разе за дело до будущего, коего нам не суждено знать?! Как можно тогда говорить нам о прогрессе, реформах, о жертвах, коих от нас ожидают? Если существование наше всего лишь короткое мгновение, то нам остаётся только пользоваться наличествующей минутой, вкушать её радости и оставить в стороне страдания и обязанности. Таковы выводы, к которым неизбежно приводят материалистические теории, выводы, которые мы постоянно слышим вокруг себя и коих применение мы видим ежедневно.

Каких только злодейств и опустошений ни ожидать от эдаких доктрин, распространившихся на лоне богатой цивилизации, уже и теперь очень развитой в смысле роскоши и физических наслаждений?

* * *

LIV. Ещё выше, нежели проблемы жизни и судьбы, проступает вопрос о Боге.

Если мы изучаем законы Природы, если мы ищем идеальную красоту, коей вдохновляются все искусства, то повсюду и всегда, надо всем и по ту сторону всего, мы встречаем идею о высшем, необходимом и совершенном Существе, извечном источнике добра, красоты и истины, с коим отождествляются закон, справедливость, высший разум.

Мир, физический и нравственный, управляется законами, и законы эти, установленные по некоему плану, позволяют обнаружить глубокий ум в вещах, ими управляемых. Законы эти не исходят из какой-то слепой причины, лишённой сознания и цели: хаос и случай не смогли бы произвести порядка, строя и гармонии. Законы эти не исходят от людей: существа мимолётные, ограниченные во времени и пространстве, не в состоянии создать постоянные и вселенские законы. Чтоб логично объяснить их, нужно подняться ввысь, вплоть до Высшего Существа, создателя всего и вся. Мы б не смогли помыслить и понять разум, не олицетворив его в некоем существе, но существо это не является ещё одним среди прочих ему подобных существ. Оно есть Отец всех остальных, самый источник жизни.* Личность не должна пониматься здесь в смысле некоего существа, наделённого формой, но скорее как совокупность способностей, составляющих сознательное целое. Личность, в самом высоком значении этого слова, — это сознание, это совесть, и именно в этом смысле Бог является лицом, или, вернее, абсолютной личностью, но не существом, имеющим форму и поставленные ему пределы. Бог бесконечен

* В Бога верить нельзя, так же как нельзя верить в существование души и её бессмертие. Верить можно только во что-то нелепое, но бытие Бога, существование души и бессмертие её — это не нелепость, поскольку принципы эти доказываются строгой логикой мысли, а стало быть, они и не предмет веры, а предмет знания. Напротив, само по себе допущение о самостоятельности материи, о её способности порождать сознание, допущение о порождении живого неживым и тому подобное — является логической нелепостью, и поскольку это абсурд, то это допущение и требует веры. (Й.Р.)

и не может быть индивидуализирован, т.е. быть отделён от мира или существовать обособленно.*

Касательно же того, чтоб не интересоваться изучением первопричины, считая, как выражаются позитивисты, изучение это бесполезным, а первопричину непознаваемой, давайте зададимся вопросом, в самом ли деле позволительно уму серьёзному довольствоваться незнанием законов, кои управляют условиями его существования? И тогда необходимость Богопознания возникнет перед нами сама собой. Богопознание есть не что иное, как изучение Великой Души, первоосновы жизни, одушевляющей Вселенную и отражающейся в каждом из нас. Всё становится второстепенным, когда речь заходит о первооснове вещей. Мысль о Боге неотделима от идеи закона, и в особенности нравственного закона, и ни одно общество не может ни жить, ни развиваться без знания нравственного закона. Вера в некий высший идеал справедливости укрепляет совесть и поддерживает человека в его испытаниях. Она есть утешенье, надежда страждущих, надёжнейшее прибежище угнетённых, покинутых и одиноких. Подобно утренней заре освещает она ласковыми лучами души несчастных.

Без сомнения, существование Бога нельзя доказать прямыми и осязаемыми доводами, поскольку Бог не подпадает под восприятие наших органов чувств.** Божество сокрылось под таинственным покровом, быть может, для того, чтоб заставить нас искать Себя, в чём заключается самое благородное и самое благодатное упражненье для нашей мысли, а также для того, чтоб заслуга отыскания его целиком досталась нам. Но в нас есть некая сила, некий верный инстинкт, влекущий нас к Богу

* Бог — это душа, воля, информация и музыка Вселенной. Но это не определение, это всего лишь попытка к пониманию: Бога нельзя определить: Он безграничен, и не существует определений, способных исчерпать Его свойства, или атрибуты. (Й.Р.)

**Свами Абхедананда указывает: «То, что постоянно делает ощущение возможным, никогда не может быть обнаружено органами чувств, ибо органы эти суть лишь открытые двери для наших ощущений».. (Примеч. Й.Р.)

и подтверждающий нам Его существование убедительней всех доказательств и всевозможных анализов.*

* * *

LV. Быть может, нам возразят, указав на то, как зловеще религия пользовалась идеей о Боге. Но какое реальное значение могут иметь те или иные формы, коими люди в силу своего непонимания наделяли Божество? Ныне боги прошлых веков для нас лишь иллюзия, порождённая немощным разумом в пору общественного детства, поскольку формы эти – поэтические, прекрасные или безобразные – соответствовали вполне тому сознанию, которое их помыслило. Более зрелая мысль человеческая отделилась от этих устарелых понятий; она позабыла этих призраков и совершённые во имя их злоупотребления, чтобы в более стремительном порыве унести к Вечному Разуму, к Богу, Мировой Душе, вселенскому очагу Жизни и Любви, в коем мы ощущаем себя живущими подобно тому, как птица живёт в воздухе, как рыба живёт в океане, и чрез который мы связаны со всем, что есть, что было и что будет.

* * *

LVI. Повсеместно, плодovitость, не знающая границ, вершит сотворенье новых существ. Природа пребывает в постоянных родах. Точно так же, как будущий колос таится в сегодняшнем зерне, дуб – в жёлуде и роза – в бутоне, так и созиданье грядущих миров

* И теист, и атеист – оба верующие. Разница между ними та только, что один верит в существование высших сил, а другой верит в их несуществование, но ни тот, ни этот тезис свой доказать не может. Это под силу лишь тому, кто знает, а не верует; но тот, кто знает, никогда не стоит по ту или иную сторону болтливой баррикады. (Й.Р.)

непрестанно свершается во глубине звёздных небес. Повсюду жизнь порождает жизнь. Со ступени на ступень, от вида к виду, путём непрерывной связи и развития, она поднимается от простейших, самых рудиментарных организмов вплоть до мыслящего и наделённого сознанием существа, одним словом, до человека.

Некое мощное единство правит миром. Одна единая субстанция – эфир или мировой флюид [*акаша*, если говорить в терминах оккультной индийской мысли, – *Й.Р.*] – образует в своих бесконечных преобразованиях бесчисленное разнообразие материальных тел и предметов. Элемент этот вибрирует под действием космических сил. Соответственно скорости и числу своих вибраций он производит теплоту, свет, электричество и магнетический флюид. Стоит этим вибрациям сгуститься, как сразу же образуются физические тела.

И в извечных обменах все формы эти увязываются друг с другом, все силы эти уравнивают одна другую, сочетаются друг с другом в некоторую тесную общность. Очистка, утончение материи, восхождение силы и мысли совершаются в гармоническом ритме от минерала к растению, от растения к животному и человеку. Верховный закон управляет по единообразному плану проявлениями жизни, тогда как невидимая связь соединяет в одно целое все миры и все души.

Из трудов существ и вещей проступает некое единое стремление – стремление к бесконечности, к совершенству. Все действия, кажущиеся расходящимися, в действительности сходятся в одном центре, все цели совпадают друг с другом, составляют единое целое и развиваются к единой великой цели – к Богу! Богу – средоточию всякой деятельности, конечной цели всякой мысли и всякой любви.

Изучение природы повсеместно обнаруживает пред нами действие некой скрытой воли. Повсюду материя повинует некой силе, которая над ней господствует, организует её и направляет. Все космические силы сводятся к движению, и движение – это Бытие, это Жизнь. Материализм объясняет сотворенье мира слепым танцем атомов и их случайным сближением. Но разве кто-нибудь когда видел, чтоб буквы алфавита, брошенные наугад, сами собой выстроились в поэму? И в какую поэму! в такую как вселенская жизнь! Видел ли

когда кто-нибудь, чтоб скопление строительных материалов само по себе построило здание внушительных размеров или же сложную машину со множеством деталей? Предоставленная самой себе, материя не может ничего. Лишённые сознания и слепые, атомы не смогли б устремиться ни к какой цели. И гармония мира может быть объяснена лишь вмешательством некоей воли. И воля эта проявляется в строе Вселенной именно посредством действия на материю сил, посредством существования мудрых и глубоких законов.

* * *

LVII. На это часто возражают тем, что не всё гармонично в Природе. Говорят, что если она и творит чудеса, то она же порождает и чудовищ, производит уродов. Добро повсюду бок о бок соприкасается со злом. Если медленная эволюция вещей, повидимому, и подготавливает мир к тому, чтоб он стал театром жизни, то не следует всё же упускать из виду напрасную трату жизней и ожесточённую борьбу существ между собой. Не следует забывать, что землетрясения, изверженья вулканов временами опустошают нашу планету и в несколько мгновений разрушают труды многих поколений.

Да, бесспорно, и в творчестве природы есть свои неудачи и просчёты – несчастные случаи, но просчёты эти никоим образом не исключают идеи порядка, конечной цели; напротив того, они приходят на помощь нашим положениям, ибо мы можем спросить, почему тогда всё не есть просчёт, всё не есть несчастный случай?

Связь причин и следствий, приспособление средств к цели, согласованность работы органов тела, их адаптация к среде, к условиям жизни – очевидны и явны. Деятельность Природы, во многом сходная с деятельностью человека, но в то же время бесконечно превосходящая её, доказывает существование некоего плана, по коему всё развивается, а применение средств, которые способствуют его осуществлению, недвусмысленно указывает на некую оккультную причину, беспредельно мудрую и всемогущую. Что касается возраженья о врождённых уродствах, то оно вызвано просто

недостатком наблюдательности. Уроды суть не более как ростки, сбившиеся с истинного пути. Если человек, упав, сломал себе ногу, то позволительно ли возлагать ответственность за это на Природу и Бога? Точно так же, вследствие каких-то несчастных случаев, потрясений и нарушений, происшедших в пору вынашивания, с зародышами могут произойти какие-то отклонения от нормы ещё в утробе матери. Мы привыкли отсчитывать жизнь с мига рожденья, т.е. появления человека на свет, но в действительности жизнь имеет свою точку отсчёта куда более раннюю.

Довод, выведенный из существования жизненных бедствий, основан на ложном истолковании смысла жизни. Последняя отнюдь не предназначена для того, чтоб доставлять нам одни только приятности: полезно, просто необходимо, чтоб она выдвигала пред нами также и трудности. Все мы рождены для того, чтоб умереть, и всё же мы удивляемся, что некоторые умирают из-за несчастных случаев! Существа мимолётные в этом мире, из коего мы не уносим ничего с собой в мир иной, мы сетуем об утрате благ, кои потерялись бы сами собой в силу природных законов! И ведь все эти ужасные события, эти катастрофы, эти бедствия несут в себе некий урок. Они напоминают нам о том, что не столько приятностей следует ожидать нам от Природы, сколько в основном вещей полезных для нашего духовного роста и продвиженья; о том, что мы пришли в этот мир не за тем, чтоб наслаждаться и дремать в праздности и покое, но для того, чтоб бороться, трудиться, биться за прогресс миров и людей. Они говорят нам, что человек не создан единственно для Земли, но что ему следует смотреть выше, привязываться к вещам материальным лишь в должную меру и понимать то, что жизнь его не будет разрушена смертью.*

* * *

* Эразм Роттердамский в «Разговорах запросто» указывает: «Человеку ничто не достаётся без труда в этой жизни, и что бы мы ни приобрели, какими бы трудами ни приобретали, всё приходится оставлять здесь. Так как же может он лениться потрудиться ради мудрости, этой величайшей драгоценности, добрые плоды которой последуют за ним и в будущую жизнь?!» (Примеч. И.Р.)

LVIII. Учение об эволюции не исключает учения о первичных и конечных причинах. Самая возвышенная идея, какую только можно помыслить о Творце, это предположить Его создавшим такой мир, каковой способен развиваться своими собственными силами, а не с помощью непрестанных вмешательств и нескончаемых чудес.

Наука по мере своего продвиженья в познании Природы смогла отодвинуть Бога на задний план, но Бог, отодвинувшись, стал только ещё величественней. Вечное Существо, с точки зрения теории эволюции, стало поиному великим, нежели фантастический бог «Библии». Что наука навсегда уничтожила, так это понятие о человекоподобном Боге, созданном по образу и подобию человека и внешнем по отношению к физическому миру. Понятие более высокое, нежели это, пришло на смену ему: и это понятие об имманентном, т.е. пребывающем в самом себе Боге, постоянно присутствующем внутри вещей. Идея о Боге для нас сегодня более не выражает идею какого-то неопределённого существа, но Существа, кое содержит в себе все остальные существа. Вселенная больше не есть сотворение, о котором говорят религии, не произведение, извлечённое Создателем из небытия. Вселенная – это безмерно-огромный организм, одушевлённый вечной жизнью. Так же как наше с вами тело управляется некоей центральной волей, которая руководит его движениями и действиями; так же как каждый из нас чрез все измененья, происходящие в его теле, ощущает себя живущим в некоторой постоянной целостности, кою мы называем «душою», «сознанием», «личным Я», так и Вселенная, сквозь все изменчивые, бесконечно разнообразные, бесчисленные формы, познаёт себя, отражает себя, обладает собой в некой живой целостности, в некоем разуме и сознании, каковой и есть Бог. Высшее Существо находится не вовне этого мира; оно есть неотъемлемая, важнейшая часть его, и потому Оно внутри его. Оно есть центральная целостность, к коей приводят все отношения и в которой они гармонизируются; Оно – основа общности и любви, чрез кою все существа суть братья. Оно есть очаг, из которого исходят и распространяются в бесконечность все нравственные силы: Мудрость, Справедливость, Доброта!

Нет, стало быть, самопроизвольного, чудесного сотворения; сотворение постоянно, без начала и конца. Вселенная существовала всегда; она обладает в себе самой принципом силы и движения; она в себе самой несёт цель свою. Мир неустанно обновляется в своих частях; в своей же целостности он вечен. Всё преобразуется и развивается в постоянной смене жизни и смерти, но ничто не погибает. Тогда как в небесах меркнут и угасают солнца, тогда как старые миры распадаются и исчезают, в других местах пространства в то же самое время создаются новые солнечные системы, зажигаются звёзды, нарождаются на свет миры. Бок о бок с дряхлостью и смертью, новые человечества расцветают в вечном обновлении.

Великое дело продолжается в бездне пространств и времён трудом всех существ, объединённых общностью интересов на благо каждого из них. Вселенная являет собою захватывающее зрелище непрестанной эволюции, в коей участвуют все. Незыблемый закон правит этим великим свершеньем, и это – вселенское единство, божественное единство; оно обнимает, связует, направляет все индивидуальности, все отдельно взятые деятельности, устремляя их к общей цели, которая есть совершенство в полноте существования.

* * *

LIX. Если б человек обладал умением сосредоточиться и изучить себя, если б он отдалял от души своей всякую тень, какую накаплиют в ней страсти; если б, прорвав толстый покров, коим окутали его предрассудки, невежество и софизмы, он спустился во глубь своей совести и своего разума, то он нашёл бы там внутреннее жизненное начало, противостоящее жизненному началу внешнему.* Внутренняя жизнь эта позволила б ему вступить в отношения со всей природой, со вселенной и Богом и дала б ему

* Именно этому учит человека Йога, и те, кто следует её учению, заняты именно этим. Всё остальное – видимость. (Й.Р.)

вкусить от той жизни, что уготована ему загробным будущим и высшими мирами. Там же есть таинственная книга, в коей все деянья его, добрые и злые, записываются невидимой рукою, в коей все факты жизни его запечатлеваются в неизгладимых буквах, чтоб возникнуть пред ним с ослепительной ясностью в час смерти.

Порою некий могучий и властный голос, какое-то строгое и серьёзное пенье исходит из этих глубин существа, раздаётся посреди легкомысленных занятий и забот нашей жизни, чтоб напомнить нам о долге. И горе тогда тому, кто откажется сему голосу внять! Настанет день, когда угрызенья совести научат его тому, что нельзя безнаказанно пренебрегать её предупреждениями.

В каждом из нас есть сокрытые источники, из коих могут брызнуть неиссякаемые воды жизни и любви, добродетели, силы. И именно там, в этом внутреннем святилище следует искать Бога. Бог внутри нас, или, по крайней мере, внутри нас есть отраженье Его. А то, чего нет, не смогло б отразиться. Души отражают Бога подобно каплям утренней росы, отражающим солнечный свет, каждая согласно степени своей чистоты.

Именно чрез это внутреннее восприятие, а не чрез опыт органов чувств, гениальные люди, великие миссионеры, пророки познали Бога и законы Его и поведали их народам земли.

* * *

LX. Можно ли ещё далее, чем дерзнули мы, продолжать определение Бога? Определить значит ограничить. Пред лицом сей великой проблемы слабость человеческая проступает самым недвусмысленным образом. Бог является нашему уму, но ускользает от всякого анализа. Существо, наполняющее время и пространство, никогда не может быть обмерено существами, ограниченными временем и пространством. Желать определить Бога – это значило бы желать Его ограничить и тем самым – почти что отрицать Его.

Вторичные причины вселенской жизни объясняются, но первопричина остаётся неуловимой в своей необъятности. Постичь

её нам удастся лишь после того, как мы многократно пересечём порог смерти.

Всё, что мы можем сказать, подводя итоги, это то, что Бог есть Жизнь, Разум, Сознание, Совесть во всей их полноте. Он вечно действующая сила всего сущего, вселенская общность, в коей каждое существо черпает своё существование, для того чтоб впоследствии, по мере возрастающих своих способностей и своего возвышения, содействовать гармонии Целого.

Вот мы уже и далеко от Бога всех религий. Бога «сильного и ревнивого», окружающего себя громами и молниями, требующего кровавых жертв и наказующего до скончания вечности. Человекоподобные боги отжили свой век. Ещё говорят о некоем боге, коего наделяют человеческими слабостями и страстями, но царство этого бога уменьшается день ото дня.

До сих пор человек видел Бога лишь сквозь своё собственное существо, и идея, которую он себе о Нём составлял, изменялась в зависимости от того, какую из способностей своих он Его созерцал. Рассматриваемый сквозь призму чувств, Бог множествен; все силы природы суть боги; так родился политеизм. Видимый рассудком, Бог двойствен: дух и материя, отсюда дуализм. Чистому разуму Он представляется тройственным: душа, дух и тело. Такое понимание дало рождение тройственным религиям Индии и христианству. Но постигнутый волей, воспринятый извнутренним постижением — качество это, как и все духовные способности, приобретает лишь медленно и постепенно — Бог Един и Абсолютен. В Нём три основополагающих начала Вселенной соединяются, чтоб составить живую целостность.

Таким вот образом объясняется разнообразье религий и систем, кои были тем более возвышенны, чем чище и чем просвещённей были умы, их задумавшие. Когда вещи рассматриваются с высоты, противостоянье идей, религий и исторических фактов объясняется само собой и они примираются в высшем слиянии.

* * *

LXI. Существо, бесконечное и абсолютное само по себе, делается относительным и конечным для существ, Им порождённых. Оно непрестанно раскрывается им во всё новых видах по мере того, как души их продвигаются и возвышаются. Бог пребывает в постоянной связи со всеми существами. Он проникает их духом Своим и объемлет их любовью Своей, дабы соединить их воедино и тем самым помочь им осуществить Его замыслы.

Откровение Его, или, вернее, воспитанье и поученье, кое Он даёт человечествам, происходит постепенно и с нарастающей силой чрез посредство Великих Духов. Вмешательство Провидения проявляется в истории появлением в соответствующие эпохи среди этих человечеств избранных душ, коих задача заключается во введении в миры, в которых оне родились, новшеств и открытий, призванных ускорить прогресс этих человечеств, и в преподании им правил нравственного порядка, необходимых для возрождения обществ. Что касается конечного растворенья всех существ в Боге, то друидизм, например, ускользал от него, делая из «кевганта», самого верхнего и внешнего круга, опоясывающего все остальные круги, исключительное обиталище Божества. Эволюция и прогресс душ, продолжаясь в смысле бесконечного, не может иметь конца.

* * *

LXII. Ну, а нравственное зло, скажут нам, порок, преступленье, невежество, торжество дурных и поражение справедливых, как их объясните вы?*

* Эпикур справедливо говорит и со здоровой логикой ставит вопрос: «Мы должны признать, что Бог или хочет удалить зло из мира и не может, или может и не хочет, или, наконец, и может и хочет. Если Он хочет и не может, то Он не всемогущ, то это – бессилие, что противно природе Бога. Если Он может и не хочет, то это свидетельство злой воли, что не менее противно природе Бога. Если Он и хочет, и может, что является единственным из предположений, которое может быть применено к Богу, то почему же в таком случае на земле существует зло?» Ответ на этот вопрос содержится ниже. (*Примеч. Й.Р.*)

Прежде всего, на какую точку зрения вы становитесь для того, чтоб судить об этих вещах? Ведь если человек видит лишь тот незначительный клочок земли, на коем он обитает, если он рассматривает лишь своё скороспешное прохождение в этом сегодняшнем мире, то откуда ему тогда знать вечный и вселенский порядок? Для того, чтоб взвесить добро и зло, правду и ложь, справедливость и несправедливость, надобно выйти за узкие рамки нынешней своей жизни и рассмотреть всю совокупность наших судеб. И тогда зло представится как состояние переходное, присущее нашему земному миру, как одна из низших ступеней на лестнице эволюции существ, восходящих к добру. И не в нашем мире, не в наше время следует искать совершенный идеал, но в необъятности миров и вечности времён.

Однако, если наблюдать за медленной эволюцией видов и рас на протяжении разных эпох; если рассматривать человека доисторических времён, эту человекоподобную обезьяну, жившую в пещерах, наделённую дикими и свирепыми инстинктами, и условия её жалкой жизни, а затем сравнить эту исходную точку с результатами, достигнутыми современной цивилизацией, то тогда будет ясно видно постоянное стремление живых существ и вещей к идеалу совершенства. Сама очевидность доказывает нам это: жизнь постоянно улучшается, преобразуется и обогащается, сумма добра непрестанно возрастает, а зла – уменьшается.

И если в этом продвижении к лучшему состоянию вещей и наблюдаются порой периоды спада, остановок и иногда даже отступлений назад, то не следует забывать, что человек свободен, что он по собственному усмотрению может направить себя в ту или иную сторону. Совершенствование его возможно, лишь когда воля его согласуется с законом.

Зло, как противопоставление божественному закону, не может быть созданием Бога: оно, стало быть, создание человека, следствие его свободы. Но зло, как и тень, не имеет собственно бытия: оно есть скорее эффект контраста. Тьма рассеивается пред светом; точно так же и зло исчезает, лишь только появляется добро. Зло, тем самым, не что иное, как просто отсутствие добра.

Порою говорят себе, что Бог мог бы создать души совершенные и тем избавить их от пороков и нечистот земной жизни. Не распространяясь о том, мог ли бы Бог создать существ, подобных Ему, мы ответим на это тем, что в таком случае жизнь и деятельность во Вселенной, разнообразье, труд и прогресс не имели б больше ни смысла, ни цели; мир застыл бы в своём неподвижном совершенстве. И разве достойная восхищенья эволюция существ во времени не предпочтительней унылого и вечного покоя? И благо, коего мы не заслужили и не завоевали собственными силами, будет ли оно для нас действительно благом, и, достигнув его без усилий, сможем ли мы оценить его по достоинству?

Пред просторной перспективой наших существований, каждое из коих есть борьба за приближенье к божественному свету; пред этим грандиозным восхождением существа, поднимающегося с круга на круг к совершенству, проблема зла исчезает.

Выйти из низших областей материи и пройти по всем ступеням иерархии духов, освободиться от ига страстей и завоевать одну за другой все добродетели, все науки – такова цель, ради коей Провидение создало души и построило миры, эти театры, предназначенные служить сценой для наших битв и трудов.

Так будем же верить в Него и благословлять Его! Будем верить в это великодушное Провидение, всё сделавшее и создавшее к нашему благу; будем помнить о том, что там, где мы усматриваем просчёты и промахи в его творении, там в действительности всего лишь мненье, порождённое нашим невежеством и недостаточностью нашего разума. Уверуем же в Бога, великого Духа Природы, Он – залог окончательного торжества справедливости во Вселенной. Будем доверять мудрости Его, уготовляющей возмещенья всем страданиям, радости всем печалям, и будем с твёрдым сердцем ступать к судьбам, кои Он для нас предназначил.

Прекрасно, утешительно и приятно мочь итти по жизни, подняв чело к небесам и зная, что даже в бурю и в ураган, среди самых жестоких испытаний, в глубине карцеров как и на краю пропастей, Провиденье, Божественный Закон парит над нами и руководит нашими действиями; что из нашей борьбы, наших мук,

наших слёз Оно произведёт нашу подлинную славу и наше счастье. Именно в этой мысли вся сила человека доброго.*

* * *

LXIII. Изученье Вселенной ведёт нас к изучению души, к исследованию начала, одушевляющего нас и направляющего наши действия. Физиология учит нас, что различные части человеческого тела обновляются за период нескольких лет. Под действием двух великих жизненных токов, в нас совершается непрерывный обмен молекул; те, кои исчезают из организма, замещаются, одна за одной, другими, поставляемыми питанием. От мягчайших тканей мозга и до самых твёрдых частей костного остова, всё наше физическое существо подвержено непрестанным изменениям. За время нашей жизни тело наше распадается и вновь составляется бесчисленное множество раз. И всё же, несмотря на эти постоянные преобразования и им вопреки, чрез все измененья материального тела, мы всегда остаёмся всё той же самой личностью. Материя нашего мозга может обновляться, но мысль наша сохраняется, а вместе с ней и наша память, это воспоминанье о прошлом, в коем наше нынешнее тело никоим образом не участвовало. В нас, стало быть, есть некое начало, отличное от материи, некая неделимая сила, сохраняющаяся и продолжающаяся посреди всех непрестанных изменений.

Мы знаем, что материя не может сама собой сорганизоваться таким образом, чтоб произвести жизнь. Лишённая связующего единства, она распадается и разделяется до бесконечности. Внутри же нас, наоборот, все способности, все умственные и нравственные

* Н.В.Гоголь в одном из писем говорит: «Я рад всему, всему, что ни случается со мною в жизни, и как погляжу я только, к каким чудным пользам и благу вело меня то, что называют в свете «неудачами», то растроганная душа моя не находит слов благодарить невидимую руку, ведущую меня». (Примеч. Й.Р.)

силы составляются и объединяются в некую центральную целостность, единство, обнимающее, связующее, освещающее их все; и эта целостность есть сознание, личность, Я; одним словом, душа.

Душа есть жизненное начало, причина ощущений; это невидимая, нерасторжимая сила, правящая нашим организмом и поддерживающая согласие между всеми частями нашего существа. Свойства души не имеют ничего общего с материей. Ум, разум, суждение, воля не могут быть смешаны с кровью наших артерий или мясом наших мышц. То же самое и с сознанием, *совестью*, этим исключительным преимуществом, позволяющим нам взвешивать свои поступки, отличать добро от зла. Эта задушевная речь, обращённая к каждому человеку, к самому приниженному как и к самому вознесённому, этот голос, шёпот коего может смутить блеск самой великой славы, не имеет в себе ничего материального.

* * *

LXIV. Как только существование души установлено, тотчас встаёт вопрос о бессмертии. Это и есть вопрос наибольшей важности, ибо бессмертье есть единственное освящение нравственного закона, единственное объяснение, удовлетворяющее нашим взглядам на справедливость и отвечающее самым высоким надеждам рода человеческого.

Если наша духовная целостность сохраняется и продолжается чрез непрестанное обновление молекул и все преобразования нашего материального тела, то, стало быть, так же и их разобщение, их конечное исчезновение не смогут её как-то затронуть в её существовании.*

* Свами Анантананда говорит: «Если ты примешь во внимание непрестанную текучесть материи в твоём теле, где атомы, его составляющие, текут словно вода в реке, то ты поймёшь, если только смерть – это разрушение тела, что ты умираешь каждое мгновение и что за время своей жизни ты переживаешь – кто знает сколько их? никто их не считал – тысячи,

Мы видели, что ничто не уничтожается во Вселенной. Когда химия и физика доказывают нам, что ни один атом не теряется, что ни одна сила не исчезает бесследно ни в чём, как можно поверить в такое, будто та целостность, к которой сводятся все интеллектуальные силы, это сознательное «я», в коем жизнь освобождается от цепей рока, от фатальной неизбежности, может распасться и уничтожиться? Не только логика, нравственность, но, как мы покажем далее, и сами факты, факты чувственного порядка, одновременно физиологические и психические, — всё спешит представить нам свои доказательства тому, что сознательное существо сохраняется и после смерти, убедить нас в том, что душа, по ту сторону могилы, находит себя такой, какой она саму себя сделала своими поступками и трудами за время своей земной жизни.*

Если б смерть была последним словом всего, если б наши судьбы ограничивались лишь этой мимолётной жизнью, то разве б были у нас эти устремленья к лучшему, к совершенному состоянию, о коем ничто на земле не может нам дать никакого понятия? Разве была б у нас та жажда знаний, которую ничто не может утолить? Если б всё прекращалось в могиле, для чего тогда все потребности, все мечты, все необъяснимые влечения? Этот могучий крик человеческого существа, раздающийся сквозь столетия, эти бесконечные надежды, неудержимые порывы к прогрессу и свету, и они — всего лишь принадлежность мимолётной тени, едва успевающего составить пред распадом своим скоплення молекул?

миллионы тел и при этом остаёшься всегда самим собой. Не смешно ли тебе после этого бояться смерти: ведь совершенно же ясно, что коль скоро ты выжил в этих бесконечных и совершенно незаметных переселеньях из одного тела в другое, то ты будешь жить и тогда, когда переселение это и вовсе прекратится? Долой же сомненья, бессмертный дух, не позволяй себе более сомневаться в собственной реальности и по достоинству цени иллюзию окружающего, кое даже не способно увидеть тебя, единственную настоящую и несомненную реальность!» (Примеч. Й.Р.)

* И.В.Гёте сказал: «Мысль о смерти оставляет меня совершенно равнодушным, ибо я твёрдо убеждён в том, что дух наш есть существо совершенно неразрушимой природы, продолжающее деятельность свою из вечности в вечность, оно подобно солнцу, которое нашим земным глазам кажется зашедшим, но которое в действительности никогда не заходит, но светит всегда». (Примеч. Й.Р.)

И что тогда есть земная жизнь, столь короткая, что даже при своей наибольшей длине она не позволяет нам достичь пределов науки; настолько исполненная бессилием, горечью, разочарованием, что ни в чём не может дать нам полного удовлетворения? И после того, как нам показалось, будто мы наконец достигли предмета наших ненасытных желаний, что тогда вновь и вновь влечёт нас к какой-то всегда далёкой и всё так же недоступной цели? Та настойчивость, с какой мы продолжаем искать, всем разочарованиям вопреки, некий идеал, не существующий в этом мире, некое счастье, постоянно от нас ускользающее, является достаточным указанием на то, что есть нечто иное, помимо настоящей жизни. Природа никогда не даёт живому существу напрасных стремлений и несбыточных надежд. Беспредельные потребности души необходимо и неизбежно зовут к беспредельной жизни.*

* * *

* У Юнг-Штиллинга в его «Теории духоведения» читаем: «Многие прекрасно понимают, а также вполне чувствуют, что нельзя помыслить себе ничего более неразумного и бесцельного, как уничтожение души при смерти: существо, главным врождённым стремлением которого является бесконечное существование, самосовершенствование и наслаждение высшим благом, чрез несколько лет, за которые оно не достигнет ни одной из этих своих целей, должно перестать существовать? – какой вздор!»

Опять-таки Гёте указывает: «Мне думается, это благороднейшее из наших чувств: надежда остаться и тогда, когда судьба, казалось бы, уводит нас назад, ко всеобщему несуществованию. Эта жизнь, милостивые государи, слишком коротка для нашей души; доказательство, что каждый человек, самый малый, равно как и величайший, бесталаннейший и наиболее достойный скорее устаёт от чего угодно, чем от жизни, и что никто не достигает цели, к которой он так пламенно стремится; ибо если кому-нибудь и посчастливится на его пути, то в конце концов он всё же, часто перед лицом так долго чаянной цели, попадает в яму, Бог ведь кем вырытую, и считается за ничто. – Считаюсь за ничто? Я?! Когда я для себя ВСЁ, когда я всё познаю только через себя! Так восклицает каждый, кто живо себя ощущает и большими шагами шествует по жизни, подготавливаясь к бесконечному пути в потустороннем». (Примеч. Й.Р.)

LXV. Чувство абсолютной справедливости говорит нам, что и животное, не более чем человек, не должно жить и страдать ради того только, чтоб исчезнуть в небытии. Восходящая и непрерывная цепочка, по всей видимости, соединяет и связует друг с другом все существа: минерал с растением, растение с животным, а животное с человеком. Она может соединять их двояко: как материально, так и духовно. Обе эти формы эволюции параллельны и взаимообусловлены, поскольку жизнь есть не что иное, как проявление Духа.

Душа, после длительного формирования на низших ступенях жизни, достигает наконец человеческого состояния; здесь она обретает сознание и больше уже не может спуститься назад. На всех этапах формы, кои она приобретает, суть выражения её действительной значимости. Не надо обвинять Бога за то, что Он создал формы безобразные и зловредные. Существа могут быть наделены лишь той внешностью, которая отвечает их склонностям и превратным привычкам. Случается, что души человеческие избирают себе тела немощные и болезненные за тем, чтоб обуздать свои страсти и обрести качества, необходимые для их дальнейшего продвижения; но в низшей природе никакого выбора производиться не может: существо вынуждено падать вниз под властью тех влечений, кои оно само развило в себе.

Это постепенное развитие может быть обнаружено всяким внимательным наблюдателем. Так у животных домашних различия в характере весьма существенны. А среди одних и тех же самых видов животных, некоторые индивиды кажутся значительно более развитыми, чем остальные его представители. И кое-кто из них наделён качествами, существенно приближающими их к человеку; животные эти способны питать преданность и проявлять самоотверженность. Поскольку материя не способна любить и чувствовать, то необходимо допустить существование в них некой души в зародышевом состоянии.

И нет, между тем, ничего, что было бы величественней, справедливее, что более бы соответствовало закону прогресса, чем это восхождение душ, осуществляющееся по последовательным этапам, в ходе коих они сами создают и формируют себя, мало-

пomalу освобождаются от тяжёлых инстинктов, пробивают панцирь своего эгоизма, для того чтоб пробудиться к жизни разума, любви и свободы. В высшей степени справедливо и беспристрастно то установление божественного закона, чтобы та же самая пора ученичества была пережита всеми и дабы каждый достигал высшего состоянья, лишь обрета к нему необходимые склонности и выработав в себе новые потребности.

Но в день, когда душа, достигнув человеческого состоянья, завоевала себе самостоятельность, свою нравственную ответственность и осознала свой долг, она всё же ещё не достигла своей цели, не завершила своей эволюции. Истинное дело её, далёкое от завершения, как раз тогда только и начинается; новые задачи зовут её. Битвы прошедшего – всего лишь прелюдия тех, что уготованы ей её грядущим. Её возрожденья в материальных телах будут следовать одно за другим в этом земном мире. И всякий раз, с омоложенными органами, она будет возобновлять дело самосовершенствования, прерываемое смертью, для того, чтоб продолжить его и пойти ещё дальше. Душа, эта вечная странница, должна таким образом подняться от мира к миру, дабы возойти к благу, к добру, к бесконечному разуму, обрести новые званья и степени, возрасти в знании, мудрости, добродетели, любви.

* * *

LXVI. Каждое из наших земных существований – не что иное, как эпизод нашей бессмертной жизни. Никакая душа не смогла бы за такой краткий промежуток времени, как наша жизнь, очиститься от своих пороков, заблуждений, ото всех грубых appetитов и желаний, кои суть остатки её примитивных, давно исчезнувших жизней и в то же время свидетельства её происхождения.

Соразмерив время, понадобившееся человечеству, с самого появления его на Земле, для того, чтоб достичь состоянья цивилизации, мы поймём, что душе, для того чтоб осуществить свои судьбы, подняться с вершины на вершину к Абсолюту, к

Божеству, необходимо безграничное временное пространство, постоянно возобновляющиеся жизни.

Одна только множественность существований может объяснить различье характеров, разнообразье склонностей, несоразмерность нравственных качеств, одним словом, все неравномерности, поражающие наше внимание.

Не зная этого закона, напрасно спрашивать себя, отчего некоторые люди обладают талантом, благородными чувствами, возвышенными помыслами и стремлениями, тогда как множеству других на долю выпадают только глупость, низкие страсти и грубые инстинкты.

* * *

LXVII. Что можно было б подумать о Боге, который, отведя нам лишь одну-единственную телесную жизнь, выделил бы нам столь неравные доли и, от дикаря до человека цивилизованного, предназначил людям столь небрежно распределённые блага, указал бы столь различный нравственный уровень? Если нет закона перевоплощений, то тогда лишь несправедливость правит миром.

Влиянье среды, наследственность, различия в воспитании и образовании, при всей их важности, недостаточны для того, чтоб объяснить эти отклоненья от нормы. Мы можем видеть, как члены одной и той же семьи, схожие плотью и кровью, воспринявшие те же наставленья, разнятся друг с другом во многих отношениях. У превосходных родителей дети бывают чудовищами; например, Марк Аврелий породил Коммода; и обратно, великие и уважаемые люди происходили от родителей тёмных, лишённых нравственного достоинства.

Если б всё начиналось для нас лишь с данной жизнью, то как объяснить тогда такое разнообразье умов, такие степени добродетели и порока, такие различья в человеческом положении? Непроницаемой тайной были б тогда окутаны все эти ранние

гении, чудесные плодovитые умы, с самого детства своего страстно устремляющиеся по тропам искусства и науки, тогда как такое множество молодых людей, их сверстников, корпит над книгами и остаётся посредственностями, несмотря на все свои усилия.

Все эти неясности исчезают пред учёном о множественности существований. Люди, выделяющиеся своей интеллектуальной силой или своими добродетелями, больше жили, больше работали, приобрели больший опыт и большие способности.

Прогресс и возвышение душ зависят единственно от их собственных трудов, от того, сколько сил затратили оне в жизненной битве. Одни борются смело и быстро преодолевают все ступени, отделяющие их от высшей жизни, тогда как другие застывают в неподвижности на века, лишая себя поступательного движения своим праздным и бесплодным образом жизни. Но все эти различья, обусловленные деяньями прошлого, могут быть искуплены и сглажены нашими будущими жизнями.

В общей сложности, существо само создаёт себя за счёт постепенного развития сил, в нём сокрытых. Бессознательная в начале своего пути, жизнь его становится более разумной и сознательной, когда оно достигает человеческого уровня и вступает в обладанье собою. Свобода его пока что ещё ограничивается действием природных законов, кои вмешиваются для того, чтоб обеспечить его сохранение. Таким-то вот образом свобода воли и фатализм уравнивают и умеряют друг друга. Свобода и, стало быть, ответственность всегда соразмерны развитости существа.

Таково единственно разумное разрешение противоречий человеческой жизни. Чрез всю последовательность времён, на поверхности тысяч миров разворачиваются наши существования, проходят и обновляются, и в каждом из них исчезает немного зла, находящегося в нас; души наши укрепляются, очищаются, идут всё дальше по священному пути до тех пор, пока наконец достоинства их не откроют им доступ к высшим кругам, где вечно царствуют лучезарные Красота, Мудрость, Мощь и Любовь!

* * *

LXVIII. При таких основоположеньях, порядок делается вокруг нас и внутри нас самих; путь наш проясняется; цель жизни проступает с большей ясностью. Мы знаем, что мы такое суть и куда мы идём.

Отныне, смысл жизни не состоит более в том, чтоб искать материального удовлетворения, но в том, чтоб с увлечением работать и трудиться над нашим продвижением. Высшая цель есть совершенство; путь, ведущий к этой цели, есть прогресс. Путь этот долог, и проходится он шаг за шагом. Отдалённая цель словно бы отодвигается от нас по мере того, как мы идём к ней, но по прохождении каждого отрезка пути существо наше пожинает плоды своих трудов; оно обогащает свой опыт и развивает свои способности.

Судьбы наши тождественны. Нет ни пользующихся преимуществами, ни преданных проклятию. Все объезжают одно и то же беспредельно просторное ристалище и, преодолев тысячу препятствий, призваны осуществить те же самые цели. Мы свободны, действительно свободны и вольны ускорить или замедлить своё продвижение, окунуться в грубые наслаждения, задержаться на целые жизни в пороке или праздности, но рано или поздно чувство долга пробуждается в нас, боль приходит встряхнуть наше безразличье — и мы невольно возобновляем свой бег.

Между душами существуют лишь ранговые различия, различья, кои им позволительно восполнить в будущем. Пользуясь свободой своей воли, мы не все шли одинаковым шагом, и это объясняет умственное и нравственное неравенство людей; но все, дети одного Отца, мы должны приблизиться к нему в последовательности наших существований, для того чтоб составить вместе с подобными себе одну единую семью, великую семью духов, населяющую всю Вселенную.

* * *

LXIX. В мире больше не место понятиям о рае и вечном аде. В необъятной мастерской, какую является Вселенная, мы видим

только существ, продолжающих свое собственное воспитанье и возвышающихся своими усилиями на лоне вселенской гармонии. Каждое из этих существ положение своё создаёт своими собственными действиями, последствия коих неизбежно падают на него, связывают его и сжимают. Когда жизнь его отдана страстям и остаётся бесплодной для добра, существо опускается, оскотинивается, положение его ухудшается. Чтоб очиститься от приставшей к нему грязи, оно должно вновь воплотиться в одном из миров испытанья* и очиститься там страданием. Как только очищение завершено, эволюция его возобновляется. Нет вечных мук, но необходимо искупление, соразмерное совершённым ошибкам.

У нас нет иного судьи и иного палача, кроме нашей собственной совести. Но эта последняя, когда она освобождается от материальной тени, становится непреклонной, властной и неотступной.** В плане моральном, как и в плане физическом, есть только причины и следствия. Эти последние управляются верховным, незыблемым, непреложным законом. То, что мы в невежестве своём зовём несправедливостью судьбы, есть не что иное, как искупление нашего прошлого. Судьба человеческая – это оплата долгов, кои мы наделали перед самими собой и пред законом.

Стало быть, теперешняя жизнь – это прямое, неизбежное следствие наших прошлых жизней, так же как наша будущая жизнь будет последствием наших нынешних действий. Одушевляя новое тело, душа, при каждом своём возрождении, приносит с собой поклажу своих былых качеств и недостатков, всё добро и зло, накопленные деяньями прошлого. Таким образом, в последовательности наших жизней мы своими собственными «руками» строим наше нравственное существо, готовим своё будущее, предопределяем среду, в коей мы должны родиться в следующий раз, место, которое мы должны в ней занять.

* И это может быть необязательно наша планета Земля, но и какая-нибудь иная, подобная ей, среди множества миров нашей материальной Вселенной. (И.Р.)

**Совесь каждого – это и есть тот судья, который будет судить его прошлое и решать его будущность. (И.Р.)

С законом перевоплощений, высшая справедливость озаряет миры. Каждое существо, достигшее обладания своим разумом и сознанием, становится творцом, «кузнецом» своих судеб, своего счастья. Оно само куёт себе, либо же по собственной воле—разбивает цепи, коими оно приковано к материи. Несчастливые условия жизни, каковые претерпевают некоторые люди, объясняются действием этого закона. Всякая преступная, т.е. противная высшим законам жизнь должна быть искуплена. Приходит час, когда души надменные вновь рождаются в условиях принижённых и рабских, когда бездельник должен выполнять мучительные работы. Тот, кто заставлял страдать других, сам будет страдать в свою очередь.

И всё же душа не навсегда привязана к этой тёмной Земле. После того, как она приобрела необходимые качества, она покидает её ради миров более светлых и просвещённых. Она пробегает необозримые пространства, усеянные планетами и солнцами. И среди человечеств, их населяющих, ей будет отведено своё место; продолжая развиваться и в этих новых условиях, она непрестанно будет приумножать своё нравственное богатство и своё знание. После несчётного числа смертей и возрождений, падений и подъёмов, освобождённая от воплощений, она будет наслаждаться небесной жизнью и, участвуя в управлении существами и вещами, будет способствовать деяньям своими вселенской гармонии и исполнению божественного замысла.

* * *

LXX. Душа несёт запечатлённый в ней закон своих судеб. Научиться читать по складам вписанные в неё заветы, отгадывать мало-помалу эту загадку — вот истинная наука в этой жизни. Каждая искра, подхваченная у божественного очага, каждая победа над самою собой, над своими страстями и эгоистичными инстинктами, доставляет ей сокровенную радость, и тем большую, чем труднее далась ей эта победа. И именно там небо, обещанное нашим усилиям. Небо это не далеко от нас; оно в нас самих. В

самой глубине своего существа человек несёт величье своё или ничтожество, своё блаженство или муки, и всё это — последствия его действий. Голоса, мелодичные или строгие, раздающиеся внутри его, суть верные толкователи великого закона; они тем громче и явственней, чем выше поднялся он по пути совершенствования.

Душа — это целый мир, мир, в коем ещё скрещиваются тени и лучи и внимательное изучение коего ведёт нас от одной неожиданности к другой. В извилинах её, дожидаясь мига оплодотворенья для того, чтоб расцвести пышными цветами, пребывают ростки всех сил и способностей. По мере того, как она очищается, возможности её восприятия возрастают. Всё, что очаровывает нас в её нынешнем состоянии: дары таланта, проблески гения, всё это — малость в сравнении с тем, что она получит в тот день, когда достигнет верховных высот. Уже она обладает огромными сокрытыми богатствами, сокровенными чувствами, многообразными и возвышенными, источниками живых впечатлений, проявлению коих почти всегда препятствует наша грубая оболочка. Одни только избранные души, до срока отрёкшиеся от вещей земных, очищенные жертвой, смогли и в этом мире уловить отголоски и отсветы сокровищ души. Но они не сумели найти слов для того, чтобы хоть как-то описать свои упоительные ощущения. И люди, в своём незнании истинной природы души и сокровищ, кои она содержит, люди посмеялись над тем, что они называли «иллюзиями» и «химерами».

* * *

LXXI. Когда цель существования определена и она оказывается выше удачи, выше самого счастья, целая революция совершается в наших взглядах. Вселенная — это сцена, на которой душа борется за своё возвышение; она достигает его своими трудами, своими жертвами, своими страданиями. Страдание, как телесное, так и нравственное, есть одно из необходимейших условий развития, мощный рычаг эволюции и прогресса. Оно

учит нас познавать самих себя, обуздывать свои страсти и больше любить других. Наука и любовь – это и есть то, к чему существо должно стремиться в беге своём. Чем больше мы знаем, чем больше мы любим, тем больше мы возвышаемся. Страдание обязывает нас изучить причины, его порождающие, за тем чтоб бороться с ними и побеждать их, и знание этих причин вызывает в нас более живое сочувствие к тем, кто страдает.

Боль – это высшее очищение, это школа, в которой обучаются терпению, покорности, всем тяжким обязанностям. Это горнило, в коем плавится эгоизм и растворяется гордыня. Порою, в часы отчаянья, испытываемая душа взбунтовывается, отрицает Бога и справедливость; затем, когда буря проходит, душа созерцает самоё себя и видит, что в действительности мнимое зло это было для неё благом; она признаёт, что боль сделала её лучше, доступнее жалости, что она стала более чуткой и отзывчивой к несчастиям ближних.

Все беды жизни содействуют нашему совершенствованию. Посредством боли, униженья, немощей, неудач и невзгод лучшее медленно, шаг за шагом отделяется от худшего. Вот отчего в здешнем мире более страдания, нежели радости. Испытание закаляет характеры, утончает и возвышает чувства, укрощает души необузданные и высокомерные.

Физическая боль также имеет свою полезность. Она химически расторгает связи, коими дух прикован к телу; она высвобождает его из-под власти грубых флюидов, кои окружают его даже после смерти и удерживают в низших областях. Действие этого закона объясняет в некоторых случаях короткую жизнь детей, умерших в самом раннем возрасте. Души эти уже прежде смогли обрести на земле знание и добродетель необходимые им для того, чтоб подняться ввысь. Но поскольку некий остаток материальности останавливает их подъём, оне возвращаются к нам, чтобы страданьем завершить своё полное очищение.

Не будемте проклинять боль; только одна она и вырывает нас у безразличья, у сладострастья. Это она ваяет нашу душу, даёт ей самую чистую форму её, самую совершенную её красоту.

Испытанье—это действенное лекарство от нашей неопытности. Провидение поступает с нами, как предусмотрительная мать со своим непослушным ребёнком: когда мы не отвечаем на призывы Его, когда мы отказываемся внять советам Его, Оно даёт нам испытать разочарования и невзгоды, зная, что несчастье — это лучшая школа, в коей обучаются мудрости.

Такова в здешнем мире судьба большинства. Под небом, порой прорезаемым молниями, надо следовать тяжким путём, разбивая и раздирая себе в кровь ноги о камни и шипы. Некий дух, облачённый в чёрное, направляет шаги наши: это боль, святая боль, которую нам должно благословлять, ибо только она одна, сотрясая всё существо наше, избавляет его от напрасных погремушек, коими оно любит себя украшать, делает его способным чувствовать то, что действительно благородно и прекрасно.*

* * *

LXXII. В свете подобных наставлений смерть утрачивает весь свой устрашающий облик; она теперь не более как необходимое преобразование, переход, обновление. На самом же деле, ничто не умирает. Смерть лишь видимость. Изменяется одна только внешняя форма; жизненное же начало — душа — остаётся в своей постоянной и неразрушимой целостности. Душа вновь обретает себя по ту сторону могилы, она сама и её флюидическое тело пребывают в полноте своих способностей, со всеми своими достижениями: познаниями, устремлениями, добродетелями, способностями, коими она обогатилась за время своих земных существований. Вот они, нетленные блага, кои имеет в виду «Евангелие»: «Ни черви, ни ржавчина не грызут их, и тати не могут украсть». Это суть единственные богатства, каковые нам позволительно унести с собой и пользоваться в грядущей жизни.

* Боль — это очень часто просто признак того, что мы делаем что-то не то или, по крайней мере, не так. (И.Р.)

Смерть и перевоплощение, следующее за ней через определённое время, суть две главных формы прогресса. Разрывая узкие рамки привычек, кои мы себе прежде усвоили, она помещают нас в новые, непохожие друг на друга условия; она дают новое направление нашим мыслям, обязывают нас приспособлять свой ум к тысячеликому и вселенскому порядку.

Когда наступает вечер жизни, когда существование наше, подобное исписанной странице в тетради, собирается перевернуться, для того чтоб дать место новой чистой странице, мудрец устраивает смотр своим делам и поступкам. Блажен тот, кто в этот час может сказать себе: «Да, я не зря прожил свою жизнь!» Счастлив тот, кто с покорностью принял и смело выдержал свои испытания! Последние, разрывая его душу, вылили из неё всю горечь и всю жёлчь. Проходя мыслью по этой трудной жизни, мудрец благословит перенесённые страдания. Поскольку совесть его окажется спокойна, он без страха будет взирать на близящийся миг ухода.

Скажем «прощай» теориям, делающим из смерти убежище небытия или преддверие вечных мук. Прощайте, зловещие призраки теологии, жуткие догмы, непреклонные приговоры, адские пытки! Место надежде! Место вечной жизни! Не мрачные потёмки, но именно ослепительный свет исходит из могил.

* * *

LXXIII. Видели ль вы когда-нибудь, как прекрасная бабочка с многоцветными крыльями сбрасывает с себя бесформенную куколку, в коей была затворена безобразная гусеница? Видели ль вы когда-нибудь, как она, пресмыкавшаяся прежде на земле, ныне свободная и вольная, порхает в залитом солнцем воздухе, посреди благоуханья цветов? Между тем, нет более точного образа, олицетворяющего собой феномен смерти. Человек также есть куколка, кою разлагает смерть. Тело человеческое, эта плотская одежда, возвращается на вселенскую свалку; затем наша

недостойная оболочка вновь поступает в лабораторию Природы; но дух, совершив дело своё, устремляется к жизни более высокой, к той духовной жизни, которая следует за существованием телесным, подобно тому как день следует за ночью, и разделяет каждое из наших земных воплощений.

Проникшись этими взглядами, мы более не станем страшиться смерти, мы осмелимся безбоязненно смотреть ей в глаза. Довольно страхов и слёз, нет больше места зловещим обрядам и мрачным псалмам. Похороны наши сделаются праздником, коим мы будем отмечать освобождение души, возвращение её на настоящую родину.*

* * *

LXXIV. Смерть есть великий возвестник истины. В часы испытаний, когда мрак сгушался вокруг нас, мы порой вопрошали самих себя: «Зачем я родился? Зачем не остался в беспросветной ночи, в коей нет ни чувства, ни страдания, а один только вечный сон?» И в эти часы сомненья, отчаянья, тоски, нам бывал голос, и голос этот говорил нам: «Страдай, дабы достичь величья и чистоты! Знай, что судьба твоя велика. Холодная земля эта не станет твоей могилой. Миры, что сияют на своде небесном, суть твои грядущие обиталища, они наследье, кое тебе уготовил Бог. Ты еси извечный гражданин Вселенной; ты принадлежишь векам грядущим как и векам отшедшим, и в данный час готовишь возвышение своё. Переноси же спокойно беды, кои ты сам себе избрал. Засей в боли и в слезах зерно, что взойдёт в твоих последующих жизнях; сей

* Нам настолько мило наше прозябанье в теле, что если бы мы не старились и не были бы насильно принуждаемы с ним расстаться, то мы согласились бы сидеть в нём целую вечность. Ничто более убедительно не говорит о нашем непроходимом невежестве. И потому мудр порядок вещей, не спрашивающий нашего соизволения и избавляющий нас от пут материальной жизни тогда, когда для этого наступает наиболее подходящее время! (И.Р.)

также и для других, как другие сеяли для тебя! Бессмертный дух, твёрдым шагом ступай по крутой тропе, ведущей к вершинам, с коих грядущее разверзнется пред тобой, лишённое своего туманного покрова. Восхождение мучительно, и часто потом будет омочен твой лик; но, достигнув вершины, ты узришь, как сияет на горизонте солнце истины и справедливости!»

Голос, что возвещает нам это, — это глас умерших, глас возлюбленных душ, прежде нас вступивших в страну истинной жизни. Будучи бесконечно далеки от того, чтобы спать непробудным сном «под камнем могильным», оне бдят над нами. Из глубин незримого, оне смотрят на нас и улыбаются нам. О, восхитительная и божественная тайна! оне общаются с нами. Оне говорят нам: «Довольно бесплодных сомнений, трудитесь и любите. В тот день, когда назначение ваше будет исполнено, смерть соединит нас!»

* * *

LXXV. Как можно видеть, множество вопросов, остававшихся неразрешимыми для большинства философских школ, решено учением о множественности жизней. Роковые возражения, с помощью коих скептицизм и материализм пробили брешь в здании теологии: зло, боль, неравенство достоинств и условий жизни, кажущаяся несправедливость судьбы, все эти трудности исчезают пред философией духов.

И всё же одна трудность существует, против этой философии с силой встаёт одно возраженье. Если мы уже жили прежде, если, так сказать, другие жизни предшествовали нашему рождению, то почему тогда мы утратили всякое воспоминанье о них?

Препятствие это, грозное на вид, легко устранимо. Память о вещах прожитых, о делах совершённых не является необходимым условием нынешнего нашего существования.

Никто из нас не вспоминает о времени, проведённом нами в утробе матери или в колыбели. Очень немногие люди сохраняют воспоминанье о впечатлениях и делах раннего

детства. А между тем, всё это ведь – составные части нынешнего нашего существования.* Каждое утро, пробуждаясь, мы теряем воспоминание о большинстве наших снов, хотя, в своё время, сны эти казались нам явью. Нам остаются лишь смутные впечатления, кои испытывает дух, вновь подпавший под материальное влияние.

Наши дни и ночи подобны нашим земным и духовным жизням, и сон кажется таким же необъяснимым, как и смерть. И сон и смерть поочерёдно переносят нас в различные среды и в разные условия, что однако не мешает нашей духовной целостности сохраняться и выживать во всех этих непохожих друг на друга состояниях. В состоянии погружения в магнетический сон, дух, освобождённый от тела, вспоминает о вещах, кои он забудет по своём возвращении в тело, но о взаимосвязи которых он вновь составит себе понятие при выходе из обычного состояния сознания. Это состояние искусственно вызванного сна развивает у сомнамбул особые способности, которые исчезают у них по пробуждении, задушенные, задавленные телесной оболочкой.

В различных этих условиях психическое существо, видимо, пересекает два состояния сознания, две переменных фазы существования, кои соединяются и переплетаются одна с другой. Забвенье, подобно толстому занавесу, отделяет сон от состояния бдения, точно так же оно отделяет жизнь земную от предшествующих существований и от жизни в пространстве.

И если уж впечатления, воспринимаемые душой в ходе настоящей её жизни, когда она пребывает в состоянии полного высвобождения, либо естественного сна, либо же сна искусственно вызванного, не могут передаваться в мозг, то должно понять, что воспоминания предыдущей жизни тем более не смогут сделать этого. Мозг может воспринимать и накапливать ощущения, передаваемые душой только в состоянии её пленения в материи. Память способна воспроизвести лишь то, что было зарегистрировано ею.

* Но ещё много раньше русский мыслитель П.Я.Чаадаев рассуждал так: «Помните ли, что было с вами в первый год вашей жизни? – Не помню, говорите вы. – Ну что же мудрёного, что вы не помните, что было с вами прежде вашего рождения?» (*Примеч. Й.Р.*)

При каждом рождении мозговой аппарат представляет собой для нас как бы чистую тетрадь, в кою вписываются новые ощущения и образы. Возвратившись в тело, душа утрачивает воспоминанье обо всём том, что она видела и совершила в состоянии свободном, и она вновь обретёт это воспоминание, лишь когда снова будет покидать свою временную тюрьму.

* * *

LXXVI. Забвенье прошлого есть для человека необходимое условие всякого испытания и всякого земного прогресса. Это прошлое у каждого из нас имеет свои пятна и нечистоты. Проходя по бесконечному ряду канувших в небытие времён, пересекая эпохи зверства, мы должны были накопить множество ошибок, натворить множество несправедливостей. Мы только вчера вышли из поры варварства, и бремя подобных воспоминаний было бы для нас слишком тяжёлым. Земная жизнь и так порою переносима с трудом, но вынести её было бы ещё тяжелей, если бы к свите настоящих наших зол прибавилась ещё память прошлых страданий и стыда.

Но разве воспоминанье о наших предыдущих жизнях не оказалось бы также связанным с воспоминаньем о прошлом других? Возвращаясь назад по длинной цепочке наших существований, разбирая по нитям пряжу собственной истории, мы вновь нашли бы следы действий наших ближних. Неприязнь бы увековечилась, соперничество, ненависть, разногласье переносились бы из одной жизни в другую, из века в век. Наши бывшие враги и жертвы опознавали бы нас и преследовали своею местию.

Хорошо, что покров забвения скрывает нас друг от друга и, на время устранив наше взаимное прошлое, избавляет нас от мучительных воспоминаний, а может быть, и нескончаемых угрызений совести. Сознание ошибок наших и последствий, кои оне влекут за собой, вставая пред нами в устрашающей и постоянной угрозе, сковывало бы все наши усилия, делало бы жизнь нашу невыносимой и бесплодной.

Без забвения, великие грешники, знаменитые преступники были бы отмечены клеймом на нескончаемую вечность. Тогда бы, осуждённые справедливостью людей, понеся наказание, они и после этого подвергались бы всеобщему недоверию; общество, отказавшее им в месте внутри себя, с ужасом бы вновь отталкивало их от себя и тем отдало бы их во власть силам зла. Что было бы, если б преступления далёкого прошлого постоянно были на всеобщем обозрении? Почти все мы нуждаемся в прощении и забвении наших злых дел. Тень, скрывающая наши слабости, убожество и нищету, даёт духу нашему облегчение, делая тем самым нам искупление менее мучительным. Испив вод Леты, мы с большей готовностью возрождаемся к новой жизни. Призраки прошлого исчезают. Перенесённое в иную среду, существо наше пробуждается к иным ощущениям, открывается другим влияниям, с большей лёгкостью оставляет ошибки и привычки, которые прежде тормозили его продвижение. Душа преступника, возрождаясь в форме ребёнка, находит кругом себя помощь, заботу и нежность, кои столь необходимы для её возвышения. В существе этом, слабом и очаровательном, никто и не помышляет признать порочного духа, пришедшего искупить своё осквернённое прошлое.

Для некоторых людей их прошлое однако не стёрлось полностью. Смутное ощущение того, чем они были, тлеет во глубине их сознания. Это источник наитий, врождённых идей, смутных воспоминаний и таинственных предчувствий, словно ослабевшее эхо прошлых времён. Советуясь с этими впечатлениями, со вниманьем изучая самого себя, нет ничего невозможного в том, чтобы восстановить своё прошлое, если и не в подробностях, то, по крайней мере, в главных его чертах.

На исходе каждого существования, эти отдалённые воспоминанья мало-помалу воскрешаются и выходят из тени. В жизни мы продвигаемся шаг за шагом, на ощупь. С приходом смерти всё проясняется. Прошлое объясняет настоящее, и будущее озаряется лучами нового света.

Душа, возвратившись к жизни духовной, вновь обретает полноту своих способностей. Тогда для неё начинается пора самоанализа, отдыха, сосредоточенья, в течение коей она судит

самое себя и определяет пройденный путь. Она принимает мнения, советы более продвинутых духов. Ведомая ими, она примет мужественные решения, и, когда час её пробьёт, она, избрав благоприятную среду, спустится в новое тело с тем, чтобы улучшиться в нём посредством труда и страдания.

Возвратившись в тело, душа ещё раз утратит память о прошлых жизнях, так же как и воспоминание об этой духовной жизни, единственной действительно свободной и полной, рядом с которой земное пребывание покажется ей ужасным. Долгой будет борьба, необходимы мучительные усилия, чтоб вновь обрести сознание самой себя и восстановить свои сокрытые силы; но всегда она сохранит наитие, смутное ощущение решений, принятых ею пред тем, как родиться вновь.

* * *

LXXVII. Закон перевоплощений доказан не только разумом; он также подтверждён и фактами. Опыты полковника Дероша по регрессии памяти, более давние опыты испанских исследователей Фернандеса Колавиды и Эстева Мараты, отмеченные на Конгрессе спиритуалистов в 1900 году, устанавливают, что у людей, погружённых в гипнотический сон, могут быть возбуждены глубокие слои памяти, пассивные и немые в состоянии бдения. В таких случаях субъект вспоминает малейшие подробности своего детства, также как впечатления и ощущения своих предыдущих жизней. Эти исследования мало-помалу выстраиваются в цепь доказательств, утверждающих реальность предыдущих существований человека, и человеческая личность начинает просматриваться в совершенно новых ракурсах.

Возможность пробудить в сознании субъекта, погружённого в гипнотический транс, забытые воспоминания его детства самым логичным образом подводит нас к возможности восстановить его воспоминания, предшествующие данному его рождению. Этот род фактов был впервые отмечен на Спиритическом Конгрессе 1900

года в Париже испанскими экспериментаторами. Вот отрывок доклада, зачитанного на заседании от 25 сентября указанного года.

«Когда посредством гипнотических пассив субъект был погружён в глубокий сон, Фернандес Колавида, председатель барселонской группы психических исследователей, приказал ей сказать, что она делала накануне, за день до этого, неделю назад, месяц, год и далее, доведя её до поры детства, о котором он и попросил её рассказать во всех подробностях.

Направляемый всё той же волей субъект рассказал о своей жизни в пространстве, предшествовавшей её нынешнему рождению, о смерти, положившей конец предыдущему воплощению, и так, поощряемый тем же образом, субъект вернулся по своим жизням назад вплоть до четвёртого воплощения, в котором она была настоящим дикарём. При каждой смене существования менялось и общее выражение лица субъекта. Чтобы вернуть её назад в нынешнюю жизнь, экспериментатор провёл её в обратном направлении по уже пройденному маршруту, и затем её разбудили.

Некоторое время спустя, без предупреждения, в целях контроля экспериментатор попросил другое лицо усыпить того же субъекта, внушив ей, что предыдущие её рассказы были чистейшим вымыслом. Несмотря на это внушение субъект воспроизвёл всю последовательность четырёх существований, как то было сделано им и в прошлый раз. Порядок пробуждения воспоминаний, их взаимосвязь были идентичны результатам, полученным в ходе первого опыта».

На том же заседании этого Конгресса, Эстева Марата, председатель каталонского Спиритического Союза, заявил, что им в ходе своих опытов были получены совершенно аналогичные результаты. Он применял те же приёмы, погрузив в состояние гипнотического сна собственную супругу. По поводу сообщения, полученного от некоего духа и имеющего отношение к одной из прошлых жизней субъекта, он смог пробудить в неясном сознании последнего следы его прошлых существований». («Compte rendu du Congrès spirite et spiritualiste de 1900», pp.349-350.)

* * *

LXXVIII. Предоставим теперь слово полковнику Альберу Дерошá, наиболее авторитетному исследователю в области регрессии памяти.

«С давних пор было известно, что при определённых обстоятельствах, в частности в приближении смерти, перед умственным взором человека с огромной скоростью проносятся давно забытые воспоминания. Это похоже на то, как если бы ему показывали панорамный обзор всей его жизни.

Я экспериментально установил аналогичный феномен на загипнотизированных субъектах; разница в том только, что я не просто вызываю у них воспоминания, а заставляю этих субъектов войти в те же душевные состояния, которые переживались ими в возрасте, в какой я их помещаю, что сопровождается полным забвением всего, что следует за этим возрастом. Эти трансформации осуществляются при посредстве продольных пассив, обычным последствием которых является углубление гипнотического сна. Изменения личности, если можно так назвать различные этапы существования одного и того же духовного индивида, непременно следуют одно за другим в соответствии со сменой времён. При этом, двигаясь в сторону прошлого, следует использовать продольные, или «усыпляющие», пассивы, а для того, чтобы в том же порядке вернуться в настоящее, следует прибегать к пассивам поперечным, или «пробуждающим». Пока субъект не вернулся в своё нормальное состояние, он отличается кожной нечувствительностью. Можно ускорить трансформации, помогая себе суггестией, но всегда нужно проходить те же самые фазы и не двигаться слишком быстро, не то это вызовет жалобы со стороны субъекта, который говорит в таких случаях, что его «мучают» и что он не поспевает за вами.

Во время первых попыток я останавливался в тот момент, когда субъект, доведённый до младенчества, более не мог мне отвечать; я думал тогда, что дальше двигаться уже нельзя. Однако однажды я попытался ещё немного углубить сон, продолжая пассивы, и велико было моё изумление, когда, спросив спящую, я оказался в присутствии совсем другой личности, которая сказала мне, что она является душой умершего человека, которого звали так-то и

который жил в такой-то стране. С той поры словно был указан новый путь; продолжая делать те же пассы, я оживил умершего и в обратном порядке проследовал по всей жизни воскрешённого к самым её истокам. Здесь опять-таки речь не шла о просто воспоминаниях, которые я пробуждал, это была последовательная смена состояний души, которые я вновь вызывал к жизни.

По мере повторения опытов это путешествие в прошлое осуществлялось всё более быстро, всякий раз проходя через те же самые фазы таким образом, что я мог тем самым возвращаться на несколько существований назад без особого утомления для пациента и для меня самого. Все субъекты, каковы бы ни были их личные мнения в состоянии бдения, демонстрировали череду сменяющихся индивидуальностей, всё менее развитых в моральном отношении по мере того, как мы продвигались вглубь времён. В каждом существовании человек в соответствии с кармическим законом искупал заблуждения предыдущей жизни; при этом время, разделяющее оба воплощения, проходило в среде более или менее наполненной светом, в зависимости от состояния нравственной продвинутой индивидуума.

Пробуждающие (поперечные) пассы постепенно возвращали субъекта в его нынешнее состояние, проводя его в точности через те же этапы в обратном порядке.

Когда мне и другим экспериментаторам, работающим в иных городах с другими субъектами, удавалось установить, что мы не имеем в данном случае дела с просто грёзами, которые могли бы быть вызваны какими-то случайными причинами, но с устойчивым рядом явлений, имеющих регулярный характер и наделённых всеми видимыми признаками зрения, обращённого в прошлое, то я приложил все свои усилия к тому, чтобы выяснить, насколько это зрение, это видение прошлого соответствовало реальности».

В результате проведённых разысканий полковник Дероша приходит к выводу, который он даёт в следующих выражениях:

«Вполне определённо то, что посредством гипнотических манипуляций можно постепенно провести большую часть сенситивных особ в эпохи, предшествующие их нынешней жизни,

воспроизводя при этом все интеллектуальные и физиологические особенности, характеризовавшие их в указанные периоды жизни, и так вплоть до момента их рождения. Пробуждаются при этом не воспоминания; последовательно вызываются именно те состояния души, в которых данная личность в то время находилась; эти вызывания совершаются всегда в той же самой последовательности и с чередованием соответствующих фаз летаргии и сомнамбулических состояний.

Вполне определённо то, что, продолжая эти гипнотические манипуляции за пределы рождения (при этом даже нет никакой надобности прибегать к суггестии), субъекта проводят через аналогичные состояния его предыдущих воплощений». (Albert de Rochas, «Les Vies successives».)

* * *

LXXIX. «Совсем недавно я нашёл в Гренобле и Вуароне трёх субъектов, обладающих сходными способностями, в действительности которых я также мог удостовериться. Когда я провёл их в самое раннее детство, мне пришла в голову идея продолжить делать усыпляющие пассы, затем я сделал пассы пробуждающие, вернув их в нынешний возраст. При этом я был весьма удивлён, услышав, как они последовательно описывают главные события своих прошлых жизней и своё промежуточное состояние между ними. Их указания, остававшиеся всё время неизменными, были столь точны, что я мог заняться соответствующими розысками. Так я установил, что названия мест и фамилии семей, фигурировавшие в их рассказах, действительно существовали, хотя сами субъекты в состоянии бдения не имели об этом ни малейшего воспоминания; правда, в актах гражданского состояния указанных эпох я не смог отыскать никаких следов существования тех безвестных личностей, коими они были прежде». (Mémoire lu à l'Académie delphinale, le 19 novembre 1904, par A.de Rochas).

Подробности вышеуказанных опытов мы заимствуем всё из той же фундаментальной работы нашего авторитетного исследователя – «Жизни, вытекающие одна из другой».

«Эти субъекты не были знакомы друг с другом. Одна из них по имени Жозефина, ей 18 лет, живёт в Вуароне. Не замужем. Другая Евгения, 35 лет, живёт в Гренобле, вдова с двумя детьми; характера апатичного, весьма откровенна, не отличается особым любопытством. Обе наделены отменным здоровьем и характеризуются в жизни поведением самым примерным. Хорошо зная их семьи, я мог *проверить точность их ретроспективных откровений* на таком множестве примеров и подробностей, которое не представляло бы ни малейшего интереса для читателя. Приведу только некоторые из них, касающиеся Евгении, чтобы стало ясно, о чём идёт речь. Это фрагменты протоколов наших совместных сеансов с д-ром Бордые, директором Медицинской школы Гренобля:

«Усыпив её, я возвращаю её на несколько лет назад. Я вижу, что у неё на глазах появляются слёзы. Она говорит мне, что ей двадцать лет и что она только что лишилась ребёнка... Продолжение пассаов. Субъект резко подскакивает в кресле с криком ужаса. Она увидела, как возле неё появились призраки недавно умерших бабушки и тётки. (Появление это, имевшее место в возрасте в который я её привёл, произвело на неё в своё время глубокое впечатление.)

Вот ей теперь 11 лет. Она идёт первый раз на причастие; самые большие её грехи состоят в том, что она иногда не слушается бабушку, и в особенности то, что она без спроса взяла один су в кармане папы; ей было очень стыдно, и она просила у него прощения.

9 лет. – Смерть матери восемь дней назад. Она страшно расстроена. Отец только что отослал её из Винэ, где он работает красильщиком, жить в Гренобль к дедушке, чтобы она научилась там шитью.

6 лет. – Она в школе города Винэ и уже умеет хорошо писать.

4 года. – В свободное от школы время Евгения присматривает за маленькой сестрёнкой. Она начинает складывать палочки и писать некоторые буквы.

Поперечные пассы, ведущие к пробуждению, вынуждают её проходить в обратном порядке через те же этапы и душевные состояния».

«Жозефина из Вуарона, показала те же особенности касательно почерка в различном возрасте. (Следуют пять образцов, показывающих прогресс в её образовании от 4 до 18 лет.)

До настоящего времени мы шли, так сказать, по твёрдой почве. Мы наблюдали трудно объяснимый физиологический феномен, но который опыты и бесчисленные проверки позволяют рассматривать как твёрдо установленный факт. Сейчас, однако, перед нами откроются новые горизонты.

Мы оставили Евгению в возрасте грудного младенца. Углубляя далее её сон, я установил изменение личности. Она больше не была человеком, но парила в каком-то полумраке, не имея ни мыслей, ни желаний, ни связи с кем бы то ни было. Затем последовали ещё более далёкие воспоминания.

Прежде она была маленькой девочкой, умершей очень рано от лихорадки, вызванной прорезыванием зубов. Она видит своих родителей в слезах, склонившихся над её телом, из которого она смогла высвободиться довольно быстро.

Далее с помощью поперечных пассов я следую в сторону пробуждения. На этом пути она в обратном порядке проходит все отмеченные выше фазы и сообщает мне новые подробности, вызванные моими расспросами. Где-то непосредственно перед своим последним воплощением, она почувствовала, что должна будет начать жить заново в какой-то определённой семье; она приблизилась к той, которая должна была стать её матерью и недавно зачала. Мало-помалу, «дуновениями» она вошла в детское тельце. До семи лет она частично жила за пределами этого физического тела, которое в первые месяцы жизни она видела так, словно бы наблюдала за ним со стороны. Она тогда не очень хорошо различала материальные объекты, её окружающие, но зато видела духов, паривших вокруг неё. Одни, очень яркие, защищали её от других, тёмных и злых, пытавшихся повлиять на её физическое тело. Когда же последним это удавалось, то они вызывали те приступы ярости, которые мамы называют *капризами*».

После этого следуют обстоятельные и весьма интересные подробности, касающиеся иных жизней духа, который в своём последнем воплощении назывался «Жозефиной». Эту часть своего изложения г-н Дероша завершает следующим образом: «Довольно трудно впрочем понять, как сугубо механические действия, подобные этим пассам, позволяют с абсолютной точностью дойти до определённого момента в жизни человека, каковым является его рождение, и после этого совсем уж невозможно представить, что эти же действия вдруг резко изменяют характер своего результата, чтобы стать лишь источником галлюцинаций». (Albert de Rochas, «Les Vies successives».)

* * *

LXXX. Мы ничего не добавим к этим комментариям из опасения ослабить тем их силу. Мы предпочитаем перейти прямо к другой серии опытов г-на Дероша, проделанных в Эксан-Провансе и изложенных сеанс за сеансом в июльском номере «Анналов психических наук» за 1905 год. (См. также его книгу «Les Vies successives», стр.123-162.)

Субъектом является девушка 18 лет, у неё прекрасное здоровье, она никогда слыхом не слыхала ни о гипнотизме, ни о спиритизме. Мадемуазель Мари Мэйо – дочь французского инженера, умершего на Востоке. Она выросла в Бейруте, где была вверена заботам туземной прислуги; там она научилась читать и писать по-арабски. Затем её перевезли во Францию, и она живёт в Эксе со своей тёткой.

На сеансах в качестве свидетелей присутствовали д-р Бертран, бывший мэр Экса, врач семьи, и г-н Лакост, инженер, которому мы обязаны написанием большей части протоколов. Этих сеансов было очень много. Перечисление фактов занимает в «Анналах» 50 страниц. Первые опыты, предпринятые в декабре 1904 года, касались обновления воспоминаний нынешней жизни. Субъект, погружённый полковником в гипнотический сон,

постепенно движется вглубь своего прошлого и вновь видит сцены из детства. В разном возрасте она даёт образцы своего почерка, каковые легко контролируются. В 8 лет она пишет по-арабски, вывода замысловатую вязь, давно уже ею забытую.

Затем начинается реновация предыдущих жизней. Попеременно, идя вспять по цепи своих существований, либо же возвращаясь назад в современную эпоху, субъект, под влиянием гипнотических приёмов, о которых мы уже говорили, проходит туда и обратно через те же этапы, в той же последовательности, в прямом порядке или в обратном с медленностью, которая, по словам полковника, «сильно затрудняет проведение исследований за пределы какого-то определённого числа жизней и личностей».

Симуляция невозможна. Мари пересекает различные состояния гипноза, и в каждом из них она проявляет характерные для него симптомы. Множество раз доктор Бертран удостоверяет катаlepsию, контрактуру, полную потерю чувствительности. Мари проводит рукой по пламени свечи, не ощущая его. «Она совершенно не слышит запаха нашатыря. Глаза не реагируют на свет, зрачок никак не отвечает на внезапное приближение к глазу или отдаление от него лампы или свечи». Но зато ярко выражена чувствительность на расстоянии, что по всей видимости доказывает наступление феномена экстериоризации. Прочитируем сами протоколы:

«Я возвращаю Мари в её прошлое; так она достигает момента своего рождения. Когда ядвигаю её дальше, она вспоминает, что она уже жила прежде; что её звали Линой; что она тогда утонула, что затем она поднялась по воздуху, что там она видела светозарных существ, но что ей не было дозволено говорить с ними. Перед жизнью Лины она находится ещё в состоянии скитальчества, ей очень тяжело, потому что прежде она была «нехорошим» человеком.

В том воплощении она звалась Шарлем Мовиллем. Он был конторским служащим и жил в Париже. В ту пору на улицах постоянно дрались. И он убил многих, и ему это нравилось; он был злым человеком. В те времена на площади отрубали головы.

В 50 лет он оставляет службу в конторе, он болен (Мари кашляет) и вскоре умирает. Он присутствует на собственных

похоронах и слышит, как о нём говорят, что он был «гулякой и распутником». Сколько-то времени он остаётся прикован к своему мёртвому телу. Он страдает; он несчастен. Наконец он переходит в тело Лины».

Другие сеансы восстанавливают жизнь Лины, бретонки: «Я замедлил пассы, когда приблизился ко времени её смерти; дыхание сделалось прерывистым; тело качается, как уносимое волнами и появляются признаки удушья».

Сеанс от 29 декабря 1904г. Г-н Дероша приказывает: «Снова стань Линой, в ту минуту, когда она утонула». Тотчас же Мари делает резкое движение в кресле; она поворачивается на правый бок, закрывает лицо руками и остаётся в таком положении несколько секунд. Можно подумать, что первая фаза действия совершилась *добровольно*, ибо если Лина умерла в воде, то это утопление было добровольным, было актом самоубийства, что придаёт всей сцене совершенно особый вид, весьма отличный от утопления невольного.

Затем Мари резко поворачивается на левый бок. Дыхательные движения ускоряются и затрудняются; грудь приподнимается с трудом и нерегулярно; на лице выражение отчаяния, в глазах испуг. Она делает глотательные движения, как если бы глотала воду, но это происходит помимо её воли, потому что видно, что она противится этому. В этот момент субъект испускает несколько нечленораздельных криков; она извивается и барахтается, лицо выражает неподдельное страдание, и г-н Дероша приказывает ей постареть на несколько часов. Затем он спрашивает её:

- Ты долго отбивалась?
- «Да».
- Это была мучительная смерть?
- «Да».
- Где ты сейчас?
- «В серости».

30 декабря 1904 г. Жизнь Шарля Мовилля. Мари воспроизводит одну из фаз болезни, унёсшей его в могилу. Она словно демонстрирует все признаки болезни лёгких: стеснение в груди, приступы мучительного кашля. Она умирает и присутствует на собственных похоронах:

– Много ли пришло народу?

– «Нет».

– Что говорят о тебе? Мало хорошего? Припоминают, что ты был злым человеком?

Ответ, после долгих колебаний и совсем тихо:

– «Да».

Затем она погружается в «черноту»; полковник быстро проводит её через это состояние; она перевоплощается в Бретани. Мари видит себя ребёнком, затем девушкой, ей 16 лет и она ещё ничего не знает о своём будущем муже; в 18 лет она встречает его, выходит вскоре замуж и становится матерью. Здесь мы присутствуем при поражающей своим реализмом сцене родов. Субъект переворачивается в кресле, её члены напрягаются, лицо искажается от боли, её страдания делаются столь велики, что полковник приказывает ей быстро переместиться вперёд.

Ей 22 года. Её муж погиб в море, и умер ребёнок. В отчаянии она решает утопиться. Этот эпизод, который она уже воспроизводила на другом сеансе, так мучителен, что полковник приказывает ей быстро пройти мимо, что она и делает, не избежав однако при этом сильного потрясения. В «серости», в которой она видит себя, она не страдает, как то было с ней, когда она была в «черноте» после смерти Шарля Мовилля. Она воплощается в нынешней своей семье и достигает своего настоящего возраста. Изменение произошло посредством поперечных гипнотических пассивов».

31 декабря 1904 г. «На этом сеансе я намереваюсь получить некоторые новые подробности о личности Шарля Мовилля и постараться перевести Мари в предыдущую жизнь. Поэтому посредством продольных пассивов я быстро углубляю гипнотический сон вплоть до детства Мовилля. В тот момент, когда я его спрашиваю, ему 5 лет. Отец его – старший мастер на одной из мануфактур, мать одета в чёрное и носит чепчик. Я продолжаю углублять сон.

До рождения Мовилль находится в «черноте», он страдает. Прежде он был дамой, муж которой был дворянином при дворе Людовика XIV; её звали Мадлен де Сен-Марк.

Расспросы о жизни этой дамы. Она была знакома с мадемуазель де Лавальер, которой симпатизировала. Она почти не знает мадам де Монтеспан. Мадам де Мэнтенон ей не нравится.

— Говорят, что король тайно на ней женился?
— «Фи! она просто его любовница».
— А король, каким Вы его находите?
— «Гордец».
— Вы знаете г-на Скаррона?
— «Бог мой! он так безобразен».
— А Вы видели игру г-на Мольера?
— «Да, но он мне не очень нравится».
— Знаете ли Вы г-на Корнеля?
— «Это дикарь».
— А г-на Расина?
— «В особенности я знаю его произведения. Я их очень люблю».

Я предлагаю ей постареть, чтобы увидеть, что произойдёт с ней позднее. Она наотрез отказывается. Мои властные приказания ни к чему не приводят; мне удаётся победить её сопротивление лишь посредством крайне энергичных поперечных пассивов, от которых она стремится уклониться всеми способами.

В тот момент, когда я останавливаюсь, ей 40 лет; она покинула двор; она кашляет и чувствует боль в груди. Я заставляю её высказаться о собственном характере; она признаётся, что эгоистична и завистлива, в особенности по отношению к красивым женщинам.

В 45 лет она умирает от чахотки. Я присутствую при короткой агонии, и она попадает в черноту». («Annales des Sciences psychiques», juillet, 1905; A.de Rochas, «Les Vies successives»).

* * *

LXXXI. Прежде всего нас поражает следующее: наличие в каждой новооткрываемой жизни постоянного повторения по ходу

многочисленных сеансов всё тех же самых событий, следующих всё в том же порядке, в одну сторону или в обратную. И всё это происходит совершенно стихийно, без колебаний, ошибок и какой-либо путаницы.* Затем это единодушное утверждение экспериментаторов – в Испании, в Женеве, Гренобле, Эксе и т.д. – утверждение, в котором я и сам мог всякий раз убедиться, наблюдая феномены этого рода: в каждом новом существовании, развёртывающемся по ходу эксперимента, осанка, жестикация, речь субъекта меняются; выражение взгляда также изменяется, становясь более жёстким по мере продвижения вглубь времён. Присутствуешь при извлечении из небытия целого клубка мнений, предрассудков, верований, свойственных эпохе и среде, в которых данное существование протекало. Когда субъект, женщина, переносится в мужское существование, всё выражение лица её меняется; голос становится более громким и резким, в движениях также появляется резкость. Различия не менее ярко выражены, когда субъект попадает в детство.

Физические и умственные состояния всегда сцепляются, связываются в тесную общность, дополняясь одни другими и оставаясь нераздельными. Каждое вызванное воспоминание, каждая заново пережитая сцена вызывают целый рой ощущений и впечатлений, радостных или мучительных, весёлых или горестных (у каждого своё), но совершенно адекватных ситуации. Закон связи и соотношения, установленный П.Жанэ, Т.Рибо и другими, встречается и проявляется здесь во всей своей силе, с механической точностью как в том, что имеет отношение к жизни нынешней, так и к сценам, связанным с прошлыми жизнями. Одного только этого постоянного соответствия было бы достаточно, чтобы гарантировать обоим родам воспоминаний характер достоверности. Если воспоминания о первичных фазах

* Другой исследователь, г-н А.Бувье, отмечает («*Paix universelle*» de Lyon, 15 сентября 1906 г.): «Всякий раз, когда субъект передвигается по той же самой жизни, тщетны оказываются все ухищрения обмануть его или заставить обмануться: он всегда остаётся той же самой индивидуальностью, с присущим ей персональным характером, которая при необходимости исправляет все заблуждения, вносимые вопрошающими». (Л.Д.)

нынешнего существования, стёршиеся из обыденной памяти субъекта, при проверке всякий раз оказываются точными, то это, являясь доказательством их достоверности, равным образом становится сильной презумпцией в пользу достоверности и тех, проверить которые нет возможности.

С другой стороны, субъекты воспроизводили с абсолютной верностью, с неподдельной живостью впечатлений сцены столь мучительные, сколь и сложные: удушье при утоплении, агонию, обусловленную последней стадией чахотки, беременность, сопровождающуюся родами, со всей чередой физических явлений, им сопутствующих: дыхательными спазмами, болью и т.д.

Между тем, эти субъекты, почти все девушки от 16 до 18 лет, очень скромны по природе и мало сведущи в научных вопросах. По свидетельству самих экспериментаторов, один из которых врач семьи Мэйо, их неспособность симулировать подобные сцены не подлежит сомнению. Оне не обладают никакими познаниями в физиологии или в патологии и в нынешнем своём существовании не были свидетельницами никакого инцидента, способного дать им указания или сведения касательно фактов этого рода.*

Эти сообщения вынуждают нас исключить любые подозрения в подлоге, мошенничестве или гипотезу об игре воображения.

Ведь какой талант, какое искусство, какое совершенство позы, жеста и голоса следовало бы употребить, чтобы в течение этих бесчисленных сеансов выдерживать столь невообразимо трудную роль, чтобы измышлять и разыгрывать сцены столь реалистичные, а нередко и трагичные перед лицом экспериментаторов опытных в развенчании обмана, практиков, постоянно держащихся на чеку от ошибки и плутовства? Подобную роль нельзя приписать дёвицам, не имеющим никакого жизненного опыта и получившим всего лишь сильно ограниченное, т.е. элементарное образование.

И ещё: в сплетении этих рассказов, в судьбе фигурирующих здесь человеческих существ, в перипетиях их существований мы непрестанно находим подтверждение того высокого закона причинности или последствия действий, который правит нравственным

* Это мнение было при мне высказано во время моего проезда через Экс-г-ном Лакостом и д-ром Бертраном. (Л.Д.)

миром. Разумеется, здесь нельзя усматривать какое-то отражение мнений субъектов, поскольку у них нет никакого понятия по этому поводу: среда, в которой они жили, образование, ими полученное, ни в коей мере не подготовили их к знанию о множественности существований, о чём и свидетельствуют наблюдатели.

Несомненно, многие скептики подумают, что факты ещё слишком малочисленны, чтобы можно было извлечь из них твёрдую теорию и окончательные выводы. Скажут, что следует дожидаться накопления большего количества доказательств и свидетельств. Быть может, и достоверность многих наших опытов объявят сомнительной из-за того, что в них попадают анахронизмы, противоречия и факты, которые нет возможности проверить. Скажут ещё, что эти фантастические рассказы производят такое впечатление, будто благосклонные наблюдатели в своём энтузиазме позволили разыграть себя и мистифицировать. Но как бы *такие* разговоры смогли снизить значимость столь серьёзных опытов? Злоупотребления, ошибки, случающиеся при опытах по недосмотру, здесь не имеют места, и потому никак не затрагивают исследования, проводимые в согласии с точным методом и в условиях жёсткого контроля.

В общем и целом, мы полагаем, что факты, приведённые выше, вкупе со множеством других фактов того же рода, которые было бы излишне приводить здесь, вполне достаточны, чтобы установить существование — в основании здания нашего «Я» — своеобразного огромного подвала, в котором собраны неизмеримые запасы знаний и воспоминаний. Всё длительное прошлое существа нашего в целости и сохранности пребывает там, и лишь оно одно сможет сказать нам, в чём состоит секрет начал и эволюция жизни, и какова сокровенная тайна человеческой природы.

Процесс построения сознания, по словам Герберта Спенсера, двойственен: он включает усвоение и припоминание. Но при этом необходимо признать, что нормальное сознание, о котором он говорит, весьма непрочное и ограниченно. Оно колыхнется над краями бездны души нашей, словно мерцающий свет свечи над пропастью, едва освещая бледными отсветами целый таинственный мир, в котором дремлют сокрытые силы и образы и накапливаются

впечатления, полученные существом с первоначального мига его сотворения.

И всё это, во время нашей жизни здесь сокрыто покровами тела и открывается лишь в трансе, выступая из тени с тем большей отчётливостью, чем более душа наша высвободилась из материи и чем больше она эволюционировала.

* * *

LXXXII. Было бы нетрудно добавить большое число фактов, сопричастных тому же роду исследований.

Князь Адам Вишнеvский, проживающий на Рю Дебаркадер в Париже, сообщил нам следующую историю. Её рассказали ему сами свидетели, некоторые из коих ещё живы и согласились быть названными лишь по инициалам:

«Князь Голицын, маркиз де Б***, граф де Р*** встретились летом 1862 года на водах в Гамбурге.

Однажды вечером, после довольно позднего обеда, они прогуливались в парке Казино. Там они увидели нищенку, лежащую на скамье. Заговорив с нею и расспросив, они пригласили её на ужин в гостиницу. После того, как она с аппетитом поужинала, князю Голицыну, который был гипнотизёром, пришла мысль усыпить её. После долгих пассов это ему удалось. И каково же было удивление присутствующих, когда в состоянии глубокого гипноза, та, что изъяснялась накануне лишь на скверном немецком диалекте, вдруг начала очень правильно говорить по-французски и рассказала, что воплотилась в нищенку в наказание за то, что в прошлой своей жизни, в XVIII веке, совершила преступление. Она жила тогда в богатом замке в Бретани, на берегу моря. Заведя любовника, она захотела избавиться от мужа и столкнула его в море с высокой скалы. С большой точностью она описала и назвала место совершения преступления.

Благодаря этим указаниям, князь Голицын и маркиз де Б***, побывавшие позднее в Бретани, в Кот-дю-Нор, смогли, независимо

друг от друга, заняться поисками, результаты которых оказались идентичны. Расспросив множество народу, они поначалу не смогли получить никаких сведений, пока наконец не встретили старых крестьян, вспомнивших, что их родители рассказывали историю о молодой и красивой хозяйке замка, которая погубила своего супруга, столкнув его в море. Так всё рассказанное нищенкой из Гамбурга в состоянии гипнотического сна в точности подтвердилось.

Возвращаясь домой проездом через Гамбург, князь Голицын расспросил тамошнего комиссара полиции по поводу этой женщины, и тот заявил ему, что она совершенно неграмотна, говорит только на просторечном немецком диалекте и существует лишь на скудный заработок солдатской потаскухи».

Как можно видеть, учение о множественности существований, преподанное великими философскими школами прошлого и утверждаемое в наши дни кардекистским спиритуализмом, получает прямым или косвенным образом новые и весьма многочисленные подтверждения в работах современных учёных и исследователей. Благодаря экспериментированию, самые сокровенные глубины души человеческой делаются доступны зрению нашему, и наша собственная история восстанавливается таким же образом, как геология смогла восстановить историю Земли, ведя раскопки в её мощных напластованиях.

* * *

LXXXIII. К выше названным фактам следует добавить большое количество впечатлений, рассказываемых детьми. Здесь феномен легко объясним. Адаптация психических органов ощущений к материальному организму производится с момента рождения медленно и постепенно. Она завершается лишь на седьмом году жизни, а у некоторых детей даже позднее.

До этого времени дух ребёнка, витая вокруг своей физической оболочки, до известной степени живёт ещё жизнью

развоплощённого духа. Он обладает способностью воспринимать и видеть в духе, что порой передаёт некоторые смутные отблески этих впечатлений его физическому мозгу. Таким именно образом из детских уст иногда получали намёки на существование предшествовавших жизней, описания сцен и лиц, не имеющих никакого отношения к нынешней жизни юных созданий.

Эти видения и воспоминания обыкновенно исчезают у взрослого человека, потому что к тому времени душа вступает уже в полное владение своими земными органами. И тогда тщетно вопрошать человека о беглых детских воспоминаниях. Всякая передача периспиритальных вибраций прекращается; глубинное сознание становится безмолвным.

До сей поры этим детским откровениям не уделялось должного внимания. Родители, взволнованные подобными рассказами, которые они считают странными и ненормальными, вместо того, чтобы поощрять их, стремятся, напротив, помешать их проявлению. Наука тем самым теряет полезные указания. Если бы ребёнок, когда он пытается перевести на свой мучительный и неясный язык ускользающие вибрации, поступающие от психического мозга, получал поощрение со стороны взрослых, если бы его расспрашивали вместо того, чтобы прерывать и высмеивать, то в его прошлом наметились бы представляющие определённый интерес проблески, тогда как сейчас эта информация оказывается в большинстве случаев безвозвратно утерянной.

На Востоке, где учение о множественности существований имеет повсеместное распространение, этим воспоминаниям уделяют несравненно более внимания. Там их собирают, по мере возможности проверяют и зачастую подтверждают их истинность. Вот одно из свидетельств среди тысячи других подобных.

Корреспонденция, поступившая из Симлы (Восточная Индия) в «Дейли мэйл» сообщает, что маленький ребёнок, родившийся там, признан воплощением г-на Такера, суперинтенданта провинции, убитого в 1894 году «дискоитами». Ребёнок помнил малейшие подробности своей прошлой жизни. Он захотел побывать в тех местах, где жил г-н Такер. На месте убийства суперинтенданта ребёнок задрожал и выказал все признаки страха. Эти факты

довольно обыкновенны в Индии, Бирме и других странах этого региона, где перевоплощённые, вспоминающие о своей прошлой жизни, называются «вин-сас».

* * *

LXXXIV. Многие великие философы, писатели, поэты выражали свою убеждённость в реальности реинкарнации. Назовём Пифагора, Сократа, Платона, Аполлония Тианского, Эмпедокла, Овидия, Вергилия, Цицерона, Плотина или – ближе к нашим дням – Ламартина, Жозефа Мери, Амьеля, Виктора Гюго, Теофиля Готье, Александра Дюма, Понсона Дютеррайля, Гюстава Флобера.

Амьель писал: «Стоит мне только подумать о всевозможных наитиях, посещавших меня с самого отрочества, как мне становится ясно, что я прожил десятки, а может быть, и сотни жизней. Каждая из этих индивидуальностей внутри меня имеет своё мировосприятие, или вернее сказать, изменяет меня по своему подобию. Так я был математиком, музыкантом, монахом, ребёнком, матерью и т.д. В этих состояниях вселенской симпатии я был даже растением и животным».

Гюстав Флобер в одном из писем признаётся: «Я уверен, что был главою труппы странствующих комедиантов в Древнем Риме... Какие-то смутные воспоминания о той жизни возникают у меня за чтением комедий Плавта».

О Жозефе Мери «Журналь литтерэр» писал ещё при его жизни (в 1864г.) следующее:

«Он излагает престранные теории, каковые суть его убеждения. Так, он твёрдо верит, что жил многожды; он припоминает малейшие обстоятельства своих прошедших жизней и излагает их с такою силою убеждённости, что невольно начинаешь ему верить. По его словам, он был одним из друзей Вергилия и Горация; знал Августа и Германика; воевал в Галлии и Германии. Он был полководцем и командовал римскими легионами, когда они переправились через Рейн. В горах он узнаёт места, где войска

его стояли лагерем, в долинах — поля сражений, в которых бился когда-то. Звали его тогда Миниём. Вот эпизод, который, по всей видимости, свидетельствует, что воспоминания эти не суть плод его воображения.

Будучи в Риме (в нынешней своей жизни), он посетил Ватиканскую библиотеку. Там он был принят молодыми людьми — послушниками в коричневых рясах. Эти послушники принялись говорить с ним на чистейшем латинском языке. Мери был отменным латинистом во всём, что касалось до теории и писания, но у него ещё ни разу не было случая запросто беседовать на языке Ювенала. Когда он услышал речь сегодняшних римлян и пришёл в восторг от этого великолепного наречия столь созвучного с нравами эпохи, в которой оно было в ходу, и её памятниками, дожившими до наших дней, ему почудилось, что с глаз его спала завеса; и ему открылось, что он и сам в другие времена разговаривал с друзьями на этом божественном языке. И тогда с уст его полились готовые и безукоризненные фразы, он сразу же обрёл изящество и правильность, и наконец заговорил по латыни, как по-французски. Такая дивная лёгкость могла быть лишь плодом обучения — обучения, пройденного под руководством Августа — и жизни, прожитой в тот век великолепия латинской речи».

Далее в статье говорится:

«Следующая его жизнь на земле, по видимости, прошла в Индии. После опубликования его «Войны Низана» ни у одного из читателей не возникло сомнения, что он долго жил в Азии — настолько живы его описания, настолько подлинны нарисованные им сцены, каждая подробность словно схвачена глазом очевидца. Невозможно, чтобы он не видел того, о чём рассказывает; на всём лежит печать достоверности.

Он утверждает, что попал в Индию во время мусульманского вторжения, в 1035 году, и прожил там пятьдесят лет. Лучшие дни той его жизни прошли в Индии, и он обосновался в ней навсегда. Он снова был поэтом, хотя и не столь утончённым, как в Риме или в Париже. Сначала воин, затем мечтатель, он сохранил в душе захватывающие образы с берегов священной реки и из индусских поселений. У него было множество жилищ как в городе, так

и в деревне, он молился в Храме Слонов, знал продвинутую цивилизацию Джавы, видал великолепные здания, о которых пишет, – сегодня руины, о коих всё ещё мало известно.

Нужно услышать, как он рассказывает свои поэмы, ибо воистину это поэмы – его воспоминания а ля Сведенборг. Будьте уверены, он говорит вполне серьёзно. Он и не думает разыгрывать своих слушателей. Он просто рассказывает всё, как есть, и рассказ его в конце концов убеждает».

* * *

LXXXV. Бостонская газета «Бэннер оф лайт» от 15 октября 1892 года опубликовала следующий рассказ, подписанный мистером Айзеком Дж.Форстером. Вслед за тем эта история была перепечатана многими другими американскими газетами.

«Двенадцать лет назад я жил в графстве Эффингем (Иллинойс), когда у меня умерла дочь, Мэри, едва достигшая зрелости. На следующий год я обосновался в Дакоте. Там девять лет назад у меня родилась девочка, которую мы назвали Нелли. Как только она начала разговаривать, она заявила, что её зовут не Нелли, но Мэри, что это её настоящее имя, которое мы ей дали когда-то.

Недавно я посетил графство Эффингем, чтобы уладить там некоторые дела, захватив Нелли с собой. Она узнала наш старый дом и многих людей, которых никогда не видела, но которых моя первая дочь, Мэри, прекрасно знала.

В миле от дома находится школа, в которую ходила Мэри. Нелли, никогда её не видевшая, точно её мне описала и сказала, что хочет снова её повидать. Я отвёл её туда, и, оказавшись там, она пошла прямо к парте, за которой сидела её сестра, и сказала: «Это моя парта!»

* * *

LXXXVI. «Журналь де деба» от 11 апреля 1912 года в научной статье за подписью Анри де Вариньи приводит ещё один подобный случай, заимствованный из книги Х.Филдинга Холла, который долго занимался изучением этих вопросов:

«Где-то полвека назад, в Бирме, в один и тот же день, в одной и той же деревне родились двое детей, мальчик и девочка. Позднее их поженили, и они, обзаведясь семьёй и проявив в своей жизни все добродетели, умерли в один и тот же день.

Наступили тревожные времена, и двое молодых людей, юноша и девушка, должны были бежать из той деревни, в которой произошла первая история; они обосновались в другом месте, и у них родились два сына-близнеца, которые вместо того, чтобы называть себя своими настоящими именами, назывались именами той добродетельной четы, о которой речь была выше.

Родители сначала удивились, но потом поняли. Для них добродетельная чета воплотилась в телах их детей. Возникло желание проверить это. Родители отвезли своих детей в деревню, в которой родились. И те узнали всё: дороги, дома, людей, вплоть до одежды покойных супругов, которая непонятно по каким причинам сохранилась. Один из них вспомнил о том, что занял у одного человека две рупии. Тот ещё был жив и подтвердил этот факт.

Г-н Филдинг Холл, который видел обоих детей, когда им было 6 лет, нашёл, что один из них более похож на девочку; в нём, якобы, жила душа умершей женщины. До своего воплощения, говорят они, они жили какое-то время без тела в ветвях деревьев. Но эти отдалённые воспоминания становятся всё менее отчётливыми и мало-помалу стираются.

* * *

LXXXVII. Память о прошлых жизнях, в порядке исключения, встречается также у взрослых.

Д-р Гастон Дюрвиль в «Сайик мэгэзин», номера за январь-апрель 1914 года, сообщает примечательный случай

восстановления воспоминаний в состоянии бдения. Г-жа Лора Рейно, известная в Париже своими исцелениями посредством гипноза, давно утверждала, что она помнит о своей предыдущей жизни, проведённой в месте, которое она с точностью описывала и которое намеревалась посетить однажды. Она указывала особенности той своей жизни (пол, общественное положение, национальность и прочая) и заявляла, что развоплотилась столько-то лет назад вследствие такой-то болезни. По этому поводу были собраны точные указания.

Поехав в марте 1913 года в Италию, г-жа Рейно узнала страну, в которой жила прежде. Она объездила окрестности Генуи и нашла свой дом, который полностью соответствовал ранее данным ею описаниям. Д-р Дюрвиль говорит: «Благодаря содействию г-на Калауре, психолога-эрудита из Генуи, мы нашли в книге записей прихода Сан-Франческо д'Альбано акт о кончине, касающийся прошлого воплощения мадам Рейно. Все заявления, сделанные ею много лет назад касательно пола, общественного положения, национальности, возраста, причины смерти и прочая полностью подтвердились.

* * *

LXXXVIII. После пребывания в развоплощённом состоянии в пространстве,* душа вновь рождается в человеческом мире, принося с собой наследие – хорошее или дурное – своего прошлого. Она возрождается в облике младенца и появляется на земной сцене, чтобы сыграть новое действие в драме своей жизни, рассчитаться по старым долгам, завоевать новые способности и силы, которые облегчат ей её восхождение, ускорят её продвижение к цели.

* Продолжительность пребывания в развоплощённом состоянии бывает самая разная, в зависимости от состояния продвинутости духа. Она может охватывать годы. Как правило, духи одной семьи условиваются о том, что воплотятся вместе и составят аналогичные группы на земле. (Л.Д.)

Закон перевоплощения объясняет и дополняет принцип бессмертия. Эволюция человеческой души раскрывает некий план и цель. Эта цель, которая есть совершенство, не смогла бы быть достигнута в течение одного-единственного земного существования, сколь бы длинным и успешным оно ни было. Во множестве жизней души мы должны видеть необходимое условие её воспитания и развития. Через свои усилия, борьбу и страдания она высвобождает себя из состояния невежества и неразвитости и постепенно возвышается – сначала на Земле, а затем и в прочих бесчисленных обителях, рассыпанных по звёздному небу.

Реинкарнация, утверждённая голосами, звучащими из-за могилы, – единственное рациональное обоснование необходимости исправить совершённые ошибки, и лишь она может объяснить постепенность эволюции существ. Ничто без неё не имеет достаточной и полной моральной опоры, без неё невозможны никакие помыслы о Высшем Существе, по справедливости управляющем Вселенною.

Если мы делаем допущение, будто человек в нынешней своей жизни живёт в первый и последний раз, будто уделом каждого из нас является лишь одно-единственное существование на земле, то, чтобы быть последовательным, необходимо признать, что в распределении благ и бед, способностей и свойств, врождённых достоинств и врождённых пороков нет ни смысла, ни толка, ни справедливости.

Почему на долю одним выпадают богатство, постоянное счастье, а другим – нищета, неизбежное несчастье? Одним – сила, здоровье, красота, а другим – слабость, болезнь и уродство? Почему одним в наследство достались ум, гениальность, а другим – глупость и кретинизм? Как такое множество восхитительных нравственных качеств встречается бок о бок с подобным множеством пороков и несовершенств? Почему наблюдается такое различие в расах: одне несовершенны настолько, что кажутся граничащими с животными, а другие благодетельствованы всеми дарами, гарантирующими им господство? А врождённые болезни, слепота, идиотизм, увечья, все физические, психические и нравственные безобразия и уродства, заполняющие собой богадельни, дома умалишённых

и тюрьмы? Наследственность бессильна объяснить всё. В большинстве случаев все эти беды не имеют никакого объяснения, если замкнуться в рамках нынешней жизни. То же самое касается и «даров» судьбы. Слишком часто нам кажется, что справедливые переносят непомерно тяжёлые испытания, тогда как эгоисты и злодеи процветают и благоденствуют.

Зачем бывают мертворождённые дети, и за что другие оказываются приговорены к страданию с колыбели? Некоторые жизни завершаются за несколько лет, за несколько часов, другие же длятся около века. Или вот ещё вопрос: откуда берутся юные дарования: музыканты, художники, поэты, все те, кто с самых ранних лет выказывают чрезвычайные способности к искусствам и наукам, тогда как прочие всю жизнь, несмотря на отчаянные усилия, остаются посредственностями? То же самое с дурными наклонностями, врождённым чувством благородства или низости, находящихся порой в столь странном контрасте со средой, в которой они проявляются. — Как объяснить всё это?

Если жизнь индивида начинается только при земном рождении, если до этого ни у кого из нас ничего не было, тщетно искать объяснений ужасным несчастьям, странным аномалиям, а тем более пытаться примирить их с существованием мудрой, предусмотрительной и справедливой Силы. Все религии, все философские системы современности споткнулись об эту трудность. Ни одна из них не смогла разрешить её. В их понимании, которое ограничивает человеческое существование рамками одной этой жизни, судьба остаётся непостижимой, устройство Вселенной затемняется, эволюция останавливается, страдание делается бессмысленным и необъяснимым. Человек, понуждаемый верить в действие слепых сил рока, в отсутствие смысла и справедливости в распределении благ и бед, незаметно склоняется к атеизму и пессимизму.

И напротив, всё объясняется, всё освещается учением о множественности существований. Закон справедливости открывается в малейших подробностях жизни. Неравенство, нас возмущающее, вытекает из различия положения, занимаемого душами в зависимости от степени их развития. Уделом человека

тогда становится развитие сквозь века, осуществляющееся в долгой последовательности причин и следствий, порождаемых его делами и поступками. Ничто не теряется; последствия добра и зла накапливаются и вызревают в нас до момента, благоприятного для их раскрытия. Расцвет их бывает либо стремительным, либо случается по прошествии долгого отрезка времени, и тогда они переносятся из одной жизни в другую, отголосок их звучит в продолжении ряда воплощений в зависимости от того, насколько ускорено или замедлено было их созревание влиянием сопутствующих обстоятельств. Но ни одно из этих последствий не смогло бы исчезнуть само собою. Упразднить их может одно только искупление.

Каждый уносит с собой за могилу посев прошлого, а затем, с рождением, возвращает его назад. Посев этот в зависимости от своей природы способствует нашему счастью или несчастью, даёт плоды в новой начинающейся жизни и даже в дальнейших, если одного существования оказывается недостаточно, чтобы изжить отрицательные последствия наших прошлых жизней.

В то же время наши повседневные поступки, источник новых последствий, добавляются к старым причинам, смягчая или ужесточая их. Они составляют с ними вязь добра и зла, которая и составит канву нашей новой судьбы.

Таким образом, нравственность, представляющаяся столь маловажной, если рассматривать её из пределов одной-единственной жизни, приобретает абсолютную и первостепенную значимость при уразумении истины о множестве существований. Есть тесное соотношение между нашими поступками и нашей судьбой. Мы испытываем внутри самих себя, в нашем внутреннем существе и в событиях своей жизни ответные влияния наших действий. Наша деятельность, во всех её формах, составляет хорошие или дурные элементы, близкие или далёкие последствия которых грозным дождём прольются на нас или воссияют над нами радостными лучами. Человек сам строит собственное будущее. До сей поры в своей неуверенности и невежестве он строил его на ощупь и наобум и был вынужден претерпевать свою судьбу, не в силах ни объяснить, ни понять её. Но в скором времени,

просвещённый высокими истинами Спиритизма, проникнутый величием Верховных Законов, он поймёт красоту жизни, красоту, которая кроется в смелом и честном усилии, и тогда он придаст своему делу более благородный и высокий импульс.

* * *

LXXXIX. Материя, в сущности своей, по всей видимости является флюидом бесконечно гибким, эластичным, бесчисленные сочетанья коего дают рождение всем телам. Невидимый, неосязаемый, невесомый в первородной сущности своей, флюид этот, чрез длинный ряд переходных состояний, обретает вес и создаёт, посредством сильнейшего уплотнения (конденсации), твёрдые, непрозрачные и тяжёлые тела, кои составляют основу земной материи. Но это состоянье сцепления всего лишь временно, переходно, и материя, вновь пройдя все этапы своего преобразования, может беспрепятственно распасться и вернуться к своему изначальному флюидическому состоянию. Вот почему существование миров всего лишь временно, проходяще. Проступив из океанов эфира, миры вновь вернутся в него и растворятся в нём по завершении своего жизненного цикла.

* * *

XC. Мир флюидов готовит науке множество неожиданностей и открытий. Бесчисленны разнообразия форм, кои материя, утончившись, может принять для нужд высшей жизни.

Уже и сейчас многие наблюдатели знают, что за пределами возможностей нашего восприятия, по ту сторону непроницаемого занавеса, что создан несовершенством нашей познавательной способности и окутывает нас словно пелена тумана, существует иной мир, не мир существ бесконечно малых, но целая

флюидическая вселенная, окружающая нас, вся населённая невидимыми толпами.

Существа сверхчеловеческие, но не сверхъестественные, живут рядом с нами, немые свидетели нашей жизни, и не заявляют нам о своём существовании, кроме как в определённых условиях, под действием естественных, точных и строгих законов. В тайну законов этих необходимо проникнуть, ибо из знания их для человека последует обладание значительными силами, практическое применение которых может изменить лицо Земли и строй обществ. Именно это и составляет область экспериментальной психологии, или, как сказали бы некоторые, «оккультных наук».

* * *

XCI. Магнетизм, после того как учёные столь долгое время отвергали его, начинает наконец, под иным именем, привлекать к себе их внимание. Но результаты были бы поистине богаты, если бы вместо того, чтоб ставить опыты на психопатах, учёные имели дело с людьми здоровыми духом и телом. Магнетический сон развивает у людей умственно здоровых новые способности, бесконечно увеличивает мощь восприятия. Наиболее примечательное явление — это видение на большом расстоянии без посредства глаз. Сомнамбула может ходить ночью, читать и писать с закрытыми глазами, выполнять самую тонкую и усложнённую работу. Другие лица видят то, что происходит внутри человеческого тела, определяют болезни и их причины, читают мысль в мозгу, проникают без содействия органов чувств в самые сокровенные и отдалённые области, вплоть до порога иного мира. Они прикасаются к тайнам флюидической жизни, вступают в связь с невидимыми существами, о коих мы говорили, передают нам их мнения, их наставления. В дальнейшем мы вернёмся к этому последнему пункту; но уже и отныне мы можем считать твёрдо установленным тот факт, что вытекает из опытов Пюисегиора, Делеза, Дюпота и их бесчисленных учеников, а именно то, что магнетический сон,

обездвиживая тело, устраняя ощущения, возвращает психическому существу свободу, во сто крат увеличивает возможности его духовного восприятия, впускает его в мир, закрытый существам телесным, в мир, красоты и законы коего оно нам описывает.

Психическое существо это, кое в гипнотическом сне живёт, мыслит, действует вне тела, которое утверждает независимость своей личности особым способом видения, знаниями, превосходящими те, какими оно обладает в состоянии бдения, что оно есть, если не самоё душа, обретшая флюидическую форму, душа, которая не есть более слабое жизненных сил, игры органов тела, но свободная причина, действующая воля, на короткое время высвобожденная из своей тюрьмы, парящая надо всей Природой и наслаждающаяся целостностью своих врождённых способностей? Таким образом, магнетические явления делают очевидными не только существование души, но также и её бессмертье; ибо если, при своём телесном существовании, душа эта отделяется от своей грубой оболочки, живёт и мыслит вне её, то тем более после смерти обретёт она полноту своей свободы.

Наука о магнетизме вводит человека в обладание необычайными дарами. Действие флюидов на человеческое тело огромно; свойства их многообразны и наизыразительны. Многочисленными фактами доказано, что с помощью их возможно облегчать самые жестокие страдания. Разве великие миссионеры не исцеляли просто прикосновеньем рук? И именно в этом весь секрет их кажущихся чудес. Флюиды, подчиняясь могучей воле, страстному желанью творить добро, пронизывают все поражённые и больные организмы и постепенно возвращают здоровье больным и силу ослабленным.

* * *

ХСII. Душа, как во время телесной жизни, так и после смерти, постоянно покрыта флюидической оболочкою более или менее утончённой или эфирной – «периспритом», или духовным

телом. Перисприт служит посредником между телом и душой; последней он передаёт ощущения органов чувств и сообщает телу волю духа. В миг смерти он отделяется от осязаемой материи, оставляет тело разлагаться в могиле, но, неотъемлемый от души, он остаётся внешней формой её личности.

Перисприт, таким образом, представляет собою флюидический организм; это ранее существовавшая и выживающая форма человеческого существа, общий план, по коему создаётся телесная оболочка; он подобен второй одежде, невидимой и образованной утончённой материей, которая проникает все тела, какими бы непроницаемыми они нам ни казались.

Грубая материя, постоянно обновляющаяся жизненным током, не есть неизменная и постоянная часть человека. Это перисприт обеспечивает поддержание структуры человеческого тела и сохранение черт лица, и происходит это во все периоды жизни, от рождения до смерти. Он играет таким образом роль сжимаемого и упругого остова, на котором воплощается земная материя.

Однако и это флюидическое тело не остаётся неизменным; оно очищается и облагораживается вместе с душой; оно следует за нею чрез все её бесчисленные воплощения, вместе с нею поднимается по ступеням иерархической лестницы духов, делается всё более прозрачным и сияющим, чтобы вспыхнуть однажды тем ослепительным светом, о коем говорят древнейшие части Библии и свидетельства истории, касающиеся некоторых появлений.

* * *

ХСIII. Перисприт сохраняет все достижения живого существа. Именно в мозгу этого духовного тела накапливаются и вписываются огненными строками все знания, и именно по этому плану составляется и формируется мозг ребёнка при перевоплощении. Таким образом, умственное и нравственное достояние духа отнюдь не теряется, но преумножается и

возрастает вместе с его существованиями. Отсюда чрезвычайные способности, коими с самого рождения обладают некоторые особенно одарённые дети.

Возвышенье чувств, чистота жизни, порывы к добру и идеалу, испытанья и страдания, терпеливо переносимые, всё более утончают перисприт, расширяя, умножая его колебательные движения [вибрации]. Как химическое действие, они поглощают грубые частицы и оставляют лишь самые утончённые, самые чистые из них.

Обратным следствием является то, что материальные аппетиты, низкие и вульгарные страсти, воздействуя на перисприт, отяжеляют его, делают его более плотным и тёмным. Притяжение низших миров, таких как Земля, с силой воздействует на подобные организмы, кои частично сохраняют потребности тела и не могут их удовлетворить. Воплощения духов, подверженных таким страстям и аппетитам, быстро следуют друг за другом до той поры, покуда совершенство чрез страдание не приходит умерить их страсти, избавить их от земных влияний и открыть им доступ к лучшим мирам.

Тесная связь объединяет три составных элемента человеческого существа. Чем возвышеннее дух, тем неуловимее, легче, светозарнее его перисприт, тем свободнее тело от страстей, умереннее в своих желаниях и аппетитах. Благородство и достоинство души отражаются на перисприте, коему они придают более гармоничные формы и делают его более эфирным; они отражаются вплоть даже до тела; тогда лик человеческий озаряется отсветом внутреннего огня.

Перисприт сообщается с душой посредством магнетических токов. С телом он связан посредством нервных флюидов. Флюиды эти, хотя и невидимы, являются прочными путями, коими перисприт привязан к материи, от рождения до смерти, и даже – для людей, подверженных чувственным наслаждениям, – вплоть до разложения тела. Агония представляет нам сумму усилий, затрачиваемых периспритом на то, чтоб освободиться от цепей своей плоти.

Нервный флюид, или жизненный флюид, источником коего является перисприт, играет значительную роль в системе

всего организма. Существование его, способ его действия могут объяснить множество проблем патологии. Являясь одновременно передатчиком внешних ощущений и внутренних впечатлений, он сравним с передающим мысль телеграфным кабелем, чрез который проходит прямой и обратный ток.

Древние знали о существовании перисприита. Под именами «охема» и «феруэр» греческие и восточные философы обозначали оболочку души, «ясную, эфирную, аромальную». По мнению древних персов, когда наступает час воплощения, *феруэр* собирает вокруг себя и конденсирует материальные молекулы, необходимые для составления тела, затем со смертью возвращает их назад стихиям, для того чтобы в иных условиях получить новые телесные оболочки.

* * *

XCIV. Хотя существование перисприита утверждалось в различные эпохи человеческой истории, именно Спиритизму было суждено определить природу его и его точную роль. Благодаря опытам Крукса и других учёных мы знаем, что перисприит — это орудие, с помощью коего совершаются все магнетические и спиритические явления. Это духовное тело есть настоящая флюидная ёмкость, кою душа приводит в действие посредством воли. Именно перисприит, во время обычного сна и сна искусственно вызванного, высвобождается из материального тела, переносится на значительные расстояния и, во мраке ночей как и при свете дня, видит, наблюдает, постигает вещи, которые тело само по себе познать бы не смогло.

У перисприита свои органы чувств, аналогичные органам чувств у тела, но значительно превосходящие их силой. Он видит посредством духовного света, отличного от света звёзд, и который не могут воспринять материальные органы чувств, хотя свет этот и разлит во всей Вселенной.

Постоянство флюидического тела, как после так и до смерти, объясняет также и феномен *явлений* или материализаций духов.

Перисприт, в свободной жизни пространства, обладает в потенции всеми силами, кои составляют человеческий организм, но он не приводит их в действие. Как только дух оказывается в желаемых условиях, т.е. как только он может занять у медиума необходимые для этого флюидическую материю и жизненную силу, он усваивает их и мало-помалу начинает приобретать внешний облик земной материи. Жизненный ток циркулирует в перисприте, и, под действием заёмного флюида, физические молекулы выстраиваются по плану организма, по плану, важнейшие черты коего перисприт воспроизводит; тело человеческое восстанавливается, и организм начинает свою работу. Фотографии и слепки показывают нам, что это восстановленное тело идентично тому, которое дух оживлял на земле. Но жизнь этого восстановленного тела лишь временна и мимолётна, поскольку она ненормальна на данном этапе существования духа, и элементы, кои произвели её, после краткого слияния возвращаются к своим источникам.

* * *

XCV. Способности перисприта, его сила восприятия и средства высвобождения, как бы ни были они развиты у некоторых лиц, никогда однако не могут проявиться во всей своей полноте в период воплощения, т.е. при земной жизни. В эту пору перисприт тесно связан с телом. Будучи узником этой толстой и тёмной оболочки, он может выходить из неё лишь на некоторые мгновенья и при определённых условиях. Запасы его возможностей остаются в сокрытом состоянии, мало чем себя обнаруживая. Отсюда слабость нашей памяти, бессильной воскресить в сознании ход наших прошлых существований.

Вернувшись к жизни духовной, душа вновь вступает в полное обладание самою собой; перисприт вновь обретает полноту своих способностей. Отныне они могут совместно воздействовать на флюиды, влиять на живые существа, волновать человеческие умы. В этом тайна проявлений духов. Гипнотизёр обладает

огромной властью над внушаемым лицом, он может вызвать его высвобождение, остановить в нём материальную жизнь. Точно так же и духи, или бесплотные души, могут по своей воле направлять магнетические токи на некоторых людей, влиять на их органы и, чрез их посредство, сообщаться с обитателями Земли. Люди эти, благодаря тонкости их душевной организации, особо одарённые чувствительностью и восприимчивостью нервной системы, что обнаруживается при проявлении духов и необходимо для этого проявления, называются «медиумами». Способности их многообразны и различны.*

Именно люди, обладающие обострённым чувственным восприятием, ясновидцы, те, чьё зрение прорезает непроницаемый туман, скрывающий от нас эфирные миры, именно они, чрез озаренье, вспыхивающее подобно молнии в ночи, прозревают и здесь, на земле, нечто из небесной жизни. Некоторые даже обладают способностью видеть духов, слышать от них откровение высших законов.

Мы, правда, все медиумы, но в очень различной степени. Многие являются медиумами, но не знают об этом. Нет такого человека, на коего бы духи не оказывали своего, хорошего или дурного, влияния. Мы живём посреди невидимой нам толпы, которая молчаливо и внимательно присутствует при всех подробностях нашего существования, участвует мыслию в делах наших и работах, в наших радостях и страданиях. В толпе этой заняло своё место большинство тех, кого мы прежде встречали на земле и чьё изношенное убогое одеянье мы в своё время проводили до места его захоронения. Родственники, друзья, посторонние люди, враги — все продолжают жить и силою привычек и воспоминаний всё вновь возвращаются к тем местам и людям, коих они знали прежде. Невидимая толпа эта влияет на нас, наблюдает за нами, вдохновляет нас, подаёт нам советы, и подаёт их таким образом, что мы и не подозреваем

* Наилучший разбор свойств и способностей медиумов, как известно, дан Алланом Кардеком в его классическом труде «Книга Медиумов», изданном нами ранее. (И.Р.)

о том, кто подаёт их нам, а в некоторых случаях духи даже вселяются в нас, преследуют своею ненавистью и местью.*

* * *

XCVI. Неразрушимая форма эта, спутница и служанка души, свидетельница её битв и страданий, участвует, как мы видели, в странствиях её, возвышается и очищается вместе с нею. Образовавшись в низших областях, периспритальное существо медленно восходит по лестнице существований. Сначала это всего лишь существо зачаточное (рудиментарное), некий неполный набросок. Достигнув человеческого состояния, оно начинает отражать более возвышенные чувства; дух лучится с большей силой, и перисприт освещается новыми огнями. Из жизни в жизнь, по мере того, как способности его расширяются, как стремления очищаются, как поле знания увеличивается, перисприт обогащается новыми чувствами. Всякий раз, как завершается очередное воплощение, духовное тело, подобно бабочке, устремляющейся из куколки на свободу, высвобождается из своего плотского рубища. Душа вновь обретает себя, целая и свободная, и, оглядывая облегающий её флюидический покров, во всём его великолепии или ничтожестве, она определяет степень своей продвинутости.

Точно так же как дуб хранит в себе свидетельства прожитых лет, так и перисприт, под своей нынешней внешностью, сохраняет следы предыдущих жизней, пройденных друг за другом состояний. Следы эти, часто забытые, покоятся в нас; но как только душа вызывает их, пробуждает в себе воспоминанье о них, они выходят из тьмы словно свидетели, коим несть числа, и расставляют вехи на долгом пути, пройденном со стольким трудом.

У духов отсталых оболочка толстая, пронизанная материальными флюидами. Ещё и после смерти они испытывают

* В последнем случае автор имеет в виду одержание. Тема эта подробно разобрана в трудах Кардека. (Й.Р.)

ощущения и потребности земной жизни. Голод, холод, боль сохраняются для самых грубых из них. Их флюидический организм, затемнённый страстями, может вибрировать лишь в слабой степени, и поэтому возможности их восприятия сильно ограничены. Они не знают ничего о жизни в пространстве. Всё есть мрак в них самих и вокруг них.

Душа чистая, свободная от животных влечений, создаёт себе перисприт, подобный ей самой. Чем более утончён этот перисприт, тем с большей силою вибрирует он, тем шире распространяются его ощущения и растёт восприятие. Он участвует в таких формах существования, понятие о коих мы можем себе составить лишь с трудом. Он упивается наслаждениями высшей жизни, прекрасными гармониями Беспредельности. Такова задача человеческого духа и такова награда ему: своими долгими трудами выработать в себе новые чувства безграничной тонкости и силы; укротить грубые страсти, преобразить эту мрачную и толстую оболочку в полупрозрачную форму, озаряемую огнями. Вот оно — дело, определённое всем нам и кое все мы должны претворять чрез нескончаемое течение времён на чудесном пути, который миры развёртывают под нашими шагами.

* * *

XCVII. Спиритические факты влекут за собой крупнейшие философские и моральные следствия. Они приносят решение, столь же ясное сколь и полное, самым великим проблемам, кои сквозь века поднимались мудрецами и мыслителями всех стран: проблеме нашей внутренней природы, столь таинственной, столь мало познанной, и проблеме наших судеб. Выживание и бессмертье, бывшие до сей поры лишь просто робкими надеждами, чистыми предчувствиями души, устремленьями её к лучшему состоянию, либо же понятием рассудочного плана, отныне доказаны, доказано также единство живых и мёртвых, каковое является логическим следствием этих фактов.

Сомнение более невозможно. Человек бессмертен. Смерть – всего лишь перемена состоянья.* Из факта этого и из наставлений духов возникает, помимо того, уверенность во множественности наших земных существований. Эта эволюция живого существа чрез его возрождающиеся жизни, самого возводящего своё будущее, каждый день делами своими строящего самого себя как в недрах низшей жизни, так и в расцвете счастливых человечеств, это тождество происхождения и целей для всех существ, это постепенное совершенствование, плод исполненных работ, перенесённых испытаний, – всё это раскрывает перед нами торжество вечных принципов Справедливости, Порядка, Прогресса, правящих мирами, руководящих судьбою душ по мудрым, глубоким, вселенским законам.

* * *

ХСVIII. Мы должны помнить, что послания духов не могут быть уподоблены опытам по физике и химии. В этих последних всё подчинено одним только строгим законам, за пределами коих нельзя добиться никакого результата.

На спиритических же сеансах мы имеем дело отнюдь не со слепыми механическими силами, но находимся в присутствии разумных существ, наделённых подобно нам волей и свободой, существ, которые порою читают в нас, угадывают наши неблагожелательные намеренья и, если они принадлежат к существам высшего порядка, мало заботятся о том, чтоб ублажить наши причуды.

Изучение невидимого мира требует много мудрости и настойчивости. Лишь после долгих лет размышлений и наблюдений мы постигаем науку жизни, познаём людей, научаемся определять их характеры и избегать ловушек, в изобилии расставленных нам

* Джон Леннон говорил: «Я не боюсь умереть. Для меня смерть то же самое, что пересечь из одной машины в другую». (Примеч. Й.Р.)

на каждом шагу. Естественно поэтому, что знание о невидимом человечестве, кое окружает нас и парит над нами, не будучи восприемлемо нашими органами чувств, приобрести ещё труднее. Бесплотный дух по ту сторону смерти обретает себя таким, каким он сам себя сделал за время своего нахождения здесь. Он оказывается ни лучшим, ни худшим. Для того чтобы укротить страсть, исправить недостаток, ослабить порок, редко может хватить одной жизни. Из этого следует, что в толпе духов характеры серьёзные и вдумчивые находятся, как и на земле, в меньшинстве, а духи легкомысленные, поглощённые пустяками и безделками, образуют и там несчётные полчища. Невидимый мир, таким образом, есть более крупномасштабная копия, дубликат мира земного. Там, как и здесь, истина и знание не являются уделом всех. Умственное и нравственное превосходство достигаются лишь медленным и постоянным трудом, накоплением успехов, достигнутых в ходе длинного ряда столетий.

Мы знаем однако, что этот оккультный мир постоянно воздействует на мир телесный. Мёртвые влияют на живых, руководят ими, и без их ведома вдохновляют их. Духи влекутся друг к другу в соответствии со степенью своего сходства. Те, кто сняли с себя плотскую одежду, помогают тем, кто ещё облачён в неё. Они поощряют их идти по пути добра, но часто также и толкают их на путь зла.

Высшие Духи являются лишь в тех случаях, когда их присутствие может быть полезно и облегчает наше совершенствование. Они избегают шумных соборий и обращаются лишь к людям, подвижимым чистыми намерениями. Наши тёмные области им мало подходят. И как только они могут, они возвращаются в места менее насыщенные грубыми флюидами, но не прекращают, несмотря на расстояние, заботиться о своих подопечных.

Духи низшего порядка, неспособные к высоким устремлениям, предпочитают оставаться в нашей атмосфере. Они вмешиваются в нашу жизнь и, будучи озабочены единственно тем, что занимало их мысль во время их существования в теле, участвуют в удовольствиях или трудах людей, с коими они чувствуют себя связанными чрез сходство характера или привычек. Порою даже они обуздывают

людей слабых, кои не умеют противиться их влиянию, и целиком подчиняют их себе. В некоторых случаях власть их доходит до того, что они могут толкнуть своих жертв на совершение преступления или же довести их до безумия. Случаи подобной одержимости распространены гораздо более, чем думают. Именно в этом следует искать объяснение многим фактам, сообщаемым историей.

* * *

XCIX. Было бы опасным целиком и полностью отдаться проведению спиритических опытов. Человек с открытым сердцем, с просвещённым и здравым умом, может почерпнуть в этих опытах несказанные утешения и ценнейшие наставления. Но тот, кто в фактах этих стал бы искать лишь материальный интерес или легкомысленное развлечение, тот неизбежно стал бы объектом бесконечных мистификаций, сделался бы игрушкой коварных духов, кои, льстя его самолюбию и склонностям, соблазняя его заманчивыми обещаниями, завоевали бы его доверие, для того чтоб впоследствии подвергнуть его насмешкам и ввергнуть в разочарования.

Необходима, таким образом, величайшая осторожность для того, чтоб вступить в общение с невидимым миром. Добро и зло, истина и заблуждение перемешиваются там, и, чтоб отличить одно от другого, необходимо все откровения, все наставления пропустить чрез сито строгого суждения и здравого смысла. Продвигаться в этой неведомой земле можно лишь шаг за шагом, с факелом разума в руке. Для того, чтоб избегнуть дурных влияний, чтоб удалить от себя ватагу легкомысленных и злонамеренных духов, достаточно просто оставаться хозяином самому себе, никогда не отказываться от права контроля и анализа, всеми средствами более всего стремиться к самосовершенствованию в знании высших законов и в осуществлении добродетели. Тот, чья жизнь пряма, и кто ищет истину с искренним сердцем, не подвергается никакой опасности. Духи света читают в нём, видят его намеренья и поддерживают его. Духи тьмы, коварные и лживые, бегут от справедливого, как шайка

разбойников обходит стороной хорошо защищённую крепость. Духи-преследователи избирают жертвами своими людей главным образом легкомысленных, кои пренебрегают вопросами морали, для того чтоб во всём находить своё удовольствие и свою выгоду.

Почти всегда узы, происхождение коих восходит к предыдущим существованиям, связуют жертв одержимости с их невидимыми преследователями. Смерть не изглаживает наших ошибок и не избавляет нас от наших врагов. Наши беззакония довлеют над нами и чрез века, и те, кто страдали от них, преследуют нас своей ненавистью и мстостью по ту сторону могилы. Так позволяет того Высшая Справедливость. Но всё искупается. То, что в случаях одержимости представляется нам ненормальным, несправедливым, зачастую всего лишь следствие хищений и гнусностей, совершённых в тёмном прошлом.

* * *

С. Сверхъестественное не существует и не смогло бы существовать. Всё во Вселенной управляется законами. Доказать существование какого-либо явления, значит поставить его в ряд постоянного порядка вещей, значит подчинить его естественному закону. В недрах этой Вселенной, где всё, существа и вещи, связуется и соединяется одно с другим в тесной общности, в глубокой и возвышенной гармонии, нет места ни сверхъестественности, ни чуду. Законы, столь же точные и непреклонные как те, что управляют материей, правят невидимым миром. Для того, чтоб познать их восхитительное действие, есть всего лишь одно средство: изучение их. Нет однако ничего благодатнее, чем это изучение мира духов, несмотря на те трудности, кои оно представляет. Оно открывает мысли тысячи неисследованных путей; оно научает нас познавать самих себя, проникать в самые затаённые уголки нашего существа, анализировать наши ощущения, соизмерять наши способности и лучше впоследствии управлять ими. Именно в этом главным образом и состоит наука жизни, жизни души, не только в земном

её состоянью, но и в её последовательных преобразованиях во времени и пространстве.

Экспериментальный спиритуализм может стать средством примирения, связующим звеном между двумя враждующими ныне системами: метафизическим спиритуализмом и научным материализмом, кои бесплодно бьются и воюют друг с другом в течение уже стольких столетий. Он принимает основоположения первого, озаряет их новым светом и подводит под них основание уверенности; он отдаёт должное второму, применяя научные методы анализа и исследования, указывая на перисpirit — полуматериальное флюидическое тело — как на причину множества физических и биологических явлений. Но он делает и больше того: он привносит в науку философский синтез и моральное начало, коих та была лишена и без которых она бы не смогла воздействовать на общественную жизнь.

Наука, или, вернее сказать, науки, занимаются главным образом частичным и фрагментарным изучением Природы. Достижения физики, химии, зоологии огромны; проделанная работа достойна восхищенья; но при всём том в работе этой не хватает связи, последовательности, единства. Зная лишь одну сторону вещей, видимую сторону их, наиболее грубую, и желая на этих недостаточных данных основать действие вселенских законов, современная наука, сухая и холодная классификация материальных фактов, приходит к чисто механической теории строения мира, непримиримой с идеей справедливости, поскольку её логические следствия неизбежно приводят её к тому выводу, что в природе сила является единственным правом.

Вот почему наука осталась бессильна оказать оздоровительное, благотворное влияние на людские нравы. Лишённая до сей поры всякого цельного взгляда на вещи, она не смогла из собранного ею множества знаний вывести высшее миропониманье, должное определить судьбы человека, отметить его обязанности, дать ему побуждение к индивидуальному и общественному совершенствованию.

Между тем, именно Спиритизм привносит в науку это новое мировоззрение, согласующее все частичные знания, соединяющее

воедино их разрозненные элементы, и этот нравственный закон, необходимый для жизни и прогресса обществ. Он привносит их в науку вместе с философским синтезом, и это должно во сто крат увеличить силу её.

* * *

СІ. Человек, как мы видели, существо сложное. Три начала сочетаются в нём, чтоб образовать живую целостность; и это:

– тело, временная материальная оболочка, кою мы снимаем с себя при смерти, словно изношенную одежду;

– перисприт, постоянная флюидическая оболочка, не видимая нашим нынешним зрением, коя сопровождает душу в эволюции её, улучшается и очищается вместе с нею;

– душа, разумное начало, средоточие силы, очаг сознания и личности.

Эти три начала – материя, флюид, разум – тесно связаны внутри нас, чтобы составить жизнь; они находятся в основе вселенского порядка, основополагающими стихиями коего, его составляющими членами они являются. Они превращают человека в уменьшенную вселенную, в некий микрокосм, заключающий в себе те же силы и подчиняющийся тем же законам. Поэтому можно предположить, что совершенное знание нашего существа способно по аналогии привести нас к пониманию высших законов мироздания; но абсолютное, полное познание человека пока что ускользает и от самых сведущих из нас.

Душа, освободившаяся от материального тела и покрытая лишь своей флюидической оболочкой, составляет дух, эфирное существо, наделённое человеческой формой, не подчиняющееся земным ограничениям, в нормальном состоянии своём не видимое нам и не осязаемое. Дух есть не что иное, как бесплотный человек, и каждый из нас, когда пробьёт его час, вновь станет духом. Одно состояние сменяется другим: сначала смерть возвращает нас к жизни пространства, затем рождение вновь приводит нас

в этот материальный мир, для того чтоб мы возобновили борьбу за существование, ибо борьба является необходимым условием нашего продвижения. Тело можно сравнить с доспехами, в кои рыцарь облачается перед битвой и кои он снимает с себя после того, как битва завершена.

* * *

СП. Что же происходит при смерти и как дух освобождается из своей телесной тюрьмы? Какие впечатления, какие ощущения ожидают его в этот грозный миг? Именно это и интересно нам всем знать, ибо все мы отправимся в такое путешествие. Жизнь может ускользнуть от нас хоть завтра; но никто из нас не ускользнёт от смерти.

Как раз то, о чём почти в полном неведении оставляли нас все религии и философии, сообщается нам многими и многими духами. Они говорят нам, что ощущения, кои предшествуют и следуют за смертью, бесконечно разнообразны и зависят главным образом от характера, достоинств и нравственной высоты духа, покидающего землю. Отделение почти всегда происходит медленно, и высвобождение души совершается постепенно. Оно начинается иногда задолго до смерти и завершается лишь тогда, когда последние флюидические связи, соединяющие тело с периспритом, оказываются разорванными. Впечатленье, испытываемое при этом душою, тем мучительнее и продолжительнее, чем сильнее и многочисленнее эти связи. Душа, постоянная причина ощущения и жизни, воспринимает все потрясения, все муки и страдания материального тела.

Мучительная, полная тоски для одних, для других – смерть всего лишь сладкий сон, сменяемый упоительным пробуждением. Высвобождение стремительно, переход лёгок, для того, кто заранее отрешился от вещей земных, кто стремился к духовным благам и исполнил свой долг. У духа же привязанного к земле, не знавшего иных наслаждений, кроме материальных, и пренебрегшего тем,

чтобы подготовиться к уходу, в эту пору происходит, напротив того, мучительная борьба, длительная агония.

Однако, во всех случаях, отделение души от тела сопровождается порою тревог и беспокойства, мимолётною для духа справедливого и доброго, который вскоре пробуждается ко всем великолепиям небесной жизни; но очень долгою, растягивающейся на многие годы для душ виновных и преступных, пропитанных грубыми флюидами. Среди этих последних, многие полагают, что всё ещё живут телесной жизнью, хотя порог смерти они переступили уже давным-давно. Перисприт, на их взгляд, всего лишь второе плотское тело, подверженное тем же самым привычкам, а иногда и тем же самым физическим ощущениям, что и во время жизни на земле.

Другие духи низшего порядка пребывают погружёнными в тёмную ночь, в полное одиночество посреди глубокого мрака. Неуверенность, сомнение и страх давят на них. Преступников неотступно терзают своими ужасными видениями их жертвы.

Час отделения жесток для духа, верящего в небытие. В отчаянии он судорожно цепляется за ускользающую от него жизнь; в этот крайний миг в него закрадывается сомнение; он видит, как перед ним, словно бездна, разверзается страшный мир, и всеми силами души жаждет задержать миг своего падения. Отсюда жуткая борьба между материей, коя ускользает, и душой, силящейся удержать это жалкое тело. Иногда она остаётся прикованной к нему вплоть до полного его разложения и даже чувствует, по выражению одного духа, «как черви грызут его тело».

Безмятежна, спокойна, даже радостна смерть справедливого; это уход души, которая, много боровшись и выстрадав на этом свете, покидает землю, полная доверия к будущему. Для неё смерть — всего лишь освобождение, конец испытаний. Узы, соединяющие её с материей, ослабли и плавно спадают и обрываются; беспокойство заменяется у неё лёгким оцепенением, похожим на сон.

* * *

СШ. Покидая своё телесное жилище, дух, очищенный болью и жертвою, видит, как прошлое существование его отодвигается, отступает, мало-помалу отдаляется со всеми своими разочарованиями и иллюзиями, и затем рассеивается словно туман, стелящийся по земле в рассветный час и исчезающий при свете дня. Дух пребывает тогда в неопределённости между двумя родами ощущений: ощущением вещей материальных, кои изглаживаются, и ощущениями новой жизни, которая вырисовывается перед ним. Жизнь эта уже как бы проступает ему сквозь покров, полная таинственного очарования, устрашающая и желанная одновременно. В скором времени свет усиливается, не этот солнечный свет, известный нам, но свет духовный, лучащийся и повсюду разлитый. Свет этот всё с большей силой наполняет его, проникает в него, а вместе с ним входит и чувство блаженства, некое смешение силы, молодости и безмятежности. Дух погружается в эту целительную волну. Он смывает с себя в ней сомненья и страхи. Затем взгляд его отрывается от земли, от людей в слезах, окружающих его смертный одр, и обращается вверх. И тогда он прозревает небеса необъятные и других любимых людей, друзей былых, минувших времён, более молодых, более живых, более прекрасных, чем раньше, кои пришли встретить его и повести во глубину пространств. Он устремляется с ними и поднимается до тех областей эфира, которых ему позволяет достичь степень его очищения. И там тревоги его прекращаются, новые способности пробуждаются в нём, счастливая судьба его начинается.

Ощущения в этой новой жизни бывают самыми различными и зависят они от нравственного уровня самих духов. Те, и число их велико, чья жизнь на земле протекала в неопределённости, без серьёзных ошибок, но и без значительных заслуг, поначалу оказываются погружёнными в состояние оцепенения, глубокого уныния; затем происходит некий толчок, сотрясающий всё их существо. Дух медленно выходит из своей земной оболочки словно меч из ножен. Он вновь обретает свою свободу, но, будучи нерешительным и робким, он ещё не смеет ею пользоваться и силою боязни и привычки остаётся привязанным к тем местам, где он жил. Он продолжает страдать и рыдать вместе с теми, с кем

проводил свою жизнь. Он не замечает теперь течения времени; но в конце концов другие духи начинают поддерживать его советами, помогают ему рассеять свои сомнения, освободиться от последних земных цепей и подняться в менее тёмные области.

Вообще говоря, высвобождение души происходит менее мучительно после долгой болезни, поскольку следствием её является постепенное развязывание плотских пут. Смерть же внезапная, насильственная, происходящая, когда органическая жизнь находится в своём расцвете, вызывает в душе мучительную, щемящую тоску, повергает её в длительное смятение. Самоубийцы постоянно находятся во власти самых ужасных ощущений. Многие годы они испытывают муки и тоску последнего мгновения и с ужасом понимают, что лишь обменяли свои земные страдания на другие, ещё более жестокие.

Знание духовного будущего, изучение законов, управляющих развоплощением исключительно важны при подготовке к смерти. Они могут смягчить последние мгновения наши и облегчить нам высвобождение, что позволит нам быстрее опознать себя в открывающемся нам мире.*

* * *

CIV. Закон, столь же простой в принципе своём, сколь и восхитительный по своему действию, руководит распределением душ в пространстве по рангам.

Чем утончённее и разрежённее молекулы, составляющие перисприт, тем быстрее совершается развоплощение и тем также шире горизонты, открывающиеся духу. В соответствии со своей

* Писатель Дэвид П.Хотч, став духом, дал в этой связи следующую рекомендацию: «Уходя из жизни, не ожидайте – потому что ожидание та же просьба – бессознательности и уничтожения. Вы не можете уничтожить ту единицу силы, которую вы собой представляете, но вы можете самовнушением усыпить её на долгое время. Уходите из жизни с твёрдой решимостью удержать своё сознание, и вы удержите его». См. книгу Эльзы Баркер, «Письма живого умершего». (*Примеч. Й.Р.*)

флюидической природой и свойствами своими, он поднимается ко сходным с ним духовным группам. Его уровень и ранг в среде ему присущей определяются степенью его очищения. Кто-то, с известной долей справедливости, сравнил положение духов на небесах с положением шаров, наполненных газом различной плотности, кои, в зависимости от своего удельного веса, поднялись бы на разную высоту. Правда, тут же нужно добавить, что дух обладает известной свободой, что он не прикреплен намертво к какой-то одной точке, что он может, в определённых пределах, перемещаться и пересекать эфирные области. Он всегда может изменить свои склонности, преобразиться в труде и испытании и, стало быть, может по своему желанию подняться вверх по Иерархии.

Таким образом, участь душ после смерти определяет закон, аналогичный физическому закону тяготения. Нечистый дух, отяжелённый своими грубыми материальными флюидами, остаётся заточённым в нижних слоях земной атмосферы, тогда как душа добродетельная, оболочка коей очищена и утончена, устремляется радостная, быстрая как мысль, в пространство и парит в бесконечной лазури.

Также внутри себя, а не вовне, в своей собственной совести, дух находит себе награду или кару. Он сам свой собственный судья. Как только плотские одежды спадут, дух пронизывается светом, душа его предстаёт в нагом виде, и тогда в ней видна живая картина деяний её, её хотений и желаний. Миг торжественный, самоанализ полный тоски и часто разочарования. Воспоминания пробуждаются толпой, и жизнь вся целиком проходит пред мысленным взором в сопровождении своих ошибок, слабостей, ничтожеств. От детства и до самой смерти, мысли, слова, действия – всё выходит из тени, вновь является на свет, оживает и ещё раз проживает свою жизнь. Существо созерцает само себя, вновь видит одно за другим, сквозь течение времён, свои прошлые существованья, свои падения и взлёты, бесчисленные свои остановки. Оно пересчитывает перейдённые рубежи, измеряет пройденный путь, сопоставляет совершённое им добро и зло. Из глубин тёмного прошлого на зов его, словно призраки, являются ему формы, в кои была воплощена

душа его за долгую последовательность его существований. Всепроникающим зрением воспоминание его охватывает бескрайние дали протекших веков; из них оно выхватывает сцены кровавые, страстные, мучительные, деяния верности и предательства, подвиги и преступления; по ним душа определяет совершённый ею прогресс, причины перенесённого искупления былых ошибок и заблуждений, а также находит причину своего нынешнего положения. Она прозревает связь, объединяющую в одно целое её прошлые жизни подобно звеньям одной длинной цепи, протягивающейся сквозь века. Для неё прошлое объясняет теперь настоящее, а настоящее позволяет предвидеть будущее. И тогда-то и пробивает для духа час его настоящей нравственной пытки. Это воскрешение прошлого выносит ему страшный приговор, суд собственной совести – род суда Божьего. Такой самоанализ, сколь бы он ни был мучителен, необходим, ибо он может быть исходной точкой для спасительных решений и нравственного возрождения.

* * *

CV. Степень очищенности духа, положение, которое он занимает в пространстве, представляют собою сумму его успехов и свершений и определяют меру его ценности. В этом-то и заключается непогрешимый приговор, безвозвратно определяющий его судьбу. Всепроникающая гармония, чудесная простота, кою людские учреждения не смогли бы воспроизвести: принцип родства, подобия, сходства правит всем на небесах и каждому определяет его место. Ни суда, ни следствия, один только незыблемый Закон, осуществляющийся сам собою чрез взаимодействие духовных сил и согласно употреблению, которое им даёт свободная и ответственная душа.

Так каждая мысль, как мы объясним это далее, имеет форму, и форма эта, созданная волей, фотографируется в нас подобно тому, как изображения запечатляются на фотографической плёнке. Наша флюидическая оболочка, словно некая книга учёта, отражает

и сохраняет все факты нашей жизни. При жизни книга эта закрыта. Толстый панцирь тела – эта грубая оболочка – не позволяет нам заглянуть внутрь её, но после смерти она неспешно раскрывается и страницы её предстают пред нашим взором.*

Развоплощённый дух несёт, таким образом, в самом себе своё небо и свой ад, видимые всем. Неопровержимое доказательство его возвышения или падения записано на самом его флюидическом теле. Свидетели благожелательные или грозные – дела наши, наши замыслы – оправдывают нас или обвиняют, и ничто не может заставить голоса их умолкнуть. Отсюда мука человека злого, которому мнилось, будто дурные желанья его, его преступления глубоко и надёжно спрятаны, и кой вдруг видит, как они предстают на глазах у всех; отсюда угрызенья его совести, когда пред ним вновь проходят годы праздности и бездействия, часы, отданные разгулу и преступлению, также как и рыдающие жертвы, погубленные ради его низменных инстинктов. Отсюда ещё и счастье духа высокого, который сумел-таки победить свои страсти и посвятить свою жизнь помощи и утешенью братьев своих.**

Для того, чтоб отвлечься от своих забот, от своих нравственных тревог, у человека есть работа, учёба, сон. У духа же этих отдушин больше нет. Освобождённый от своих телесных пут, он постоянно находится пред верной и живой картиной своего прошлого. Так-то и получается оно, что горькие и непрестанные сожаления, вызванные созерцаньем этой картины, в большинстве случаев, вскоре пробуждают в нём желанье вновь взять себе физическое тело, для того чтоб бороться, страдать и искупить это обвиняющее его прошлое.

* * *

* Тот, кто творит много зла, должен также творить много добра, ибо только так может он уравновесить своё зло, и тем самым облегчить свою участь. (И.Р.)

**Всё в этом мире устроено так, что всякое зло, нами содеянное, рано или поздно обращается против нас, и чем позже, тем хуже; и всякое добро, нами сотворённое, рано или поздно возвращается к нам, и чем позже, тем лучше. (И.Р.)

CVI. Флюидическая оболочка существа очищается, просветляется или затемняется в зависимости от того, тонка или груба природа мыслей, отражающихся в ней. Каждое деянье, каждая мысль имеют свой отклик в перисприте и запечатлеваются в нём. Отсюда и неизбежные последствия для положения самого духа. Он оказывает постоянное действие на свою оболочку. Силой воли он всегда властен изменить её состоянье.

Воля есть верховная способность души, сила главным образом духовная. Она – самая основа личности. Её власть над флюидами безгранична и возрастает с возвышением духа. В земной среде её влияние на материю ограничено, поскольку человек не знает себя и не умеет пользоваться силами, дремлющими в нём; но в мирах более совершенных человеческое существо, научившееся хотеть, приказывает всей природе, направляет по своему желанью материальные флюиды, производит явления, превращения, граничащие с чудом. В пространстве и в мирах этих материя находится в флюидических состояниях, понятие о коих нам могут дать только недавние открытия в области радиоактивности тел. Точно так же как на земле некоторые химические сочетания производятся единственно под влиянием света, так и в этих мирах флюиды объединяются и сливаются лишь действием воли высших существ.

Тем не менее действие воли на материю вступило в область научных исследований, благодаря изучению магнетических явлений, производимому рядом физиологов под названием «гипнотизма» и «ментальной суггестии». Некоторые экспериментаторы уже показали, как прямым действием своей воли они могут вызвать на теле испытуемых раны, стигматы, заставить истекать из этих ран кровь и другие жидкости организма, а затем исцелить их обратным волением. Таким образом, воля человеческая по усмотрению своему разрушает и восстанавливает живые ткани; она ещё также в состоянии до такой степени изменить материальное вещество, чтоб сообщить ему новые свойства, вызывая, например, опьянение обыкновенной водой. Воля воздействует также и на флюиды и создаёт предметы и тела, кои загипнотизированные видят, ощущают, коих они касаются, и те имеют для них положительное

существование и повинуются всем законам оптики. Всё это явствует из работ и исследований докторов Шарко, Дюмонпалье, Льебо, Бернгейма, профессоров Льежуа, Дельбэфа и многих других, изложение коих можно прочесть во всех медицинских журналах.

Между тем, если воля оказывает такое влияние на грубую материю и рудиментарные флюиды, то можно себе представить её власть над периспритом и тот строй или беспорядок, гармонию или диссонанс, кои она в нём определяет согласно характеру своего действия как при земной жизни, так и после развоплощения.

* * *

CVII. Всякое действие воли, сказали мы, приобретает форму, флюидическую внешность и запечатлевается в периспритальной оболочке. Из этого очевидно то, что если действия её вдохновляются материальными страстями, то форма их будет материальна и груба. Перисприт, пропитанный, насыщенный этими формами, этими образами, *материализуется*, т.е. всё более огрубляется, от соприкосновения с ними, всё более густеет, утолщается и грубеет. Эти же самые причины постоянно воспроизводятся, те же самые следствия всё накапливаются, уплотнение убыстряется, способности восприятия и понимания всё снижаются, сила и широта вибраций всё уменьшаются. При смерти дух оказывается опутанным непроницаемыми и тяжёлыми флюидами, кои более не пропускают впечатления внешнего мира и становятся для души тюрьмой и могилой. В этом и состоит кара, уготованная духом самому себе; такое положение — дело его рук; и прекращается оно лишь тогда, когда более высокие устремления, раскаянье, воля к самоулучшению приходят разорвать материальную цепь, сковывающую его.

И действительно, если звериные, чувственные страсти затемняют флюидический организм, вздымают в нём всевозможную муть, то мысли великодушные, дела благородные, напротив того,

утончают и расширяют периспиритальные флюиды. Мы знаем, что некоторые свойства материи возрастают с увеличением степени её чистоты. Опыты Крукса показали, что разрежение атомов приводит их в состояние лучения. Материя в этом утончённом виде воспламеняется, становится лучистой, невесомой. Точно так же обстоит дело с периспиритальным веществом, являющимся ещё более высоким состоянием материи. Разрежаясь, оно выигрывает в гибкости, в чувствительности; благодаря этому его лучеиспускающая сила и вибрационная энергия всё более возрастают и позволяют ему выйти из-под влияния земных притяжений. И тогда дух вступает в обладание новыми органами чувств, с помощью коих он сможет проникнуть в самые чистые среды, общаться с существами самыми эфирными. Способности эти, эти чувства, открывающие доступ в страну счастья, каждая душа может приобрести, развить их в себе, ибо она содержит в себе нетленные ростки их. Вся длинная последовательность наших жизней, полных труда и усилий, не имеет иной цели, кроме той, как произвести полный расцвет этих чувств внутри нас.

Эта параллельная эволюция материи и духа, в ходе коей существо обретает свои органы, свои способности, строит себя из всевозможных материалов и непрестанно возрастает, указывает нам ещё и на общность, связующую вселенские силы, мир душ и мир тел. В особенности она показывает нам, какие богатства, какие неиссякаемые запасы существо может создать себе методичным и последовательным применением воли. Эта последняя становится верховной силой; это сама душа, проявляющая власть свою над низшими силами.

* * *

CVIII. Употребление, кое мы даём нашей воле, лишь одно оно руководит нашим продвижением, подготавливает наше будущее, прибавляет нам сил или ослабляет нас. Нет ни случая, ни рока. Есть законы. Пользоваться, управлять одними, следовать другим

– в этом тайна всякого величья и всякого возвышения. Уже и сейчас, свершения, осуществлённые вокруг нас волей, потрясают воображение мирян и вызывают удивление учёных. И тем не менее всё это мелочи в сравнении с результатами, получаемыми в высших средах, где все силы, покорные воле духа, сочетаются друг с другом и вступают во взаимодействие. И если, пребывая в таком настрое мыслей, мы устремим внимание наше ввысь, то разве не удастся нам, по аналогии, составить себе какое-то отдалённое представление о том, как Божественная Воля, воздействуя на космическую материю, может создавать солнца, определять орбиты миров, порождать вселенные?

Да, воля, тренированная в направлении добра и соответственно вечным законам, может свершать великие дела. Она также может много и для зла. Наши дурные мысли, нечистые желанья, преступные действия, отражаясь в окружающих нас флюидах, портят и искажают их, и соприкосновение с ними сейчас же вызовет недомоганье или неприятные ощущения у тех, кто приблизится к нам, ибо всякий организм испытывает влияние окружающих флюидов. Точно также великодушные чувства, мысли любви, страстные призывы сразу же проникают в существ, находящихся рядом с нами, поддерживают их, оживляют. Таким именно образом объясняется та огромная власть, коей обладают над толпами великие миссионеры и избранные души, а также обратное влияние людей злых, каковое, правда, мы всегда можем отвести противоположными волеями и энергичным сопротивлением нашей воли.

Более точное знание сил, коими обладает душа, и умение применять их на деле должны будут изменить самую суть наших склонностей и поступков. Зная о том, что дела и помыслы нашей жизни вписываются внутри нас неизгладимыми буквами, свидетельствуют в нашу пользу или против нас, мы станем уделять каждому из них более пристальное внимание. С этой же самой минуты мы приложим старанье к тому, чтоб развить наши скрытые возможности, к тому, чтоб воздействовать посредством их на разлитые в пространстве флюиды для очищения их, преобразования их на благо всех, к тому, чтоб создать вокруг нас

чистую и ясную атмосферу, недоступную для порочных влияний. Дух бездействующий, праздный, поддаваясь материальным влияниям, остаётся слабым, неспособным воспринять тонкие впечатления духовной жизни. После смерти он пребывает в полнейшем бездействии, и в далях пространства его одетые покровом чувства не прозревают ничего, кроме мрака и пустоты. Дух же деятельный, озабоченный развитием своих способностей чрез постоянное пользование ими, приобретает новые силы; взгляд его обнимает всё более широкие горизонты, круг отношений его постоянно расширяется.

* * *

СIX. Мысль, пользуемая как магнетическая сила, могла бы устранить множество беспорядков, ослабить много зла. Действуя чрез постоянные воления, решительно и часто изливая волю нашу на несчастные существа, на людей больных, извращённых, порочных, заблудших, мы могли бы утешать, убеждать, облегчать страдания, исцелять. Упражненьем этим можно было бы добиться не только неожиданных результатов для улучшения человеческой расы, но и удалось бы сообщить мысли необычайную остроту, всепобеждающую силу проникновения.

Благодаря тесному сочетанью хороших флюидов, черпаемых в беспредельном хранилище Природы и при содействии невидимых духов, можно восстановить пошатнувшееся здоровье, вернуть надежду и силы тем, кто отчаялся. Можно даже, посредством регулярной, настойчивой импульсации воли, на расстоянии влиять на людей неверующих, скептических, злых, расшатать их упрямство, приглушить ненависть, пропустить луч истины в рассудок наиболее враждебно настроенных. Это и есть неизвестная форма умственного внушения (ментальной суггестии), грозной силой коего пользуются как попало и неумело и которое, если пользоваться его в направлении добра, могло бы преобразовать нравственное состояние обществ.

Воля, осуществляясь флюидическим путём, не поддаётся никакому наблюдению или досмотру. Она действует в тени и тиши, преодолевает все препятствия, проникает во все среды, но, чтоб она могла произвести всё своё действие, нужны энергичная деятельность, могучие порывы, всепобеждающее терпенье. Подобно тому, как капля постепенно долбит самый твёрдый камень, непрестанная и благородная мысль в конце концов проникает и внедряется в самый невосприимчивый ум.

Если отдельная, единичная воля многое может для общего блага, то чего только не смогло бы тогда добиться соединенье многих возвышенных идей, сосредоточенье всех свободных волей? Интеллектуальные силы, разрозненные сегодня, взаимно обеспложивают и уничтожают друг друга. Отсюда смятенье и непоследовательность современных идей; но как только ум человеческий, осознав силу свою, сосредоточит рассеянные воли в один общий пучок, чтоб устремить их к Добру, Красоте, Истине, в этот самый день человечество смело устремится к вечным вершинам, и лик мира будет преображён.

* * *

СХ. Небо повсюду; повсюду беспредельность, неизмеримость, бесконечность; повсюду скопление солнц и планет, посреди коих Земля наша всего лишь мельчайшая пылинка. Во глубине пространств у душ нет отчётливо выраженных обиталищ. Души, тем более свободные, чем более они чисты, пролетают безбрежность и движутся туда, куда влекут их склонности их и симпатии. Низшие духи, отяжелённые плотностью своих флюидов, остаются словно привязанные к миру, в коем они жили, круговращаются в его атмосфере или вмешиваются в дела людские. Радости и способности восприятия духа не определяются средой, в коей он находится, но личным состояньем его и свершениями. Так дух отсталый, с периспригом матовым и окутанным мраком, может встретиться с лучезарной, огненной душой, утончённая

оболочка которой поддается самым тончайшим впечатлениям, самым разнообразным вибрациям, и не заметить её. Всяк несёт в себе величие и ничтожество своё.

Условия существования духов в загробной жизни, их возвышение, их счастье — всё зависит от способности их чувствовать и постигать, а она соразмерна степени их продвинутости.

Уже и здесь, на земле, мы видим, как наслаждения ума возрастают вместе с внутренней культурой. Но произведения литературы, искусства, красоты цивилизации, самые возвышенные порождения человеческого гения остаются непонятными дикарю и даже многим из наших цивилизованных сограждан. Так и духи низшего порядка, словно слепые посреди залитой солнцем природы или глухие на концерте, остаются безразличными и бесстрастными пред чудесами и красотами Беспредельности.

Духи эти, опутанные тяжёлыми флюидами, подчиняются закону тяготения, и материя притягивает их к себе. Под влиянием их грубых вожелений молекулы их флюидического тела закрываются для внешних восприятий, что делает их рабами тех же самых сил Природы, которые правят воплощённым земным человечеством. Никогда не будет лишним ещё и ещё раз настоять на данном факте, ибо он является основанием вселенского порядка и справедливости. Души собираются и располагаются в пространстве согласно степени чистоты их оболочки; ранг духа находится в прямой связи с его флюидическим строением, творцом коего он сам является, ибо флюидическое строение есть слагаемое его прошлого и всех его трудов. Именно оно определяет его положение; именно в нём дух находит себе награду или кару. Тогда как душа очищенная пробегает необъятные и лучезарные пространства, по желанью своему пребывает в различных мирах и почти не видит предела своим возможностям, дух нечистый не может удалиться от соседства материальных миров.

Между двумя этими крайними состояниями помещаются многочисленные промежуточные степени, кои позволяют духам собираться вместе и образовывать настоящие небесные общества. Общность мыслей и чувств, тождественность вкусов, взглядов,

устремлений сближают и объединяют эти души, составляющие большие семьи.

* * *

СХІ. Жизнь продвинутого духа главным образом активна, не сопровождаясь при этом утомлением. Расстояния не существуют для него. Он переносится со скоростью мысли. Оболочка его, подобная легчайшему пару, приобрела такую утончённость, что стала невидимой для низших духов. Он видит, слышит, чувствует, постигает теперь не чрез материальные органы, выступающие посредниками между природой и нами, преграждая при этом доступ большинству впечатлений, но прямо, непосредственно, чрез все части своего существа. Поэтому способности восприятия духов превосходят наши по ясности и численности. Дух возвышенный, так сказать, плывёт посреди океана прелестных ощущений. Пред ним разворачиваются меняющиеся картины, пленительные гармонии убаюкивают и очаровывают его. Для него цвета суть запахи, запахи суть звуки. Но, как бы ни были изысканны его ощущения, он по желанию может отключаться от них и сосредоточиваться, окутываясь неким флюидическим покровом, уединяясь и среди пространств.

Дух продвинутый освобождён от всех телесных потребностей. Пища и сон больше не имеют для него никакого смысла. Покидая землю, он навсегда оставляет суетные заботы, тревоги, все химеры, отравлявшие ему существование здесь. Низшие духи уносят с собой, по ту сторону могилы, свои привычки, потребности, материальные заботы. Не будучи в состоянии подняться выше земной атмосферы, они возвращаются назад, чтоб разделить с людьми их жизнь, чтобы вмешиваться в их борьбу, работу, удовольствия. Их страсти и желания, не знающие отдыха, перевозбуждённые постоянным соприкосновением с человечеством, угнетают и удручают их, а невозможность удовлетворить их становится для них причиною нескончаемых мук.

У духов нет нужды в словах, для того чтоб понять друг друга. Так как каждая мысль отражается в перисприте подобно изображению в зеркале, то они свободно, с головокружительной быстротою обмениваются своими идеями. Дух возвышенный может читать мысль в мозгу человека и угадывать его самые сокровенные планы. Ничто не сокрыто от него. Он проникает во все тайны природы и может при желании исследовать недра Земли, глубины океанов, осматривать на дне их остатки затонувших цивилизаций. Он проходит чрез самые плотные тела, и пред ним открываются области, недоступные человеческой мысли.

* * *

СХII. Если души, освобождённые от земных влияний, объединяются в сочувственные группы, члены коих любят и понимают друг друга, живут в совершенном равенстве и высшем блаженстве, то духи, не сумевшие победить свои страсти, ведут жизнь бродячую, полную скитаний, коя, хотя и не является причиною страданий, тем не менее оставляет их в неуверенности и тревоге. Именно это состояние и называется «скитальчеством», «блуждаемостью»; такой образ жизни ведёт большинство духов, живших на Земле, духов ни дурных, ни хороших, но просто слабых и испытывающих влечение к вещам материальным.

В скитальчестве пребывают огромные толпы, постоянно ищущие лучшего состояния, от них ускользающего. Множества духов блуждают в нерешительности между справедливостью и несправедливостью, истиной и заблуждением, тьмою и светом. Другие погружены в отчуждённость, во мрак, печаль, либо же бродят, вымаливая там и сям немного доброжелательства и сочувствия.

Невежество, эгоизм, всевозможные недостатки ещё царствуют в блуждаемости, и материя всегда оказывает там своё влияние. Добро и зло там соприкасаются друг с другом. Это неким образом прихожая светозарных пространств, лучших миров. Все

проходят через неё, все бывают в ней, но для того лишь, чтоб подняться выше.

Учение Духов о потусторонней жизни говорит нам о том, что в их мире нет места ни бесплодному созерцанию, ни праздному блаженству. Все области Вселенной населены духами, занятыми разнообразными делами. Повсеместно толпы, рои, множества душ поднимаются, спускаются, вращаются посреди света или мрака. В каком-то месте пространства собираются слушатели, чтоб воспринять наставленья возвышенных духов. Немного далее, образуются группы, чтоб отпраздновать появление очередного вновь прибывшего духа. В иных местах, другие духи сочетают флюиды, придают им тысячи форм, тысячи смешанных и чудесных оттенков, готовят их для высокого назначения, кое определили им высшие гении. Другие толпы жмутся вокруг миров и следуют за ними в их вращении, это толпы мрачные, беспокойные, которые, сами того не ведая, влияют на атмосферные стихии. Стремительней молнии прорезают эти толпы светозарные духи, неся помощь, утешенье тем воплощённым, кои умоляют их об этом. Каждый выполняет своё назначение и способствует свершенью великого дела соответственно степени своего достоинства и продвинутости. Вся Вселенная развивается, эволюционирует. Подобно мирам, духи следуют своими вечными путями, влекомые к лучшему состоянию, занимаясь разнообразной деятельностью. Предстоящие свершенья, ещё не познанные науки, не преодоленные страдания, не смолкнувшие укоры совести, любовь к людям, искупление, преданность, самопожертвование, все эти движущие силы поощряют их, направляют и устремляют вперёд по избранному пути. В этой беспредельной, безбрежной необъятности непрестанно царят движение и жизнь. Всё преобразуется, возрастает, возвышается. Неподвижность, бездействие – это отступление, это смерть. Побуждаемое великим законом – существа и миры, души и солнца – всё вращается и движется по гигантской орбите, намеченной Божественной Волей.

* * *

СХІІІ. Когда душа добродетельная, победив страсти, покидает своё недостойное тело, орудье боли и славы, она устремляется сквозь беспредельность и присоединяется к своим сёстрам из пространства. Влекомая непреодолимой силой, она пролетает области, где всё есть гармония и великолеплєе. Слово человеческое слишком бедно для того, чтоб как-то выразить то, что она видит там. Но, помимо всего, какое облегчєнє, какая несказанная радость чувствовать, как рвётся цепь, приковывающая тебя к земле, быть в состояннїи объять бесконечное, погрузиться в беспредельную пустоту, парить по ту сторону орбиты миров! Нет больше немощного, болезненного тела, обременительного, словно стальной доспех; нет больше этой материальной обузы, подобной чугунному ядру, прикованному цепью к ноге каторжника. Освобождєнная от своих пут душа лучится, упивается пространством и свободой. Земное уродство, дряхлая и морщинистая старость уступили место флюидическому телу, наделєнному изящными формами, кое есть идеализированная человеческая форма, ставшая прозрачной и лучезарной.

Душа вновь обрела тех, кого любила здесь на земле и кто прежде неѣ вступил в эту новую жизнь, она вновь встречает избранников своей нежности, товарищей по труду и испытанью. Они как будто бы ждали еѣ, словно в конце долгого путешествия. Она свободно общается с ними. Излиянья чувств их полны ощущением счастья, которое ещѣ оживляется грустными земными воспоминаньями и сравнєнєм настоящего часа с прошлым, полным слѣз. Другие духи, потерянные из виду во время последнего воплощения и коих страдания, совместно перенесєнные в ходе веков, сделали ей дорогими, присоединяются к первым. Все те, кто делили с нею еѣ хорошие и дурные дни, все те, кто вместе с нею росли, боролись, рыдали, страдали, спешат на встречу с ней; память еѣ внезапно пробуждается, и это вызывает всплески счастья, излиянье чувств, кои перо бессильно описать!

* * *

CXIV. Как описать впечатленья духа в лучезарной жизни, открывающейся перед ним? Так как толстое и грубое одеянье его, эта тяжеловесная хламида, покрывавшая его ощущения и чувства, внезапно разорвалась, то возможности его восприятия возросли в сотни раз. Нет больше пределов, нет ограниченных горизонтов. Глубокая, светозарная бесконечность разверзается пред ним, полная ослепительных чудес, со своими миллионами солнц, этих многоцветных, сапфировых, изумрудных очагов, огромных жемчужин, рассеянных в лазури и сопровождаемых пышными свитами планет. Дух созерцает эти солнца, представляющиеся людям маленькими искорками, в их действительной и огромной величине; он видит, как они превосходят то солнце, что освещает нашу маленькую планетку; он познаёт силу притяжения, связующую их, и различает в отдалённых глубинах великолепные звёзды, круговращающиеся на своих орбитах. Он видит, как все эти гигантские факелы движутся, вращаются, продолжают свой стремительный бег, перекрещиваются словно огненные шары, брошенные в пустоту рукою незримого жонглёра.

Нас беспрестанно беспокоят шумы, смутное гуденье человеческой расы, и мы не можем понять торжественное спокойствие, величественную тишину пространств, наполняющих душу неким возвышенным чувством, неким удивленьем, близким к ужасу. Но дух добрый и чистый ужасу недоступен. Эта бесконечность, молчаливая и холодная для низших духов, для него вскоре оживляется и даёт услышать свой могучий голос. Душа, освобождённая от материи, мало-помалу начинает воспринимать мелодичные вибрации эфира, тончайшие гармонии, снисшедшие с небесных обиталищ; она слышит величественный ритм планет. Это пенье миров, эти голоса бесконечности, звучащие в тишине, она вкушает их и проникается ими до упоения. Сосредоточенная, упоённая, полная строгого и религиозного чувства, непреходящего восхищенья, она купается в волнах эфира, созерцает звёздные глубины, сонмы духов, гибкие, лёгкие тени, плавающие и колышущиеся в залитом светом пространстве. Она помогает, ассистирует при сотвореньи миров; она видит, как на поверхности их пробуждается жизнь, как та ширится и растёт; она следит за развитием человечеств, населяющих эти миры,

и зрелище это приводит её к выводу, что повсюду деятельность, движение, жизнь соединяются в согласии со строем, порядком, царящим во Вселенной.

* * *

CXV. Какова бы ни была степень его продвинутости, дух, только что покинувший Землю, не смог бы стремиться к тому, чтобы неопределённо долгое время жить этой высшей жизнью. Поскольку он подлежит перевоплощению, жизнь эта есть для него всего лишь пора отдыха, возмещение перенесённым бедам, воздание его достоинствам. Эта жизнь закаляет и укрепляет его для битв грядущего. Но в будущем, кое его ожидает, он уже больше не найдёт страданий и забот земной жизни. Возвышенный дух призван возродиться в мирах лучше устроенных, нежели наш. Грандиозная лестница миров включает в себя бесчисленные ступени, предназначенные для постепенного восхождения душ; и каждая поднимается по ней в свою очередь.

На планетах, рангом Землю превосходящих, материя обладает меньшей властью. Беды, ею порождаемые, уменьшаются по мере прогресса существа и в конце концов вовсе исчезают. Человек не пресмыкается там в муках по земле, придавленный весом тяжёлой атмосферы, но перемещается свободно и легко. Телесные потребности там почти что отсутствуют, а тяжёлые работы неизвестны. Существование, более длительное, нежели наше, протекает в учении, в участии в делах совершенной цивилизации, основанной на самой чистой нравственности, уважении прав всех, дружбе и братстве. Ужасы войны, эпидемии, всевозможные бедствия не имеют туда доступа, а грубые интересы, причина стольких вожделений и несправедливостей в здешнем мире, не вносят раскола среди духов.

* * *

CXVI. Наконец наступает день, когда дух, завершив цикл своих планетарных существований, очистившись посредством своих возродений и пребываний в различных мирах, видит, как завершается длинная последовательность его воплощений и как начинается духовная, окончательная, истинная жизнь души, из коей изгнаны зло, тень и заблуждение. Там исчезают последние влияния материи. Спокойствие, безмятежность, чувство глубокой уверенности и безопасности заняли место былых печалей и беспокойства. Душа перешла за черту своих испытаний; теперь она гарантирована от дальнейших страданий. С каким волнением вспоминает она события своей жизни, рассыпанные в последовательности времён, своё долгое восхождение, завоевание своих достоинств и рангов в Иерархии Духов! Какое поученье находит она в этом восхождении, в ходе коего образуется и утверждается единство её природы, её бессмертной личности!

От воспоминанья о далёких тревогах, заботах, страданиях она переносится к блаженству настоящего и с наслаждением вкушает его. Какое опьянение ощущать себя живущим среди просвещённых духов, терпеливых и мягких; соединиться с ними узами безмятежной любви; разделять их стремления, занятия, вкусы; знать, что тебя понимают, поддерживают, любят; быть свободным от потребностей и смерти; сознавать себя молодым такой молодостью, над коей время более невластно! Затем изучать, славить бесконечное творенье и восхищаться им, всё глубже проникать в божественные тайны; повсюду узнавать Небесную Справедливость, Красоту и Доброту, отождествляться с ними, утолять ими духовную жажду и голод; следовать за высшими гениями в их деле и назначении; понимать, что со временем и сам достигнешь их высот, что поднимешься и ещё выше, что всегда, всегда новые радости, новые труды, новые успехи ждут нас: такова вечная жизнь, бьющая в великолепьи своём через край, жизнь духа, очищенного страданием.

* * *

СХVII.Высокиенебесасутьродинаидеальнойи совершенной красоты, коей вдохновляются все искусства. Высшие Духи в исключительно большой степени обладают чувством прекрасного, и все они умеют осуществлять его в произведениях, пред коими бледнеют шедевры Земли. Всякий раз, как новое проявление гения произошло в нашем мире, всякий раз, как искусство раскрылось в некоей совершенной форме, можно считать, что какой-то дух, снисшедший из высших сфер, воплотился на Земле, дабы приобщить людей к великолепиям вечной красоты. Для высшей души искусство, во всех многообразных видах его, есть молитва, уважение, возданное вечной Сути.

Поскольку сам дух флюидичен, то он воздействует и на флюиды пространства. Его мощная воля соединяет их, располагает их по его усмотрению, сообщает им цвета и формы, кои соответствуют его цели. Посредством этих флюидов создаются творенья, не поддающиеся никаким сравнениям и анализам.

В эфирных чертогах справляются духовные праздники. Духи чистые, полыхающие светом, собираются там семьями. Сладкие гармонии, пред коими земные гармонии лишь фальшивые шумы, чаруют их, а обрамленьем им служит бесконечное пространство, чудесное зрелище миров, вращающихся в беспредельности и присоединяющих ноты свои к голосам небесным во вселенском гимне, устремлённом и возносящемся к Богу.

В этих бесчисленных сонмах все духи знают и нежно любят друг друга. Узы дружбы и любви, соединявшие их в материальной жизни и разорванные смертью, восстановились навеки. Из различных точек пространства и из высших миров приходят они поведать об успехах своих миссий, своих трудов, поздравить друг друга с достигнутым и оказать взаимную помощь в трудных делах. Никакая задняя мысль, ни малейшая зависть не закрадываются в эти тонкие души. Любовь, доверие, искренность председательствуют на этих собраниях, где внимают указаниям божественных посланников, где берут на себя новые задачи, кои будут способствовать ещё большему вашему возвышению. Одни соглашаются бдеть над прогрессом и развитием наций и миров, другие воплощаются на землях пространства, чтобы совершить там

дело самопожертвования, чтобы наставить людей в нравственности и науке; другие — духи наставники и хранители — присоединяются к какой-либо воплощённой душе, поддерживают её на неровном пути существования, ведут её от рождения до смерти в течение долгой последовательности жизней, встречая её на исходе каждой из них на пороге незримого мира. На всех ступенях духовной иерархии дух исполняет свою задачу в беспредельном деле прогресса и содействует осуществлению высших законов.

* * *

СХVIII. И чем больше дух очищается, тем сильнее, тем горячее становится в нём потребность любить, вовлекать в свой свет и в своё счастье, в своё бытие, в коем неведома боль, всё то, что страдает, всё то, что борется и мечется на самом дне бессмертного существования. Когда такой дух усыновляет одного из своих низших братьев, становится его хранителем и наставником, с каким любящим участием, с какой нежной заботой поддерживает он шаги его, с какой радостью видит он его успехи, с какой горечью сознаёт падения, коих он не смог предвидеть! Как дитя, вышедшее из колыбели, делает первые шаги на глазах умиленной матери своей, так и опекаемый дух пробует свои силы в житейских битвах под невидимым покровительством своего духовного отца.

У каждого из нас есть свой гений-опекун, который вдохновляет нас в трудные часы и направляет по прямому пути. Здесь источник поэтической христианской легенды об ангеле-хранителе. Нет мысли более утешительной и сладостной. Знать о том, что некий верный друг всегда готов прийти нам на помощь, сблизить как и издалека, влиять на нас через большие расстояния так же как и быть рядом с нами в испытании, давая нам советы через интуицию, согревая нас своей любовью, — всё это бесценный источник нравственной силы. Мысль о том, что свидетели, доброжелательные и невидимые, присутствуют при всех наших

действиях, огорчаются или радуются им, хороша ещё и тем, что внушает нам больше мудрости и осмотрительности в делах наших. Именно чрез эту оккультную поддержку укрепляются узы солидарности [сопричастности], соединяющие мир небесный с земным, дух освобождённый с человеком – духом, заточённым в теле. Чрез это постоянное содействие создаются взаимные глубокие симпатии, завязывается прочная и бескорыстная дружба. Любовь, одушевляющая возвышенного духа, постепенно распространяется на все существа, непрестанно возносясь к Богу, отцу душ, источнику всех эмоциональных сил.

* * *

СХІХ. Дух чистый несёт в себе свой свет и своё счастье; они всюду с ним; они суть составная часть его существа. Точно так же дух преступный влачит с собой свою ночь, свою кару, свой позор. Страдания порочных душ, не будучи материальными, от того не делаются менее мучительными. Ад – всего лишь химера, плод воображения, пугало, необходимое, быть может, для того, чтоб устрашать им народы, переживающие пору детства, но кое, во всяком случае, не имеет в себе ничего действительного. Совсем иное дело Учение Духов о муках грядущей жизни: гипотезам, предположениям, мифам нет в нём места.

И действительно, страдания эти описываются нам теми, кто сами претерпевают их, подобно тому, как другие обрисовывают нам свои восторги. Они не налагаются произвольной волей. Не выносятся никакого приговора. Дух подвергается естественным последствиям своих действий, кои по закону бумеранга возвращаются к нему, неся с собой награду или кару в зависимости от природы их. Существо страдает в загробной жизни не только от совершённого им зла, но и от своего бездействия и своей слабости. Одним словом, жизнь эта – его собственное творенье; она такова, какую он изваял её своими собственными руками. Страдание внутренне присуще состоянью несовершенства;

оно ослабевает по мере развития и исчезает, когда дух победил материю.

Наказанье дурного духа продолжается не только в духовной жизни, но и в последующих воплощениях, кои увлекают его в низшие миры, где существование непрочно и ненадёжно и где самодержжно царствует боль. Именно эти миры можно было бы отнести к разряду адов. Земля, со многих точек зрения, должна быть включена в их число. Вокруг этих миров, каторг вращающихся в пространстве Космоса, парят мрачные сонмы несовершенных духов в ожидании часа перевоплощения.

Мы видели, насколько фаза высвобождения из тела мучительна, растянута, полна смятения и отчаяния для духа, отдавшегося страстям. Иллюзии земной жизни живут в нём и не ослабевают с годами. Будучи неспособен осознать своё состояние и разорвать связывающие его путы, никогда не пытавшись возвыситься и вывести за пределы узкого круга своего существования свой ум и своё сердце, он продолжает жить, как жил до смерти, порабощённый своими привычками, своими склонностями, возмущаясь тем, что близкие его делают вид, будто не видят и не слышат его, блуждая печально, бесцельно, безнадёжно по хорошо знакомым ему местам. Именно это и есть те «страждущие души», присутствие коих давно подозревали в некоторых домах, и реальность которых каждый день подтверждается в многочисленных и шумных проявлениях.

Положение духа после смерти вытекает единственно из стремлений и вкусов, кои он в себе развил. Это всё тот же непреклонный закон посева и жатвы.* Тот, кто поместил все радости свои, всё своё счастье в вещи этого мира, в земные блага, жестоко страдает, как только он оказывается лишённым их. Всякая страсть несёт в себе самой наказание своё. Дух, не сумевший освободиться от грубых вожделений и скотских желаний,

* По слову Апостола Павла: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнёт: сеющий в плоть свою от плоти пожнёт тление; а сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную. Делая добро, да не унываем: ибо в своё время пожнём, если не ослабеем». (*Примеч. И.Р.*)

становится их игрушкой, их рабом. И пытка его состоит в том, чтобы мучиться ими, не имея возможности их удовлетворить.

* * *

СХХ. Безудержно отчаянье скупца, видящего, как рассеиваются золото и богатства, собранные его заботами. Он остаётся привязанным к ним, несмотря ни на что, предаётся ужасающей тоске, отдаёт себя во власть страстям невыразимого исступления.

Также достойно жалости положение могущественных гордецов, всех тех, кто злоупотребил своей фортуной и своими званиями, не помышляя ни о чём, кроме славы и благополучья, презирая людей низшего положения, угнетая слабых. У них больше нет ни раболепных придворных, ни расторопных слуг, ни дворцов, ни пышных одежд. Лишённые всего, что составляло их земное величье, они оказываются наедине с самими собой, и в пространстве их ждут одиночество и нужда.

Ещё более ужасно положение духов жестоких и «хищных», злодеев всех мастей, всех тех, кто проливал или заставлял проливать кровь, тех, кто попирали ногами справедливость. Стоны, проклятья их жертв звучат у них в ушах в течение времени, *представляющегося им вечностью*. Насмешливые и угрожающие тени окружают их, неотступно преследуют. При этом у них нет достаточно глубокого, достаточно скрытого убежища, и тщетно ищут они покоя и забвения. Вступление в неизвестную жизнь, нищета, униженность, рабство — лишь одни они могут смягчить их страдания.

Ничто не может сравниться со стыдом, страхом души, видящей, как пред ней непрестанно встают её преступные существования, сцены убийств и грабежей; она чувствует себя как бы раздетой догола, насквозь пронизываемой светом, который выводит наружу самые затаённые её воспоминания и помышления.

Воспоминанье, это жгучее жало, обжигает её и словно разрывает на части. Когда мы познаём это страдание, мы понимаем и благословляем божественную прозорливость, через забвение уберегающую нас от него во время земной жизни и дающую нам таким образом бóльшую свободу действия для того, чтоб работать над нашим совершенствованием.

Эгоисты, себялюбцы, люди, озабоченные исключительно своими удовольствиями и корыстью, также готовят себе мучительное будущее. Любившие лишь самих себя, никому не помогавшие, никого не утешившие, не облегчившие ничьих страданий, они, в свою очередь, не находят ни сочувствия, ни помощи в этой новой жизни. Изолированные, покинутые, они видят, как однообразно и медленно течёт время. Их душит тоска и сжимает томительная скука. Сожаленье об утраченном времени, о попусту прожитой жизни, ненависть к жалким интересам, поглощавшим их во время жизни, всё это гложет, снедает их. Они страдают, скитаются, покуда их не осенит какая-нибудь благочестивая мысль и не забрезжит в их ночи словно луч надежды, покуда они, по советам доброжелательного и просвещённого духа, не разорвут волей своей сжимающую их флюидическую сеть и не решатся встать на лучший путь.

* * *

CXXI. Положение самоубийц во многом сходно с положением злодеев; но иногда оно бывает и того хуже. Самоубийство – это некая трусость, некое преступление, и последствия его ужасны.

По выражению одного духа, самоубийца «бежит от страдания лишь за тем, чтобы обрести пытку». У каждого из нас есть свои обязанности, своё назначенье, которое он должен исполнить на земле, определённые испытанья, чрез кои он должен пройти для своего собственного блага и возвышенья. Пытаться уклониться от всего этого, освободить себя от земных бед и зол до назначенного срока, значит нарушить естественный закон, а каждое нарушение

этого закона приводит, для преступника, к мучительному и бурному противодействию. Самоубийца не освобождает себя от физических страданий. Дух остаётся прикованным к своему физическому телу, кое он надеялся разрушить, он медленно претерпевает в нём все фазы разложения, и болезненные ощущения его приумножаются, вместо того чтобы сократиться. Он стремился сократить свои испытания, а вместо этого продлевает их до бесконечности; недомогание, тревога не покидают его ещё долго и после разрушения материальной оболочки. Ему придётся снова встретиться с испытаниями, коих он надеялся избегнуть с помощью смерти и которые и прежде уже были порождены его виновным прошлым. И он должен будет выдержать их в ещё худших условиях, вновь шаг за шагом пройти путь, усеянный препятствиями, и для этого выдержать ещё более мучительное воплощение, чем то, какого он хотел избежать.

Страдания казнённых после казни ужасны, и описанья, кои дают им некоторые знаменитые убийцы, могли бы потрясти сердца самые твёрдые, показав человеческому правосудию и людской справедливости печальные последствия смертной казни. Большинство этих несчастных находится во власти острого, глубокого перевозбуждения, нестерпимых ощущений, приводящих их в ярость. Отвращение к своим преступлениям, вид своих жертв, кои словно преследуют их и пронзают взглядами, как мечами, ужасные галлюцинации и жуткие сны – такова участь, ожидающая их. Большинство, чтобы найти отвлечение от своих бед, набрасывается на воплощённых со сходными склонностями и вкусами, толкая их на путь преступления. Другие, терзаемые угрызеньями совести, словно неугасимым огнём, ищут, не зная ни минуты покоя, нигде не находящее убежище. У себя под ногами, вокруг себя, повсюду, им чудятся трупы, угрожающие лица и моря крови.

Духи дурные, на коих тяжело ложится бремя их ошибок, не в состоянии предвидеть будущее. Они ничего не знают о высших законах. Флюиды, коими они окутаны, препятствуют всякому общению с возвышенными духами, которые хотели бы вырвать их из их косности, как-то отвлечь от их склонностей, но не могут

сделать этого по причине грубой, почти материальной природы этих духов и их крайне ограниченного кругозора. Из этого для них следует полнейшее незнание своей участи и стремление считать претерпеваемые ими муки вечными. Некоторые среди них, полные ещё также католических[, протестантских и православных, – *Й.Р.*] предрассудков, верят, что они находятся в аду, и говорят нам об этом. Снедаемые завистью и ненавистью, для того чтобы как-то отвлечься от своих забот, многие разыскивают людей слабых и склонных ко злу. Они завладевают ими, внушают им пагубные идеи и склонности, но мало-помалу из этих новых злодейств вытекают новые страдания. Противодействие причинённого зла затягивает над ними сеть ещё более мрачных флюидов. Тьма всё сгущается, замкнутый вокруг них круг всё сужается, и перевоплощение – мучительное, болезненное – встаёт пред ними во всей неотвратимой неизбежности.

Более спокойны те, кого коснулось раскаянье, кто с покорностью видит приближение поры испытаний и полны решимости удовлетворить требованиям вечной справедливости. Раскаянье, словно бледный отсвет, освещает их души неясным светом и позволяет добрым духам быть услышанными, для того чтоб вселить в кающуюся душу надежду, ободрить её и подать совет.

* * *

СХХII. Всё взаимосвязано и взаимообусловлено во Вселенной, в области морали как и в области физики, говорят нам духи. В ряду фактов, от самого простого до самого сложного, всё управляется неким законом, всякое следствие соотносится с некоей причиной, и всякая причина порождает следствие, тождественное ей самой. Отсюда в области нравственной принцип справедливости, вероятие добра и зла, закон распределения, воздающий каждому по делам его. Подобно тому как тучи, образовавшиеся чрез испаренье воды солнечным светом, неизбежно выпадают на землю в виде дождя, так и последствия совершённых деяний падают на

самих деятелей.* Каждый из этих поступков, каждое из волений нашей мысли, соразмерно присущей им силе, совершает свою эволюцию для того, чтобы вернуться со своими следствиями, хорошими или дурными, к источнику, произведшему их. Таким образом, наказания и награды распределяются среди индивидов чрез естественный ход вещей. И зло, и добро, всё возвращается к своей исходной точке. При этом есть ошибки, кои производят свои следствия ещё в самой земной жизни. И есть другие, более серьёзные, коих последствия дают знать себя лишь в духовной жизни и иногда даже в последующих воплощениях.

Принцип «зуб за зуб, око за око» не абсолютен. И тем не менее истинно то, что страсти и злые поступки человека всегда приводят к тождественным результатам, коих он не сможет избежать. Гордец готовит себе будущее, полное унижений; эгоист создаёт вокруг себя пустоту и безразличие, и мучительные лишения ждут сластолюбцев. Именно в неизбежности этих наказаний – действенное лекарство, кое исцелит зло в его причине. Последствия эти осуществляются сами собой, так что ни одному живому существу нет надобности становиться палачом себе подобных.

Раскаянье, страстный призыв к Божескому милосердию, включая нас в связь с высшими силами, могут сообщить нам силу, необходимую для прохождения мучительного пути, пути испытаний, который определён нам нашим прошлым; но, помимо искупленья, ничто не смогло бы загладить вину нашу. Страдание, этот великий наставник, лишь одно оно может восстановить нас в правах наших.

Стало быть, закон справедливости есть не что иное, как действие вселенского нравственного порядка, и наказания, кары представляют для нас реакцию Природы, оскорблённой и насильствованной в своих вечных принципах. Силы Вселенной взаимосвязаны, оне отражаются и вибрируют в полном согласии одна с другой. Всякая нравственная сила ответно воздействует на того, кто её попирает, соразмерно со способом его действия. Бог не карает никого. Он предоставляет времени заботу о том, чтобы следствия вызвали их причину.

* Или по слову Будды: «Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в неё проникнуть, не найдётся такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел». (*Примеч. Й.Р.*)

Человек, стало быть, свой собственный судья и заступник, ибо в зависимости от употребления или злоупотребления, кои он даёт своей свободе, он делает себя счастливым или несчастным. Результат действий его иногда заставляет себя ждать. Мы видим, как в этом мире преступники заглушают голос своей совести, смеются над законами, живут и умирают с почестями. И напротив того, сколько порядочных людей подвергается преследованиям и клевете! Отсюда необходимость грядущих жизней, в ходе коих принцип справедливости находит своё применение, а нравственное состояние существа – своё равновесие. Без этого необходимого дополнения нынешнее существование не имело бы смысла, и почти все наши поступки были бы лишены цели.*

В действительности, невежество есть самодержжное зло, из коего вытекают все остальные. Если бы человек ясно видел последствие своих действий, его поведение было бы иным. Зная нравственный закон и неотвратимость его исполнения, он пытался бы нарушать его не больше, чем сопротивляться закону тяготения.

* * *

СХХІІІ. Воплощённые или развоплощённые, все души суть сёстры. Рождённые своей великой матерью Природой от Бога, их общего отца, оне претворяют сходные судьбы. Долг всех духов – взаимная помощь. Поочерёдно хранимые и хранители, они помогают друг другу в своём поступательном движении, и

* Свами Анантананда замечает: «Относительно того, допустимы ли или не допустимы какого-либо рода сомнения в реальности духовного бессмертия нашего, я не могу не сказать, что такое сомнение обращает всю нашу жизнь в бессмыслицу. Я решительно не могу усомниться в действительности бессмертия нашего в духе не только потому, что знаю о ней, но и потому ещё, что сомневаться в ней значило бы признать, что жизнь наша есть дар не только напрасный и случайный, но совершенно бессмысленный. Раскрой глаза свои, человек, – и ты увидишь, что ничто кругом тебя не бессмысленно. Бессмыслицу ищи лишь в себе самом: в упрямой тщете своего сомнения!» *(Примеч. Й.Р.)*

чрез оказанные услуги, чрез совместно перенесённые испытанья заставляют расцвести в себе чувства братства и любви, кои суть одно из условий жизни высшей, одна из форм жизни счастливой.

Узы, связующие нас с нашими братьями из пространства, ещё теснее соединяют нас с обитателями Земли. Все люди, от самого дикого до самого цивилизованного, суть духи подобные нам по происхождению и целям. В своём целом они составляют общество, все члены коего взаимобязаны, и где каждый, трудясь над своим личным прогрессом, должен участвовать в прогрессе и благе всех. Поскольку закон справедливости есть не что иное, как слагаемое поступков, то соединенье следствий и причин объясняет нам, почему такое множество зол и бед обременяет человечество. История человечества Земли – фактически не что иное, как чудовищно длинный ряд убийств и несправедливостей. И ныне все эти залитые кровью столетья, все эти беспорядочные существованья фокусируются в настоящем подобно тому, как все притоки соединяются в русле основной реки. Духи, составляющие нынешнее общество, суть не кто иные, как люди прошлых времён, вернувшиеся, чтобы претерпеть на себе последствия своих предыдущих жизней со всей той ответственностью, кою те на них налагают. Составленное из таких элементов, как бы человечество смогло жить счастливым? Поколения взаимобязаны во времени; дымы их страстей окутывают их и следуют за ними вплоть до полного очищения. Это соображение даёт нам ещё более живо почувствовать необходимость улучшать общественную среду, просвещая своих ближних о причине наших общих бед, создавая вокруг себя коллективными усилиями нашими более здоровую и более чистую атмосферу.

Человек должен наконец научиться оценивать значение и возможные последствия своих деяний, понимать глубину своей ответственности, он должен освободиться от тупого безразличья, всё углубляющего бездну общественных зол и нравственно отравляющего эту землю, на которой ему, быть может, придётся родиться ещё множество раз. Нужно, чтоб некое новое веянье пронеслось над народами и зажгло в них убеждения эти, из коих выступают твёрдость и несокрушимость воли. Важно, чтоб наконец все знали и поняли: царство зла не вечно, справедливость

не пустое слово; одна она правит мирами, и под её могучим критерием сгибаются в будущей жизни все души, сламывается всякое сопротивление, стихают все мятежи.

Из высшей идеи справедливости необходимо вытекают равенство, солидарность и ответственность существ. Принципы эти соединяются и сливаются в одно целое, в единый закон, господствующий и царствующий во Вселенной: прогресс в свободе. Эта гармония, эта могучая координация законов и вещей, разве не даёт она идею о жизни и человеческих судьбах, поистине великую и утешительную, нежели построения нигилистов? В этой необъятности, где всё управляется мудрыми и глубокими законами, где справедливость проступает в самых мельчайших частях беспредельного целого, где ни одно полезное деяние и усилие не пропадает, ни одна ошибка не остаётся без наказания, ни одно страдание – без возмещения, существо чувствует себя связанным со всем живущим. Трудясь для себя и для всех, оно свободно развивает свои силы, оно видит, как возрастает его просвещённость, растёт его блаженство.

Пусть сравнят эти взгляды с холодными материалистическими теориями, с их ужасающей вселенной, в коей существа мечутся, страдают и исчезают, без связи, без цели, без надежды, пробегают по своим призрачным жизням словно бледные тени, вышедшие из ничего, для того, чтоб вновь упасть в вечную ночь и безмолвие! Пусть скажут, которая из этих концепций более способна поддержать человека в его страданиях и боли, закалить его характер, увлечь его к высоким вершинам и возвести его на них!*

* * *

* И.Г.Юнг-Штиллинг в своей книге «Теория духоведения» справедливо недоумевает: «Мне непонятно, как можно какую-то машину, под вечным железным натиском, всегда по раз заданным законам в леденящей необходимости совершающую свою мёртвую работу, предпочесть миру, наполненному живыми существами, поступающими в согласии со своей свободой?»

Именно такова разница между материалистическим и нашим, оккультным, миропониманием. (*Примеч. Й.Р.*)

СХХIV. Вопрос о свободе воли является одним из тех вопросов, кои всего более занимали философов и теологов. Примирить волю, свободу человека с действием естественных законов и божественной волей представилось тем более трудным, что слепой рок, по мнению большинства, казалось, неизменно оказывал и оказывает давление на человеческую судьбу. Учение Духов разрешило эту проблему. Мнимый рок, усеивающий несчастьями путь жизни, есть не что иное, как наследие нашего прошлого, следствие восходящее к своей причине; это осуществление программы, принятой нами перед нашим рождением, согласно советам наших духовных руководителей, для большего нашего блага и возвышенья.

В низших слоях бытия существо ещё не сознаёт само себя. Один лишь инстинкт, род рока, ведёт его, и только в высших формах животного мира появляются, словно занимающаяся заря, первые зачатки будущих способностей. Вступая в человечество, душа пробуждается к нравственной свободе. Её суждение, совесть, сознание всё более развиваются по мере того, как она обегает своё беспредельное ристалище. Поставленная между добром и злом, она свободно сравнивает и выбирает. Разочарования и беды поучают её, среди испытаний формируется её опыт, закаляется её нравственная сила.

Душа человеческая, одарённая сознанием и свободой, не может вновь вернуться в низшую жизнь. Её воплощения следуют друг за другом по цепочке миров до той поры, пока она не обретёт эти нетленные блага, кои суть цель её долгих трудов: мудрость, знание и любовь. Обладание ими навсегда освобождает её от рожденья и смерти и открывает ей доступ в жизнь небесную.

* * *

СХХV. Чрез пользование свободой своей совести душа определяет свои судьбы, prepares свои радости или страдания. Но никогда в ходе продвиженья её, в самом горьком испытании

как и в пламени борьбы страстей, никогда ей не бывает отказано в вышней помощи. Если только она не отрекается от самой себя, то сколь бы недостойной она ни казалась, Провидение, как только в ней пробуждается воля встать на прямой путь, путь священный, оказывает ей помощь и поддержку.

Провидение – это Высший Дух, это ангел, бдящий над невзгодой, это незримый утешитель, коего вдохновенья согревают сердце, заледеневшее от отчаянья, коего животворные флюиды поддерживают удручённого путника; это маяк, зажжённый в ночи ради спасенья тех, кто блуждают по бурному морю жизни. Провиденье – это ещё, это в особенности, Божественная Любовь, изливающаяся волнами на своё создание. И сколько заботливости, сколько предусмотрительности в этой любви! Ведь разве не для души одной, чтоб служить рамой картине её жизни, сценой её свершений, подвесило оно в пространстве миры, загло солнца и звёзды, создало материки и моря? Ради души одной совершается это великое Творенье, соединяются силы Природы, посреди туманностей появляются Вселенные.

Душа создана для счастья; но для того, чтоб оценить это счастье по достоинству, чтоб знать цену ему, она должна завоевать его сама, а для этого ей необходимо свободно развить силы и способности, заложенные в ней. Её свобода действий и ответственность возрастают вместе с её возвышением, ибо чем просвещённее она, тем более может и должна она сообразовывать действие своих личных сил с законами, кои правят вселенной.

Свобода существа, стало быть, проявляется в определённом круге, ограниченном, с одной стороны, требованиями естественного закона, который не может претерпеть никакого нарушения или посягательства, никакого разлада во вселенском порядке, и, с другой стороны, собственным прошлым существа, последствия коего отражаются на нём сквозь времена вплоть до полного исправленья. Проявление человеческой свободы ни в коем случае не может воспрепятствовать исполнению божественных замыслов; без этого порядок вещей ежемгновенно бы нарушался. Поверх наших ограниченных и переменчивых взглядов неизблемый порядок Вселенной сохраняется и поддерживается. Мы почти

всегда плохие судьи тому, что есть для нас истинное благо; и если бы естественный порядок вещей должен был приспособливаться к нашим желаниям, то каких бы только ужасающих потрясений ни вызвало это?

* * *

CXXVI. Судьба есть слагаемое наших действий и свободно принятых решений чрез всё течение наших последовательных жизней. Более просвещённые, в состоянии духов, о наших несовершенствах, озабоченные средствами устранения их, мы принимаем материальную жизнь в такой форме и в тех условиях, кои представляются нам наиболее способствующими достижению этой цели. Явления гипноза и ментального внушения объясняют то, что происходит в подобном случае под влиянием наших духовных защитников. В состоянии загипнотизированности, душа, под внушением гипнотизёра, берётся за совершение того или иного действия в назначенное ей время. Вернувшись в состояние бдения, не сохранив никакого видимого воспоминания об этом обещании, она в точности исполняет его. Точно так же и человек ничем не обнаруживает, что он сохранил память о решениях, принятых им до того, как родиться; но приходит час, он устремляется навстречу предусмотренным событиям и участвует в них в той мере, коя необходима для его продвижения или исполнения неотвратимого закона.

* * *

CXXVII. Все души, кои не смогли освободиться от земных влияний, должны вновь родиться в этом мире, чтоб трудиться здесь над своим улучшением; такова участь огромного большинства. Как и другие фазы жизни существ, перевоплощение

(реинкарнация) подчиняется определённым законам. Степень очищенности перисприта, его молекулярная утончённость определяют иерархические места духам в пространстве, также как и устанавливают условия перевоплощения. Обладающие сходством стремятся друг к другу. Именно благодаря этому факту, этому закону притяжения и гармонии, духи одного порядка, сходных характеров и склонностей сближаются, сопровождают друг друга чрез всё множество своих существований, воплощаясь совместно и составляя однородные семьи.

Когда приходит час перевоплощения, дух чувствует, как некая непреодолимая сила, некое таинственное сродство влечёт его в предназначенную ему среду. Вот он час отчаянья, более ужасный, чем час смерти. В действительности, смерть есть не что иное, как освобождение от цепей плоти, вступление в жизнь более свободную, более цельную. Воплощение же, напротив того, есть утрата этой свободной жизни, преуменьшение самого себя, переход из света пространств во мрак тюрьмы, спуск и падение в бездну крови, грязи и нищеты, в коей существо будет подчинено тираническим и бесчисленным necessitudines. Вот почему мучительнее, больнее родиться, чем умирать, и легко понять отвращение, ужас, глубокое уныние, кои овладевают духом, когда он стоит на пороге этого мрачного мира.

Перевоплощение осуществляется чрез постепенное сближение, чрез уподобление материальных молекул перисприту, который при этом всё более уменьшается, сжимается, утяжеляется до тех пор, пока чрез достаточное соединение с материей он не составит телесной оболочки, человеческого тела.

Перисприт, таким образом, играет роль флюидической, эластичной основы, сообщающей свою форму материи. Отсюда, в значительной части, вытекают физиологические условия возрождения. Достоинства и недостатки основы отражаются в физическом теле, которое в большинстве случаев есть не что иное, как безобразная и грубая копия перисприта.

Как только начинается молекулярное уподобление, должно дать рождение телу, тревога и растерянность овладевают духом; оцепенение, похожее на исчезновение, мало-помалу заполняет

его. Способности его, одна за другой, покрываются вуалью несуществования, память его растворяется, сознание погружается в сон. Дух оказывается словно бы завернутым в толстый саван куколки.

Прийдя в жизнь земную, душа должна будет в течение долгого времени строить этот новый организм, приспособлять его к необходимой деятельности и обязанностям. И лишь чрез двадцать-тридцать лет блужданий, производимых на ощупь, инстинктивных усилий она вновь обретёт пользование своими способностями, правда, уменьшенными и ослабленными материей, и сможет с большей решительностью продолжать полный опасностей путь существования. Человек мало просвещённый плачет и рыдает над могилами, этими выходами, открытыми в бесконечность. Но познакомившись ближе с вышними законами, он стenal бы над колыбелями. И разве крик новорождённого не есть жалоба духа пред печальными перспективами жизни?*

* * *

CXXVIII. Незыблемые законы Природы или, вернее, следствия, вытекающие из прошлого каждого духа, определяют условия его перевоплощения. Низший дух, не знающий этих законов, беззаботно относящийся к своему будущему, механически подвергается своей участи и под побуждением некой силы, коей он даже и не пытается познать, возвращается на землю, чтоб занять своё место. Дух развитый вдохновляется примерами, окружающими его в флюидической жизни; он прислушивается к мнениям своих духовных наставников, взвешивает хорошие и дурные условия нового своего появления в этом мире, предвидит препятствия, трудности пути, намечает себе программу действий и

* Так и Монтескье в «Персидских письмах» изрекает: «Следует оплакивать людей при их рождении, а не при смерти». (Примеч. Й.Р.)

принимает твёрдые решения с целью осуществления её. Он вновь вселяется в тело, лишь будучи уверен в поддержке невидимых, кои помогут ему в выполнении новой его задачи. В этом случае дух не несёт на себе всей тяжести рока. Выбор его может осуществляться в определённых пределах таким образом, чтоб ускорить его продвижение.

Вот почему дух просвещённый избирает существование предпочтительно полное трудов, жизнь борьбы и самоотречения. Он знает, что благодаря такой жизни продвижение его будет более быстрым. Земля – настоящее чистилище. Нужно родиться вновь и страдать, чтоб освободиться от своих пороков, чтоб загладить ошибки и преступления прошлого. Отсюда жестокие увечья, долгие и мучительные болезни, и даже утрата рассудка.

Злоупотребление высокими способностями, гордыня, эгоизм искупаются рождением в организмах неполных, в телах уродливых и болезненных. Дух принимает это временное увечье, поскольку оно в его глазах – цена за восстановление в правах, единственное средство обретения скромности и смирения; он соглашается на время отказаться от своих талантов, знаний, бывших славой его, и воплотиться в теле немощем, наделённом неисправными органами, стать предметом насмешек и жалости. Будемте уважать идиотов, калек, безумцев. Пусть боль станет для нас святыней! В этих склепах плоти дух бодрствует и страдает, ибо в глубокой сути своей он сознаёт убожество своё и паденье. Будемте сами бояться излишествами нашими заслужить их участь. Но эти дары ума, кои душа оставляет ради смирения, она вновь обретает их при смерти; ибо они суть её принадлежность, её достояние, и ничто из приобретённого ею своими усилиями не может ни потеряться, ни уменьшиться, ни быть отнято. Она вновь вступит в обладание ими, а вместе с ними и в обладание новыми качествами, новыми добродетелями, обрётёнными ею в самопожертвовании, кои составят лучезарный венец её на лоне пространств.

Всё, таким образом, оплачивается и искупается. Дурные мысли и желанья имеют свой противовес в флюидической жизни; но ошибки, совершённые в теле, должны в теле же быть искуплены. Все существованья наши свяжутся воедино; добро и зло имеют во

времени следствием самих себя. И если люди нечестные и злые оканчивают жизнь свою, как может показаться, в достатке и мире, то будем знать, что час справедливости пробьёт, что страдания, кои они причинили другим, устремятся на них. Человек, покоришься же и с достоинством выдержи испытанья неизбежные, но благотворные, кои смывают с тебя нечистоты и готовят тебе лучшее будущее. Будь подобен пахарю, идущему прямо вперёд, согбенному под обжигающими лучами солнца или под леденящими порывами северного ветра, пахарю, потом своим окропляющему землю, землю изрытую, истерзанную словно твоё сердце стальным зубом плуга и из коей в своё время выступит золотистый урожай, составляющий всё счастье хлебороба.

Избегай упадка сил, который надел бы на тебя ярмо материи и вовлёл бы в новые долги, ибо долги эти омрачили бы твои грядущие жизни. Будь добр и добродетелен, дабы не оказаться вовлечённым в опасное сплетенье зла и его последствий. Беги от унизительных радостей, раздоров, суетных волнений толпы.

Не в тщетных спорах, не в соперничестве иль притязаньях на почести и имущество обретёшь ты мудрость и довольство собой, но в труде и осуществлении милосердия, в уединённом размышлении, в сосредоточенной учёбе пред ликом Природы, этой восхитительной книгой, подписанной самим Богом.

* * *

CXXIX. Независимая мораль, та, что материалисты тщатся возвести из своих догм, колеблется, не имея прочной опоры, во все стороны. Мораль церковная в качестве побуждающей силы имеет главным образом страх, боязнь адских мук – чувство ложное, принижающее человека и приуменьшающее его. Философия же Высших Духов предлагает человечеству нравственную основу более высокого порядка, некий идеал понастоящему благородный и великодушный. Нет больше вечных мук, есть лишь справедливое последствие дел и поступков, обращённое к исполнителю их.

Повсюду дух находит себе лишь то, что он сам для себя создал. Если он нарушает нравственный закон, он затемняет свою совесть, своё сознание и свои способности, он *материализуется*, т.е. огрубевает, он своими руками заковывает себя в цепи. Следуя же закону добра, обуздывая грубые страсти, он облегчается и всё более приближается к счастливым мирам.

Нравственная жизнь, если рассматривать её под этим углом зрения, становится неукоснительной обязанностью для всех, кто хоть сколько-нибудь заботится о своей судьбе. Отсюда и необходимость в гигиене души, приложимой ко всем нашим действиям, поддерживающей наши духовные силы в состоянии равновесия и гармонии. И если надлежит подчинять тело, эту смертную оболочку, это тленное орудие, предписаньям физического закона, обеспечивающего сохранение и работу этого тела, то тем более следует бдеть над совершенствованием этой души, коя есть наше нетленное «Я», ведь с нею связана наша грядущая судьба. И именно Спиритизм поставляет нам основные правила и звенья этой гигиены души.

Невозможно переоценить значение тех последствий, кои знание действительной цели земного существования имеет для улучшения и возвышения человека. Знание о том, куда мы идём, придаёт твёрдость шагам нашим, сообщает действиям нашим могучее побуждение к постигнутому идеалу – таково немедленное следствие этого знания.

Ученья о небытии превращают нашу земную жизнь в бессмысленный тупик, и люди логически приходят к чувственности и беспорядку. Религии же, заключая смысл существования в дело личного спасенья, очень спорного к тому же, рассматривают это существование с эгоистической и крайне ограниченной точки зрения.

Но Философия Духов всё ставит на свои места: мы сходим с эгоистической точки зрения и наш кругозор расширяется. То, к чему мы должны теперь стремиться, не есть больше земное счастье – ибо счастье в здешнем мире не что иное, как химера – но постоянное улучшение и самосовершенствование; и средством осуществленья

этого улучшения является следование нравственному закону во всех его формах.*

С таким идеалом общество неразруσιμο; оно бросает вызов всем случайностям, всем событиям. В несчастье оно лишь возрастает, оно обретает в нём средства ещё подняться над самим собою. Но лишённое идеала, усыпленное умствованиями, софизмами сенсуалистов, всякое общество может лишь коснеть и терять силы; его вера в прогресс, в справедливость угасает вместе с его мужеством; вскоре оно становится всего лишь телом, лишённым души, и неизбежно делается лёгкой добычей своих врагов.

Счастлив человек в этой жизни, полной тьмы и ловушек, неустанно ступающий к высокой цели, к цели, которую он различает впереди себя, кою он знает, в коей он уверен! Счастлив тот, кого высшее вдохновение ведёт в делах его и влечёт вперёд. К наслаждениям он остаётся холоден; соблазны тела, обманчивые виденья фортуны не имеют над ним власти. Он странник на пути, цель зовёт его; и он устремляется вперёд, чтоб достичь её.

* * *

CXXX. Вера есть мать благородных чувств и великих деяний. Человек, глубоко убеждённый, остаётся непоколебим пред лицом опасности как и среди испытаний. Поверх соблазнов, лести, угроз, над голосами страсти, слышит он иной голос, который раздаётся в глубинах его сознания и коего звуки побуждают его к борьбе, поддерживают его в часы опасности.

Для того, чтоб произвести такие плоды, вера должна покоиться на прочном основании, которое доставляется ей свободой анализа и мысли. Вместо догм и мистерий она должна признавать лишь

* Как наставляет мадам де Сталь: «Цель жизни – не счастье, но самосовершенствование». (Примеч. Й.Р.)

те принципы, кои вытекают из прямого наблюденья, из изученья законов Природы. Именно таков характер Спиритической Веры.

Философия Духов предлагает нам такое верованье, кое, будучи разумным, от того лишь ещё больше выигрывает в своей силе. Познание невидимого мира, пониманье высшего закона справедливости и прогресса, всё это сообщает вере двойственный характер спокойствия и уверенности.

И чего, в самом деле, можно бояться, когда знаешь, что ни одна душа не может погибнуть, когда знаешь, что после бурь и страданий жизни, по ту сторону мрачной ночи, где всё словно бы падает в бездну, увидишь, как занимается чарующая заря дней, коим несть конца?

Когда леденящая, безгласная старость приближается к нам, ставя клеймо своё на чело наше, погашая наши взоры, лишая гибкости наши члены, сгибая нас под тяжестью гнёта своего, тогда вместе с ней приходят печаль, отвращенье ко всему и неизбывное чувство усталости, нужда в покое, подобная стремленью в небытие. О, в этот час смятенья, в этих сумерках жизни, как радуется она и ободряет – искра света, вспыхивающая в душе верующего, вера в бесконечное будущее, вера в Справедливость, в Высшую Доброту!

Проникшись мыслью о том, что жизнь эта есть не что иное, как мгновенье в беспредельном целом нашего бессмертного существованья, мы будем терпеливо переносить неизбежные беды, кои порождает нынешняя жизнь наша. Необозримая перспектива распахнутых перед нами времён даст нам силу преодолеть нынешние невзгоды и поставить себя выше капризов судьбы и удачи. Мы почувствуем себя более свободными и лучше вооружёнными для борьбы. Зная причину своих бед, спирит понимает их необходимость. Он знает, что страданье законно и принимает его без ропота. Для него смерть не отрезает ничего, и он знает, что эмоциональные связи сохраняются в загробной жизни и что все те, кто любили друг друга здесь, встретятся *там*, вдали от этого мучительного обиталища, свободные от земных бед; разрыв неизбежен лишь для людей злых, дурных. Из этих убеждений следуют утешенья, неведомые скептикам и тем, кто безучастно относится к вопросам истинной веры.

Если бы во всех уголках земного шара все души соединились в этой могучей вере, то мы бы стали свидетелями величайшего нравственного преобразования, какое ещё никогда не было отмечено историей.

* * *

CXXXI. Если Христос обещал Царство Божие униженным и неимущим, то лишь потому, что богатство и власть слишком часто порождают высокомерье и гордыню, тогда как трудовая и безотрадная жизнь является самой верной стезёй нравственного прогресса. Труженика, поглощённого выполнением своей ежедневной работы, искушения, желания, нездоровые аппетиты осаждают в гораздо меньшей мере; он может отдалиться размышленью, развить своё сознание; человек светский, напротив того, поглощён легкомысленными забавами, извлечением денег или наслаждениями.

Богатство привязывает нас к земле столь бесчисленными нитями, идущими в самую глубь нашего существа, что смерти редко удаётся разорвать их и освободить нас. Отсюда муки богатого в грядущей жизни. Между тем легко понять, что в действительности в здешнем мире ничто не принадлежит нам. Эти блага, каковым мы придаём такое значение, лишь *кажутся* принадлежащими нам. Сотни, тысячи других до нас воображали, будто владеют ими; тысячи других и после нас будут тешить себя теми же иллюзиями, и все рано или поздно оставят их. Само наше тело не принадлежит нам: оно лишь ссуда Природы, и она сможет востребовать её у нас назад, как только сочтёт нужным. Единственно прочные приобретения наши суть лишь порядка умственного и нравственного.

Из любви к материальным благам часто нарождаются зависть и ревность. Когда мы несём в себе эти пороки, нам следует проститься с миром и покоем. Жизнь превращается в постоянную муку. Успехи, роскошь ближнего вызывают у завистника жгучие

вожделения, жажду обладания, и чувства эти терзают и снедают его. Он мечтает лишь о том, как бы ослепить других, приобрести богатства, коими он даже не способен насладиться. Можно ли помыслить себе существование более жалкое? Непрестанно гнаться за призрачным счастьем, помещать всю душу свою в эти безделки, утрата коих повергает нас в отчаянье, разве не значит это учинять себе ежемгновенную пытку?

Богатство однако не есть зло само по себе. Оно – добро или зло в зависимости от употребления, кое ему дают. Важно то, чтоб оно не порождало ни надменности, ни жестокости сердца.* Следует быть хозяином своего состояния, а не рабом его, выказывать себя выше его, быть бескорыстным и великодушным. В таких условиях легче будет выдержать опасное испытание богатством. Только так не размягчится характер и не возникнет чувственность, коя почти неразлучно сопровождает состояние благополучия, комфорта.

* * *

СXXXII. Мало таких людей, у коих не было б дурных привычек, нуждающихся в исправлении, нездоровых наклонностей, которые должно устранить. Будемте помнить, что судимы мы будем по той же мере, которая служит нам для того, чтоб судить наших ближних.** Мнения, кои мы себе составляем о них, почти всегда суть отражение нашего собственного нрава. Будемте готовы прощать больше и осуждать меньше. Часто приходится сожалеть о скороспелом суждении.*** В особенности же будемте избегать видеть всё в дурном свете.

* По слову Платона: «Для человека с умом богатство не последнее дело и очень ему пригодится».. (Примеч. Й.Р.)

** В соответствии с наставлением Иисуса: «Не судите, да не судимы будете!» (Примеч. Й.Р.)

*** И об этом тоже сказал Христос: «Не судите опрометчиво!» (Примеч. Й.Р.)

Нет ничего пагубнее для будущего души, нежели дурные слова, нежели то непрестанное злословье, которое питает собой большую часть людских разговоров. Эхо слов наших звучит в грядущей жизни, дым злонамеренных мыслей наших словно бы образует плотную и тяжёлую тучу, коя окутывает и затемняет наш дух. Остережёмтесь тех критических выпадов, уничижительных оценок, насмешливых слов, кои отравляют будущее. Бежимте злословья словно чумы; удержимте уста наши от произнесенья горьких слов, готовых сорваться с них! Такова цена нашего счастья.

* * *

СXXXIII. Любовь, глубокая словно море, беспредельная словно небо, объемлет собою все существа Творения. Бог есть очаг её. Как солнце равно поднимается надо всеми вещами, сущими на Земле, и согревает лучами своими всю природу, так и Божественная Любовь оживляет собою все души; лучи её, проникая сквозь мрак нашего эгоизма, зажигают трепетные огни внутри каждого человеческого сердца.* Все существа созданы для любви. Крупицы нравственной жизни, ростки добра, заложенные в них, взращиваются вышним источником, дабы расцвести однажды прекрасными цветами и составить необъятный букет любви во вселенском братстве.

Кто бы вы ни были, вы, читающий сейчас эти страницы, знайте, что однажды мы с вами встретимся, либо в этом мире, при последующих существованиях, либо же на планете более продвинутой в развитии своём, или в беспредельности

* Гоголь говорит в одном из писем: «Будьте светлы, ибо светло грядущее, и чем темней помрачается на мгновенье небосклон наш, тем радостней должен быть взор наш, ибо потемневший небосклон есть вестник светлого и торжественного прояснения. Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь Бога к человеку». (Примеч. Й.Р.)

пространств. Знайте, что предназначенье наше — влиять друг на друга в направленьи добра, помогать друг другу в нашем общем восхождении. Чада Божьи, члены великой семьи духов, отмеченные на челе знаком бессмертья, мы предназначены познать самих себя, соединиться в святой гармонии законов и вещей, вдали от страстей и ложных почестей земного мира. В ожиданьи этого дня, пусть мысль моя идёт к тебе, о, брат мой, или сестра моя, как свидетельство нежной симпатии; пусть она поддерживает тебя в годину сомнений, пусть утешает тебя в страданиях твоих, пусть поднимает тебя, когда силы твои изменяют тебе, пусть соединится она с твоей мыслью, дабы испросить у общего Отца нашего помощи нам в завоеваньи лучшего будущего.

* * *

CXXXIV. Боль действует таким образом, что отделяет от нас всё нечистое и дурное, грубые вожделения, пороки, желанья, всё, что идёт от земли и должно вернуться в землю. Несчастье — это великая школа, благодатная почва для преобразований. В свете этого ученья, дурные страсти мало-помалу преобразуются в страсти великодушные, в любовь к добру. Ничто не потеряно. Но преобразование это медленно и трудно. Страданье, постоянная борьба со злом, самопожертвованье, лишь одни они могут совершить его. Чрез них душа приобретает опыт и мудрость. Из зелёного и кислого плода, коим она была, под влияньем восстановительных волн испытанья, лучей божественного солнца, душа превращается в плод сладкий, благовонный, созревший для миров высших.

Лишь наше незнанье законов Вселенной заставляет нас неприязненно воспринимать наши беды. Если б мы поняли, сколь беды эти необходимы для нашего продвиженья, если б мы сумели полюбить их горечь, то оне бы перестали казаться нам бременем. Тем не менее все мы ненавидим боль, мы чувствуем

полезность её лишь после того, как мы покинули тот мир, в коем она осуществляет свою власть. И всё же дело её плодотворно. Именно она пробуждает в нас сокровища жалости, нежности, любви. И ничтожны те, кто никогда не ощущал её. Поверхность их души необработана, великий ваятель ещё не коснулся её своим резцом. Ничто не глубоко в них, ни чувство, ни разум. Не испытывав страдания, они остаются безразличными, холодными к страданию других.

В слепоте своей мы проклинаем свою тёмную, однообразную, мучительную жизнь; но когда мы поднимаем взоры наши над ограниченными горизонтами земли, когда мы прозреваем действительную причину жизни, мы понимаем, что существованья эти, полные мучений, драгоценны, необходимы для смирения духов гордых, для подчинения нас той нравственной дисциплине, без коей нет прогресса.

Свободные в своих действиях, лишённые бед и забот, мы поддались бы неистовству страстей наших, влечениям нашего характера. Вместо того, чтобы трудиться над улучшением нашим, мы бы лишь добавили к нынешним своим ошибкам ошибки новые, тогда как сдавленные страданием в существовании, полном невзгод и лишений, мы привыкаем к терпению, размышлению, обретаем то спокойствие мысли, кое одно только и позволяет услышать голос, идущий свыше, – голос Разума.

* * *

CXXXV. Новая вера решила проблему очищения страданием. Голоса духов поддерживают нас в трудные часы. Даже те, кто пережил в своё время все муки земного существования, сегодня говорят нам: «Я страдал и был счастлив лишь своими страданиями. Они искупили многие годы роскоши и слабости. Страдание научило меня мыслить, молиться; никогда среди упоений наслаждения спасительное размышление не проникало в мою душу, никогда слова молитвы не посещали уста мои. Да будут благословенны

мои испытания, ведь именно они наконец открыли предо мной путь, ведущий к мудрости и истине!»*

* * *

CXXXVI. Утешьтесь же, все вы, безвестные, страждущие в тени жестоких зол, и вы, кого презирают за ваше невежество и ограниченные способности. Знайте, что среди вас есть гиганты духа, пожелавшие возродиться невеждами, дабы смириться, отрехшись на время от своих блестящих способностей и свойств, от своих талантов. Множества умов завуалированы искуплением; но при смерти покрывала эти спадут, и те, кого презирают за их невежество, затмят отталкивавших их гордецов. Никого не надо презирать. Под приниженными и тщедушными оболочками — и вплоть до идиотов и безумцев — томятся гиганты духа и, сокрытые в теле, искупают страшное прошлое.

* * *

CXXXVII. Боль всегда, самодержжно царит в этом мире, и всё же внимательное изучение показало бы нам, с какой мудростью и какой предусмотрительностью Божественная Воля соразмерила её действие. От веки к веку, Природа движется к порядку вещей всё менее суровому, менее жестокому, менее насильственному. В первые эры нашей планеты боль для живых существ была единственной школой, единственным указателем пути.** Но мало-помалу страдание смягчается; такие ужасные бедствия, как чума, проказа, голод исчезают. Уже и сейчас, время,

* Медианимическое сообщение, полученное Леоном Дени из Мира Духов. (И.Р.)

** Повторяем: боль — это очень часто просто признак (сигнал) того, что мы делаем что-то не то или, по крайней мере, не так. (И.Р.)

в коем мы живём, менее сурово, нежели прошедшее. Человек покори́л стихии, сократил расстояния, завоевал землю. Рабства больше нет. Всё развивается и движется вперёд. Медленно, но верно, мир и сама природа улучшаются. Будемте верить в Силу, правящую мирозда́нием. Ограниченный ум наш не способен судить о совокупности её средств. Один только Бог имеет точное представление об этом ритмичном движении, об этом необходимом чередовании жизни и смерти, дня и ночи, радости и боли, откуда в конце концов выступают счастье и возвышение существ. Так что предоставим Ему заботу определять час нашего ухода и будемте ждать этого часа, не боясь его и не желая.

* * *

CXXXVIII. Если есть жестокое испытание, так это утрата тех, кого мы любим; это, когда мы видим, как они исчезают один за другим, похищенные смертью, и когда вокруг нас мало-помалу образуются одиночество и пустота, полные безмолвия и ночи.

Постепенные уходы эти всех тех, кто был дорог нам, суть торжественные предупреждения; они вырывают нас из-под власти эгоизма нашего, они указывают нам на ребячество материальных забот наших, земных наших устремлений и приглашают нас подготовиться к великому этому путешествью.

Утрата матери невосполнима. Какая пустота делается внутри нас, вокруг нас, когда этот друг, лучший из всех, старейший и вернейший из всех, сходит в могилу; когда глаза эти, с любовью глядевшие на нас, закрываются навеки; когда уста эти, столь часто касавшиеся нашего чела, застывают навсегда! Любовь матери, что может быть чище, бескорыстнее её? И разве не есть она отражение божественной доброты?

Смерть детей наших – также источник горькой печали. Ни отец, ни мать не могут без щемящей тоски видеть, как исчезает предмет их нежной привязанности и любви. И именно в эти часы

отчаянья Философия Духов приходит к нам с великой помощью. На сожаленья наши, на нашу боль видеть жизни эти, полные обещаний, вдруг разбитыми, она отвечает тем, что ранняя смерть часто есть благо для духа, который уходит и освобождается от опасностей и соблазнов земли. Эта столь короткая жизнь, необъяснимая для нас загадка, имела свой глубокий смысл. Душа, вверенная заботам и ласкам нашим, пришла сюда завершить то, что было для неё недостаточным в предыдущем воплощении. Но мы видим вещи эти лишь с человеческой точки зрения, и от этого происходят ошибки и скорби наши. Пребыванье детей этих на земле было нам полезным. Оно породило в нашем сердце святое чувство отцовства, те нежные чувства, до той поры нам неведомые, от коих человек добрее и становится лучше. Оно породило от нас к ним узы достаточно прочные, чтоб соединить нас с тем невидимым миром, который однажды соединит нас всех. Ибо именно в этом красота Ученья Духов. Благодаря ему и вместе с ним существа эти не утрачены нами. Они на время покидают нас, но мы предназначены к тому, чтоб присоединиться к ним.

Да что говорю я! Разделение наше лишь видимость. Ведь души эти, наши дети, наша мать, все, с кем связует нас взаимная любовь, рядом с нами. Их флюиды, их мысли окутывают нас; их любовь защищает и оберегает нас. Иногда мы даже можем общаться с ними, получать от них советы и ободренья. Их любовь к нам не ослабела. Смерть лишь углубила её и озарила знаньем. Они призывают нас прогнать далеко прочь от себя пустую эту грусть, эти бесполезные печали, вид коих повергает их в отчаянье. Они умоляют нас смело и настойчиво трудиться над совершенствованьем и улучшением нашим, дабы вновь встретиться и соединиться с ними в духовной жизни.

* * *

XII. Наконец путь испытаний пройден; праведник чувствует, что предел близок. Земные вещи день ото дня бледнеют в глазах

его. Солнце кажется ему тусклым, цветы блеклыми, дорога более каменистой. Полный доверия видит он приближенье смерти. И разве она не будет затишьем после бури, гаванью после опасного плаванья?

Сколь величественное зрелище – душа, полная смиренья, когда она готовится покинуть землю после мучительной жизни! Она бросает последний взгляд на своё прошлое; в некоем полумраке, она вновь прозревает претерпленные униженья, невыплаканные слёзы, приглушённые стоны, мужественно перенесённые страдания. Она чувствует, как осторожно развязываются путы, привязывающие её к этому миру. Сейчас она покинет своё недостойное тело, оставит далеко позади себя все материальные ограничения. Чего может она бояться? Разве не проявила она себя в самоотреченьи, не пожертвовала свои интересы истине и долгу? Разве не испила она до дна чашу очищенья?

Она видит также и то, что ожидает её. Флюидические образы дел её, исполненных отреченья и жертвы, её великодушные мысли опередили её, усеяв, словно сверкающие вехи, путь её восхожденья. Се суть сокровища её новой жизни.

Она различает всё это, и взгляд её поднимается ещё выше, туда, куда приходят со светом на челе, любовью и верой в сердце.

При зрелище этом небесная радость наполняет её; она почти жалеет, что недостаточно страдала. Последняя молитва, словно крик радости, вырывается из глубин её существа и возносится к Отцу её, к её возлюбленному Повелителю. Эха пространств повторяют этот крик освобожденья, к коему присоединяются голоса блаженных духов, толпою спешащих ей навстречу.

* * *

CXL. Молитва должна быть доверительным излияньем души Богу, уединённой беседой, всегда полезным, часто плодотворным размышлением. Это убежище по предпочтительности сердец страждущих, истерзанных. В часы уныния, душевной тоски и отчаянья, кто не находил в молитве утешения, поддержки и

облегчения своим бедам? Потайный диалог устанавливается между страждущей душой и вызванной силой. Душа обрисовывает свои томления, свои слабости; она молит о помощи, о поддержке, снисхождении. И тогда, где-то во глубине сознания, ей отвечает некий таинственный голос, голос Того, из Кого исходит всякая сила для битв этого мира, всякий бальзам на наши раны, всякое озарение нашим сомненьям. Голос этот утешает, возвышает, убеждает; он ниспосылает нам смелость, покорность, стоическое смирение. И мы освобождаемся от печали, от подавленности; луч божественного солнца просиял в нашей душе, возродил в ней надежду.

Есть люди, злословящие на счёт молитвы, находящие её пошлой, смехотворной, нелепой. Это те, которые никогда не молились или никогда не умели молиться. Ах! без сомненья, если речь идёт обо всех этих «патернострах», бубнящихся сонно и равнодушно, об этих вызубренных цитатах, столь пустых и тщетных, сколько нескончаемых, обо всех этих молитвенных «артикулах», расклассифицированных и пронумерованных, кои губы лепечут без участия сердца, то можно понять их критику и скептицизм; но дело в том, что всё это, собственно, и не есть молитва. Молитва – это возвышение, вознесение над вещами земными, страстный призыв к высшим силам, порыв вверх, взмах крылами к областям, в коих душа черпает необходимые ей вдохновения. И чем сильнее её порыв, чем искреннее её призыв, тем более внятные, более светлые открываются ей гармонии, голоса, красоты высших миров. Это словно окно, распаивающееся в невидимое, в беспредельное, и чрез которое ей доносятся тысячи утешений и возвышенных впечатлений. Впечатлениями этими она проникается, опьяняется, закаляется в них, словно в флюидической возрождающей ванне.

В беседах этих души с Высшей Силой слова всего менее должны быть подобраны и записаны заранее; в особенности же молитва не должна быть формулой, коей длина измеряется в соответствии с числом вписанных в неё слов, что становится уже извращением, почти святотатством. Слова молитвы должны меняться в зависимости от потребностей и настроения человека. Это крик, жалоба, излияние скорби или песнь любви, действие обожания или анализ своих поступков, нравственная

опись, производимая под Божьим оком, или же простая мысль, воспоминанье, взгляд, обращённый к небесам.*

* * *

CXLI. Молитва не имеет целью своей снисканье какой-то милости или благосклонности, но возвышение души и её вступление в связь с высшими флюидическими и моральными силами. Молитва – это мысль, обращённая к благу, это светящаяся нить, связующая миры тьмы с мирами божественными, воплощённых духов со свободными и лучезарными духами космического пространства. Пренебрегать ею значит пренебрегать единственной силой, высвобождающей нас из столкновения страстей и интересов, возносящей нас над вещами изменчивыми и преходящими и соединяющей нас с тем, что во Вселенной есть постоянного, неизменного, незабываемого. Вместо того, чтобы отвергать молитву из-за тех злоупотреблений, коим она подвергается, не лучше ли мудро и с чувством меры пользоваться ею? По такому отношению к молитве узнаётся душа сосредоточенная и искренняя, ибо молиться следует сердцем. Будем избегать банальных формул, кои в ходу в определённых кругах. У тех людей в духовных упражнениях такого рода шевелятся одни только губы, душа же остаётся немой. В конце всякого дня, прежде чем предаться отдыху, будем спускаться в себя, со вниманием рассматривать поступки свои. Будем уметь осуждать дурные, дабы избежать их возврата, и приветствовать благие и полезные. Попросим Высшую Мудрость помочь нам осуществить в самих себе и вокруг себя совершенную нравственную красоту. Вдаль

* Да, молитва всего менее должна быть заученной наизусть фразой. Истинная молитва – импровизация мысли, обращённая к высшим силам, она идёт от мысли к слову, а не от слова к мысли, как это обычно предполагается. Молитва – живая мысль и никак не может быть выражена на бумаге. Она – духовное огненное устремление. В этом смысле для молитвы нет и не может быть образца. (И.Р.)

от земли вознесём помыслы наши. Пусть душа наша, радостная и любящая, устремится к Всевышнему! Она ниспустится с этих высот с сокровищами терпения и храбрости, кои облегчат ей исполнение своего долга, своей задачи совершенствования.

* * *

CXLII. Было бы ошибкой верить, будто всего можно добиться молитвой, будто действенность её достаточно велика, чтобы отвести от нас испытания, неотъемлемые от жизни. Закон непреложной справедливости не предназначен приравниваться к нашим капризам. Беды, которые нам бы хотелось от себя отвести, порою бывают необходимым условием нашего прогресса. Устранить их значило бы сделать нашу жизнь бесплодной и бесполезной. С другой стороны, как бы Бог мог пойти навстречу всем желаниям, кои люди выражают в своих молитвах? Большинство их даже неспособно распознать, что им наиболее подходит, что им всего более полезно. Некоторые просят богатства, не зная того, что оно было бы для них несчастьем, дав свободный выход их страстям.

В молитве, кою он каждый день обращает к Всевышнему, мудрец не просит того, чтоб судьба его была счастливою, или того, чтобы страдание, разочарования, невзгоды были отвержены от него. Нет! Чего он желает, так это познать закон, чтобы лучше следовать ему; о чём он молит, так это о помощи свыше, о содействии благосклонных духов, с тем чтобы достойно перенести дурные дни. И хорошие духи отвечают на его призыв.

Они не пытаются воспрепятствовать свершению справедливости, помешать исполнению божественных постановлений. Сочувствуя человеческим страданиям, кои они сами познали, претерпели, они приносят своим земным братьям вдохновение, которое поддерживает их в борьбе с материальными влияниями; они покровительствуют всем благородным и целительным мыслям, всем порывам души, которые, вознося людей ввысь, освобождают их от искушений и ловушек плоти. Молитва

мудреца, которую он совершает в глубокой сосредоточенности, вне каких-либо самолюбивых помыслов, пробуждает в нём некое предчувствие долга, она зарождает в его душе настолько высокое чувство истины, блага и справедливости, что оно ведёт его сквозь все трудности существования и поддерживает его в тесной связи с великой вселенской гармонией.

Но Верховная Сила представляет не только справедливость, она также доброта – необъятная, бесконечная, помогающая. И почему бы нам не добиться молитвами своими того, что совмещает в себе доброту со справедливостью? Мы всегда можем испросить поддержки и помощи в годину невзгод. Но один только Бог знает, что нам всего более подойдёт и что нам действительно нужно; а потому, если Он не одарит нас предметом наших просьб, то всегда ниспошлёт нам флюидическую поддержку и смирение.

* * *

CXLIII. Если же совершенно нет возможности обойтись без какого-либо текста, то возьмите, за образец, этот:

Мой Боже, Ты, который велик, Ты, который есть всё, ниспошли мне, маленькому, кой есть лишь потому, что того пожелал Ты, ниспошли мне луч света Твоего. Сделай так, дабы, проникнутый любовью Твоей, я счёл благо лёгким, зло отвратительным, дабы, одушевлённый желанием нравиться Тебе, дух мой одолел препятствия, мешающие торжеству истины над заблуждением, братства над эгоизмом. Сделай так, дабы в каждом товарище по испытаниям я видел брата, как Ты видишь сына в каждом из существ, проистекающих из Тебя и должных вернуться к Тебе. Дай мне любовь к труду, каковой есть долг всех на земле, и факелом Своим, свет которого Ты сделал доступным и мне, освети несовершенства мои, задерживающие продвиженье моё в жизни этой и иной!

* * *

CXLIV. Целомудрие и умеренность идут рука об руку. Наслажденья плоти размягчают нас, истощают, уводят с пути мудрости. Сладострастье словно море, в коем тонут все нравственные качества человека. Далёкое от того, чтоб удовлетворить нас, оно лишь разжигает наши желанья. Как только мы позволяем ему войти в нас, оно заполняет нас, поглощает и подобно всплеску воды гасит внутри нашего существа всё, что есть в нём светлого, все языки великодушного пламени. Пришедшее поначалу скромным посетителем, оно в конце концов становится нашим господином, нашим всецелым обладателем.*

* * *

CXLV. Целомудрие, умеренность, борьба с чувственными соблазнами не суть, как то утверждают прожигатели и кутилы, нарушение законов Природы, обедненье и обесцвечиванье жизни; напротив того, они порождают в том, кто соблюдает и ведёт их, глубокое согласие с высшими законами, просвещённое наитие будущего. Сладострастник, отделённый от всего, что он любил, тщетно изнуряет себя желаньями. Он всё вновь посещает дома, в коих предавался разгулу, выискивает такую земную обстановку,

* Французский писатель Рене Думик в очерке о Ги де Мопассане замечает: «Любовь, низведённая только к плотскому влечению и чувственным наслаждениям, лишённая того, что называется «музыкой любви», несомненно делается самой разочаровывающей вещью. Ибо свойство плотского желания есть саморазрушение, а наслаждение оставляет после себя лишь усталость и отвращение. Но мало того, сама красота, воплотившаяся для нас на время в гармонии линий и очертаниях нашей земной плоти, при этом блекнет, вянет, разлагается. Самая молодость, заставлявшая нас жаждать любви и делавшая нас достойными её, пропадает тогда! И остаётся у нас только сожаление о навсегда потерянных благах, которые больше не вернутся к нам. И мы печально думаем тогда, что всё кончено, и со всех жизненных, нами пройденных дорог, и тех, по которым мы ещё будем медленно тащиться, навстречу нам поднимается один только образ, — образ Смерти». (Примеч. Й.Р.)

коя напоминала б ему его образ жизни. Тем самым, он всё более заковывает самого себя в цепи материи; он отдаляется от источника чистых наслаждений и отдаётся скотству и мраку.

Поместить радости свои в плотские наслаждения, это значит надолго лишит себя мира, в коем блаженствуют возвышенные духи. И мир этот доставить способна одна лишь чистота. Да разве не видим мы этого и в этой жизни? Наши страсти, наши желанья порождают образы, призраки, кои преследуют нас даже во сне и препятствуют размышленьям нашим. Но, вдали от ложных удовольствий, дух сосредоточивается, закаливается, открывается ощущениям нежным. Мысли его возносятся в бесконечность. Заранее освобождённый от низкой похоти, он без сожаленья оставляет свои износившиеся органы.

Будемте часто размышлять над сей восточной пословицей и осуществлять её на деле: «Будь чист, дабы быть счастливым, дабы быть сильным!»

* * *

CXLVI. Большинство людей притязает на то, будто любит учёбу, и жалуется, будто им «не хватает времени» заняться ею. Тем не менее многие среди них посвящают целые вечера игре, пустым и праздным разговорам. Часто также отвечают, что книги стоят дорого, и это тогда, когда в ничтожных удовольствиях, обличающих к тому же дурной вкус, тратят больше денег, нежели их нужно на то, чтоб составить себе богатую коллекцию сочинений. А при всём том, изученье Природы, самая действенная, самая целительная из учёб, не стоит ровно ничего.

Наука человеческая погрешима и переменчива. Природа же не такова. Она никогда не противоречит самой себе. В часы неуверенности и унынья, обратимся к ней. Подобно матери, она улыбнётся нам, раскроет нам свои объятия и успокоит нас на груди своей. Она заговорит с нами языком простым и мягким, в коем истина явится нам без прикрас и приправ; но слишком немногие

умеют слушать эту безмятежную и бесхитростную речь и понимать её. Человек, даже и в глубинах одиночества, несёт с собою страсти свои, внутренние возбуждения, коих шумы заглушают задушевные наставленья Природы. Чтоб испытать откровенье, находящееся в природе самих вещей, надо заставить умолкнуть химеры этого мира, те шумливые мнения, кои мутят наши общества; надо сосредоточиться, создать мир внутри и вокруг себя. Тогда все шумы общественной жизни умолкают, и душа входит в самое себя, вновь обретает присущее ей чувство Природы и вечных законов, сообщается с Высшим Разумом.

* * *

CXLVII. Вот уже пятьдесят лет как великое сомножество фактов, откровений, открытий проливает новый свет на те необъятные и неведомые стороны жизни, кои предчувствовались во все времена, но о которых до сей поры мы имели понятия лишь смутные и неопределённые. Благодаря внимательному наблюдению, методичному экспериментированию над явлениями психическими мало-помалу составляется некая наука, обширная и могущественная.

Вселенная является нам как своего рода хранилище неведомых сил, несметных энергий. Головокружительная Беспредельность открывается мысли, Беспредельность реальностей, форм, жизненных сил, кои ускользают от наших органов чувств, но некоторые проявления которых могли с великой точностью быть измерены с помощью регистрирующих приборов. (См. «Annales des Sciences psychiques, août, septembre et novembre 1907, février 1909»).

Понятыя сверхъестественного рушится, и мы видим, как непрестанно расширяются области необъятной Природы, отодвигаются поставленные ей ограниченным умом пределы, и возможность некой незримой органической жизни, более богатой, более полной, чем жизнь людей, открывается нам управляемая

величественными законами. Жизнь эта, во многих случаях, вмешивается в нашу и влияет на неё в добре или во зле.

* * *

CXLVIII. Изобильный источник вдохновений изливается из невидимого мира на человечество. Тесные узы существуют между людьми и отшедшими. Все души соединены некими таинственными нитями, и уже в этом мире самые чувствительные вибрируют в ритме Вселенской Жизни.

* * *

CXLIX. Чтоб постичь смысл этой жизни, чтоб понять силу, ею управляющую, надо подняться вплоть до высшего, имманентного, т.е. пребывающего в себе самом, закона, который руководит судьбами народов. Поверх совпадений и условий земных, поверх смешенья фактов, вызванных свободой человеческой, надобно видеть действие некой безупречной Воли, преодолевающей сопротивление отдельных воль, единоличных действий и умеющей претворять отстаиваемое Ею дело. Вместо того, чтоб теряться в хаосе фактов, нужно объять их целое, понять сокрытую в нём связь. Тогда проступает вся их канва, соединяющее их сцепление, открывается их гармония, в то время как противоречья их стираются и на более высоком уровне сознания сливаются воедино. Становится понятным, что существует некая сокрытая, незримая энергия, изливающаяся на существа; сохраняя за каждым определённую сумму побуждений и стремлений, она облекает их все и увлекает их к одной и той же, единой цели.

Именно справедливым равновесием индивидуальной свободы и власти верховного закона объясняются и примиряются все кажущиеся противоречия и непоследовательности жизни

и истории, тогда как их глубокий смысл и конечная цель их открываются тому, кто умеет постигать сокровенную природу вещей. Вне этого верховного действия был бы лишь беспорядок и хаос в бесконечном разнообразии усилий, индивидуальных порывов, словом, во всей человеческой деятельности.

* * *

CL. По мере того, как растёт наше знание о Вселенной и о человеке, понятие сверхъестественного отступает, отодвигается, исчезает. Отныне мы понимаем: Природа едина, но в необъятности своей она таит внутри себя такие области и формы жизни, кои издревле ускользали от наших ощущений. Эти последние суть из числа наиболее ограниченных. Они позволяют нам понять лишь самые грубые, самые простейшие стороны Вселенной и Жизни. Их бедность, их недостаточность стала особенно ощутимой в пору изобретения мощных оптических приборов – телескопа и микроскопа, кои во всех направлениях расширили поле наших зрительных восприятий. Что знали мы о бесконечно малых существах до создания увеличительных приборов? что знали мы об этих бесчисленных жизнях, кишущих и мечущихся вокруг нас и даже в нас самих?

Однако это всего лишь нижние основания Природы и, так сказать, субстрат жизни, её нижний слой. Но поверх его, уровни следуют за уровнями и, становясь друг на друга, градируют формы существований всё более утончённых, эфирных, разумных, поначалу характера человеческого, затем же на последующих вершинах – ангельского, существований, всегда принадлежащих по формам своим, если не по своей сути, к тем невесомым состояниям материи, кои сегодня наука утверждает во многих видах, например, во всей совокупности опытов, проделанных над лучеиспускающей материей.

Мы знаем теперь, что за пределами зримых и осязаемых форм, кои нам хорошо известны, материя также ещё находится

во множестве и разнообразии состояний, незримых и невесомых, что мало-помалу она утончается, преобразуется в силу и свет, чтоб стать космическим эфиром физиков. Во всех этих состояниях, подо всеми обликами, она есть ещё субстанция, в которой ткутся бесчисленные организмы, жизненные формы невообразимой тонкости. В этом океане утончённой материи напряжённая жизнь колышется над нами и вокруг нас. За пределом узкого круга наших ощущений разверзаются бездны, развивается неведомый нам необъятный мир, населённый силами и существами, коих мы не воспринимаем, но которые однако участвуют в нашем существовании, в наших радостях, страданиях и в какой-то мере могут влиять на нас, помогать нам. И именно в этот неизмеримый, беспредельный мир силится проникнуть наша новая наука.

* * *

СII. О, чудо! Да ведь мы и сами, наиболее важной частью существа нашего принадлежим к этому невидимому миру, который всякий день открывается внимательным наблюдателям. В каждом человеке есть некая флюидическая форма, некоторое утончённое, неразрушимое тело, верный образ физического тела, и коего это последнее является всего лишь преходящим одеяньем, грубой оболочкой, футляром. Форма эта обладает своими собственными органами чувств, более сильными, более мощными, нежели органы чувств у физического тела; эти последние суть лишь их слабое продолжение, надставка к ним.

Существование этого двойника, или призрака живущих, установлено многочисленными фактами и свидетельствами. Он может высвободиться из своей плотной оболочки во время сна, как естественного, так и искусственно вызванного, и проявляться на расстоянии. Случаи телепатии, феномены раздвоения, перенесения чувствительности наружу (экстериоризации), появления людей в точках весьма отдалённых от того места, где они покоятся сном, столько и столько раз приведенные Ф.Мейерсом, К.Фламмарионом,

профессором Ш.Рише, докторами Дарье и Максвеллом и многими, многими другими, являются тому самым явным подтверждением. Протоколы Общества психических исследований в Лондоне, составленные самыми известными учёными Англии, богаты фактами этого рода.

Флюидическое тело есть истинное местонахождение наших способностей, нашего сознания, того, что верующие всех веков называли «душою». Эта последняя не есть некая смутная метафизическая сущность, но скорее нетленное средоточье силы и жизни, неотделимое от своей утончённой формы. Она существовала до нашего рождения, и смерть не действует на неё. Она обретает себя по ту сторону могилы в полноте своих интеллектуальных и моральных достижений. Её назначение в том, чтоб продолжать сквозь пространство и время своё развитие к состояниям всё лучшим, всё более озарённым лучами Справедливости, Истины, Вечной Красоты. Существо, навечно предназначенное совершенствованию, пожинает в своём возросшем психическом состоянии плоды трудов, жертв и испытаний всех своих существований.

Те, кто жили среди нас и продолжают своё развитие в пространстве Космоса, не остаются безучастны к нашим страданиям и слезам. Высшие слои вселенской жизни непрестанно изливают на Землю потоки энергии и вдохновенья. Оттуда приходят внезапные озаренья гения, могучие вдохновения, проходящие по толпам в часы испытаний; оттуда поддержка и утешенье тем, кто согбен бременем существования. Некая таинственная нить связует видимое и невидимое. Отношения с потусторонним миром могут быть установлены с помощью некоторых особо одарённых лиц, у которых сокрытые восприятия души, психические органы чувств, эти глубинные органы восприятия, дремлющие во всяком человеческом существе, могут пробудиться и притти в действие ещё при этой жизни. Этих-то помощников и называем мы «медиумами».

* * *

СЛП. Мы не забыли тех насмешек, мишенью для коих были эти исследования в своём начале, ни того, сколько критиков ещё одолевает тех, кто бесстрашно продолжает эти исследования, настаивает на своих отношениях с Миром Незримым. Но ведь разве не осыпали насмешками, даже внутри самих учёных обществ, множества открытий, кои позднее проступили как самые блистательные и неопровержимые истины? Так же будет оно и с существованием духов. Один за другим, учёные вынуждены признать его, и зачастую это происходит в результате опытов, предназначенных как раз для того, чтоб доказать необоснованность таких утверждений. Сэр Вильям Крукс, которого его соотечественники сравнивают с Ньютоном, один из этих учёных. Назовём также Рассела Уоллеса, Оливера Лоджа; Цезаря Ломброзо в Италии; докторов Поля Жибье и Дарье во Франции; в России статского советника Аксакова; в Германии барона Дюпреля и астронома Цёльнера.

Человек серьёзный, держащийся на равном отдалении от слепой легковёрности и от не менее слепого неверия, вынужден признать, что проявления эти имели место во все времена. Вы найдёте их на всех страницах истории, в священных книгах всех народов, у ясновидцев Индии, Египта, Греции и Рима, равно как и у медиумов наших дней. Пророки Иудеи, христианские апостолы, жрицы Галлии получают свои откровения из того же самого источника что и наша Орлеанская дева.*

Медиумство существовало всегда, ибо человек всегда был духом, и дух этот во все времена оставлял себе открытой дверь, ведущую в мир, недоступный нашим обычным органам чувств.

Постоянные, непрерывные проявления эти происходили во всех средах и во всех формах, от самых общих, самых грубых – как вертящиеся столы, бесконтактное передвижение предметов; дома, посещаемые привидениями – и до самых тонких и возвышенных,

* Ниже речь часто будет идти о Жанне д'Арк, поскольку многие из этих отрывков взяты из книги, которую автор особо посвятил ей. (Й.Р.)

каковы экстаз и высокие вдохновения, и происходило это согласно степени возвышенья проявлявшихся разумных сил.

* * *

CLIII. Оккультные и божественные миры обладают своими источниками силы, по-иному богатыми и глубокими, нежели те, в коих черпают свои знания люди. И источники эти порою открываются сердцам простым, смиренным, незнающим, тем, кого Бог отметил печатью Своей; они находят там такую стихию знания, кои превосходит всё, что здесь может дать нам ученье.

Наука человеческая не развивается без некоторой примеси гордыни. В её наставленьях почти всегда присутствуют условность, вычурность, педантизм. Наставленьям этим зачастую недостаёт ясности, простоты. Некоторые работы по психологии, например, так темны, сложны, настолько пестрят вычурными выражениями и оборотами, что граничат с нелепостью и вызывают смех. Забавно видеть, к каким усилиям воображения, к какой интеллектуальной гимнастике прибегают люди, профессор Т.Флурнуа и доктор Грассе, например, чтоб построить теории столь же шутовские, сколь и учёные. Истины, идущие от высоких Откровений, проявляются, напротив того, в мыслях светлых, и в немногих словах, произнесённых устами людей простых, разрешают проблемы самые трудные и запутанные.

«Благословен будь, о Отче мой, – говорит Христос, – что ты открыл малым и слабым мира сего то, что сокрыл от мудрых и сильных!»

* * *

CLIV. Мало людей понимает эти вещи. Пошлости земли скрывают от них красоты окружающего их незримого мира, в

волнах коего они купаются словно слепые в лучах света. Но есть и нежные души, существа, одарённые возвышенными чувствами, для коих это плотное покрывало вещей материальных временами разрывается; и чрез эти разрывы в нём видят они некоторую часть того божественного мира, мира истинных радостей, настоящего счастья, где все мы встретимся после смерти, тем сильнее счастливые и свободные, чем лучше жили мы мыслью и сердцем, чем чище любили и больше страдали.

* * *

CLV. Ко всем тем, кто умеет вопрошать незримое в сосредоточенье и молитве, Божественная Мысль снисходит со ступени на ступень, от самых высот Космоса до самых глубин человечества.

* * *

CLVI. Незримые разумные силы, открыто вмешивающиеся в дело человеческое, оказываются вынужденными входить в ум тех людей, которым оне проявляются, заимствовать формы и имена знаменитых существ, известных этим людям, дабы произвести на них впечатление, внушить им доверие, лучше подготовить их к выпавшей им на долю роли.

В общем, в мире ином не придают такого значенья, как у нас, именам и личностям. Там преследуют великие цели и, чтоб достичь их, применяют те средства, необходимость в коих вызывается состояньем мышления, или можно было бы сказать, состояньем неполноценности и невежества тех мест и времён, где Силы эти желают вмешаться.

* * *

CLVII. Чрез вдохновенье ясновидцев и пророков, чрез посредничающие Силы, чрез духов-посланцев, человечество всегда поддерживало связь с высшими уровнями Вселенной.

Экспериментальные исследования, продолжающиеся уже вот полстолетия, пролили новый свет на потустороннюю жизнь. Мы знаем, что мир духов населён бесчисленным множеством существ, занимающих все ступени лестницы эволюции. Смерть не изменяет нас с точки зрения моральной. Мы находим себя в пространстве со всеми приобретёнными достоинствами, но также и нашими ошибками и недостатками. Из этого следует, что земная атмосфера кишит низшими душами, жаждущими проявиться человеческим существам, что делает общение с потусторонним миром опасным и требует от экспериментатора тщательной подготовки и изрядной толики здравого суждения.

Исследования эти доказывают также, что над нами есть сонмы душ доброжелательных и покровительственных, душ людей, пострадавших ради добра, ради истины и справедливости. Оне витают над несчастным человечеством, чтоб вести его по путям его назначения. Ещё выше узких горизонтов земли в Беспредельность восходит целая иерархическая лестница незримых существ, по ступеням располагающихся друг над другом в лучах света. Это есть лестница Высших Умов и Сознаний, которая градируется и восходит к лучезарным духам, к могущественнейшим существам, хранителям божественных сил.

Незримые существа эти, как мы сказали, порою вмешиваются в жизнь народов, но они не всегда делают это столь блистательным образом, как то имело место во времена Жанны д'Арк. Чаще всего, действие их остаётся скрытым, завуалированным, прежде всего чтобы сохранить свободу человеческую, и в особенности потому, что если силы эти и желают быть узванными, то оне желают также, чтоб человек сделал усилие и стал бы способен узнать их.

Сии великие факты истории сравнимы только с просветами, каковые внезапно образуются меж туч в пасмурную погоду, дабы показать нам глубокое, светозарное, бесконечное небо. Затем просветы эти тут же вновь затягиваются, потому что человек не созрел ещё для того, чтоб уловить и понять тайны высшей жизни.

Что же касается выбора форм и средств, кои эти великие Существа употребляют, чтоб вмешаться в дела земные, то нужно признать, что знание наше крайне слабо, чтоб оценивать их и судить о них. Наши ограниченные способности бессильны промерить необъятные просторы Незримого. Но мы всё же знаем, что факты, их подтверждающие, несомненны, неопровержимы. Из дали в даль, сквозь окутывающий нас мрак, посреди прилива и отлива событий, в те решающие часы, когда какая-либо нация находится в опасности, когда человечество сошло с пути своего, некое истечение, некоторое воплощение и олицетворенье Верховной Силы снисходит к нам, чтоб напомнить людям, что над ними существуют бесконечные помощи, которые они могут призвать к себе своими мыслями, сообщества душ, коих и они однажды достигнут достоинствами своими и усилиями.

Вмешательство в дела людские этих высоких Существ, коих мы наречём «анонимами пространства», составляет некий глубокий закон, на котором, силясь сделать его более понятным, мы полагаем здесь должным настоять ещё раз.

В общем же, сказали мы, Высшие Духи, проявляющиеся людям, не называют себя, или же, если называют, то заимствуют имена символические, кои характеризуют их природу или род предписанной им деятельности.

Почему же, тогда как в мире здешнем человек показывает себя столь ревнивым в отношении малейших своих заслуг, столь торопливым привязать имя своё к делам самым призрачным, почему же тогда великие миссионеры Мира Потустороннего, славные посланцы Незримого упорствуют в сохранении анонимности или в заимствовании имён аллегорических? Оттого это, что слишком различны правила мира земного и правила миров высших, в коих движутся духи-искупители.

В здешнем мире личность первенствует и поглощает всё. Тираничное «я» навязывает себя: это знак нашей неполноценности, бессознательная формула нашего эгоизма. Поскольку нынешние условия существования нашего несовершенны и временны, то естественно то, что все наши действия вращаются вокруг нашей личности, т.е. этого «я», которое поддерживает и обеспечивает тождество существа на низшей стадии его развития, всем

искривлениям пространства вопреки и всем превратностям времени наперекор.

В высоких духовных сферах всё это обстоит поиному. Эволюция продолжается в формах более эфирных, в формах, кои на определённой высоте развития сочетаются, соединяются и производят то, что можно было бы назвать «сопроникновением существ».

Чем более дух восходит и продвигается в бесконечной иерархии, тем более углы личности его стираются, тем более его «я» расширяется и расцветает во вселенской жизни по закону гармонии и любви. Несомненно, тожество существа сохраняется, но действие его всё более смешивается, соединяется с общей деятельностью, т.е. с Богом, который в действительности есть «чистое действо».

Именно в этом и заключается бесконечный прогресс и вечная жизнь: приближаться непрестанно к Абсолюту, никогда не достигая Его, и всегда всё более полно соединять наше собственное дело с делом вечным.

Достигнув этих вершин, дух не называет себя более тем или иным именем; это не есть более некий индивид, некоторая личность, но одна из форм бесконечной деятельности. Он называет себя: Легион. Он принадлежит к некоторой Иерархии Сил и Знаний подобно тому, как отдельная искра пламени принадлежит к деятельности очага, порождающего и питающего её. Это необъятная ассоциация духов, гармонизованных между собой законами светового сродства, интеллектуальной и моральной симфонии, любовью их отождествляющей. Возвышенное братство, коего земное есть всего лишь бледное и беглое отраженье!

Порою из этих гармоничных групп, из этих ослепительных плеяд, выделяется один живой луч, отделяется некая лучезарная форма и приходит подобно отображенью света небесного осветить тёмные углы нашего тёмного мира. Помочь восхождению душ, укрепить какое-либо существо в час великой жертвы, поддержать голову какого-либо агонизирующего Христа, спасти какой-либо народ, искупить вину гибнущей нации – таковы возвышенные миссии, исполнить кои приходят эти посланцы иного мира.

Закон сопричастности (солидарности) требует, чтоб существа высшие притягивали к себе и опекали духов молодых или отсталых.

Так, огромная, бесконечная магнетическая цепь разворачивается сквозь несоизмеримую Вселенную и связует души и миры.

И поскольку вершина нравственного величия в том, чтоб делать добро ради самого добра, без каких-либо эгоистических расчётов и ссылок на самого себя, то благодетельные духи и действуют под двойным покровом молчания и безымянности, дабы слава и достоинство их дел возвернулись к одному только Богу и вечно возвращались бы к Нему.

* * *

CLVIII. Такова вообще участь посланцев свыше: они – всегдашние жертвы людского произвола, предмет людских преследований и нападок; люди не хотят и не могут их понять. Примеры, кои они подают, истины, которые они распространяют, являются помехой земным интересам, они – осужденье людским страстям и заблуждениям.

То же самое происходит и в наши дни. Эпоха наша, хотя и менее варварская, нежели Средневековье, в массе отправлявшее их на костёр, всё же ещё преследует посланников мира иного. Они часто безвестны, презираемы, осмеяны. Я говорю об истинных медиумах, а не о притворщиках, кои многочисленны и втираются повсюду. Эти последние бесчестят одну из самых достойных вещей, какая только есть на свете, и уже тем самым они возлагают бремя тяжкой ответственности на своё будущее. Ибо за всё приходится платить, рано или поздно; все наши действия, дурные или хорошие, возвращаются к нам, со своими последствиями.* Это – закон судьбы!

* * *

* Дж.Конрад, в одном из своих рассказов, говорит: «Каждый шаг – поступок: за него неизбежно приходится отвечать, и тщетны слёзы, скрежет зубовный и сожаления слабых, кто мучается, объятый страхом, когда наступает срок оказаться лицом к лицу с последствиями собственных действий!» (И.Р.)

CLIX. В медиумстве, как и во всём остальном, есть бесконечное разнообразие, некоторая градация, определённого рода иерархия. Почти все мессии, пророки, основатели религий, посланники истины, все те, кто провозгласил высшие принципы, коими питалась человеческая мысль, были медиумами, поскольку их жизнь была в постоянных сношениях с высокими духовными сферами.

В другом месте,* опираясь на многочисленные и точные свидетельства, я доказал, что гений, с разных точек зрения и в очень многих случаях, может быть рассмотрен как один из видов медиумства. Гениальные люди, в большинстве своём, существа вдохновенные в самом высоком смысле этого слова. Творенья их суть факелы, кои Бог зажигает в ночи веков, чтоб освещать движенье человечества вперёд. Со времени публикации моей книги я собрал новые документы в поддержку этого положения. Далее я приведу некоторые из них.

Вся философия истории сводится к трём словам: общность видимого и невидимого.** Она выражается высоким вдохновением: гениальные люди, великие поэты, учёные, художники, замечательные изобретатели – все суть исполнители божественного замысла в этом мире, того величественного плана эволюции, который влечёт душу к вершинам.

И либо благородные умы, вершащие эту эволюцию, сами воплощаются, чтоб сделать влияние своё более действенным и непосредственным. Тогда вы имеете Зороастра, Будду, и надо всеми, Христа. Либо же они вдохновляют и поддерживают посланных своих, коим поручено придать большую живость полёту мысли: в числе этих

* См. «Dans l'Invisible», chap. XXVI, «La Médiumnité glorieuse». (Л.Д.)

** Или другой вариант перевода: «сопричастность зримого и незримого». (И.Р.)

последних были Моисей, Святой Павел, Магомет, Лютер. Но, во всех случаях, свобода человеческая уважается. Отсюда, всевозможные препоны, кои эти великие духи встречают на своём пути.

Самым ярким фактом среди событий, возвещающих приход этих посланцев свыше, является религиозная идея, на которую они опираются.

Этой идеи хватает на то, чтоб поднять их дух и собрать вокруг себя, почти всегда смиренных и не располагающих никакой материальной силой, несметные толпы, готовые распространить учение, величие коего они почувствовали.

Все они говорили о своих общениях с Невидимым; всем им бывали видения, все слышали голоса и признавали себя лишь простыми орудьями Провидения для исполнения определённого предназначенья. Будь они одни, будь предоставлены сами себе, они бы не справились; влияние свыше было обязательно, необходимо для торжества их идеи, против которой ожесточалось столько врагов.

Философия также имела своих славных подвижников, вдохновенных свыше: Сократ, как и Жанна д'Арк, слышал голоса, или вернее, один голос, голос дружественного духа, которого он называл своим «демоном» («демоний» по-гречески значит «дружественный дух»). Голос этот звучал ему во всех обстоятельствах жизни. В «Феаге» Платона можно прочесть о том, как Тимарх мог бы избежать смерти, послушайся он голоса этого духа: «Не уходи», – советует ему Сократ, когда тот уходит с пира вместе с Филемоном, своим сообщником, коему одному только было известно Тимархово намеренье пойти убить Никия: «Не уходи: голос говорит мне, чтоб я тебя не отпускал». Хотя и предупреждённый ещё дважды, Тимарх уходит, но ему не удаётся его предприятие и его приговаривают к смерти. В минуту казни он с опозданием признаёт, что ему следовало тогда послушаться голоса: «О, Клитомах! – говорит он своему брату, – я умираю за то, что не пожелал последовать совету Сократа».

Однажды голос предупредил мудреца, чтобы он не шёл дальше по той дороге, которую он следовал вместе со своими друзьями. Эти последние, однако, отказываются послушаться его; они продолжают свой путь и встречают какое-то войско, которое нападает на них и убивает их всех.

Столь часто убеждаясь в справедливости даваемых ему этим голосом советов, Сократ имел все основания верить в него; он напоминал своим друзьям, что «предсказания, переданные мне им, ни разу не оказались неверны».

Напомним ещё также торжественное заявление этого философа на суде, когда перед ним встаёт вопрос о жизни или смерти:

«Этот пророческий голос, никогда не перестававший звучать мне всю мою жизнь, никогда, даже при самых незначительных обстоятельствах, не перестававший отвращать меня от всего, что могло бы причинить мне зло, сейчас вот он молчит, сейчас именно, когда со мной происходит нечто, что могут посчитать за худшее из зол. Отчего же это? Вероятно, оттого, что происходящее есть благо для меня. Мы, несомненно, заблуждаемся, полагая, будто смерть есть несчастье и зло».

* * *

CLX. Во Франции также духи посещали наших философов: у Паскаля бывали часы экстаза; «Поиск Истины» Мальбранша был написан им в полной темноте; а Декарт рассказывает нам, как внезапное наитие, подобное молнии, внушило ему идею его «методического сомнения», философской системы, коей мы обязаны освобождением современной мысли. В своих «Медико-психологических анналах»* Бриэр де Буамон говорит нам: «За Декартом, после его длительного уединенья, следовал некто незримый, кто побуждал его продолжать поиски истины».

В Германии Шопенгауэр также признаёт, что он был подвержен потустороннему влиянию: «Мои философские постулаты произвелись у меня без моего вмешательства, в минуты, когда воля моя была как бы усыплена... Таким образом, моя личность была как бы постороння творчеству».

Почти все великие поэты пользовались незримой поддержкой. В числе их назовём лишь Данте и Тассо, Шиллера

* Brière de Boismont, «Annales médico-psychologiques», 1857, p.543. (ЛД.)

и Гёте, Попа, Шекспира, Шелли, Камюэнса, Виктора Гюго, Ламартина, Альфреда де Мюссе и других.

Среди живописцев и музыкантов – Рафаэль, Моцарт, Бетховен и многие другие – могут быть помещены здесь, ибо вдохновения непрестанно изливаются могучими волнами на человечество.

Зачастую говорят: «Эти идеи висят в воздухе». Оне и в самом деле там, потому что души пространства внушают их людям. Именно в этом и следует искать источник великих движений мысли во всех областях. Там также и причина революций, кои потрясают какою-либо страну, для того чтоб возродить её.

Стало быть, необходимо признать: медиумство наполняет собою века. Вся история освещается его светом. Оно то сосредоточивается на какой-либо одной яркой личности и сверкает ослепительными огнями (так было с Жанною д'Арк), то рассеивается, распределяется по большому числу посредников, как это происходит в нашу эпоху.

Медиумство часто было вдохновителем гения, наставником человечества, средством, кое Бог использует для возвышенья и преобразования обществ. В XV веке оно послужило тому, чтобы вытянуть Францию из бездны зол, в кою она была погружена.

Сегодня словно некое новое дуновение проносится над миром, пришедшее вернуть жизнь стольким душам, заснувшим в материи, стольким истинам, лежащим во мраке и забвении!

Феномены видений, звучаний (аудиций) и появлений умерших, проявления существ незримых посредством инкорпорации, письма, типтологии и тому подобного неисчислимы и приумножаются кругом нас день ото дня.

Изыскания многих исследовательских обществ, опыты и свидетельства видных учёных и перворазрядных публицистов, имена которых мы приводили, не оставляют ни малейшего сомнения в реальности этих фактов. Они наблюдались в условиях, делающих невозможною всякую попытку обмана.

* * *

CLXI. Обитатели пространства не упускают ни одного средства, чтоб проявиться и показать нам реальность выживания. Великие духи питают явную склонность к проявлению через инкорпорацию, ибо она позволяет им выразиться с более полным сознанием и более обширными интеллектуальными ресурсами. Медиум, погружённый в сон незримым магнетическим влиянием, на некоторое время предоставляет свой физический организм во власть существ, вселяющихся в него и вступающих в общение с нами посредством голоса, жестикуляции, позы. Речь их порою столь внушительна, столь величественна, что невозможно сохранить ни малейшего сомнения в характере их, их природе и подлинности. Если и легко имитировать физические феномены, такие как говорящие столы, автоматическое письмо, появления призраков, то не так обстоит дело с фактами высокого интеллектуального порядка. Невозможно имитировать талант, и ещё менее – гений. Мы часто бывали свидетелями сцен этого рода, и оне, всякий раз, оставляли в нас впечатление глубокое. Прожить, хотя бы одно мгновение, в задушевной близости с великими существами – одна из редчайших радостей, коих дано вкусить на земле. Именно чрез это медиумичество инкорпорации смогли мы общаться с духами-направниками, с самою Жанною д'Арк, и получить от них наставленья, откровения, кои мы приводим в наших сочинениях.

Однако, если способность эта есть источник наслаждений для исследователей, то она даёт мало удовлетворения самому медиуму, ибо он, по пробуждении, не сохраняет никакого воспоминанья о том, что произошло с ним за время его отсутствия в теле.

Медиумическая способность существует в скрытом виде у множества людей. Повсюду, вокруг нас, среди девушек, молодых женщин, молодых людей, развиваются ростки этой высокой способности, вырабатываются могучие флюиды, кои могут служить связующими звеньями между человеческим мозгом и разумными существами пространства. Чего нам ещё недостаёт, так это школ и методов, необходимых для развития этих свойств со знанием и настойчивостью и для отведения им долженствующего положения. Отсутствие методической подготовки и терпеливого изучения не позволяет извлечь из этих ростков всех плодов истины

и мудрости, кои б те могли дать. Слишком часто, из-за незнания и отсутствия регулярной работы, они засыхают или же дают одни только ядовитые цветы.

Новот, мало-помалу, зарождается и распространяется некая новая наука и верованье, приносящая всем знание законов, управляющих незримую Вселенную. Вскоре мы научимся культивировать эти драгоценные способности, делать из них орудия великих душ, хранилищ тайн мира потустороннего. Исследователи отрекутся от узких взглядов, от рутинных приёмов нынешней одряхлевшей науки; они приложат усилия к тому, чтобы привести в действие силы ума чрез возвышенную мысль, этот высший движитель, соединяющий миры божественные со сферами низшими, – и луч высшего света спустится к ним оплодотворить их исследования. Они будут знать, что изучение великих проблем, исполнение долга, достоинство и честность жизни являются главными условиями успеха. Если знание и метода необходимы в области психического экспериментирования, то прекрасные порывы души, выражающиеся в молитве, обладают не меньшей важностию, ибо они составляют магнит и образуют флюидический ток, привлекающий доброжелательные силы и отдаляющий пагубные влияния.

В тот день, когда все эти условия будут соединены, новый спиритуализм безраздельно вступит на путь своих судеб. В час, когда столько верований колеблется под дыханием страстей и когда душа человеческая погрязает и коснеет в материи, посреди всеобщего ослабления совести и характеров, он станет средством спасения, некою силою оживляющей и действенною верою, которая свяжет небо с землею и обоймёт души и миры в незыблемой и бесконечной вечности.

* * *

CLXII. Путь жизни человеческой усеян ловушками и западнями; повсюду рытвины, ухабы, острые камни, шипы, колючки. Чтобы нам преодолеть их, Бог вложил в нас запасы

сокрытой энергии, которые мы можем пустить в ход, призывая незримые силы, эти таинственные помощи свыше, кои во сто крат увеличивают силы наши и обеспечивают успех в борьбе. Помогите себе – и Бог поможет тебе!

* * *

CLXIII. Дух предсуществует телу, перед своим последним земным рождением он пересёк обширные периоды времени, прожил во многих местах, и при каждом новом воплощении он вновь спускается в этот мир с целым запасом качеств, способностей, склонностей и задатков, кои происходят из этого тёмного прошлого, прожитого им.

В каждом из нас, в глубинах нашего сознания, существует запас впечатлений и воспоминаний, накопленных в наших предшествующих жизнях, либо на земле, либо в пространстве. Воспоминания эти дремлют в нас: тяжёлое покрывало плоти душит и гасит их; но иногда, под побуждением какой-либо внешней силы, они внезапно пробуждаются, – и тогда наития бьют ключом, неведомые способности выходят из тени, и мы на мгновение вновь становимся неким иным существом, отличным от того, коего в нас видят другие.

Вам, без сомненья, встречались растения, плавающие на поверхности сонной воды прудов. В них заключён образ души человеческой. Они возлежат на тёмных глубинах своего прошлого; корни их погружены в области неведомые и отдалённые, из коих они извлекают соки, питающие прекрасный цветок, должный вскоре раскрыться, развиваться и зацвести в поле земной жизни.

* * *

CLXIV. Перед чудовищными проявлениями подлости, низости, предательства и своекорыстия мысль печалится и сердце

возмущается. Мы начинаем сомневаться в вечной справедливости. Наш мучительный плач поднимается к необъятным небесам, но одно лишь мрачное молчанье отвечает на призыв наш. Однако сойдём воглубь самих себя и исследуем великую тайну боли. В самом ли деле она необходима красоте душ и гармонии Вселенной? Чем было бы добро без зла, его оттеняющего и тем заставляющего отчётливее вырисовываться всё его великолепье? Разве ценили бы мы благоденствия света, если бы мы не страдали от тьмы? Да, Земля есть Голгофа справедливых и праведных, но она также школа героизма, добродетели и гения; это прихожая миров блаженных, где всякое претерпленное страдание, всякая совершенная жертва готовят нам радости, сторицей возмещающие нам. Души очищаются и делаются прекрасными через страдание. Всякое блаженство обретается через боль. Наиболее прекрасна участь тех, кого умерщвляют. Все чистые сердца страдают на земле: любовь не бывает без слёз. Во глубине же человеческого благополучия и пресыщения найти можно лишь пустоту и горечь, и призраки их закрадываются даже в самые прекрасные наши мечты.

Но всё проходит в мире этом. Зло лишь временно, а выше, в областях верхних, царство справедливости процветает во веки веков. Нет, вера верующих, жертвы героев, надежды мучеников не суть пустые химеры! Земля всего лишь ступенька на лестнице, ведущей в Небо.

Пусть возвышенные эти души служат нам примером, и пусть вера их излучается на нас сквозь столетия! Изгоним из сердец наших печали и тщетные унынья. Сумеем извлечь из испытаний и бед наших весь плод, который они предлагают нам для нашего возвышенья. Сумеем стать достойными того, чтоб возродиться в мирах более прекрасных, в тех, где нет более ни ненависти, ни несправедливости, ни чёрствости сердца, и где жизни протекают в гармонии всё более проникающей и в свете всё более ярком.

* * *

CLXV. Мы знаем, что в нашу эпоху понятие *родины* претерпевает своего рода упадок и вырождение. Вот уже несколько лет оно подвергается яростным нападкам и даже опровержению в нашей стране. Целый ряд писателей и мыслителей приложили свои усилия к тому, чтоб показать сделанные во имя его злоупотребленья, бесчинства, к тому, чтоб разрушить самый принцип и культ его в душах.

Прежде всего, в начавшемся споре следовало бы должным образом определить и уточнить понятие родины. Оно представляется мысли в двух видах. Либо в абстрактном, у некоторых избранных умов, тогда оно являет собой нравственное лицо и приобретение веков, гений одного народа во всех его лицах и во всех его проявлениях: литературе, искусстве, обычаях, сумму его усилий во времени и пространстве, его взлёты и падения, его великие воспоминанья. Словом, это есть целое произведение терпения, страдания и красоты, которое мы наследуем при рождении, произведение, в коем ещё дрожит и трепещет душа исчезнувших поколений.

Для других же родина есть нечто конкретное. Это будет географическое выражение, территория, с определёнными ей границами.

Чтоб быть понастоящему прекрасным и полным, понятие родины должно обнимать обе этих формы и соединять их в высшем слиянии. Рассмотренное в одном из этих видов, оно будет всего лишь напыщенным жестом, либо же идеальной и смутной, неопределённой абстракцией.

Ещё понятие это проступает в двух своих формах: *дух* и *буква*. Следуя избранной точке зрения, одни будут изыскивать нравственное и интеллектуальное величие своей родины; другие же будут нацеливаться на её материальную мощь, и для них знамя будет символом этого могущества. Во всех случаях, надо это признать, любая родина, чтобы выжить и излучать на мир усиливающийся блеск своего гения, должна оберегать свою независимость, свою свободу.

В необъятном деле развития и эволюции человеческих рас каждая нация подаёт свою ноту во всеобщем концерте; каждый

народ представляет одно из лиц вселенского гения. Гения этого он предназначен проявить, украсить своим трудом сквозь века. Все формы человеческой деятельности, все носители действия необходимы для эволюции нашей планеты. Понятие родины, воплощая их, конкретизируя, пробуждает между этими носителями дух соревнования и соперничества, который поощряет их, обогащает, поднимает до их верховной мощи. Соединенье всех этих видов деятельности создаёт в будущем идеальное единство, которое составит планетный гений, эволюционный апогей великих рас Земли.

Но в настоящее время, на той фазе человеческой эволюции, которую мы проходим, соперничество, борьба, вызываемые понятием родины, имеют за собою ещё и другую причину. Без них гений, присущий каждой расе, стремился бы к пресыщению, к саморазмягчению в свободном обладании и благополучии жизни, лишённой столкновений и опасностей. В эпоху Жанны д'Арк эта необходимость была ещё более настоятельна. Сегодня дух человеческий, более развитый, должен стремиться придать этим битвам, этим соревнованиям формы всё более прекрасные и чистые, освободить их от всякой примеси дикарства, извлечь из них все преимущества, которые будут способствовать умножению общего наследия человечества. Они будут принимать вид задач всё более и более благородных и плодотворных, через которые будет строиться будущее; мысль и форма будут находить в них своё всё более прекрасное и высокое выражение.

Таким вот образом, однажды, после долгой, неопределённой и мучительной поры вызревания, высвободится душа великих родин земного человечества. Из их соединенья родится такая цивилизация, в сравненьи с которой цивилизация века нынешнего всего лишь грубый набросок.

Кровавым битвам прошлого придут тогда на смену более высокие битвы ума, в своём приложении к завоеванию сил природы и в осуществлении прекрасного идеала в искусстве и мысли, в создании произведений, где великолепия выражения соединится с глубиной мысли. И это произведёт невиданное пробуждение чувства, обогатит культуру души, сделает более быстрым восхождение всех на вершины, где царит вечная и совершенная Красота.

Тогда Земля станет вибрировать одною и тою же мыслью и жить одною и тою же жизнью. Уже человечество смутно ищет самого себя. Мысль ищет мысль в ночи, и поверх железных дорог и великих водных гладей народы призывают друг друга и протягивают друг другу руки. Объятие близко: совместные усилия начнут гигантское дело, которое устроит человеческое жилище для жизни более полной, более прекрасной, более счастливой!

Новый спиритуализм будет активно содействовать сближению умов, полагая конец антагонизму религий и давая отныне основанием веры не догматические наставление и откровение, но экспериментальную науку и единство с отшедшими. Уже и в настоящем, очаги его зажигаются во всех концах света; их лучение будет распространяться всё шире и шире, сближаясь одно с другим, до той поры, пока люди всех рас не объединятся в сплошном понимании своего предназначенья на Земле и в мире потустороннем.

* * *

CLXVI. «Милитаризм есть зло», — говорят нам. Мы согласны с этим. Но разве не есть он зло необходимое? Всеобщий мир — это прекрасная мечта, и арбитражное разрешение всех международных разногласий есть вещь в высшей степени желательная. Остаётся только узнать, не приведёт ли мир — гарантированный, длительный — к бедам иного порядка?

«В одном лишь XIX веке, — говорит г-н Ш.Рише, — из-за войн погибло пятнадцать миллионов честных, порядочных людей.* Всё прошлое — не что иное, как бесплодная бойня. Желание увековечить этот позор должно лишь заливать нас краскою стыда». И автор призывает человечество предпочесть дело жизни мрачному ремеслу смерти.

Без сомнения, чувства эти делают честь г-ну Рише. Однако, чтоб ясно видеть в этом вопросе, следовало бы подняться

* Ch.Richet, «Le Passé de la Guerre et l'Avenir de la Paix», Paris, Ollendorf, 1907. (Л.Д.)

немного выше горизонтов настоящей жизни и охватить взором всю обширную перспективу времён, предназначенных эволюции человеческих душ. Настоящая жизнь, как известно, лишь точка в необъятности наших судеб; обо всём том, что относится к ней, невозможно, стало быть, ни думать, ни судить, если отвлечься от того, что ей предшествует и за нею следует. Между тем, именно это и делает г-н Рише, скептик по природе своей, мало осведомлённый о потустороннем мире и который даже, согласно его собственному выражению, «нисколько не нуждается в потустороннем мире».

Что касается до смерти на войне, то послушаем, что говорят по этому поводу мудрость античная и мудрость современная.

Ученику своему, Арджуне, кой не решается дать бой силам зла и пожертвовать ради этого жизни человеческие, Кришна, основатель браманизма, говорит следующее:

«Мудрецы не сетуют ни на горести жизни, ни на самую смерть, коя полагает им конец. Ты забываешь, что я, ты и все эти военачальники существовали всегда и что мы никогда не перестанем существовать, тогда как вместо наших тел изношенных будут даны нам другие, одушевляемые новой жизнью. Взгляни же со спокойствием бесстрашной души на радости и горести жизни. Жизнь каждого существа бросает вызов всякому разрушению, ибо душа воплощённая вечна. Не будучи рождена, она не может умереть. Не беспокоясь ни о рождении, ни о смерти, посмотри в лицо долгу, выпавшему тебе; долг же твой в этот день – дать справедливый и правый бой. Всякое воздержание с твоей стороны было бы трусостью, коя обесчестила бы тебя во веки веков. Убитый, ты взойдёшь на Небо; победивший, ты станешь властителем Земли. Встань же, сын героев, и бейся с твёрдой решимостью победить!»*

Послушаем теперь слова одного из величайших психологов нашей эпохи: Вильяма Джеймса, ректора Гарвардского Университета:

«Глубокий и неискоренимый инстинкт не позволяет смотреть нам на жизнь как на простой фарс или изящную комедию. Нет, жизнь есть горькая трагедия, и то, что обладает в ней наибольшим вкусом, это как раз то, что наиболее горько. На сцене мира именно

* «Бхагавад-Гита». (Л.Д.)

героизм играет великие роли. Именно в героизме, мы хорошо чувствуем это, сокрыта тайна жизни. Человек не человек, если он не способен ни на какую жертву».

Какие действительные цели преследуем мы в своих множественных жизнях, сквозь чередование и следование наших существований на Земле и в других мирах? Цель души в её продвижении, как мы показали это,* есть завоевание будущего, построение своей судьбы постоянным усилием. Между тем, непрерывный мир, в мирах низших и внутри ещё столь малоразвитых обществ, как наши, благоприятствует развитию изнеженности и чувственности, кои суть яды души. Исключительный поиск благосостояния, жажда богатств, комфорта, характеризующие нашу эпоху, суть причины ослабления воли и сознания. Они разрушают в нас всякую мужественность и заставляют нас терять всякую упругость, всякую волю сопротивления в годину невзгод.

Борьба, напротив того, порождает в нас сокровища энергии, кои накапливаются в глубинах души и в конце концов обретают плоть и кровь вместе с сознанием. После того как на наших низших эволюционных стадиях оне долгое время были направлены ко злу, вследствие восхождения и прогресса существа силы эти мало-помалу преобразуются в энергии к добру. Ибо свойство эволюции состоит в том, чтоб превращать злые силы души в силы благотворные. Это и есть божественная высшая алхимия.

Война научает человека презирать боль, противостоять лишениям и смерти. Внутренние энергии, приобретённые таким образом, вместо того, чтоб продолжать изливаться наружу, с прогрессом души обращаются позднее против её собственных страстей и обеспечивают ей торжество в борьбе против принижающего сексуализма, против зла и страдания.

Угроза иноземных войн может быть столь же целительной для развивающихся народов, как и для индивидов. Она создаёт единение внутри их. Гарантированный и длительный мир содействует междоусобным распрям; он возбуждает гражданскую войну, как мы видим это в настоящую пору в лице стачек, приумножающихся вокруг нас. В начавшихся битвах, сами

* См. Léon Denis, «Le Problème de l'Être et de la Destinée». (*И.Р.*)

неудачи полезнее, чем триумфы; несчастье сближает души и подготавливает их слиянье. Неудачи – это удары, наносимые какой-либо нации; но, как и молоток скульптора, удары эти делают её более прекрасной, ибо каждый из них отдаётся в глубине сердец, пробуждает там чувства и страсти и извлекает оттуда сокрытые добродетели. И именно в борьбе с неудачами закаляются и растут характеры.

В грандиозной эволюции существа, самое главное качество – это храбрость. Без неё как могло бы оно преодолеть бесчисленные препятствия, накопляющиеся на его пути? Вот почему, в мирах низших, обиталищах и школах молодых душ, борьба есть общий закон Природы и обществ; ибо в борьбе существо получает первичные энергии, необходимые ему, чтоб описать позднее свою беспредельную траекторию во времени и пространстве.

Разве не видим мы этого уже и в этой жизни? Среди детей, тот, кто получил хорошее образование, кто был закалён великими примерами или несчастьем, кто ещё молодым познал воздержание и жертву, разве не лучше подготовлен он к тому, чтоб сыграть важную роль, совершить значительное дело? Тогда как у ребёнка изнеженного, привыкшего к изобилию, к удовлетворению своих фантазий и капризов, мужественные качества угасают, а пружины души ослабляются. Избыток благополучья размягчает. Чтoб не задерживаться в пути, нужны необходимости, подстёгивающие и указывающие, куда идти, опасности, вызывающие усилие и напряжение.

Что до земных обществ, то их нравственное состояние можно уподобить законам атмосферы. Летом, когда эта последняя, после длительного периода затишья, ухудшается и насыщается нездоровыми испарениями, яростная буря почти всегда приходит очистить воздух и восстановить нарушенное равновесье. Так, когда благодаря продолжительному миру страсти, вожделения, эгоизм доходят до своего верхнего предела, когда коррупция поднимается, ширится и растёт, тогда, рано или поздно, непредвиденные события, внезапные сотрясения, тяжкие испытания приходят призвать людей к чувству суровых реальностей существования. Война часто есть форма, которую приобретают эти события.

Она возвышает души, умерщвляя тела. Это бурное очищение для обществ. Оно более полезно побеждённым, нежели победителям, ибо война просвещает их об их слабостях и даёт им мучительные уроки опыта.

И что бы ни делалось, не удастся полностью обеспечить мир и гармонию среди людей, кроме как через совершенствование характеров и сознаний. Наше счастье, наша полнейшая безопасность, не будем забывать этого, находятся в прямой связи с нашей способностью к добру. Мы можем быть счастливы лишь в меру наших достоинств. Бич войны, равно как и все остальные бедствия, поражающие человечество, исчезнет только вместе с причиною наших заблуждений и наших пороков.

* * *

CLXVII. Что за дело нам до форм, в кои облекается религиозная идея! Оне не имеют никакого значения. Оне переменчивы и непостоянны, меняясь в зависимости от века, в котором проявляются; но что до самой сути религиозной идеи, то она вечна, ибо соприкасается она с божественными источниками.

Религиозная идея, в различных своих видах, глубоко пронизывает всю историю, всю интеллектуальную и моральную жизнь человечества. Она часто блуждает и заблуждается. Её наставленья и проявления спорны; но она опирается на незримые реальности постоянного, незыблемого порядка. Человек прозревает их лишь постепенно, в ходе своей медленной и мучительной эволюции.

Общества человеческие не могут обойтись без религиозного идеала. Как только они стараются его оттолкнуть, разрушить, тотчас же усиливается моральный беспорядок и анархия поднимает свою угрожающую голову. Разве не видим мы этого в нашу эпоху? Наши земные законы бессильны остановить зло. Чтоб покорить страсти, нужны внутренняя сила и чувство ответственности, которое вызывает понятие о мире загробном.

Религиозная идея не может погибнуть. Она лишь на мгновение вуалируется, чтоб вновь появиться в формах иных, лучше приспособленных к потребностям времени и места.

* * *

CLXVIII. Мало что значат для высших сил формы культа и религиозный аппарат; то, что требуется от людей, это – возвышенность сердца и чистота чувств. Этого можно достичь во всех религиях, и даже вне и поверх религий. Мы, спириты, среди бесчисленных насмешек и трудностей идущие от лица света, а не церкви, провозглашая истину, без всякой иной опоры, кроме как поддержка существ незримых, никогда нам в ней не отказывавших, мы слишком хорошо чувствуем это.

* * *

CLXIX. Странанье, мы знаем это, есть венец хорошо прожитой жизни. Ничто не полно, ничто не велико без него. Это очистка душ, ореол, окружающий сияньем чело людей святых и безупречно чистых. Нет иного выхода в миры высшие. И именно там находится то, что следует понимать под словом «рай», этим единственным словом, способным выразить людям нынешнего века идею о той духовной жизни, кою наполняют никогда не угасающие лучи и никогда не смолкающие гармонии.

Бог не оставляет Своих посланцев. Незримый и соприсутствующий, Он всегда – верный друг, могучая поддержка, нежный отец, бдящий над своими несчастными детьми. Именно за отречение своё от него, за пренебрежение силами и помощами свыше нынешний человек не находит более поддержки в испытаниях, утешения в своей боли. Если современное общество лихорадочно бурлит и куда-то несётся в бессвязности идей и систем, если зло

возросло в нём, если нигде общество не находит стабильности и внутренней удовлетворённости, то это потому только, что оно прикипело к вещам кажущимся и поверхностным и не желает знать истинных радостей, глубоких источников Мира Незримого. Оно надеялось найти счастье в приумножении своих материальных богатств и лишь усугубило пустоту и горечь душ. Со всех сторон поднимаются крики ужаса, страстного протеста. Понятие долга ослабело, и основы социального порядка пошатнулись. Человек больше не умеет любить, потому что он больше не умеет верить. Он поворачивается к науке. Но современная наука, словно задавленная весом собственных открытий, остаётся бессильной дать ему веру в будущее и внутренний мир.

* * *

CLXX. Какое имеют значение превратности и случайности этого мира, если мысль наша составляет единое целое с Богом, т.е. с вечным и божественным законом? Во всяком случае, Бог не только учитель. Это также отец, которого мы должны любить, как дети любят того, кто дал им жизнь. Слишком мало людей чувствуют или понимают это; вот почему в несчастьи они отступаются от Бога.

* * *

CLXXI. Все действия наши должны согласовываться с божественным замыслом. Прежде чем действовать, каждый из нас должен спросить свою глубинную совесть, коя есть глас Божий в нас самих. Она скажет нам, в какую сторону должны мы направить свои усилия. Бог действует в нас и с нами лишь при нашем добром содействии. Когда наша воля и наши дела совпадают с Его законом, дело наше становится плодотворным для добра, и последствия этого отражаются на всей нашей судьбе.

Но мало людей слушают голос, говорящий в них в часы торжественные. Влекомые своими страстями, своими желаньями, надеждами и страхами, они кидаются в водоворот жизни, чтоб завоевать то, что им всего более предосудительно и вредно; они отупляются и опьяняются в обладании вещами, противоположными их истинным интересам, и лишь на склоне жизни их иллюзии опадают, заблуждения проходят, мираж материальных благ рассеивается. И тогда появляется вереница мрачных разочарований; мы констатируем, что деятельность наша и возбуждение были тщетными, коль мы не сумели уловить и постичь планов Божьих в отношении нас самих и нашего мира. Счастливы тогда те, кому перспектива грядущих существований предоставляет возможность вновь взяться за неисполненную задачу и лучше употребить отпущенные ему часы!

Тот, кто не сумел увидеть великую гармонию, царящую во всём, и излучение божественной мысли на природу и в сознание, тот не способен согласовать дела свои с высшими законами. По своём возвращении в пространство, когда вуаль иллюзий спадёт, он будет иметь горечь убедиться, что всё должно начать с начала, с новым умом и более верным, более высоким пониманьем долга и судьбы.

Однако, возразят нам, не всегда легко знать час Божий; воли Божьи завуалированы, иногда непостижимы. Да, несомненно, Бог укрывается от наших взоров и пути Его неисповедимы. Но Бог скрывается таким образом лишь по необходимости, и чтобы предоставить нам бóльшую свободу. Если б Он был зрим всем глазам, если бы воля Его утверждалась силою, то не было бы больше возможного колебания и, стало быть, заслуги в выборе верного пути. Ум, правящий физической и моральной Вселенной, укрывается от наших взглядов. Вещи размещены таким образом, что никто не оказывается обязанным верить в Него. Если порядок и гармония Космоса недостаточны, чтоб убедить человека, то он свободен коснеть в атеизме. Ничто не принуждает скептика итти к Богу. Бог скрывается от нас, чтобы обязать нас искать Его, поскольку изыскание это – самое благородное упражнение

для наших способностей, способ их самого высокого развития.* Но пусть придёт час суровый и решительный, и если мы действительно готовы к нему, то вокруг нас и в нас самих всегда будет некое предупреждение, некий знак, возвещающий нам долг наш. Лишь невниманье наше, наше безразличье к вещам свыше, к их проявлениям в жизни нашей обуславливают нашу нерешительность, нашу неуверенность. Для души же сведущей, которая зовёт их, настойчиво просит, ждёт их, оне не остаются немymi, на тысячу голосов оне ясно говорят нашему уму, нашему сердцу. Факты произойдут, случайности представятся сами собою, указывая решения, кои необходимо принять. В самом ходе событий Бог открывается нам и нас наставляет. И дело наше – уметь уловить и понять в благоприятное мгновенье таинственный и наполовину завуалированный совет, который Он подаёт нам, но не навязывает.

* * *

CLXXII. Каждая религия есть отраженье вечной мысли, смешанное с тенями и несовершенствами мысли человеческой. Порою затруднительно высвободить истины, кои она содержит, из заблуждений, накопленных работою веков. Однако то, что есть божественного в ней, изливает свой свет, освещающий всякую искреннюю душу. Религии более или менее истинны; оне суть в особенности вехи, кои дух человеческий расставляет на проходимом им пути, чтобы подняться ко всё более широким постижениям будущего бытия и божественной природы. Формы проявления религии спорны; оне преходящи и переменчивы; но

* Всякий, кто в Бога не верует (вернее бы надо сказать – кто о Боге не ведаёт), не заслуживает того, чтобы его принимали всерьёз и дали ему права совершеннолетия, ибо он всё ещё лишь ребёнок малый, не годный ни располагать своими силами, ни отвечать за свои поступки, так как его неразумение превышает его ответственность. (И.Р.)

не таково глубокое чувство, их вдохновляющее, не таков смысл, вызывающий их к жизни.

Человечество, в движении своём к новым судьбам, призвано создавать себе религию всё более чистую, свободную от материальных форм и догм, под которыми мысль божественная слишком часто оказывается погребённой. И ложная, и опасная идея это – желать разрушить религиозные замыслы и понятия минувшего, как то некоторые мечтают сделать. Мудрость состоит в том, чтобы взять из них жизненные начала, в них содержащиеся, дабы построить здание будущей мысли, вершина коей будет всё выше подниматься к небу.

Каждая религия принесёт в веру будущего какой-то свой луч истины: друидизм, буддизм дадут ей своё понятие о последующих жизнях; греческая религия – божественную мысль, заключённую в Природе; христианство – более высокое откровение любви, пример самого Иисуса, осушающего чашу страданий и жертвующего собою ради блага людей. Если формы католицизма износились и обветшали, то мысль Христа всегда остаётся жива. Его ученье, его мораль, его любовь ещё и поныне суть утешенье сердец истерзанных и разбитых горькими битвами земными. Слово его может быть обновлено; затемнённые стороны его учения, вновь преданные свету, таят в себе сокровища красоты для душ, стремящихся к жизни духовной.

Наше время отметит решающий этап в религиозной идее. Религии, устаревшие, осевшие под тяжестью веков, нуждаются в том, чтобы наполниться иными возрождающими соками, расширить свои понятия о цели существования и законах судьбы.

Человечество ищет свой путь к новым очагам света и огня. Временами крик тоски и жалобный плач поднимаются из глубин души к небу. Это призыв к большему излиянию света. Мысль лихорадочно мечется посреди неуверенностей, противоречий и угроз нашего времени. Она ищет точку опоры, чтобы взлететь в области более прекрасные и богатые, нежели все те, в коих она пребывала до сей поры. Некого рода неясное наитие толкает её вперёд. В глубине существа человеческого живёт повелительная

потребность знания, понимания, проникновения в величественную загадку Вселенной и в тайну своего собственного будущего.

И вот мало-помалу дорога освещается. Открывается, благодаря наставленьям из мира потустороннего, некий великий закон. Различными способами: типологией, письменными посланьями, речами, произносимыми в трансе, — духи-направники и вдохновители поставляют нам в течение уже полувека элементы нового религиозного синтеза. Из глубин пространств могучий ток нравственной силы и вдохновенья изливается на Землю.

* * *

CLXXXIII. Философия друидов, восстановленная в своём впечатляющем величии, оказалась соответствующей устремлениям новых спиритуалистских школ.

Как и мы, друиды утверждали бесконечность жизни, последовательные и всё более полные существования души, множественность обитаемых миров.

Именно в этих мужественных учениях, в чувстве бессмертья, из них вытекающего, отцы наши черпали свой дух свободы, равенства социального, свой героизм перед лицом смерти.

Некий род головокруженья охватывает нашу мысль, когда, переносясь на двадцать столетий назад, мы осознаём, что принципы новейшей философии были распространены во всём галльском обществе, что ими вдохновлялись его учреждения и обогащался ими его гений.

Этот великий свет, озарявший землю Галлии, внезапно погас. Грубая рука Рима, изгнав друидов, уступила место христианским священникам. Затем пришли варвары, и тогда мысль человеческую окутала ночь, ночь средневековья, длившаяся десять веков, столь тёмная и непроглядная, что казалось, будто лучи истины никогда не смогут её рассеять.

Наконец после медленного и мучительного прорастания вера наших предков, омоложенная, дополненная научными работами,

интеллектуальными завоеваниями последних веков, смягчённая под влиянием христианства, возрождается в некой новой форме. Сыны галлов, мы продолжаем дело наших отцов. Вооружённые философской традицией, бывшей величием их, просвещённые как и они о тайнах жизни и смерти, мы предлагаем современному обществу, наводнённом материальными инстинктами, Учение, кое приносит ему, вместе с моральным подъёмом, средства обеспечить и в здешнем мире царство справедливости и истинного братства. Важно, стало быть, вспомнить, чём было, с точки зрения вер и стремлений, это прошедшее нашей расы. Важно увязать современное философское движение со взглядами и убеждениями наших отцов, столь рациональными учениями друидов, основанными на изучении Природы и наблюдении над силами психическими, и показать в этом спиритуалистическом обновлении подлинное воскресение гения Галлии, восстановление национальных традиций, кое столько столетий угнетения и заблуждения смогли лишь завуалировать, но не разрушить.

Главным основанием друидизма была вера в последовательные и всё более полные жизни души, при её восхождении по лестнице миров. Именно на этом фундаментальном понятии судьбы я и считаю своим долгом настаивать здесь.

Я бы хотел иметь запасы красноречья и убеждения, коими обладает только гений, для того чтоб изложить великий закон «Триад»* и сказать, как из глубин прошлого, из недр жизненных бездн непрестанно исходят, развёртываются и поднимаются длинные вереницы душ. Духовное начало, нас одушевляющее, должно спуститься в материю, чтобы индивидуализироваться и образовать, а впоследствии развить, своей медленной вековой работой сокрытые в нём способности и своё сознательное «Я». Со ступени на ступень, человек готовит себе формы, организмы, приспособленные к потребностям его эволюции, формы тленные, кои он оставляет в конце каждого существования как изношенное платье, чтобы найти себе другие, более прекрасные, лучше приспособленные к потребностям его возрастающих задач.

* «Cyfrinach Beirdd Inys Prydain: Mystères des bardes de l'île de Bretagne», traduction Edward Williams, 1794. (Л.Д.)

На всей длине своего восхождения человек остаётся един со средою, им обитаемой, связанным с себе подобными таинственным сродством, содействуя их прогрессу, как и они трудятся для прогресса его. Из жизни в жизнь, он снисходит в горнило человечества всё более просторное, всегда переменчивое, чтобы обрести новые добродетели, знания, качества. Затем, когда он приобрёл в каком-либо мире всё то, что тот мог ему дать из знания и мудрости, он возносится к обществам лучшим, к областям лучше устроенным, увлекая всех, кого он любит, с собою.

К какой цели поднимается он? Каков будет крайний предел его усилий? Цель эта представляется столь далёкой! Разве не безумие стремиться к достижению её? Мореплаватель, движущийся по бескрайним одиночествам океана, избрал целью пути своего звезду, свет коей брезжит где-то там на горизонте. Как смог бы он достичь её? Непреодолимые расстоянья разделяют их! И всё же звезду эту, затерянную во глубине небес, он однажды сможет узнать, в ином времени и в ином обличьи своём. Также и земной человек, каковым в данный миг мы являемся, однажды узнает миры счастливой и совершенной жизни. Совершенство в полноте своего существа – вот цель. Всегда учиться, углубляться в божественные тайны. Беспредельность влечёт нас. Мы проводим вечность, пробегая бесконечность, вкушая её великолепия, опьяняющие красоты. Становиться всё лучше, всё больше умом и сердцем, проникаться всё более прекрасною гармонией, насыщаться светом всё более ярким, увлекать за собою всё, что страдает, всё, что не знает, – вот она цель, указанная каждой душе божественным законом.

Что может быть выше этой идеи о жизни в понятии «Триад»? Человек, творец своих судеб, своими делами создаёт самого себя и строит своё будущее. Действительная цель существования – это возвышение чрез усилие, чрез исполнение долга, чрез само страдание. Чем более жизнь эта богата горечью, тем более она плодотворна для того, кто переносит её со смелостью. Она словно ристалище, где смелый проявляет свою храбрость, завоёвывает себе более высокий ранг; это горнило, в коем ненастье, испытания делают для добродетели то же, что огонь производит с металлами, которые он очищает и облагораживает. Сквозь множество жизней

и различные условия человек проходит свой земной путь, переходя от одной жизни к другой, после поры отдыха и сосредоточенья в пространстве; непрестанно, он продвигается по этому пути восходящему, коему несть конца. Мучительны и тяжелы почти все существования в здешнем мире, но плодотворны также, ибо чрез них возрастают души наши, увеличиваются силы и мудрость.

Такое Учение может сообщить обществам человеческим ни с чем не сравнимое стремление к добру. Оно облагораживает чувства, очищает нравы; оно отстраняет также ребячества мистицизма и сухость позитивизма.

Учение это – наше исконное достоянье. Верованья наших отцов проступают вновь – расширенными, опирающимися на целое сомножество фактов, откровений, феноменов, установленных современной наукой. Верования эти привлекают к себе внимание всех мыслителей.

* * *

CLXXIV. Плоть есть гасильник, который душит воспоминания; мозг человеческий, кроме случаев исключительных, может воспроизводить лишь впечатления, отмеченные им самим. Но история всей нашей жизни остаётся вписанной в глубинах нашего сознания. Как только дух освобождается от своей смертной оболочки, связь воспоминаний восстанавливается, и с тем большей силой, чем душа была более развита, более просвещённа, более совершенна. Несмотря на временное забвение, прошлое всегда живо в нас; оно вновь обретается в каждой из наших земных жизней, в форме усвоенных склонностей, способностей, вкусов, в чертах нашего характера и нашего мышления. Нам достаточно было бы со вниманием изучить самих себя, для того чтобы восстановить основные черты нашего прошлого.

* * *

CLXXV. Галлия была не единственным местом проявления сил мира потустороннего. Вся античность познала оккультные явления. Они составляли одно из главнейших звеньев греческих мистерий. Первые времена христианства наполнены видениями, появлениями, голосами, пророческими снами. Посвящённые и верующие черпали в них моральную силу, сообщавшую их жизни некое несравненное устремление и позволявшую им бесстрашно встречать испытанья и муки. Всегда, с самых отдалённых времён, незримое человечество сообщалось с человечеством земным. Непрестанно ток жизни духовной изливался на земное человечество через посредство пророков и медиумов. Именно он, этот жизненный прилив, пришедший из вечных источников, дал рожденье великим религиям. Все оне, при своём возникновении, омываются этими глубокими и животворными водами. Всё то время, пока религии утоляют в них свою жажду, оне сохраняют свою молодость, своё обаяние, свою жизненность. Оне слабеют и умирают, как только отдаляются от этого источника и пренебрегают сокрытыми в нём силами.

Как раз это и происходит с католичеством.* Оно презрело, забыло этот великий ток силы духовной, который обогащал христианскую мысль в его колыбели. Оно сожгло тысячами посланцев Мира Незримого, отвергло их наставления, заглушило их голоса. Процессы над ведьмами, костры инквизиции воздвигли барьер между двумя мирами и на столетья прервали их духовное единение, кое является отнюдь не случайностью, но напротив того – основополагающим законом Природы.

Пагубные последствия всего этого дают себя знать кругом нас. Религии ныне суть не более как засохшие ветви на стволе, лишённом всяких соков, потому что корни его более не погружены в живительные источники. Оне ещё говорят нам о бессмертии и жизни грядущей, но бессильны дать тому малейшее осязаемое доказательство. То же самое обстоит и с философскими системами. Если вера поколебалась, если материализм и атеизм

* Это же замечание, за вычетом деяний инквизиции, совершенно справедливо касательно и всех прочих форм христианства – православия и протестантства во всём многообразии его проявлений и форм. (И.Р.)

сделали гигантские шаги, если сомнение, неистовые страсти, если самоубийство производят такие опустошения, то потому лишь, что волны высшей жизни более не освежают мысль человеческую, потому лишь, что идее бессмертия не хватает экспериментальной явности. Развитие научных исследований и критического духа сделали человека всё более и более требовательным. *Утверждений* ему сегодня более не достаточно. Сегодня он требует *доказательств* и *фактов*.

Только представьте себе, какую важность в настоящее время имеет знание, откровение, основанное на совокупности феноменов и опытов, кои в состоянии дать нам положительные доказательства выживания после смерти и одновременно доказательства того, что закон справедливости не есть пара пустых слов, ибо каждый из нас находит для себя в мире потустороннем то положение, которое пропорционально, соразмерно его достоинствам.

А ведь именно это спиритуализм современный и приходит предложить нам. Он содержит ростки подлинной революции: революции в мыслях, верах, мнениях и нравах. Отсюда и необходимость изучать эти факты, классифицировать их, методично анализировать их и Учение, из них вытекающее.

* * *

CLXXVI. Нравственное положение обществ стало критическим и внушает беспокойство. Несмотря на рост образования, преступность усиливается; воровство, убийства, самоубийства множатся. Нравы портятся. Ненависть, разочарование проникают всё дальше в сердце человека. Горизонт мрачен, и вдали слышатся глухие раскаты, кои, кажется, предвещают общественную бурю. Почти во всех классах чувственность заполонила характеры и сознания. В душе народа погашен всякий идеал; ему говорят: ешь, пей, богатей, всё остальное – химера. Нет иного бога, кроме денег, иной цели жизни, кроме наслаждений! – И страсти, аппетиты, вожделения словно с цепи сорвались. Волна

народная поднимается огромной стеной и грозит захлестнуть и потопить все и вся.*

Мы говорим о душах иссохших, чёрствых. Число их у нас велико. В течение целого века скептицизм делал тёмную свою работу. Он всё более силится обеднить источники жизни и мысли. Скептицизм – далеко не сила, не достоинство, это скорее болезнь ума. Он разрушает, уничтожает доверие, которое мы должны питать к самим себе, к нашим сокрытым ресурсам, веру в возможности нашего развития, роста, совершенствования с помощью постоянного усилия на великолепных планах Вселенной, веру в тот верховный закон, который влечёт существо из глубины жизненных бездн и открывает его почину, его стремленье беспредельные перспективы времени и необозримого театра миров.

Скептицизм мало-помалу ослабляет пружины души, размягчает характеры, погашает плодотворное и созидательное действие. Могучий чтобы разрушать, он ни разу не породил ничего великого. Возрастая, он может стать бедствием, причину упадка и смерти народа.

Критицизм – это продукт скептического духа нашего времени. Он совершил медленную работу разложения; он превратил в пыль всё то, что составляло силу и величие духа человеческого. Литература есть главное средство его влияния. В этой области Ренан был творцом школы и как бы моделью жанра. Анатолий Франс в настоящее время наиболее знаменитый представитель этой школы, каждый день набирающей среди нашей молодёжи многочисленных сторонников.** Новое поколение позволяет соблазнить себя изяществом слога и магией выражения своих

* Всё это так и случилось, несколько лет спустя после написания автором его пророческих строк: первая мировая, русская революция 17-го и всё последующее. (Й.Р.)

**Вл.С. Соловьёв писал: «Голая ложь может быть привлекательна, а потому и соблазнительна только в аду, а не в мире человеческом. Здесь требуется прикрыть её чем-нибудь благовидным, связать её с чем-нибудь истинным, чтобы пленить нетвёрдый ум и оправдать зло для немощной воли. Соблазны, от которых горе миру, производятся только полу-истинами, а соблазняют эти полу-истины только «малых сих», из которых однако состоит почти весь мир». (Примеч. Й.Р.)

предшественников, а также тем зловредным обстоятельством, что критиковать, высмеивать легче, чем глубоко изучать какой-либо предмет и делать логично выводы. Мало-помалу, таким образом отказываются от всякого убеждения, от всякой высокой веры, чтобы замкнуться в некоем роде туманного и бесплодного дилетантизма. Хорошим тоном считается позировать в роли людей трезвых, разочарованных, лишённых каких-либо иллюзий, любое усилие почитать тщетным, истину недостижимой, избегать всякого тяжёлого дела, довольствуясь сопоставленьем мнений и идей, для того чтоб обработать их иронией и превратить в нелепую шутку.

Метода столь же недостойная, сколь и зловещая, ибо она ослабляет ум и способность суждения. Из этого, с течением времени, следует чувствительное ухудшение мужественных качеств нашей расы, пренебрежение серьёзными обязанностями существования, незнание цели жизни, кое постепенно вытесняет всё, проникает вплоть до сердца народа и стремится истощить, иссушить источники национальной энергии.

Между тем, многие умные люди размышляют и опечаливаются. Они хорошо чувствуют, что материя не есть всё. Бывают часы, когда человечество оплакивает утраченный идеал, когда оно чувствует пустоту, неустойчивость всего земного. Оно смутно чувствует, что полученное образование сказало далеко не всё, что жизнь гораздо шире, мир необъятнее, вселенная куда изумительнее, чем то обыкновенно полагают. Человек ищет, шагает на ощупь и вопрошает. Он ищет не только некий идеал, но скорее известную уверенность и определённость, которая бы его поддержала, утешила посреди этих испытаний, борьбы и страданий. Он спрашивает себя, что последует за этой переходной эпохой, видящей гибель целого мира верований, систем, традиций, и прах коих кружится возле нас.

Религия своим стремлением замкнуться в узком кругу догм, своим отказом расширить взгляд на человеческую судьбу и вселенную, отдалила от себя элиту мыслителей и учёных, почти всех тех, чьё мнение сегодня составляет авторитет в мире. И толпа последовала за ними. Взгляд человечества обратился к науке. Уже долгое время ждёт оно от неё разрешения проблемы

существования. Но наука, вчерашняя наука, несмотря на свои великолепные достижения, была ещё слишком насыщена позитивистскими теориями, для того чтобы дать человеку такое понятие о существе его и его судьбах, которое бы увеличило его силы, обогрело сердце его, навяло бы ему мелодии, полные веры и любви, чтобы баюкать своих малых детей.

Успехи скептицизма сказываются и в том смысле, что у нас формы веры более не отвечают требованиям современного духа и закона эволюции. Религия лишена рациональных основ, на коих может быть построена сильная убеждённость. Но исследовательский экспериментализм приходит заполнить этот пробел и предложить современной душе широкое поле наблюдений, совокупность доказательств и фактов, составляющих надёжную опору для вер и взглядов будущего.

И вот этот незримый мир, с которым Церковь сражалась и который оттесняла в тень в течение столетий, снова вступает в действие; он проявляется сразу во всех уголках шара земного, в формах, коим нет числа, и средствами самыми разнообразными.* Он приходит показать людям верный путь, путь прямой, должный привести их к высочайшим вершинам.

Повсеместно появляются всё новые медиумы, происходят смущающие скептиков феномены, основываются исследовательские общества и журналы, составляя множество очагов, откуда всё сильнее и сильнее излучается новая идея. Они уже достаточно многочисленны, эти общества, чтобы составить сеть, покрывающую всю планету. И через них в течение 50 лет можно было видеть, как зарождается, растёт, а затем ширится поначалу неясная и смутная работа, подготовляющая расцвет века грядущего. Именно это и есть то, что мы называем Новым Спиритуализмом, не религия в узком смысле слова, но скорее целая наука, некий синтез, венец всех работ, всех завоеваний мысли, некоторое откровение, влекущее человечество за пределы троп и дорог, коими оно шло до сих пор, расширяющее его горизонты и заставляющее его участвовать в жизни широких пространств, во вселенской бесконечной жизни.

* См. «Dans l'Invisible»; «Spiritisme et Médiumnité». (Л.Д.)

Как и во времена Жанны д'Арк и Христа, дыхание Незримого проносится над миром. Оно вновь оживит ослабшую смелость, пробудит души, кажущиеся мёртвыми. Никогда не надо отчаиваться и терять надежду на будущее нашей расы. Росток воскресения содержится в нас самих, в умах наших, в наших сердцах. Просвещённая вера, доверие и любовь суть рычаги души; когда они вдохновляют её, поддерживают, увлекают, нет вершины, коей бы она не могла тогда достичь!

Современный спиритуализм – это изучение человека не в его телесной и мимолётной форме, но в духе его, в этой нетленной реальности, и его развитие сквозь века и миры. Это изучение феноменов трансцендентальной мысли и глубин сознания, решение вопросов ответственности, свободы, справедливости, долга, всех проблем жизни и смерти, посю- и потустороннего миров. Это приложение всех проблем к нравственному прогрессу, ко благу всех, к общественной гармонии.

Жизнь материальная – всего лишь переход, наше настоящее существование – мгновение вечности, место нашего обитания – точка в беспредельности. Человек – мыслящий и наделённый сознанием – атом на поверхности уносящего его шара земного, и сам шар этот – также всего лишь атом, вращающийся в безграничной Вселенной. Но будущее наше бесконечно как Вселенная, и миры, горящие ночью над нашими головами, суть наше достояние.

Современный спиритуализм научает нас выходить из ограниченного круга наших ежедневных занятий и обнимать широкое поле труда, деятельности, восхождения, открытое нам. Великая загадка объясняется, божественный замысел открывается. Природа приобретает некий смысл; она делается в наших глазах грандиозной лестницей эволюции, театром усилий души за освобождение себя от материи, от низшей жизни и за подъём к свету.

Гармоничная общность связует существа на всех ступенях грандиозной лестницы восхождения и на всех уровнях жизни. Человек никогда не одинок, когда он борется или страдает за добро и правду, за благо и истину. Незримая толпа сопутствует ему и вдохновляет его.

Эта солидарность мощно даёт о себе знать в настоящее время. В часы упадка, когда души предают себя забвению, когда человечество колеблется на крутой дороге, Мир Невидимый вмешивается. Духи небесные, посланцы Космоса, принимаются за дело; они стимулируют ход событий и идей. В настоящее время они трудятся над восстановлением разорванной связи, некогда соединявшей два человечества. Сами они говорят нам это в следующих выражениях:

«Слушайте наши голоса, вы, ищущие и страждущие! Вы не покинуты! Мы приняли много страданий, чтобы восстановить сообщение между вашим миром забвения и нашим миром неувядающей памяти. Нам удалось установить связь сначала хрупкую, но которая станет мощной – медиумство. Отныне его не будут более презирать, высмеивать, преследовать, люди просто не смогут не признавать его. Медиумство – единственный посредник возможный между живыми и теми, кого вы считаете умершими, и они не позволят захлопнуть дверцу, открытую ими за тем, чтоб человек мятущийся мог научиться бороться при свете огней небесных. Итак, связь восстановлена!

*Иоанн, ученик Павла**

Оно приходит в свой час, Новое Откровение, и приобретает характер, коего требует дух времени: характер научный и философический. Оно приходит не разрушать, но строить. Ученье Незримого Мира осветит разом глубины прошлого и дали грядущего; оно подымет из пыли столетий уснувшие верования, оно оживит их, дополнив их и обогатив. Мрачные слова Церкви католической, слова страха и осуждения, гласящие: «Нужно умереть!», оно приходит заменить словами радости и жизни: «Нужно родиться вновь!» Вместо страхов, вызываемых идеей небытия, этим пугалом ада, оно даёт нам радость души, расцветшей в жизни беспредельной, лучезарной, солидарной, бесконечной. Всем, кто на земле отчаялся, ослаб, разочаровался,

* Сообщение, полученное в Мансе, в июне 1909г. Медиум м-ль Л. (Л.Д.)

оно предлагает кубок богатырей, благородное вино надежды и бессмертия.

* * *

CLXXVII. «Когда люди забывают о долге, Бог посылает им посланца, помощника, для более лёгкого, но также и более активного исполнения людской задачи. Это их вы можете называть «мессиями». Они, в тягостный час, когда души терялись в ничтожестве, указывали своими вдохновенными голосами истину, зовущую людей. Заметьте, в самом деле, что они всегда появляются в часы упадка, когда всё, как кажется, рушится под ударами безудержной борьбы страстей и интересов, этих волн моря житейского. И посланцы свыше подобны вечернему ветру, приходящему во время бури земной умиротворить разбушевавшиеся за день мятежные волны. Мир вам, ищущим свой путь, вам, не имеющим больше достаточно силы, чтоб итти к Господу своему. Просите – и помощь божественная будет оказана вам, как и обещал того наш Учитель. Но не отталкивайте посланца; умейте его понять; уважайте его мысль и его душу; он – посланный Бога, существо его одето светом Его истины, и вы должны ему вашу признательность.

Народы не всегда умеют узреть на челе этих высших существ сверхчеловеческое и благодатное сиянье, коим лучится их душа. Они сознают, что мессии не таковы как все прочие люди во плоти, но они не понимают их, и вот почему всегда вы увидите, что посланец Господа завершает своё высшее учение, подписывая дело своё верховной болью. Смотрите – и вы увидите, что все те, кого человечество наконец стало почитать, умерли в забвении, или вернее, были преданы и принесены в жертву. Дело в том, что ученье их должно было также показать величие боли, и их последним словом, кое вы найдёте на устах Учителя и всех великих мучеников, было: «Прощайте тем, кто не знает!» Страдание есть ещё акт любви.

Иоанн, ученик Павла»

* * *

CLXXVIII. Когда Небо вмешивается, когда Бог посылает своих мессий на Землю, могут ли там иметься сопротивления, препятствия их действию?

Мы касаемся здесь великой проблемы. Прежде всего, следует проникнуться одною мыслью: дело в том, что человек свободен, человечество свободно и ответственно. Нет ответственности без свободы. Человечество, будучи свободно, испытывает последствия своих действий сквозь времена. Мы видели это: это суть те же самые существа, из века в век всё вновь возвращающиеся в историю пожать в новой жизни плоды сладкие или горькие, плоды радости или боли, кои они посеяли в своих предыдущих жизнях. Забвенье их прошлого лишь временно и не доказывает ничего против закона. Человечество свободно, но свобода без мудрости, без разума, без знания, такая свобода может увлечь его в бездну. Слепец, он также свободен, и всё же, без поводыря, чему служит его свобода? Вот почему в известной мере человечество нуждается в поддержке, руководстве, защите, вдохновении со стороны Провидения. Но нужно, чтоб эта поддержка не была слишком явной, ибо, если Высшая Сила открыто навязывает себя, то она превращается в фактор принуждающий; она тем уменьшает, а то и уничтожает человеческую свободу, и человек теряет заслугу собственного почина; он больше не поднимается своими собственными усилиями — и цель божественная оказывается недостигнутой, дело прогресса неосуществлённым. Отсюда и трудности высшего вмешательства в смутные времена. Что же будет делать посланец свыше, посредник Вечных Воль? Он не будет навязываться; он лишь предложит себя; он не будет командовать, он будет вдохновлять; и индивид, община, целое человечество останутся свободными в своих определениях.

Так объясняется закон духовных влияний в человечестве. Сила, которую Бог посылает в мир, действует лишь в той мере, в коей она принимается миром. Если её принимают, ей подчиняются, поддерживают её, она становится деятельной, плодотворной, преобразующей. Если её отталкивают, она остаётся бесполезной. Посланник, мессия отдаляется от Земли.

Человечество находится в пути сквозь века, чтобы самому завоевать себе верховные блага: Истину, Справедливость, Любовь. Благ этих оно должно достичь своими свободными усилиями. Это закон его судьбы, самый смысл его существования. Но, в часы смятения, опасности, поворотов назад, заблудшему, самозабвенному, потерявшему себя человечеству Небо посылает своих избранных.

* * *

CLXXIX. Каждое существо человеческое имеет рядом с собою некоторого незримого друга, кой его поддерживает, утешает, направляет по хорошему пути, если человек соглашается следовать его вдохновению. Чаще всего это те, кого мы любили на земле: отшедшие отец и мать, преждевременно скончавшаяся супруга. Многие существа бдят над нами и силятся противодействовать нашим инстинктам, страстям, влияниям, толкающим нас ко злу. И назвать ли их нашими «дружественными гениями», как то делали греки, или «ангелами-хранителями», как это принято у христиан, название, которое им дадут, не имеет особого значения. В действительности, все мы имеем своих оккультных направников и вдохновителей; всем нам слышен их голос.

Но тогда как для особо одарённых медиумов голоса эти внешни, объективны, восприимлемы органами чувств, у большинства из нас они внутренни, интуитивны и звучат лишь в области совести.*

Разве среди вас, читатели, есть такие, которые б не слышали этих голосов? Они говорят нам в тишине и сосредоточении; они говорят, какие битвы нужно провести, какие усилия сделать, дабы возвысить себя, возвышая других. Конечно же, все вы

* Как писал в одном из своих романов Т.Майн-Рид: «Чистая совесть человека – это не пустая фраза. Есть люди, которые высоко ценят её и которым её сладостный шёпот дарует новые силы и утешения». (*Примеч. И.Р.*)

слышали его, голос, который в святилище души зовёт нас к долгу и добровольному отказу. И когда вы пожелаете вновь услышать его, сосредоточьтесь, возвысьте мысли свои. Просите – и будет дано вам. Обратитесь с призывом к силам божественным. Ищите, изучайте, размышляйте, чтоб приобщиться к тайнам великим, и мало-помалу вы почувствуете, как силы новые пробуждаются в вас; некий неведомый свет потоками войдёт в существо ваше; в вас распухнет прелестный цветок надежды, и вы будете проникнуты тою энергией, кою дают уверенность в мире загробном, вера в справедливость вечную. Тогда всё станет для вас более лёгким. Мысль ваша, вместо того чтоб мучительно влачиться в мрачном лабиринте земных сомнений и противоречий, устремится ввысь; будет оживлена, освещена, напоена вдохновеньями свыше.

Помнить следует, что в каждом из нас бесполезно, непроизводительно дремлют сокровища бесценные, неисчерпаемые. Отсюда наше кажущееся убожество, наша печаль и, порою даже, отвращение к жизни. Но раскройте сердце своё, пропустите туда луч, возрождающее дыхание – и тогда жизнь более полная и более прекрасная пробудится в вас. Вы почувствуете вкус к тысяче вещей, кои прежде были вам безразличны, а отныне составят очарование ваших дней. Вы почувствуете, как вы растёте, вы будете идти по жизни поступью более твёрдой, более уверенной, и душа ваша станет словно храм, наполненный светом, великолепьем и гармонией.

* * *

CLXXX. Миссия нового спиритуализма – это миссия борьбы, сопряжённой с тяжкими испытаниями. Она отмечена указаниями, предзнаменованиями, носит на себе отпечаток божественной печати. Дело его – это биться со врагом и изгонять его, а враг сегодня – это нигилизм, пессимизм, материализм, это холодная и мрачная философия, которая только и может

производить что прожигателей жизни или людей, отчаявшихся и потерявших всякую надежду.

Поначалу суждено ему пройти путь мучительный. Эта участь определена всякой новой идее. В этот миг, час суда над ним пробил. Откровение Новое поставлено пред верами и системами прошлого, перед теологами, представителями узкой науки и буквы. Пред ним высятся все авторитеты, полномочные представители идеи устаревшей или неполной, идеи, ставшей недостаточной и которая должна уступить дорогу слову новому, требующему своего места в мире под великим солнцем жизни.

В настоящий час, этот торжественный час, суд вершится пред ликом человечества, зрителя заинтересованного и само будущее коего под вопросом. Каков будет результат, каков приговор? Никакое сомнение невозможно. В выборе между молодой и плодотворной идеей, полной жизни, поднимающейся и идущей вперёд, и старостью немощной, ослабшею, опускающейся и оседающей – какие могут быть колебания? Человечеству нужно жить, процветать, расти, и не на развалинах найдёт оно убежище для своего разума и сердца.

Новый спиритуализм стоит перед трибуналом общественного мнения. Он обращается к Церквям и властям земным, говоря им: «Вы обладаете всеми средствами действия, какие доставляет вековой авторитет, и вы не можете ничего против материализма и пессимизма, против преступления и безнравственности, кои зияют словно некая рана огромная. Вы бессильны спасти человечество от опасности. Не оставайтесь же глухи к призывам Нового Духа, ибо он приносит вам, вместе с истиною и жизнью, ещё и возможности, необходимые чтоб возвысить, возродить общество. Взовите к тому, что есть великого и прекрасного в душе человеческой, и вместе со мною скажите ей: «Взлети, поднимись, душа человеческая! Двигайся вперёд с чувством силы, поддерживающей тебя; продвигайся с верою в будущее твоё прекрасное. Бесконечные силы споспешествуют тебе; Природа присоединяется к делу твоему, звёзды, в беге своём, освещают путь твой! Иди, душа человеческая, сильная помощью, поддерживающей тебя! Иди сквозь миры материи и битвы страстей; при звуке голоса твоего

общества преобразятся, устарелые формы рассыплются в прах и исчезнут, чтобы дать место формам новым, организациям более молодым, в которых больше света и жизни».

* * *

CLXXXI. Знайте это: началась революция более великая, нежели все те, что совершились в мире прежде – революция мирная и возрождающая; она вырвет общества человеческие из объятий рутины и косности и подымет взгляд человека к великолепным судьбам, его ожидающим.

Великие души, прежде жившие в мире этом, вновь появляются; оне призывают человека поторопиться в движении своём, воздействуют на мир, трудятся над подготовлением новой эры для человечества. И через поддержку и помощь духов великих, любивших и спасавших человечество в эпохи минувшие, надежды тех, кто хотят добра и ищут справедливости, сбудутся!

Лучезарный легион духов этих, имена коих словно пылающие факелы отмечают этапы человеческой истории: великие посвящённые прошлого, пророки всех народов, посланцы Истины, все те, кто создали человечество веками труда, размышления, жертвы – все они ныне за делом и зовут нас к труду, к усилию. Все возглашают нам: «Встаньте, пробудитесь! не для ударов шпага, но для плодотворных битв мысли. Поднимитесь на битву с более ужасным нашествием, нежели нашествия чужеземцев – на битву с материализмом, сенсуализмом и всеми их последствиями: злоупотреблением наслаждениями, разрушением всякого идеала; со всем тем, что медленно, постепенно вас заполоняет, вас истощает и расслабляет, готовит ваш упадок и крушение! Встаньте! трудитесь и бейтесь за спасенье разума и возрождение расы нашей и человечества!»

* * *

CLXXXII. Человек свободен. Верховный закон требует, чтобы он сам строил свою судьбу сквозь время посредством своих бесчисленных существований. Без этого каковы были бы права его на счастье, на могущество и блаженство? Блага эти, если бы он мог получить их, не прилагая к тому усилий, не имели бы никакой цены в его глазах. Он даже бы не понял их ценности. Ибо человек ценит вещи лишь в зависимости от труда, коего оне ему стоили. Но когда препятствия труднопреодолимы, мысль его соединяется с Волею Божественной, силы и помощи свыше снисходят к нему – и он торжествует над самыми большими трудностями. Таково правило Божественного вмешательства в историю. Таково плодотворное единенье Неба и Земли, кое расчищает пути наши и даёт нашим душам в часы отчаянья возможность спасения.

Странное дело! человек не знает и зачастую пренебрегает тем, что ему всего более необходимо. Без этой помощи и вне тесной общности, связующей немощь человеческую с силами небесными, как могли бы мы, своею собственною силою, вести своё невообразимо-огромное восхождение, поднимающее нас из глубины бездн жизненных к Богу? Одной перспективы пути беспредельного, который надо пройти, хватило бы, чтобы нас обескуражить и удручить. Отдалённость цели, необходимость постоянного усилия, парализовали бы нашу активность. Вот почему на первых ступенях чудесной лестницы, на первых перегонах пути далёкая цель остаётся от нас сокрытой, а перспективы нашей жизни ограниченными. Но на тяжком пути, на опасных переходах, незримые руки протягиваются к нам, чтоб поддержать нас. Мы вольны оттолкнуть их. Если же, напротив, мы отдадимся помощи, которая нам предложена, то самые невозможные предприятия наши могут удался. Дело красоты и величия, которое созидают жизни наши, не могло бы осуществиться без сопряжённого действия человека и его братьев незримых.

* * *

CLXXXIII. В действительности, каждая душа имеет в этом мире своё назначение. Удел большинства – назначения скромные, тёмные, неприметные; другие имеют задачи более высокие, соразмерные их склонностям, качествам, приобретённым в эволюции сквозь века. Одним лишь благородным душам отведены назначения высокие, увенчивающиеся мученичеством. Каждое земное существование, мы знаем это, есть составляющая необозримого прошлого труда и испытаний.

* * *

CLXXXIV. Из жизни великих посланцев незримого, нёсших крест мученичества на земле, в чертах света выходят три великих урока. Вот они:

1. Человечество в години перелома и испытаний не покинуто, не предоставлено самому себе; помощи, силы, вдохновения свыше приходят поддержать его и направить в его движении. Когда зло торжествует, когда бедствие обрушивается на народ, Бог вмешивается чрез Своих посланников.

2. Некая могучая общность соединяет все уровни жизни, видимые и невидимые. Для душ восприимчивых и развитых, в коих внутренние чувства, психические способности достаточно проявлены, эта общность устанавливается уже в этом мире, в жизни земной. Общность эта тем более тесна и плодотворна, чем души эти более чисты, свободны от низких влияний, лучше подготовлены к назначениям, кои выпадают им на долю. Таково большинство медиумов.

Каждый из нас, чрез свою психическую эволюции и моральное совершенствование, призван участвовать в этой общности и единстве живых и умерших, обитателей Земли и обитателей Пространства, до той поры, покуда оба человечества, земное и небесное, не сольются в одну единую и великую семью, составившуюся в мысли Божественной.

Отныне существует связь между людьми и отшедшими. Все души, встретившиеся на Земле, соединены таинственными нитями. Настоящее сопричастно прошлому и будущему, и судьба существ раскручивается по восходящей спирали, от нашей обездоленной планеты до глубин звёздного неба.

3. Оттуда, с тех высот, спускаются мессии, посланцы Провидения. Их появление среди нас составляет целое откровение. Изучая их, научаясь опознавать их, мы приподнимаем уголок лежащего на нас покрывала, скрывающего от нас высшие и божественные миры, к коим светочи эти принадлежат, миры, о существовании которых люди едва подозревают, сдавленные в большинстве своём под тяжестью материальной оболочки.

В великие мгновения истории Бог дарует такие жизни примером и уроком человечеству. К этим-то ликам героев и мучеников должны обратиться взоры тех, кто сомневается и страдает.

* * *

CLXXXV. Когда мы говорим об обновлении «религиозном», то было бы вернее сказать «научном» и «философском». Верования человечества постоянно обновляются и нуждаются в обновлении. Но разве это означает, что чувство религиозное должно погибнуть? Без всякого сомнения, нет; оно только преобразуется, чтобы принять новый облик. Вера не может угаснуть в сердце человеческом. Она на мгновение исчезает лишь за тем, чтоб дать место вере более высокой. Ведь нужно же, чтоб наше солнце скрылось за горизонт, для того чтоб зажглись солнца ночи и чтоб звёздная беспредельность открылась нашим глазам? Когда день клонится к закату, кажется, будто Вселенная скрывается под покрывалом тьмы, а жизнь угасает. И однако, не погасни свет дневной, разве смогли бы мы увидеть скопление звёзд во глубине небес? То же самое и с нынешними формами религии и веры. Оне умирают в видимости лишь для того, чтобы вновь

возродиться – более объемлющими и прекрасными. Действие великих душ пространства подготавливает это возрождение, над которым, со своей стороны и на земном уровне, мы непрестанно трудимся с давних пор, под защитой славной и вдохновенной пророчицы,* в советах и указаниях коей у нас никогда не было недостатка.

* * *

CLXXXVI. Аллан Кардек, вдохновлённый великими духами, восстановил по более расширенному плану верования наших предков.** Воистину религиозный дух Галлии проявляется в этом главе школы. Всё в нём: его псевдоним, совершенно кельтский, памятник, который по его воле высится на его могиле, его строгая жизнь, степенный, созерцательный характер, всё дело его напоминают друида. Аллан Кардек, приготовленный своими прошлыми существованиями к великой миссии, кою он недавно исполнил, есть не кто иной, как воплощение одного видного кельта. Он сам утверждает это в следующем послании, полученном в 1909 году:

«Я был жрецом, главою жриц на острове Сэн (l'isle de Sein), и жил на берегу яростного моря, на крайней оконечности той земли, которую вы называете Бретанью.

Не забывайте Великого Духа Жизни, того, что заставляет омелу расти на дубах, который освящает древние камни ваших предков. Я счастлив заверить вас, что у ваших отцов всегда была вера; храните её, как они, ибо кельтский дух не угас во Франции, он выжил и сообщит сынам волю верить и приближаться к Богу.

Не забывайте своих любимых, кои вокруг вас, словно звёзды небесные, которые вы не видите днём, хотя оне всегда там.

Сила божественная бесконечна; она светит вам сквозь туманы земли, и на вас падают её рассеянные и ослабшие лучи.

* Автор имеет в виду Жанну д'Арк. (И.Р.)

** Речь идёт о галлах, предшественниках и предках французов. (И.Р.)

Слушайте голос своего сердца, когда пред океаном, где яростные волны преследуют друг друга, вы чувствуете себя охваченными страхом и надеждою. Он громко говорит тем, кто хочет его услышать. Вы должны понимать его, ибо для этого вы имели соединёнными все учения Земли.

Любите нас, древних людей, нам нужно ваше воспоминанье, возлюбленные мои. Пусть души ваши приходят посещать нас во время сна, даваемого вам Богом!

Вы хотите знать, кто я есмь: я скажу вам своё имя, но какое значенье имеют имена? Мы оставили на земле, вместе с нашим телом, память об именах и вещах, чтобы вспоминать лишь о волях Бога и чувствах, несущих нас к Нему, чтобы знать там лишь Его любовь и славу, ибо в бесконечном свете всякое пламя кажется погасшим: солнце божественное делает его менее зримым и сливает его в вечном лучении.

Земля – место всего только переходное, дремучий и тёмный лес, в котором отзвуки жизни миров звучат лишь приглушённо.

Мы всегда будем там, великие направники, ведущие страждущее человечество к цели, неведомой людям, но намеченной Богом; она горит для нас в ночи времён словно яркий факел.

Мы ожидаем мига, когда, наконец, свободные, вы сможете вернуться к нам, чтобы вместе с нами петь вечный гимн, прославляющий Создателя.

Души Франции, вы дочери Галлии. Помните веру ваших предков, которая была также вашей верою. Поднимайтесь иногда мыслию к целебным водам наших истоков, к сильным традициям и высотам нашей истории, чтобы найти там энергию и веру, чтобы оживить ваш дух и согреть сердце ваше в чистом воздухе и красоте вершин и в бесконечном свете.

Аллан Кардек»

* * *

CLXXXVII. Бог, говорят «Триады», наделяет каждую новую душу «авеном», частицею гения, которую та призвана развить в последовательности времён таким образом, чтобы мало-помалу возжечь из этой первоначальной искры лучезарное пламя, кое озарит дух нетленным светом.

* * *

CLXXXVIII. В друидическую эпоху природа ещё не была затронута вредоносными влияниями, разрушительным потоком страстей. Она была как бы огромным медиумом, могучим посредником между небом и землёй. Друиды, под сводом вековых деревьев, коих вершины служили антеннами, уловляющими излучения пространства, с большею лёгкостью получали наития, вдохновения и наставления свыше. Но ведь ещё и сегодня, не взирая на претерпленные опустошения, разве лес не вызывает в нас эманациями своими целительного и живительного ощущения, некоего чувства расширения и всеобъятности души? Это, по крайней мере, то, что я сам ощущал столько раз.

Некоторые люди, лишённые посреднических (медиумических) способностей, меня порой спрашивают, как в таком случае быть, как войти в соприкосновение с незримым? На этот вопрос я отвечаю только одно: «Удалитесь от шума городского, углубитесь в лес: в уединении больших лесов лучше судится о суете дел человеческих и безумии страстей. В эти часы сосредоточенности кажется, будто некая сокровенная беседа завязывается между душой человеческой и силами потустороннего. Все голоса природы соединяются, сливаются, и в шёпотах, которые Земля и Космос посылают внимательному слуху, всё говорит нам о вещах божественных, подаёт нам советы мудрости и учит нас долгу». Именно это и сказала Жанна д'Арк своим руанским допросчикам, выяснявшим у неё, всегда ли она слышит свои голоса: «Шумы тюрьмы не дают мне их услышать, но отвезите меня в лес – и я смогу слышать их вновь».

Так же обстоит дело и с наукою о мирах: наука эта — неиссякаемый источник возвышения души, ибо она открывает нам весь гений Создателя.

* * *

CLXXXIX. (Из спиритического послания Аллана Кардека): «Жизнь планет, как и жизнь людей, должна пройти через последовательные фазы, и, в зависимости от этих фаз, однородность флюидов оказывается более или менее нарушенной или сохранённой. Ваша Земля в своём движении вошла в соприкосновение с одним из величайших потоков, представляющих собою артерии вселенской жизни. Этот поток чрезвычайно силён и произведёт разные следствия в зависимости от природы существ. Духи низшего порядка, помещающиеся между вашей планетой и этим потоком, не могут вынести флюидического притяжения, из него исходящего, отсюда автоматическое устремление этих существ к материи. Их влияние повлечёт за собой обострение низких страстей.*»

Что же касается тех Землян, которые предаются размышлению (медитации) и обращаются к высшим силам и влечениям, то эманации этого потока достигнут их, благодаря чему у них будут интуитивные предчувствия и способность получать сообщения.

Я добавлю ещё, что этот жизненный поток обладает свойством поддерживать в Космосе периспиритальную и духовную жизнь и просвещать на Земле развитые сознания.

Вы, таким образом, можете констатировать, что в настоящее время на вашей планете наблюдается, с одной стороны, ослабление всех высоких верований, и с другой стороны — прилив мистицизма».

* * *

* Все эти вещи хорошо объяснены в рериховской «Агни-Йоге. Мир Огненный», где предмет этот рассматривается особо. (И.Р.)

СХС. Надо, однако, признать, что поскольку планета наша стоит на довольно невысокой ступени эволюционной лестницы, то человек здесь хотя, с одной стороны, и пользуется достаточной свободой, чтоб та повлекла за собою ответственность за свои поступки, но, с другой, никак не может обладать тут свободой воли в смысле абсолютном. Друзиды с самой первой «Триады» утверждают это, когда среди трёх изначальных единств выводят и определяют ту «точку свободы», в коей сходятся и уравниваются все противоположности.

* * *

СХСИ. Какое доверье могли бы мы питать к будущему, если б мы чувствовали себя всего лишь слепыми игрушками в руках неведомой силы, игрушками, лишёнными воли, лишёнными нравственного стержня?

* * *

СХСИ. Свобода воли есть не что иное, как индивидуальное приложение принципа свободы. Свобода есть главнейшее условие развития, прогресса, эволюции человека. Закон эволюции, предоставляя нам заботу созидать во времени самих себя, нашу личность, наше сознание и, следовательно, нашу судьбу, должен предоставить нам и средства, обеспечивающие нам свободу выбора между добром и злом, поскольку достоинства, приобретённые нами, и есть награда нам за возвышение наше.

* * *

СХСШ. Что касается до забвения воспоминаний о предшествующих наших жизнях, то оно не настолько полно, как то утверждают, и если бы большинство людей отдалось более внимательному изучению своей собственной психики, то они без труда нашли бы там следы прошлых своих жизней.

Как то убедительно показывает г-н Бергсон в своей прекрасной книге «Созидающая Эволюция», доводы, которые приводят в качестве возражения на это, ничего не могут доказать. Даже в нынешней жизни человека, и особенно в сомнамбулическом состоянии, противостоящем состоянию обычного бдения, наблюдаются затмения памяти, делающие понятным стирание более далёких воспоминаний. Всем спиритам хорошо известно, что подобное забвение нашего прошлого лишь временно и случайно.

Как бы мало ни был дух развит, полное воспоминание о прожитом прошлом восстановится для него в мире загробном, и восстанавливается даже и в ходе данного существования – во время сна. В состоянии высвобождения он сможет восстановить связь причин и следствий, составляющих ткань его судьбы. И только лишь в пору материальной борьбы воспоминание это стирается, и стирается оно как раз для того, чтоб оставить нам полноту нашей волевой свободы, необходимой нам дабы преодолеть трудности, выдержать испытания земные и пожать все плоды этого.

В общем, забвение прошлых жизней для большинства человеческих душ на недостаточно высокой ступени их развития должно рассматриваться как благо. Слишком часто ведь воспоминания эти были бы для них полны унижительных откровений и неразрывно связаны с сожалениями, опаляющими словно огонь. Не парализовывать себя, устремив взор на скверное прошлое своё, но намечать цели усилий своих и направлять полёт способностей наших в будущее надлежит нам.

Ведь разве не говорит поговорка, что коль скоро кто взялся пахать, то ему не должно оглядываться? В самом деле, дабы вполне прямо провести борозду, т.е. встречать и проводить бои жизненные с каким-либо толком, не следует быть осаждаемым вереницею дурных воспоминаний.

Лишь позднее, в космической жизни, и в особенности на более высоких уровнях эволюции, душа человеческая, освобождённая от ига плоти, скинувшая с себя тяжкое покрывало материи, ограничивающей и сковывающей её восприятия, может неуклонно, бесстрашно объять взором своим беспредельную панораму своих планетных существований. И тогда она достигла зрелости, необходимой чтобы прозреть умом своим и знанием ту связь, что объединяет их все, оценить завоевания свои и понять содержащийся в них урок. Это и сказано в 19-ой «Триаде»:

«Есть три главных необходимости, прежде чем достичь полноты знания: пересечь Абрэд, пересечь Гвинфид и вспомнить обо всём во всех подробностях вплоть до самого Аннуфна».*

Таково суждение развитой души о самой себе, нравственная опись её, когда она на выходе из своих существований делает смотр длинной веренице странствий своих по разным мирам. Чрез посредство несравненной своей чувствительности, с высоты возросшего своего опыта, мудрости, разума – она судит обо всём. И в воспоминаниях этих, в зависимости от характера их, вновь она обретает причины для радости или страдания. Утончённая совесть её исследует малейшие уголки в глубинах своей памяти. Став судьёю непогрешимым, она произносит окончательный приговор, одобряет или осуждает, и иногда, во имя искупления, побуждаемая вдохновением свыше, она принимает решение воплотиться вновь в мирах материи и боли, что и утверждает

* Абрэд, по взглядам друидов, – круг блужданий и переселений, где всё рождается из смерти; означает жизнь и развитие на лоне человечеств; отличительная черта этого состояния – самосознание и свобода воли; соответствует настоящему положению человека, его жизнь на Земле – частный случай этого периода.

Гвинфид – наслаждение полнотою бытия и всеми его свойствами, освобождение от смерти и материальных форм; дух поднимается к самому высшему совершенству и достигает круга блаженства, где всё рождается из жизни и человек путешествует по небу.

Аннуфн – царство необходимости, бездна бездн, зарождение жизни, постепенное и невообразимо медленное переселение души из мира минералов в мир растений, затем – животных с перспективой перехода в мир человеческий. (Й.Р.)

18-я «Триада»: «Суть три изначальных бедствия в Абрэде: необходимость, забвение, смерть».

* * *

СХСIV. После некоторого времени пребывания и отдыха в пространстве душа, говорят нам духи, должна вновь родиться в человечестве. Она приносит с собой всё наследие прошлого, хорошее и дурное, и возвращается, дабы приобрести новые качества, новые достоинства, которые облегчат её восхождение, её продвижение вперёд. Так от рождения к рождению дух развивается, поднимается, устремляется к идеалу совершенства, который есть цель всей вселенской эволюции.

Земля – это мир испытаний и исправления ошибок, мир, где души готовятся к более высокой жизни. Нет посвящения без испытаний, нет искупления вины без боли. Лишь они могут очистить душу, освятить её, сделать её более достойной того, чтоб вступить в счастливые миры. Эти миры, или системы миров, располагаются во Вселенной по последовательным уровням или ступеням; условия жизни на них тем более совершенны и гармоничны, чем дальше прошла эволюция населяющих их существ. Подняться на более высокую ступень возможно лишь тогда, когда на ступени ей предшествующей приобретены все соответствующие её уровню совершенства.

Таким образом, почти что бесконечное разнообразие и неравенство условий жизни на Земле не позволяет думать, чтобы здесь было возможным приобрести все необходимые качества за время одного только существования. Огромному большинству людей требуется целая вереница достойно прожитых жизней, чтоб осуществить в себе то состояние флюидической утончённости и нравственной зрелости, которое бы им позволило вступить в общества более продвинутые. А это значит, что если бы все земные души без разбору вновь рождались в мирах более совершенных, внутри обществ более развитых, то эти последние неизбежно

оказывались бы заражёнными, а общий план эволюции исказился бы, совершенно бы извратился.

Такой взгляд на вещи, такое суждение всецело подтверждаются свидетельствами многочисленных родственников и покойных друзей, с которыми мне было дано общаться за долгое время моей спиритической практики.

На это нам возражают, что отнюдь не повсюду дело обстоит именно так. В Англии и Северной Америке, мол, некоторые духи высказывают на этот счёт серьёзные сомнения и отрицают саму необходимость последующих воплощений на Земле. Это внешнее противоречие – главный аргумент противников кардековского Спиритизма.

Но если вы более внимательно изучите этот вопрос, вам прежде всего бросится в глаза один факт – именно то, что все эти духи, противящиеся идее перевоплощения, в бытность свою на Земле принадлежали к протестантскому культу. Известно, что эта форма христианства даёт своим приверженцам особенно сильное и напряжённое религиозное воспитание, непреклонную веру, которых склонности и взгляды с настойчивостью продляются в потустороннюю жизнь. Протестантство учит, что при смерти душа судится окончательным образом и на веки вечные направляется в рай или в ад.

Протестант не молится за души умерших, поскольку судьба их, по его мнению, уже решена безвозвратно. Доктрина суровая и безысходная в своей неподвижности! Она отнимает у души виновной всякую возможность искупления и лишает Творца возвышенного обаяния милосердия и прощения. Тому, кто следует этому учению, уже не видна никакая возможность вернуться на Землю. Католичество, оно по крайней мере своим понятием чистилища открывает путь к возможности искупления, и некоторые священнослужители видят в этой теории возможность сближения со Спиритизмом, если только Церковь вообще когда-либо придёт к смягчению своей непреклонности и признает то, что чистилище, место, где чрез посредство перевоплощений совершается искупление, и есть наша планета Земля.

Таким образом, противление некоторых духов из протестантских кругов закону перевоплощения можно объяснить действием догматических, закоснелых предрассудков.

Но, скажут нам, поскольку всё прошлое вписано в нас, в глубинах нашего сознания, как то доказывают опыты по экстериоризации (перенесению чувствительности наружу), и поскольку смерть есть лишь полная и длительная экстериоризация – то как тогда эти духи могут ошибаться по поводу природы собственного прошлого и формы своего будущего?

Да, несомненно, всё прошлое вписано в нас, как в книге, в тайниках подсознательной памяти. Но точно так же как для того, чтобы читать книгу, надо сначала её раскрыть, затем хотеть и уметь в ней читать, так и для того, чтоб изучать глубины сознания, нужен акт воли. Через такой именно приём гипнотизёр добивается восстановления в сознании субъекта его предыдущих жизней. И разве нам самим не приходится делать умственного усилия, усилия повторяемого и длительного, чтобы вспомнить какое-то уснувшее воспоминание даже из своей нынешней жизни?

Многие люди воображают себе смерть как какой-то разрыв некоего загадочного покрыва, когда всё сразу же озаряется ярким светом и все тайны сами собой разъясняются. Это серьёзная ошибка, ибо лишь крайне медленно, постепенно, в напряжённой работе, чрез наблюдения, постоянные сравнения душа умершего мало-помалу освобождается от тех привычек, предрассудков и ложных понятий, которые накопило в ней земное воспитание. Для этого ещё требуются помощь, содействие более продвинувшихся духов.

Как то говорит нам Аллан Кардек, дух по возвращении своём в пространство ищет там такие сообщества душ, которые бы находились в гармоничной вибрации с его собственными взглядами и чувствами, после чего он приобщается к их духовной жизни и вовлечённый с той поры в это особое окружение он долго ещё может пребывать в общих заблуждениях и привычках, ему свойственных.* Все спириты знают об этом состоянии души,

* То же самое, только в несравненно более грубой форме мы наблюдаем в общественной жизни и на Земле. Всё это последствия, так сказать, внутристадного гипноза. (И.Р.)

каковое обнаруживает себя в загробных сообщениях и порою доставляет им своеобразные свидетельства, удостоверяющие личность проявляющихся, свидетельства, не лишённые интереса и небесполезные с точки зрения доказательства выживания души после смерти тела.

В ходе своих опытов я нередко встречал духов подобного свойства, которые не припоминали того, чтобы прежде они несколько раз жили на нашей планете, и кои охотно отрицали принцип последовательных существований. Я предлагал им тогда посмотреть в сокровенных складках своего подсознания и поискать там следы предшествующих жизней. Когда они являлись ко мне на следующих сеансах, то заявляли, что они действительно вновь отыскивали эти следы и что могут теперь восстановить всю последовательность своих бесчисленных возрождений. Я заметил, что духи эти были как правило духами низшего порядка. Предшествующие их жизни не отличались особым блеском и сводились к ряду существований, исполненных страстей, насилий, беспорядка, этих извечных источников горьких сожалений и раскаянья в мире потустороннем.

Я далёк от мысли, чтобы ставить духов англо-саксонского происхождения в один ряд с этими отсталыми душами, о которых только что сказал выше. Они, может статься, обладают сокрытыми богатствами, умственными и нравственными, важность коих им остаётся неведома. Я только предлагаю нашим заморским друзьям убедить своих духов в необходимости методичных поисков в указанном направлении, в необходимости проведения углублённого анализа их способностей и воспоминаний. Тогда взаимная связь земных их жизней у них восстановится, и мы, таким образом, достигнем того единства взглядов, которое способно придать учению о множественности существований весь его вес, всю его глубину. Для этого достаточно будет только привести в действие сей могучий рычаг: *волю!*

* * *

СХСV. Закон перевоплощений, это возвращение душ на Землю, вызывает возражения, на которые необходимо ответить, опасения, кои необходимо рассеять. Среди спрашивающих, одни опасаются того, что не встретят в мире загробном людей, которых они любили здесь. Они спрашивают себя, будем ли мы, в силу этого закона, разлучены с нынешними членами наших семей и вынуждены уединённо продолжать нашу медленную и мучительную эволюцию. Другие же приходят в ужас от одной только перспективы начать заново свои земные дела и обязанности после трудовой жизни, усеянной испытаниями и несчастьями. Поспешим успокоить их!

Перевоплощение незамедлительно, пребывание духа в пространстве непродолжительно лишь в том случае, если дух воплотился в ребёнка, который умер в раннем возрасте. Поскольку не удалась его попытка появиться вновь на земной сцене – почти всегда это обусловлено физиологическими нарушениями в организме матери – то он повторит её, как только в той же среде создадутся благоприятные условия. В крайнем случае, дух воплотится поблизости, т.е. среди родственников или друзей несостоявшихся родителей таким образом, чтобы ему остаться в связи с теми, кого он избрал в силу притяжения, обусловленного предыдущими связями, эмоциональными силами, представляющими определённое флюидическое сродство.

Духи образуют многочисленные семьи, члены которых следуют друг за другом чрез свои многочисленные перевоплощения. В то время как одни на материальном уровне продолжают своё восхождение, своё развитие, другие остаются в пространстве, чтобы по мере своих сил и возможностей защищать их, поддерживать, вдохновлять, дожидаться их, дабы их встретить по выходе из земной жизни. Позднее эти последние сами возродятся к жизни человеческой, и тогда охраняющие, в свою очередь, вновь станут охраняемыми. Продолжительность пребывания в пространстве весьма различна и, согласно степени развитости, может охватывать много веков или длиться только несколько десятилетий для духов, стремящихся прогрессировать.

Всегда есть соотношение между жизнью земной и жизнью космической. Семья зримая всегда связана с семьёй незримой, пусть даже связь эта для первой и остаётся неведомой. Симпатии, чувства, происходящие от связей, установленных в ходе ряда существований, передаются с одного уровня на другой с тем большею интенсивностью, чем более утончено вибрационное состояние духов, образующих эти семьи. Полное согласие, царящее в некоторых семьях, объясняется множественностью совместно проведённых жизней. Члены их сблизились чрез духовное взаимовлечение, общность строя мысли, чрез вкусы и чаянья одного порядка, и всё это происходит в самых различных степенях. В такой семье всегда легко узнать того, кто воплощается в ней в порядке исключения и в первый раз, либо чтобы умственно и нравственно усовершенствоваться здесь от общения с существами более продвинутыми, либо, напротив, чтобы послужить примером, образцом, быть наставником духам отсталым, и в то же время чтобы помочь им выдержать испытания, кои назначает им судьба, а это уже является ответственным назначением, в высшей степени достойной задачей. В некоторых случаях контраст между характерами, способом думанья и действия столь разителен, что даже непосвящённый вправе заявить: «В семье не без урода!» или «Такой-то не от этой семьи: можно подумать, его подменили у кормилицы!»

Уже в космической жизни некоторые духи принимают решение воплотиться в одном и том же месте с тем, чтобы продолжить там совместную эволюцию. Иные развитые души принимают мучительное назначение спуститься в материальные миры, дабы радиациями своими рассеять там грубые элементы, в этих мирах господствующие; и в этом исполненном самоотречения действии они почерпнут новую силу для продвижения своего.

Нас спрашивают о различиях рас и их отношениях к эволюции. Духи по этому поводу говорят, что каждый регион земного шара привлекает из Космоса свои особенные флюиды, гармонирующие с эманациями почвы. Из этого следует, что духи, воплощающиеся в разных регионах, будут и стремления и вкусы иметь различные. Например, чернокожие получают флюиды,

способные развить их физическую жизненность и выносливость, ибо примитивный их дух имеет нужду ощущать себя в прочной оболочке.

У восточных рас, у японцев, например, земная эволюция куда более завершённая, тела малы, чувствительность более развита, восприятие потустороннего более отчётливо. Мистицизм народился. Периссприт японца, обладая большей утончённостью, будет вибрировать сильнее, нежели периссприт сенегальца.

У западных рас эволюция в общем не всегда была однородной. В каждой стране она имела свои отличия. Горцы и моряки при этом, под более грубым обличьем, сохранили некоторый идеалистский фон и дух религиозный. Именно в этих двух типах стремления напрямик обращаются к миру высшему, поскольку они более прочих общаются с Природою.

Нет ничего удивительного, если молодой ещё дух на каком-то этапе короткой своей эволюции испытывает порою потребность переменить место воплощения, чтоб приобрести недостающие ему качества и познания; ведь по возвращении в Космос он тотчас же вновь обретает там те духовные элементы, от коих он на время отдалился, но воспоминание о которых сохранил в глубинах своего сознания. Тем более, что уже во время сна воплощённый дух сближается со своими космическими друзьями и какие-то мгновения переживает своё с ними прошлое; по пробуждении же впечатление это стирается, ибо оно было бы способно лишь смутить его и уменьшить свободу его воли.

Если на какое-то время мы и удаляемся от своей семьи земной, то зато никогда не покидаем духовную нашу семью; и когда семья человеческая в развитии своём достигла более высокого флюидического уровня, то производится обратное действие, и тогда уже она будет, в свою очередь, привлекать из пространства менее продвинувшихся духов, жаждущих развития. Сколь восхитителен закон эволюции существа в последовательности его воплощений, но ум человеческий увидеть способен лишь бледные его отсветы!

Наставления, звучащие на этих страницах, не суть плод воображения. Они исходят из посланий духов, полученных в разных странах с помощью медиумических приёмов. До сей

поры об условиях жизни в мире потустороннем мы имели лишь человеческие гипотезы, философские либо религиозные. Сегодня же её описывают нам те, кто сами живут этой жизнью, и говорят нам о законах перевоплощения. В самом деле, что значат несколько исключений, отмеченных в англосакских кружках, исключений, число которых сокращается день ото дня, что значат они пред лавиною документов, согласующихся свидетельств, собранных от Южной Америки вплоть до Индии и Японии?

Уже не какой-то отдельный мыслитель или группа их, как то бывало прежде, приходит указать человечеству путь, который он или они считают истинным, но весь Незримый Мир твердит нам об этом, весь Незримый Мир сотрясается и делает усилие, чтобы отячь мысль человеческую от её привычек, шаблонов, заблуждений, и, как и во времена друидов, открывает ей божественный закон эволюции. Это ведь наши с вами почившие родные и друзья в ходе бесед, изобилующих доказательствами, удостоверяющими личности их, рассказывают нам о своём положении в мире потустороннем, хорошем или плохом, как о последствии их прошлых поступков.

Я обладаю семью пухлыми томами с сообщениями, полученными в группе, которою я долгое время руководил. Сообщения эти дают ответы на все вопросы, какие только человеческая неуверенность может задать мудрости незримых. Духи-наставники просвещали нас чрез посредство различных медиумов, не всегда друг с другом знакомых и зачастую бывших просто малообразованными женщинами, исполненными католических предрассудков и потому несклонных питать симпатий к учению о перевоплощениях. И все, кто с той поры обращались к этим архивам, поражались красоте стиля, равно как и глубине высказываемых мыслей.

Быть может, послания эти однажды будут опубликованы. И тогда увидят, что в произведениях своих я вдохновлялся не столько собственными взглядами, сколько взглядами из мира потустороннего. Тогда при всём разнообразии форм признают великое единство принципов и увидят полное согласие с наставлениями, данными духами-водителями во всех иных

кружках, с теми наставлениями, коими вдохновлялся Аллан Кардек, начертывая великие строки своего Учения.

* * *

CXCVI. (Из спиритического послания Аллана Кардека): «Вы попросили разъяснений по некоторым тёмным пунктам друидического учения. С этой целью я вошёл в связь с высокими сферами, желая получить некоторые указания о высшем очаге-воспроизводителе жизни и любви. Три круга, как вам известно, составляют основы кельтского учения, самый верховный, стало быть, относится к божественному средоточию.

Из объяснений, данных Высшими Духами, явствует, что ум человеческий не должен знать тайны верховного источника жизни. Вот что я однако могу вам об этом сказать согласно доходящим до меня лучениям (радиациям). За пределами уровней, составленных живыми существами по мере развития их чрез этапы собственной их жизни, существует ещё целиком вибрационная сфера, не имеющая пределов и объемлющая всю необъятность Вселенной, но которая ощущается нами, лишь начиная с определённого этапа нашей эволюции. Эта сфера вибрирует, и земное существо, вышедшее из неё, ощущает её ещё в форме вибраций сознания во внутреннем «я».

Пульсации верховного очага состоят в связи с сознанием, и когда оно развито, мистическое чувство также развито. Оно прямо пропорционально эволюции сознания. Великий вибрационный очаг одухотворяет собой всю Вселенную, и постепенно каждое существо получает прямые вдохновения и впечатления из этого источника, на земле называемого вами «Богом».

У вас будет однажды точное понимание слова «Всевышний», и чрез этот высший вибрационный очаг вы поймёте и изначальную живую клетку. Но человеческий мозг ваш взорвался бы, как пороховая бочка при поднесении к ней зажжённого фитиля, если бы в него был введён ключ к тайне тайн. Вот что однако можно

сказать о великом высшем круге, в коем содержится созидательная сила. Молекулы, исходящие из него, распространяются в Космосе словно вспышки огней фейерверка. Оне распространяются волнами, которые составят искры, созидающие живых существ. Вокруг этих основополагающих молекул циркулируют вибрации, каковые образуют центры, созидающие миры. Центры эти постоянно создают всё новые и новые миры.

Каждая созданная система обладает своей собственной жизнью, и сама, в свою очередь, подразделяется на собственные подсистемы. Солнца также излучают волны. У планет своя жизнь, свои трансформации. Сначала формируется газообразная система, затем минеральная, растительная, чтобы в конце концов достигнуть уровня человека. Человек же – мыслящее существо – движим искрою, исходящей из верховного очага, тогда как минеральные и растительные системы создаются рефлексамии вторичного зарождения (генерации).

Такова эволюция материи, приводящая к созданию телесной оболочки, а к этой оболочке адаптируется изначальная вибрация сознания в прямой связи с искрою, полученной свыше. Таким вот образом устанавливается *проекция*.

Вибрации великого Целого не являются особыми для каждого региона, как то обыкновенно считают, но наполняют все участки Вселенной. Оне ощутимы для существ лишь по мере возрастания их чувствительности. Религии, в своих концепциях рая и сфер небесных, дают только символы, образы, тогда как определённно то, что вибрации божественной мысли одухотворяют всю Вселенную.

Не все духи в состоянии проникнуть в вибрационную лазурь, ибо, для того чтобы почувствовать, оценить красоту и величие высшей жизни, необходима достаточно высокая степень совершенства. Каждая планетная система находится на какой-то определённой ступени эволюции, и наступит такой миг, когда развитые существа, живущие на прогрессирующей планете, будут более непосредственно погружены в эту лазурь. Обыкновенные духи в движении своём постоянно соприкасаются с духами светозарными, задевают их, не видя и не замечая этого; но в

некоторых условиях Высшие Духи могут сделаться зримыми для того, чтоб просветить духов менее продвинувшихся.

Когда развивающийся дух может, чрез заслуги свои, войти в связь с высшим миром и получать вибрационный свет из великого очага, он испытывает впечатление силы, энергии, и тотчас же, как только импульс прекращается, остаётся с тем восприятием света, которое соответствует степени его развитости. Свет этот претворяется миллионами вибрационных искр, наделённых способностью лучения непередаваемо-невыразимую для человеческих органов чувств. Вибрационные искры эти обогащают его перисприт...»

* * *

СХСVII. В течение веков наука постоянно вдохновлялась высшими принципами познания, каковые господствовали над нею и ею управляли. Физические явления интересовали её лишь в той мере, в какой они подтверждали эти принципы. Сегодня же наука предпочитает изучать явление само по себе, вполне будничным и материальным образом. И не посредством высоких способностей человека стремится она узнать истину, т.е. не посредством того, что только есть в нас самого благородного: разума, интуиции, суждения, но чрез свидетельство органов чувств, т.е. через то, что есть в нас самого низкого, ибо свидетельство ощущений, как то было доказано столькими открытиями гения человеческого, обманчиво.

* * *

СХСVIII. Друиды допускали к посвящению лишь избранных своих учеников, прошедших длительную интеллектуальную и моральную подготовку. Занятия с ними могли длиться долгие годы, если верить тому, что говорят об этом древние авторы,

утверждающие, между прочим, что подготовка эта включала в себя знание 20000 стихов. И действительно, стихи, благодаря ритму, более легко закрепляются в памяти, меньше прозы поддаются изменениям, искажениям и дольше сохраняют свой истинный смысл, первоначальную свою оригинальность.

Ученики, стало быть, лишь после длительной и тщательной подготовки допускались к участию в священных обрядах, каковые по сути были не чем иным, как общением с Высшими Духами и исполнением их заветов и наставлений. Эти последние передавались народу в форме более конкретной и иногда образной и всегда принимались им с уважением, ибо друид был предметом всеобщего почитания.

Сегодня же всё обстоит по-иному: первый встречный, без всякой подготовки, без какого-либо обучения, без всяких предосторожностей, самонадеянно считает, будто может вступить в общение с существами незримыми, кои его окружают. Никто не боится без проводника, без компаса пуститься в опасное плавание по этому океану неведомо-невидимых сил и окружающей нас жизни. Никому и невдомёк, что целые толпы низших духов парят в атмосфере земной, с которой они связаны своими материальными флюидами. Это они всего охотнее откликаются на праздные призывы людские, дабы поразвлечься, и немногого стоит ожидать от этой стихии, в коей царят самые различные, порою зловердные влияния, равно как и печально известные влияния мистификаторов и одержателей. И отсюда подрыв доверия, который охватывает спиритическую практику, лишённую правила, метода, серьёзности.

Без сомнения, не нужно оставаться безразличным к таинственным призывам, к звукам, стукам, которые часто раздаются по ночам в наших жилищах и каковые порою оказываются залогом крайне необходимого содействия и защиты. Да, мы должны отзываться на приглашения такого рода, ибо они могут исходить от незримых друзей, просящих нас о помощи, либо же быть предварением советов, откровений, наставлений, драгоценных в пору испытаний, в которую мы живём. Но как только мы нашли средство сообщения, приспособленное к нашим психическим возможностям, мы не должны колебаться потребовать от наших

собеседников формальных доказательств, удостоверяющих их личность, и привнести во все наши отношения с миром потусторонним тот требовательный дух контроля и тщательного анализа, который не оставит никакой возможности проделкам духов легкомысленных.

* * *

СХСІХ. Следует ли удивляться тому, что число официальных учёных, допускающих реальность спиритических фактов, весьма невелико? Нет, не следует, если принять во внимание, что в мышлении у большинства из них предвзятость и косность занимают большое место. Но все те, кто сумели от них освободиться, признали в наблюдаемых явлениях вмешательство духов и существование мира незримого. Таковы, в частности, Вильям Крукс, Рассел Уоллес, Фредерик Мейерс, Оливер Лодж, профессора Вильям Баррет, Чезаре Ломброзо и многие другие.

У спиритов-не-учёных есть перед профессиональными учёными одно драгоценное преимущество. Если порою они и лишены технических знаний, то зато им удалось сохранить в целости ту свободу мысли, ту независимость духа и ума, которая столь необходима при толковании такого рода фактов. Ибо факты эти они рассматривают как таковые, такими, *каковы они есть*, а не в бледном свечении предвзятых теорий. Если при этом они испытали какие-то разочарования в своих поисках, то из этих же разочарований и сложился их опыт. Нельзя не признать их заслуги в том, что изначально именно они исследовали те области и стороны жизни, каковые прочими исследователями, ограниченными формулами и теориями, были объявлены несущественными. Тем самым непрофессиональные учёные нашли путь к открытиям, влекущим за собой самую настоящую революцию во всех областях науки и жизни.

* * *

СС. Спиритов нередко попрекают тем, что они придают более значения теории, нежели экспериментальной практике. На официальном Конгрессе по психологии 1900 года один учёный возражал нам: «Спиритизм у вас не наука, а доктрина».

Разумеется, мы всегда рассматриваем факт как основу, самый фундамент Спиритизма. Мы знаем, что наука видит в экспериментировании самое надёжное средство достичь знания причин и законов; но эти последние остаются непонятными, недоступными во многих случаях без теории, которая бы их объясняла и уточняла. Сколько экспериментаторов заблудилось в лабиринте фактов, потерялось в запутанности феноменов и в конце концов отбросило всё в сторону и отказалось от всяких поисков из-за недостатка общего представления о предмете, представления, которое бы связало воедино и объяснило все эти факты. Знаменитый профессор Рише, проэкспериментировав всю свою жизнь, свалил результаты собственных исследований в один пухлый том, так и не придя ни к какому выводу.

Разве, изучая только бесконечно малое, можно было притти к общей концепции Вселенной? Разве одними лабораторными манипуляциями можно было достичь понимания субстанционального единства? Если бы у Ньютона не было предварительной идеи о силе тяготения, то неужели бы он придал какое-то значение падению яблока? Если бы Галилей интуитивно не чувствовал вращение Земли, то разве бы он обратил внимание на колебания бронзового фонаря Пизанского собора? Теория представляется нам неотделимой от опыта, она должна даже предшествовать ему, с тем чтобы вести исследователя, которому опыт послужит только для контроля.

Нас упрекают, будто мы слишком... поспешно делаем выводы! Да уж, воистину. Феномены наблюдаются с первых веков истории, их экспериментально и научно подтверждают в течение уже почти что ста лет, и вот наши выводы оказываются после этого поспешными и преждевременными! Но и через тысячу лет будут ещё отсталые люди, которые сочтут, будто пока что слишком рано делать выводы. Между тем, человечество испытывает настоятельную нужду знать, и нравственная неурядица,

свиристующая в нашу эпоху, вызвана в значительной мере неуверенностью, которая всё ещё витает над насущным вопросом о том, есть ли жизнь после смерти.

Когда, в своей далёкой юности, я однажды увидел в витрине книжного магазина два первых сочинения Аллана Кардека, то я тотчас же приобрёл их и запоем прочитал. Я нашёл в них ясное, полное и логичное решение мировой загадки, и убеждённость моя выковалась. Однако, несмотря на свою молодость, я прежде уже прошёл через необходимость выбора между католической верой и материалистическим скептицизмом, и ни тут, ни там я не отыскал ключа к тайне жизни. Спиритическая теория рассеяла мои сомнения и безразличие. Как и многие другие, я начал искать доказательства точно установленных фактов, которые бы подкрепили мою веру; но фактов этих пришлось долго дожидаться. Поначалу незначительные, противоречивые, перемешанные подлогами и мистификациями, они были далеки от того, чтобы удовлетворить меня, и я бы давным-давно оставил всякие поиски, если бы меня не поддерживали и не направляли солидная теория и возвышенные принципы.

И действительно, кажется, будто Незримое словно желает испытать нас, измерить степень нашей настойчивости, потребовать от нас определённой зрелости ума, прежде чем доверить нам свои тайны. Всякое моральное благо, всякое завоевание души и сердца, видимо, должны быть предваряемы мучительным посвящением. И вот, наконец, феномены пришли, убедительные, неопровержимые, разительные. Это были появления, материализовавшиеся в присутствии многочисленных свидетелей, ощущения которых согласовывались; прямое писание, производившееся при дневном свете, из пустоты, за пределами досягаемости всех присутствовавших, и содержащее предсказания, которые впоследствии сбылись.

Затем стали проявляться Высшие Духи, которые пользовались всеми средствами, бывшими в их распоряжении, сначала столон, далее автоматическим письмом, наконец и в особенности инкорпорацией; последняя есть способ, с помощью которого я беседую со своими духовными водителями как с

обычными людьми. Их сотрудничество было для меня бесценно при редактировании моих сочинений, от них я получал сведения об условиях жизни в мире потустороннем и обо всех проблемах, которые я затрагивал.

Эти духи сообщались чрез посредничество различных медиумов, которые друг друга не знали. Каков бы ни был выбранный ими посредник, говорившие со мною духи всегда являли собой вполне очерченные, индивидуальные характеры, причём некоторые из них отличались необычайно яркой индивидуальностью, с исключительно высоким строем мыслей, психологическими подробностями и доказательствами идентичности, составляющими критерий для самой абсолютной уверенности. Спрашивается, как бы эти медиумы, ничего не знавшие друг о друге, или пусть подсознания их, могли бы сговориться друг с другом, чтобы имитировать и воспроизводить характеры столь различные и всё же всегда тождественные самим себе, и всё это с постоянством и верностью, не нарушаемыми в течение пятидесяти лет? Ибо уже около полувека явления эти развёртываются вокруг меня с математической регулярностью, за исключением нескольких пропусков, например, когда я лишился одного из медиумов и понадобилось некоторое время, чтобы найти ему достойную замену.

В годы войны наши Наставники продолжали проявляться через различных медиумов. И чрез разные организмы личность каждого из них утверждалась своим собственным характером, исключая всякую возможность симуляции. В «Revue Spirite» можно год за годом следовать за содержанием наставлений, которые передавались нам по темам всегда существенным и высоким.

Затем, в преддверии Конгресса 1925 года, сам великий Наставник пришёл заверить нас в своём содействии и просветить нас своими советами. Ещё и сегодня, это он, Аллан Кардек, побуждает нас опубликовать это исследование о кельтском духе и перевоплощении.

* * *

ССІ. Международный спиритический Конгресс, на который съехались тысячи участников, представляющих многочисленные группы и общества, и среди делегатов которого были представители тридцати наций, собрался в Париже в 1925 году, в зале Учёных Обществ. Конгресс работал с 6 по 12 сентября, и им была создана Международная Федерация спиритов и спиритуалистов. Эта федерация, имея своих представителей во всех уголках земного шара, является уже организацией, которая, разившись, со временем сможет стать рычагом, способным перевернуть мир мысли и науки.

Это было внушительное зрелище – видеть, как на трибуну поднимаются люди всех рас и цветов кожи: индусы в тюрбанах, негры, один из которых был доктором права, англичане, выступавшие от имени сотни своих соотечественников-делегатов, американцы с севера и юга, представляющие спиритуалистические ассоциации, насчитывающие сотни тысяч приверженцев, испанцы, греки, румыны и т.д. Все всходили на трибуну, чтобы на разных языках подтвердить единую веру в выживание и бесконечную эволюцию человека, в существование верховной причины, лучезарная мысль которой одушевляет Вселенную. Видные представители науки и литературы, такие как сэр Оливер Лодж, сэр Конан-Дойль, генеральный прокурор Максвелл, присовокупили своё веское слово к страстным речам ораторов. Участниками Конгресса явственно ощущалось, как по залу проносится вдохновляющее дыхание незримых присутствий, и ясновидцы засвидетельствовали появление гигантов духа прошедших времён, кои активно участвовали в свершении великого дела.

* * *

ССІІ. Согласно духовным элементам, которые перевоплощение приносит в наш мир, нравственный уровень его соответственно понижается или повышается. Когда оно приводит на нашу планету большие группы обитателей низших миров, волнения усиливаются и человечество кажется отошедшим назад.

Но благодаря ему же (перевоплощению) в годину испытаний появляются сильные индивидуальности, для того чтобы направить по самым надёжным путям колеблющиеся шаги идущего каравана.

Именно это и происходит в настоящее время в нашей стране. Развитые духи и духи более высокого порядка, преследуя цели возрождения и духовного переустройства, посредством воплощения приходят сюда занять своё место. Это движение, говорят наши незримые наставники, продолжится.

Так что не надо отчаиваться. Мрачные прогнозы, пессимистические идеи, страхи, тревоги происходят от несовершенного понимания жизни, понимания, которому косная, рутинная наука навязывает узкие рамки нашего краткого человеческого века и малой нашей планетки, тогда как в действительности жизнь обладает воистину безграничными, беспредельными ресурсами, ибо развёртывается она на лоне пространств космических, из коих она и вдохновляет, стимулирует, оплодотворяет жизнь земную.

Если наша литература, наша философия, наша политика будут продолжать вдохновляться правилами и теориями узкой, старой науки, если общее представление о жизни как об эволюции и о её законах не проникнет, не напитает, не преобразит душу человеческую, то мало надежды увидеть изменение в нравственном и общественном положении нашей страны и планеты в целом. В особенности же именно представление о жизни, которую мы живём один будто раз, всё перепутало, затемнило и сделало непонятными эволюцию бытия и справедливость Божественную. Если бы жизнь земная была так ограничена, то наши знания, наши достижения и свершения, всё оказалось бы потерянным, как для отдельного человека, так и для всего человечества, тогда как на самом деле чрез воплощение всё увековечивается, всё обновляется. Мы трудимся для всех, и, трудясь для всех, мы трудимся для самих себя. Ничто, таким образом, не теряется, не пропадает, отдельные личности и поколения связаны друг с другом, действуют заодно сквозь века.

* * *

ССIII. Только лишь чрез соединенье возможностей и сил
обоих миров, зримого и незримого, откроется человечеству новая
эра и возникнет цивилизация более высокая и более прекрасная!

* * *

ССIV. «Рождаться, умирать, рождаться вновь и непрестанно
итти вперёд – таков закон», – сказал Аллан Кардек. Благодаря ему,
благодаря спиритической школе мысли, им основанной, вера во
множественность существований души сделалась популярной,
распространилась по всему Западу, где сегодня она насчитывает
миллионы сторонников. Свидетельство самих духов пришло освятить
её нам на правах закона. За исключением отдельных малоразвитых
душ, для которых прошлое всё ещё окутано мраком, все духи в
посланиях, полученных в нашей стране, утверждают множественность
существований и неограниченный прогресс существ.

Земная жизнь, говорят они нам, не более как упражнение,
подготовка к жизни вечной. Жизнь человеческая, сведённая
лишь к одному-единственному существованию в его
призрачной длительности не смогла бы подготовить нас к столь
головокружительной перспективе. Перевоплощения являются
этапами пути, которые проходятся всеми душами в их восхождении.
Это загадочная, окутанная тайной лестница, по которой из
областей мрака – всех этих вещественных миров – мы ступаем в
царство света. Существования наши разворачиваются в веках, они
проходят, сменяют друг друга и обновляются. В каждом из них
мы оставляем частичку того зла, что в нас пребывает. Медленно,
но мы продвигаемся, проникаем всё дальше по священному пути,
пока не приобретём те достоинства, которые откроют нам доступ
в высшие сферы, откуда извечно лучатся Красота, Мудрость,
Истина, Любовь.

* * *

CCV. Присоединим голоса наши к голосам Беспредельности. Всё воспевает, всё восхваляет радость жизни, от атома, мнящегося в луче света, до огромной звезды, плывущей в эфире. Обожанье существ составляет изумительный и чудесный концерт, который наполняет вселенское пространство и восходит к Богу. Это приветствие детей своему Отцу, дань уваженья, возданная созданиями своему Создателю. Вопросайте Природу в великолепии солнечных дней, в спокойствии звёздных ночей. Внимайте великому голосу океанов, шёпотам, поднимающимся из чрева пустынь и глубины лесов, таинственным звукам, возникающим в листве, раздающимся в одиноких ущельях, заполняющим долины и равнины, достигающим небесных высот, наполняющим всю вселенную. Повсюду, сосредоточившись, услышите вы восхитительный гимн, который Земля обращает к Великой Душе. Ещё более величественна молитва миров, строгое и проникновенное пенье, наполняющее вибрацией Беспредельность, и возвышенный смысл коего понятен одним лишь духам.

* * *

CCVI. Помни, что жизнь коротка. За время её сился обрести то, ради чего ты пришёл в этот мир: истинное совершенство. Да сможет духовное существо твоё выйти из мира этого более чистым, нежели оно вошло в него! Берегись ловушек плоти; думай о том, что Земля есть поле битвы, на коем материя и чувства ведут на душу постоянное наступленье. Смело бейся с низкими страстями; бейся умом и сердцем, исправляй недостатки свои, смягчай свой характер, укрепляй волю свою. Поднимися мыслью над земною пошлостью. Открой себе отдушины, устремлённые в светозарное небо.

Помни, что всё материальное – тлен и призрак. Поколенья проходят словно волны морские, встающие одна над другой, рушатся империи, гибнут и сами миры, потухают солнца. Всё проходит, всё исчезает. Но есть среди всего этого три вещи, идущих

от Бога и незыблемых как и Он, три вещи, кои сверкают поверх мельканья человеческих иллюзий, и это – Мудрость, Добродетель, Любовь! Обрети их усилиями своими и, достигнув их, ты поднимешься над тем, что преходяще, переходно, мимолётно, ради того, чтоб наслаждаться тем, что вечно!

1981-82 гг.

Москва – Алабино

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

А л л а н К а р д е к

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО СПИРИТИЗМА

Около 1850 года в Соединённых Штатах Америки внимание многих было обращено на различные странные явления, состоящие в шуме, стуке и движении разных предметов без известной причины. Эти явления повторялись часто, самопроизвольно, с необыкновенною силою и постоянством; но заметили также, что они производились в особенности под влиянием особенных личностей, которых назвали «медиумами» и которые могли некоторым образом вызывать эти явления по своему желанию, что дало повод повторять опыты. Особенно употребляли для этого столы, не потому чтобы эта вещь способствовала более другой таковым опытам, но единственно по той причине, что она подвижная, более удобная и что легче и натуральнее сесть кругом стола, нежели кругом какой-нибудь другой мебели. Таким образом достигли кругообращения стола, потом движения его во все стороны, боковых скачков, опрокидывания, поднимания, сильных ударов и т.д. Вначале это явление было названо «кружащимися» или «пляшущими столами».

До того времени это явление могло объясняться действием электрического или магнетического или особенного неизвестного тока; таково и было первое мнение. Но вскоре заметили в этом явлении действие разумной силы. Движения повиновались воле человека, стол направлялся направо или налево к указываемому месту или лицу, поднимался на одной или на двух ножках, ударял определённое число ударов, бил такт и т.д. С тех пор стало очевидно, что причина не была чисто физическая, и, ссылаясь на аксиому, что «если всякое действие имеет причину, то всякое разумное действие должно иметь разумную же причину», заключили, что причина этого явления должна быть разумная.

Какого рода была эта разумная причина? Вот в чём состоял вопрос. Первая мысль была та, что это могло быть отражением разумной силы медиума или присутствующих, но опыт вскоре

доказал невозможность такого предположения, потому что получили результаты совершенно чуждые мыслям и сведениям присутствующих лиц и даже противоречащие их понятиям, их воле и желаниям; следовательно, они могли принадлежать только незримому существу. Средство удостовериться в этом было очень простое: надлежало вступить в разговор с этим существом, что и сделали посредством некоторого числа условных ударов, значащих «да» и «нет» или означающих буквы азбуки, и таким образом получили ответы на различные заданные вопросы. Эти явления были названы «говорящими столами». Все существа, сообщившиеся таким образом и спрошенные об их естестве, объявили, что они духи и принадлежат к незримому миру. Так как подобные действия совершались во многих местностях через посредство различных лиц и обратили на себя внимание людей весьма серьёзных и просвещённых, то и невозможно допустить, чтоб это было всего лишь игрой воображения.

Из Америки это явление перешло во Францию и в другие страны Европы, где в продолжение нескольких лет кружащиеся и говорящие столы были в моде и сделались забавою гостиних; затем они надоели и их оставили, чтобы заняться другими развлечениями.

В непродолжительном времени явление представилось в другом виде, что и вывело его из области простого любопытства. Пределы этого краткого описания не позволяют нам следить за ним во всех его фазах; мы прямо переходим к тому, что оно представляет более отличительного и что в особенности обратило внимание серьёзных людей.

Предварительно скажем мимоходом, что действительность явления встретила многих противников; одни, не обращая внимания на бескорыстие и достоинство испытателей, видели в нём только фиглярство. Люди, не признающие ничего вне материи, верующие только в видимый мир, думающие, что всё умирает вместе с телом, одним словом, матерьялисты, выдающие себя за «вольнодумцев», поставили существование невидимых духов в ряд нелепых басней; они назвали сумасшедшими принимающих это дело серьёзно и осыпали их язвительными насмешками.

Другие, не будучи в состоянии опровергнуть факты и находясь под влиянием особенного рода понятий, приписывали эти явления исключительному влиянию дьявола, чем и старались испугать боязливых. Но в настоящее время дьявола никто не боится; о нём говорят так много и в таких различных видах его представляли, что освоились с этою мыслию и многие захотели воспользоваться случаем видеть, каков он есть на самом деле. Следствием было, что, исключая немногих боязливых женщин, объявление о появлении настоящего дьявола имело что-то увлекательное для всех тех, которые его видели прежде только на картинках или на театральной сцене; для многих оно было сильным возбуждением, так что желающие этим средством заградить путь новым идеям поступили против своей цели и сделались помимо своей воли пропагандистами тем действительнейшими, чем сильнее против них восставали. Другие критики не более имели успеха, потому что против доказанных фактов и точных рассуждений они не могли противопоставить ничего более, как только одно отрицание. Читайте их издания об этом предмете – везде вы найдёте доказательство их незнания и несерьёзного исследования дела и нигде не встретите решительного доказательства его невозможности. Вот их доводы: «Я не верю, и, следовательно, это не существует; все верующие сумасшедшие; мы одни имеем привилегию разума и здравого смысла». Невозможно исчислить адептов, приобретённых серьёзною или шутовскою критикою, потому что везде находят одно только личное мнение, без доказательств противного. Будем продолжать наше изложение.

Сообщения посредством ударений были медленные и неполные; узнали, что подвижные вещи, как, например, корзинка, дощечка, к которым приделывали карандаш и на которые клали пальцы, двигались и чертили буквы. Впоследствии увидели, что эти вещи были только такие принадлежности, без которых можно было обойтись; опыт доказал, что дух, действуя на бездушный предмет и управляя им по своей воле, мог равно действовать на руку и водить карандаш. Тогда оказались пишущие медиумы, т.е. лица, которые писали невольно, под влиянием духов, и делались таким образом их орудиями и переводчиками. С тех пор сообщениям не

было более пределов и обмен мыслей мог совершаться с такою же быстротою и развитием, как между живыми людьми. Явилось обширное поле для исследования, открытие нового мира – мира невидимых, незримых существ, подобно тому как посредством микроскопа открыли мир существ бесконечно малых.

Что такое эти духи? Какую роль играют они во Вселенной? С какою целью сообщаются смертным? Таковы были первые вопросы, которые надлежало разрешить. Вскоре узнали от этих же духов, что они не отдельные существа Творения, но собственные души живших на Земле или в других мирах; что эти души, оставив свою телесную оболочку, витают в пространстве. Невозможно было более сомневаться, когда между ними узнали своих родственников и друзей, с которыми могли разговаривать; когда они сами привели доказательства своего существования, указали, что умерло в них только тело, что жива их душа, или дух, что они здесь, возле нас, видят нас и наблюдают за нами во время своей жизни, окружая попечениями тех, которых любили и воспоминание которых доставляет им сладчайшее утешение.

Вообще имеют совершенно ложное понятие о духах; они существа не отвлечённые, не неопределённые, как многие себе воображают, представляя их чем-то вроде слабого света или искры; напротив, они действительные существа, имеющие свою личность или определённый образ. Об этом можно сделать себе приблизительное понятие чрез следующее изъяснение.

Есть в человеке три существенные вещи: во-первых, душа, или дух, т.е. разумное начало, в котором находится мысль, воля и нравственное чувство; во-вторых, тело, или вещественная оболочка, тяжёлая и грубая, посредством которой дух входит в соотношение с внешним миром; в-третьих, периспирит, флюидическая, эфирная, легчайшая оболочка, служащая связующим звеном и посредником между духом и телом. Когда внешняя оболочка ветшает и не может более действовать, она распадается и дух сбрасывает её, как плод сбрасывает шелуху, дерево свою кору, одним словом, как оставляют старое платье, негодное для употребления; это называют «смертью». Итак, смерть есть уничтожение грубой оболочки духа: одно только тело умирает, дух же никогда. Во время земной

жизни дух, так сказать, сжат узами соединённого с ним вещества, делающего часто недействительными его способности; смерть тела избавляет его от этих уз; он освобождается и приобретает свою свободу, как бабочка, выходя из своей куколки; но он оставляет только вещественное тело и сохраняет перисприт, составляющий для него род эфирного тела, воздушного, невесомого для нас, имеющего форму человеческого и, как кажется, первообразного тела. В нормальном состоянии перисприт невидим, но дух может подчинить его некоторого рода изменениям, делающим его временно доступным зрению и даже осязанию, как это бывает со сгущённым паром; таким образом духи могут иногда нам показаться в своих появлениях. Посредством перисприта дух действует на бездушное вещество и производит различные явления, как то: шум, движение, письмо и т.д.

Стучание и движение служат для духов средствами к засвидетельствованию их присутствия и к обращению на них внимания точно так же, как стучатся в дверь, чтобы уведомить, что к вам идут. Некоторые духи не довольствуются умеренным стуком, а поднимают шум вроде того, как будто бы разбивается посуда, отпираются и запираются двери или опрокидывается мебель.

Посредством условных ударов и движений они могут выражать свои мысли, но письмо представляется им к тому самым лучшим, самым скорым и самым удобным средством, потому они его и предпочитают. По той же самой причине, по которой они могут заставить писать слова, они могут также править рукой, чтобы рисовать, писать музыкальные ноты, играть на инструменте; короче говоря, за неимением собственного тела они употребляют тело медиума, чтобы явиться людям чувственным образом. Духи могут являться ещё многими другими способами. Некоторые личности, названные слышащими медиумами, имеют способность их слышать и таким образом могут разговаривать с ними; другие их видят – это видящие медиумы. Духи, являющиеся зрению, представляются вообще в образе подобном тому, который они имели во время своей жизни, но туманном; иногда этот образ имеет наружный вид живого существа, так что нередко их принимали за живых и могли с ними говорить и жать им руки, не подозревая, что

видели перед собою духов, и узнавали их только по их внезапному исчезновению.

Способность видеть духов вообще и постоянно есть способность очень редкая, но отдельные явления случаются довольно часто, особенно во время смерти; освобождённый дух, кажется, как будто спешит увидеть своих родных и друзей, уведомить их, что он оставил землю, и сказать им, что он жив. Пусть всякий призовёт свои воспоминания – и увидит, сколько подобного рода подлинных случаев бывало с ним, не только ночью во время сна, но и среди бела дня, при полном бодрствовании, и в которых он не мог отдать себе ясного отчёта. Прежде смотрели на эти случаи как на нечто сверхъестественное и чудесное и приписывали их чародейству и колдовству; ныне неверующие относят их к воображению; но с тех пор, как спиритическая наука даёт ключ к таким явлениям, знают, каким образом они производятся и что они не выходят из разряда естественных явлений.

Думают ещё, что духи потому только, что они духи, должны иметь высочайшее знание, высочайшую мудрость: опыт не замедлил доказать, что это заблуждение. Между получаемыми от духов сообщениями некоторые бывают преисполнены глубокомыслия, высокого красноречия, мудрости, нравственности и дышат добротою и благосклонностью; напротив того, другие весьма обыкновенны, легкомысленны, даже грубы и выказывают самое жалкое состояние ума. Так, очевидно, что они не могут проистекать из одного и того же источника и что, если есть добрые духи, то есть также и злые. Естественнo, что духи, будучи душами людей, не могут сделаться совершенными тотчас после оставления тела, и что до тех пор, покуда они не сделают успехов, они сохраняют несовершенства телесной жизни, почему мы и видим духов различных степеней доброты и злобы, знания и невежества.

Вообще духи сообщаются с удовольствием и им приятно видеть, что их не забыли; они описывают охотно свои впечатления при оставлении земли, своё новое положение, свои радости или страдания в мире, где они находятся: одни очень счастливы, другие несчастны, некоторые претерпевают даже ужасные мученья, смотря по тому, какую они вели жизнь и какое сделали из неё употребление,

хорошее или дурное, полезное или бесполезное. Наблюдая за ними во всех фазах их нового существования, смотря по бывшему их положению на Земле, роду их смерти, их прежнему нраву и их человеческим привычкам, приходим к познанию невидимого мира, ежели не совершенному, то, по крайней мере, довольно точному, чтобы знать наше будущее состояние и предугадывать счастливую или несчастливую судьбу, нас ожидающую.

Наставления, данные духами высшего ранга касательно предметов, относящихся к человечеству, их ответы на заданные им вопросы, собранные и старательно приведённые в порядок, составляют целое нравственное и философическое учение под названием Спиритизма. Следовательно, Спиритизм есть учение, основывающееся на существовании, проявлении и наставлениях духов. Философическая часть этого учения вполне изложена в «Книге Духов», часть практическая и опытная – в «Книге Медиумов».

Как мы уже видели, Спиритизм возымел своё начало от простого явления – кружащихся столов; но как такие явления занимали более глаза, нежели разум, и возбуждали более любопытства, нежели чувства, то, удовлетворив любопытству, они перестали обращать на себя внимание, тем более что их не понимали. Но иное было следствие, когда теория объяснила причину; особенно когда увидели, что из этих вертящихся столов, которыми несколько времени забавлялись, выходило целое нравственное учение, говорящее душе, рассеивающее томительные сомнения, удовлетворяющее всем стремлениям, оставленным в неопределённости от неполного учения о будущности человечества. Люди серьёзные приняли новое учение как благодеяние, и с тех пор оно не только не ослабевало, но распространяется с невероятною быстротою; в продолжение трёх или четырёх лет оно привлекло на свою сторону во всех частях мира бесчисленное множество приверженцев, в особенности людей просвещённых, число которых умножается в чрезвычайной прогрессии, так что ныне можно сказать, что Спиритизм приобрёл право гражданства; он опирается на такие твёрдые основания, что может отразить все нападки своих противников, силящихся

из собственных видов его опровергнуть; это доказывается тем, что их нападения и критика не приостанавливают ни на минуту его распространения: это есть событие, подтверждённое опытом, которого противники Спиритизма никогда не могли объяснить; спириты отвечают просто, что, если он распространяется несмотря на критику, это значит, что его находят хорошим и что его доводы предпочитают доводам его противников.

Однако же Спиритизм – не новое открытие; факты и начало, на которых он основывается, теряются в глубокой древности, ибо мы находим его следы в верованиях всех народов, во всех религиях, у многих духовных и светских писателей; но события за недостатком исследования часто были объяснены по суеверным понятиям невежества, и из них не вывели всех должных заключений. В самом деле, Спиритизм основан на существовании духов; но так как духи суть не что иное, как души людей, следовательно, с тех пор, как есть люди, есть и духи, Спиритизм не открыл и не выдумал их. Если души или духи могут являться людям, значит, что это в порядке вещей, и, следовательно, они должны были являться всегда: потому-то всегда и везде мы находим доказательства таковых проявлений, в особенности в библейских повествованиях. Новейшему времени принадлежит только логическое изъяснение событий, полнейшее знание естества духов, их назначения, образа их действий, открытие нашего будущего состояния, наконец, обращение Спиритизма и его различных применений в науку и учение. Древние знали начало, в настоящее время знают подробности. В древности изучение этих явлений было привилегией известных каст, которые их открывали только посвящённым в их таинства; в средние века на занимающихся ими открыто смотрели как на колдунов и жгли их; но ныне нет тайны ни для кого и более никого не жгут; всё делается среди бела дня, и всякий может, по желанию, просветиться этим учением и упражняться в нём, ибо медиумы находятся везде.

Самое учение, преподаваемое ныне духами, не имеет ничего нового; мы его находим отрывками у многих философов индийских, египетских и греческих, и во всей полноте – в учении Христа. Какая же польза от Спиритизма? Он подтверждает новым

свидетельством и доказывает фактами истины, не признанные или дурно понятые, восстанавливая ложно растолкованный их истинный смысл.

Спиритизм ничему новому не учит, это правда; но разве мало доказать явным и неопровержимым образом существование души, переживающей тело, её индивидуальность после смерти, её бессмертие, наказания и награды в будущем? Сколько людей веруют в это, но веруют неопределённою затаённою мыслью сомнения и думают в глубине души: «Однако же, если это неправда?» Сколько людей было доведено до неверия потому только, что будущая жизнь была представлена им в таком образе, которого их разум не мог принять за истинный. Разве этого мало, что колеблющийся верующий может сказать: «Теперь я уверен!», или когда слепой опять увидит свет? Фактами и своею логикой Спиритизм рассеивает душевное беспокойство сомнения и приводит к вере оставивших её; он открывает нам существование незримого мира, нас окружающего и посреди которого мы живём, того не подозревая. Он нас учит примером тех, которые жили, узнавать условия нашего будущего счастья или несчастья; изъясняет причину наших земных страданий и даёт нам средство к их облегчению. Его распространение будет иметь неизбежным следствием уничтожение матерьялистского учения, не могущего устоять против очевидности. Человек, уверенный в величии и важности своего будущего существования в вечности, сравнивает его с непостоянством земной жизни, столь короткой, и мысленно возвышается над ничтожными суетностями человеческими; зная причину и цель этих ничтожностей, он их переносит с терпением и безропотно, ибо понимает, что оне служат ему средством к достижению лучшего состояния. Пример приходящих из-за гроба, для того чтобы сообщить нам свои радости и страдания, доказывает действительность будущей жизни и вместе с тем и правосудие Божие, не оставляющее ни одного порока без наказания и ни одной добродетели без награды. Прибавим, наконец, что сообщения с утраченными нами любимыми существами доставляют сладчайшее утешение и доказывают, что они не только существуют, но менее с

нами разлучены, как если б они находились в живых, но в чужом краю.

Наконец, Спиритизм улаживает горечь житейских скорбей, укрощает отчаяние и волнение души, уничтожает сомнение и страх перед будущим, останавливает мысль о сокращении жизни самоубийством и, следовательно, делает счастливыми тех, которые убеждены в его истинах. Вот в чём заключается великая тайна его распространения.

С религиозной точки зрения Спиритизм основывается на фундаментальных истинах всех религий: на существовании Бога, существовании души, на бессмертии, награде и наказании в будущем; но он не имеет никакого особенного богослужения. Его цель – доказать неверующим или сомневающимся, что душа существует, что она переживает тело, что после смерти она подвергается последствиям добра и зла, совершённых ею во время телесной жизни; эти истины находятся и во всех религиях. Как верование в духов, Спиритизм принадлежит равно всем религиям и всем народам, потому что везде, где есть люди, есть и души (или духи), потому что проявления их были всегда и потому что рассказы о них находятся во всех религиях без исключения. Итак, можно быть греческим ортодоксом или римским католиком, протестантом, иудеем или мусульманином и верить в проявление духов, следовательно, быть и спиритом; что доказывается тем, что Спиритизм имеет единомышленников во всех сектах. Как учение нравственное, Спиритизм – учение существенно христианское, ибо он есть развитие и применение учения Христа, учения чистейшего, превосходство которого никем не оспаривается; очевидное доказательство, что учение это есть закон Божий; нравственность же его доступна всем.

Спиритизм, будучи независим от всякого образа богослужения, ни одного не предписывая и не занимаясь особенными догмами, не есть особенная религия, ибо он не имеет ни своих священников, ни своих храмов. Вопрошающим его, хорошо ли они делают, что придерживаются таких-то обрядов, он отвечает: «Если вы думаете, что ваша совесть того требует, исполняйте их: Бог всегда воздаёт за намерение». Одним словом, он никому не налагает себя насильно;

он не обращается к верующим, довольствующимся своею верою, но к большому числу сомневающих и неверующих; он их не отнимает у Церкви, ибо они нравственно отделились от неё во всём или отчасти; он заставляет их пройти три четверти пути, чтобы опять вступить в неё; ей остаётся исполнить только остальное.

Правда, Спиритизм опровергает некоторые верования, как, например, вечность наказаний, вещественный огонь адский, личность дьявола и т.п.; но не известно ли, что эти верования, будучи доведены до крайности, рождали и всегда рожают неверующих? Если Спиритизм, рационально объясняя эти и некоторые другие догмы, возвращает к вере оставивших её, не делает ли он услуги религии? По этому случаю один достопочтенный священник сказал: «Спиритизм заставляет верить чему-нибудь; лучше верить чему-нибудь, нежели ничему не верить».

Так как духи суть души, следовательно, нельзя отрицать духов, не отрицая души. Признав такой вывод, встречаем самый простой вопрос: «Души умерших могут ли сообщаться живым?» Спиритизм подтверждает это вещественными фактами; какое же можно привести доказательство, что это невозможно? Если это существует, все возможные отрицания не помешают, чтобы оно было, потому что это не есть ни система, ни теория, но закон Природы; а против законов Природы воля человека бессильна; волей или неволей надобно признать их и сообразовать с ними свои верования и привычки.

1864г.

А л л а н К а р д е к

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ УЧЕНИЯ ДУХОВ

1. Бог есть всевысочайшая премудрость, первая причина всего существующего. Бог предвечен, един, невеществен, непреложен, всемогущ, правосуден и благ. Совершенства Его должны быть беспредельные; предположить в Нём хотя малейшее несовершенство невозможно: Он не был бы тогда Богом.

2. Бог сотворил вещество, составляющее миры; Он сотворил также и разумные существа, называемые нами духами; им поручено управлять вещественными мирами по неизменным законам творения, и они по своей природе способны к усовершенствованию, которое приближает их к Божеству.

3. Дух в собственном смысле есть разумное начало; его внутреннее естество нам неизвестно; для нас он невеществен, потому что не имеет никакого сходства с тем, что мы называем веществом.

4. Духи есть индивидуальные существа, имеющие эфирную оболочку — невесомую, называющуюся периспритом, род газообразного тела, первообраз формы человека. Они населяют космическое пространство, носятся в нём с быстротою молнии и составляют невидимый мир.

5. Начало и образ сотворения духов нам неизвестны; мы знаем только, что они сотворены простодушными и несведущими, т.е. без знания добра и зла, но с равною для этого способностью, ибо правосудный, справедливый Бог не мог бы освободить одних от труда, возложив его на других, чтобы те доходили до совершенства. Вначале они находятся как бы в детстве, без собственной воли и без полного сознания своего существования.

6. Так как свободная воля духов развивается одновременно с понятием, то Бог сказал им: «Все вы можете достигнуть высочайшего блаженства, когда приобретёте познания, вам недостающие, и исполните труд, Мною на вас возложенный. Трудитесь, чтобы успеть — вот ваша цель; вы её достигнете,

соблюдая законы, запечатлённые Мною в вашей совести». Одарённые свободною волей, одни избирают самый короткий путь, т.е. путь добра, другие – самый долгий, т.е. путь зла.

7. Бог не сотворил зла; Он установил законы, и эти законы всегда исполнены благодати, ибо Он благ; исполняя их в точности, можно быть совершенно счастливым, но духи, имея свободу воли, не всегда их соблюдают, и зло было следствием их неповиновения. И так можно сказать, что всё, что согласно с законом Божиим, есть добро, а зло – всё то, что противно этому закону.

8. Духи, как орудия Божественного всемогущества, принимают на время вещественную оболочку, чтобы участвовать в великом деле вещественных миров. Упражняя себя в труде, которого требует их телесное существование, они усвершенствуют свои умственные способности и, исполняя таким образом закон Божественный, приобретают достоинства, долженствующие довести их до вечного счастья.

9. В своём начале воплощение не было возложено на духа как наказание или искупление: оно необходимо для его развития и для исполнения Божественных предначертаний, все должны ему подвергнуться, каков бы ни был путь, ими избранный, путь добра или зла; разница лишь в том, что идущие по доброму пути продвигаются скорее и при условиях менее трудных скорее достигают цели.

10. Воплощённые духи составляют человечество, населяющее не одну только нашу планету, но и все миры, рассеянные в пространстве.

11. Душа человека есть воплощённый дух. Чтобы содействовать ему в исполнении его урока, Бог покорил человеческой власти животных, которых инстинкт и нравы приспособлены к его нуждам.

12. Дух достигает усовершенствования собственным своим трудом; не будучи в состоянии в продолжение одного телесного существования приобрести все нравственные и умственные качества, должны довести его до цели, он их приобретает через последовательность существований и во время каждого из них делает несколько шагов вперёд на пути успеха.

13. Во всяком телесном существовании дух должен исполнить урок, соразмерный с его развитием; чем он труднее, тем более оценивается. Таким образом, каждое новое существование есть новое испытание, приближающее его к цели. Число этих существований не определено. От воли духа зависит сократить их, усиленно трудясь над нравственным своим усовершенствованием; точно так, как зависит от воли работника и его прилежания, сократить число дней, потребных для окончания его работы.

14. Когда существование было проведено дурно, оно остаётся без пользы для духа, принуждённого начать его снова при условиях более или менее трудных по мере его нерадивости или дурной воли; так же точно бывает в жизни: можно быть принуждённым исполнить на другой день то, чего не сделали накануне.

15. Жизнь духовная есть нормальная жизнь духа: она вечна; жизнь телесная скоротечна и кратковременна; она одно мгновение вечности.

16. В промежутке времени между этими телесными существованиями дух скитается. Продолжительность скитания не имеет определённого времени; в этом состоянии дух бывает счастлив или несчастен, смотря по хорошему или дурному употреблению его последнего существования; он изучает причины, ускорившие или замедлившие его успех, и решается предпринять для будущего своего существования такие испытания, которые, по его мнению, могут более других содействовать его преуспеянию; но иногда он ошибается или падает, не исполнив как человек того, на что он решился как дух.

17. Грешный дух наказан в мире духов нравственными страданиями, а в телесной жизни физическими мучениями. Его скорби суть последствия его погрешительности, т.е. нарушения закона Божьего; так что оне служат вместе очищением прошедшего и испытанием для будущего: таким образом человек гордый может подвергаться существованию унижения, тиран сделаться рабом, а дурной богач – нищим.

18. Есть миры, приспособленные к различным степеням преуспеяния духов и где условия телесного их существования бывают различны. Дух, менее успевший, принимает тело грубее и

вещественнее, но по мере своего очищения он переходит в миры нравственно и физически высшие. Земля не первый и не последний из них, но этот мир один из самых отсталых.

19. Духи грешные воплощаются в мирах менее успешных, где и очищаются от своих погрешностей через скорби вещественной жизни. Эти миры для них истинные чистилища, но в их власти от них освободиться старанием о нравственном своём усовершенствовании. Земля есть один из этих миров.

20. Бог, будучи правосуден и благ, не осуждает тварей Своих на вечные наказания за временные их погрешности; Он предоставляет им во всякое время средство к преуспению и исправлению зла, которое оне могли сделать. Бог прощает, но требует раскаяния, исправления и возвращения к добру; так что продолжение наказания соразмеряется с устойчивостью духа во зле; следовательно, кара была бы вечная для того, кто бы вечно оставался на дурном пути; но лишь только слабый свет раскаяния озарит сердце грешника, Бог простирает к нему Своё милосердие. Итак, вечность мук должно понимать в относительном, а не в безусловном смысле.

21. При воплощении своём духи приносят с собою всё приобретённое ими в своих предыдущих существованиях; вот причина, по которой люди имеют инстинктивно особенные способности, хорошие или дурные склонности, кажушиеся врождёнными. Дурные природные склонности суть остатки несовершенств духа, который от них не совсем ещё освободился: это признаки прежних его недостатков и «первородный грех» в истинном его смысле. При всяком существовании он должен очищаться от некоторых из своих несовершенств.

22. Забвение прежних существований есть благодеяние Божие. Бог, по своей благодати, пожелал избавить человека от воспоминаний, всего чаще неприятных. Во всяком новом существовании человек бывает тем, чем он сам себя сделал: это есть новое для него начало, он знает свои настоящие недостатки; знает, что они следствия прежних; из чего он может заключить, что именно он сделал худого, и этого ему достаточно, чтобы с пользою трудиться для своего исправления. Если он имел некогда

недостатки, которых он ныне не имеет, нет ему более надобности ими заниматься, довольно с него и настоящих.

23. Если предположить, что душа не жила прежде, следовательно, она сотворена вместе с телом; по этому предположению, она не может иметь никакого отношения с теми, которые ей предшествовали. Спрашивается теперь, каким образом Бог, при Своем правосудии и благодати, мог возложить на неё ответственность за вину отца рода человеческого, наказывая за первородный грех, ею не совершённый? Говоря, напротив, что, возрождаясь, она приносит с собою зародыш несовершенств своих прежних существований; что в нынешнем существовании она подвергается следствиям прежних погрешностей, можно логически изъяснить первородный грех тем, что всякий может понять и признать, ибо душа отвечает только за свои собственные дела.

24. Разнообразие врождённых способностей, как нравственных, так и умственных, доказывает, что душа жила прежде; если бы она была сотворена вместе с настоящим телом, это не было бы согласно с благодатью Творца, которому не свойственно сделать одних более успешными, чем других. Отчего люди бывают дикие и просвещённые, добрые и злые, глупые и умные? Всё изъясняется тем, что одни жили более других и более приобрели.

25. Если бы настоящее существование было единственным и долженствовало решить навеки будущую судьбу души, какая была бы судьба умирающих младенцев? Не сделав ни добра, ни зла, они не заслуживают ни награды, ни наказания. Если, по словам Христа, каждый будет вознаграждаем по мере дел своих, то они, не имея права на совершенное счастье ангелов, не заслужили также и того, чтобы быть его лишёнными. Скажите же, что они могут в другом существовании исполнить то, чего не могли сделать в нынешнем, которое было для них сокращено, и тогда не будет более исключений.

26. По этой же причине, какая была бы судьба кретинов и слабоумных? Не имея никакого сознания добра и зла, они не имеют и никакой ответственности за свои дела. Бог был ли бы справедлив и благ, сотворив безумные души для того только, чтобы

их осудить на жизнь бедственную и без всякого вознаграждения? Признайте же, напротив, что душа кретина и слабоумного есть дух, находящийся под наказанием в теле, неспособном передать его мысль, в котором он как силач, связанный цепями, и тогда всё будет сообразно с Божьею справедливостью.

27. В этих последовательных воплощениях дух, очистившись мало-помалу от своих пороков и усовершенствовавшись через труд, достигает конца своих телесных существований; тогда он причисляется к рангу чистых духов или ангелов и награждается вечным созерцанием Бога и полным блаженством.

28. Пока люди находятся на Земле для своего очищения Бог, как добрый отец, не оставил их одних без путеводителей. Прежде всего, они имеют своих духов-покровителей, или ангелов-хранителей, наблюдающих за ними и старающихся направить их на добрый путь; сверх того, им посылаются духи, которым даётся особенное поручение на Земле, духи высшего достоинства, воплощающиеся время от времени между ними, чтобы осветить им дорогу своими трудами и подвинуть вперёд человечество. Хотя Бог запечатлел Свой закон в совести людей, Он, однако, пожелал выразить его ещё яснее. Поначалу Он им послал Моисея; но законы Моисея были приноровлены к людям его времени; он им говорил только о земной жизни, о наказаниях и наградах мирских. Потом явился Христос, чтобы дополнить закон Моисея учением более высоким: о многих существованиях,* духовной жизни, наказаниях и наградах нравственных. Моисей вёл их страхом. Христос любовью и благостью.

29. Спиритизм, ныне лучше понятый, присовокупляет для неверующих очевидность к теории; он доказывает будущую жизнь явными фактами; он говорит понятно и без двусмыслия о том, о чём Христос говорил притчами; он изъясняет непризнанные или ложно истолкованные истины; он открывает существование невидимого

* См. «Евангелие от Матфея», глава XVI, ст. 10 и след.; «Евангелие от Иоанна», глава III, ст. 3 и след. (А.К.) Следует учесть, что в русском (синодальном) переводе это место искажено и смысл его затемнён. Вместо слов «родиться свыше» должно читать «родиться вновь» – и тогда всё встаёт на свои места. (Й.Р.)

мира, или мира духов, и посвящает человека в таинства грядущей жизни; он опровергает материализм как возмущение против всемогущества Божьего; наконец он устанавливает между людьми царство любви и взаимной обязанности – царство, завещанное Христом. Моисей вспахал, Христос посеял, Спиритизм пожинает.

30. Спиритизм не есть свет новый, но свет, более воздействующий на чувства, ибо со всех концов Земли слышится голос тех, которые жили. Делая неясное очевидным, он уничтожает ложные толкования и должен соединить людей в одном веровании, ибо есть только один Бог, и Его законы для всех одни; наконец он обозначает эру времени, предвозвещенного Христом и пророками.

31. Причина зла, сокрушающего людей на Земле, есть гордыня, себялюбие и все дурные страсти. Чрез столкновение своих пороков люди делаются взаимно несчастными и наказываются друг другом. Когда любовь к ближнему и смирение заменят себялюбие и гордыню, тогда люди не будут стараться вредить друг другу; они будут уважать право каждого, и тогда будет царствовать между ними согласие и справедливость.

32. Но каким образом уничтожить себялюбие и гордыню, кажущиеся врождёнными в сердце человека? Себялюбие и гордыня находятся в сердце человека потому, что люди суть духи, вставшие с начала на дурной путь и сосланные для наказания на Землю, это их первородный грех, от которого многие ещё не освободились. Чрез Спиритизм Бог делает последний призыв к исполнению закона, преподаваемого Христом; закона любви и милосердия.

33. Так как Земля достигла определённого времени, в которое она должна сделаться жилищем счастья и мира, то Бог не желает, чтобы воплощённые дурные души продолжали возмущать её и вредили добрым; и так злые должны исчезнуть. Они пойдут очищаться от своих беззаконий в миры менее успевающие, где для своего усовершенствования будут снова трудиться во многих существованиях, ещё более несчастных и трудных, чем на Земле. В этих мирах они составят новое поколение, более просвещённое. Их наказание будет состоять в том, чтобы содействовать посредством приобретённых ими сведений успеху отсталых существ, на них живущих. Они перейдут в лучший мир тогда только, когда этого

заслужат, и таким образом будут подвигаться вперёд, покуда не достигнут совершенного очищения. Если Земля была для них чистилищем, эти миры будут их адом, из которого, однако же, надежда не навсегда изгнана.

34. Между тем как осуждённое на изгнание поколение будет быстро исчезать, явится новое, верования которого будут основаны на христианском спиритизме. Мы присутствуем при этой перемене, предвещающей нравственное возрождение, на приближение которого указывается Спиритизмом.

1864г.

ПРАВИЛА, ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ УЧЕНИЯ ДУХОВ

1. Главная цель Спиритизма состоит в улучшении людей. Должно искать в нём только того, что может способствовать нравственному и умственному их успеху.

2. Истинный спирит не есть тот, который верит в проявления духов, но тот, который пользуется их учением. Ворование ни к чему не служит, если оно не заставляет подвигаться вперёд на пути успеха и не делает нас лучшими в отношении к ближним.

3. Себялюбие, гордыня, суетность, честолюбие, алчность, ненависть, зависть, ревность, злословие суть душевные язвы, излечивающиеся только любовью к ближнему и смирением.

4. Ворование в Спиритизм приносит пользу только тому, про которого можно сказать: «Сегодня он лучше, чем был вчера».

5. Важность, придаваемая благам мира сего, находится в обратном отношении к верованию в духовную жизнь; сомнение в своей будущности заставляет человека искать наслаждений в здешнем мире, удовлетворяя его страстям, часто со вредом для своего ближнего и всегда со вредом для себя.

6. Скорби земные суть лекарства для души; оне её спасают для будущей жизни, как мучительная хирургическая операция спасает жизнь больного и возвращает ему здоровье. Почему Христос сказал: «Блаженны скорбящие, ибо утешены будут».

7. При ваших скорбях смотрите не на тех, которые кажутся вам счастливее вас, но на тех, которые ещё более вас страдают.

8. Отчаяние естественно для того, кто думает, что всё кончается с жизнью тела; но бессмысленно для того, кто верует в жизнь будущую.

9. Человек часто бывает виновником своего несчастья на Земле; пусть он отыщет источник своего злополучия и тогда увидит, что оно не что иное, как следствие его непредусмотрительности, гордыни и алчности и, следовательно, нарушения им закона Божия.

10. Молитва есть действие Богопочтения. Молиться Богу значит думать о Нём, приближаться к Нему, войти в сообщение с Ним.

11. Кто молится с усердием и упованием, тот становится сильнее против искушений зла, и Бог посылает ему на помощь добрых духов. В этой помощи никогда не отказывается, когда о ней искренно просят.

12. Действительно полезно не много молиться, но хорошо молиться. Некоторые думают, что всё достоинство состоит в долгой молитве, между тем как закрывают глаза перед своими недостатками. Для них молитва служит занятием, а не изучением самого себя.

13. Испрашивающий у Бога прощения в своих прегрешениях получает его, только переменив своё поведение. Хорошие поступки – самая лучшая молитва, ибо дела ценятся больше, нежели слова.

14. Все добрые духи советуют молиться. Духи несовершенные просят молитвы как средства для облегчения их страданий.

15. Молитва не может переменить определения Промысла; но страждущие духи, видя, что ими занимаются, чувствуют себя не совсем оставленными и не столь несчастными; она одушевляет их мужество, возбуждает в них желание раскаяния и исправления себя и может их отвлечь от злых мыслей. В этом-то смысле она может не только облегчить, но и сократить их страдания.

16. Пускай всякий молится по своим убеждениям и таким образом, как ему кажется приличнее, ибо образ ничто, а мысль всё; искренность и чистота намерений – вот главное, одна добрая мысль стоит дороже множества слов, похожих на шум мельницы и в которых сердце не принимает участия.

17. По воле Божией люди, силу и власть имеющие, должны быть защитниками слабых; сильный, угнетающий слабого, проклят Богом: часто он бывает наказан в этой жизни, не в зачёт будущей.

18. Богатство есть вклад, от которого владелец пользуется только процентами; за тем, что он не уносит его с собою в гроб, он отдаёт строгий отчёт в сделанном им употреблении.

19. Испытание богатством опаснее испытания бедностью, потому что оно представляет более искушений к употреблению

во зло благ земных. Гораздо труднее быть умеренным, нежели смириться пред волей Божьей.

20. Торжествующий честолюбец и утопающий в вещественных наслаждениях богач более достойны сожаления, чем зависти, ибо не следует забывать конца, их ожидающего. Спиритизм ужасным примером тех, которые жили и которые являются нам, чтобы открыть пред нами свою судьбу, выказывает истину следующих слов Христа: «Возвышающийся будет унижен, а униженный вознесётся».

21. Любовь к ближнему есть верховный закон Христа: «Любите друг друга, как братия; любите ближнего своего, как самого себя; прощайте врагам вашим; не делайте другим того, чего бы вы для себя самих не желали». Всё это заключается в словах «любовь к ближнему».

22. Благотворительность выражается не только в милостыне, ибо есть милостыня в мыслях, в словах и действии. Тот милостив в мысли, кто снисходителен к недостаткам своего ближнего; тот милостив в словах, который ничего такого не говорит, что бы могло сделать вред его ближнему; тот милостив в делах, кто помогает своему ближнему по мере сил своих.

23. Бедный, разделяющий свой кусок хлеба с тем, кто его беднее, более милостив и имеет более достоинства в глазах Божьих, чем тот, который даёт излишнее, ничего себя тем не лишая.

24. Кто питает против своего ближнего чувство злобы, ненависти, зависти и памятозлбия, тот не есть милостив; он лжёт, выдавая себя за христианина, и оскорбляет Бога.

25. Люди всех каст, всех сект и всех племён, вы все братья, ибо Бог вас всех призывает к Себе; итак, подайте друг другу руки, какой бы ни был образ вашего Ему поклонения, и не бросайте анафему друг против друга, ибо анафема есть нарушение закона любви к ближнему, провозглашённого Христом.

26. При себялюбии люди находятся в беспрестанной борьбе между собою; при любви к ближнему они будут жить в мире. Итак, если любовь к ближнему будет основанием их учреждений, она одна может упрочить их счастье на Земле; по

словам Христа, она одна может также обеспечить их будущее счастье, ибо она заключает в себе все добродетели, могущие довести их до совершенства. С истинною любовью к ближнему, таковою, как заповедовал её и исполнял Христос, нет более себялюбия, гордыни, ненависти, зависти и злословия; нет более неистовой привязанности к благам мира сего. Почему Спиритизм имеет правилом: «Без любви к Богу и любви к ближнему нет спасения».

* * *

Зная, открыто водружаемое нами, есть знамя Христианского Спиритизма и Спиритизма Всего Человечества. К нему стекаются уже люди со всех точек земного шара, понимая, что это якорь спасения, оплот общественного порядка, вестник новой эры для человечества.

Мы приглашаем все спиритические общества содействовать этому великому делу. Да протянут они братски друг другу руку с одного конца мира в другой — и они заключат тем зло в нерасторгаемые оковы.

* * *

Неверующие! Вы можете смеяться над духами, смеяться над теми, которые верят их проявлениям. Смейтесь также, ежели дерзаете, над этими правилами, которым они нас учат и в которых заключается собственная ваша защита, ибо если бы любовь к ближнему исчезла с лица Земли, люди растерзали бы друг друга, и вы, быть может, были бы первыми жертвами. Время близко, в которое эти правила, открыто провозглашаемые во имя духов, будут залогом безопасности и признаком доверенности ко всем тем, кто будут иметь их в своём сердце. Один дух сказал: «Смеялись над вертящимися столами; но никогда не будут смеяться над философией и нравоучением, от них проистекающими».

И действительно, немалый путь мы сделали в продолжении нескольких только лет со времени этих первых явлений, служивших некоторое время развлечением для праздных и любопытных. Это нравоучение устарелое, говорите вы, духи должны бы иметь достаточно ума, чтобы нам дать что-нибудь поновее этого. («Остроумная» фраза не одного критика). Тем лучше, если оно устарелое: это доказывает, что оно было всегда, и тем более виновны люди, что не исполняли его, ибо одне только подлинны истины вечны. Спиритизм напоминает им это нравоучение не отдельным объявлением, сделанным одному человеку, но голосом самих духов, подобным гласу архангела, вопиющему: «Верьте, что те, которых вы называете «мёртвыми», более живы, нежели вы, ибо они видят то, чего вы не видите, и слышат то, чего вы не слышите; узнайте в тех, которые являются для разговора с вами, ваших родных, ваших друзей и всех тех, которых вы любили на Земле и которых, как то вам кажется, вы лишились безвозвратно; горе тем, которые думают, что всё кончается со смертью тела, ибо они будут жестоко выведены из своего заблуждения; горе тем, которые погрешили против любви к ближнему, ибо они подвергнутся тому, что заставили терпеть других! Внимайте страждущим, вам говорящим: «Мы страдаем за то, что не признавали всемогущества Божия и сомневались в Его бесконечном милосердии; мы страдаем за нашу гордыню, себялюбие, скупость и за все дурные страсти, которые мы не умели обуздать; страдаем за всё зло, сделанное нами ближнему забвением закона любви к нему».

Неверующие! Скажите, учение, преподающее подобные правила, смешно ли, хорошо ли или дурно? Смотря на него с точки зрения общественного порядка, скажите, те люди, которые бы его исполняли, были бы от этого счастливы или несчастны, стали бы они оттого лучше или хуже?

1864 г.

* * *

«Они надеются обмануть Всевышнего и тех, кто знает, но обманывают только самих себя и пребывают в невежестве. Какое бы знамение из знамений Божьих ни приходило к ним, они от него отворачивались! Они сочли за ложь и истину, когда та к ним пришла. Придут к ним вести о том, над чем они издевались!»

*«Коран», сура 2, ст.8(9),
сура 6, ст.4,5.**

* Мы позволили себе здесь завершить статью Аллана Кардека этой цитатой из «Корана», которую предпочитаем дать в собственном переводе. В таком контексте и звучании смысл её, надо полагать, достаточно прозрачен. (И.Р.)

А л л а н К а р д е к

СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА

*Мне было бы крайне любопытно
взглянуть на того, кто искренне полагает,
что Бога нет: он сообщил бы мне
по крайней мере, какие неоспоримые до-
воды убедили его в этом.*

Ж.Лабрюйер

Бог есть первопричина всего, точка отправления и основание, на котором покоится всё мироздание, и потому это главный пункт, который следует рассмотреть прежде всего.

О причине можно судить по её действию, даже не видя этой причины: это элементарный принцип.

Если птица, проносящаяся по воздуху, поражается смертоносным зарядом, то можно судить, что она пала от руки ловкого стрелка, хотя бы этот стрелок и оставался невидим. Стало быть, не всегда нужно видеть вещь, чтобы знать о её существовании. Вообще, посредством наблюдения действий можно во всём дойти и до познания их причин.

Другой, столь же элементарный принцип, по своей очевидности сделавшийся аксиомой, состоит в том, что всякое разумное действие должно иметь разумную причину.

Если бы спросили, кто строитель какого-нибудь остроумного механизма, то что подумали бы, получив в ответ, что этот механизм построился сам собою? Когда видят образцовое произведение искусства или промышленности, говорят, что это творение гениального человека, потому что только высокий ум может породить подобный замысел. Тем не менее не сомневаются в том, что это совершил человек, так как это не превосходит человеческих способностей; но никому не придёт в голову сказать, что подобное произведение могло быть делом идиота или невежды и ещё того менее — трудом животного или результатом простого случая.

Присутствие человека узнаётся везде по его произведениям. Так, существование допотопных людей доказывается не только

их окаменелыми скелетами, но с ещё большею достоверностью присутствием в земных формациях той эпохи предметов, обделанных человеком: обломок сосуда, обточенный камень, оружие или остаток кирпича достаточны для доказательства существования человека. А по грубости или относительному совершенству работы судят о разумности и степени развития тех, кто её произвёл. Если, находясь в стране, населённой исключительно дикарями, вы находите статую, достойную Фидия, то вы, нисколько не колеблясь, можете утверждать, что это должно быть произведение высшего ума, так как дикари были бы неспособны создать что-либо подобное.

И так, бросая взгляд на всё окружающее, наблюдая чудеса Природы, предусмотрительность, мудрость и гармонию, проявляющуюся во всём Творении, мы должны признать, что всё это превосходит силы самого высокого человеческого разума. Если же человек неспособен был сотворить ничего подобного, то это должно быть созданием разума сверхчеловеческого. Иначе нам останется сказать, что это есть следствие без причины.

На это иногда приводится следующее возражение. Так называемые «произведения природы» якобы суть не что иное, как продукты физических сил, действующих механически по законам притяжения и отталкивания: молекулы инертных тел притягиваются и отталкиваются, следуя этим законам. Растения зарождаются, прозябают, растут и размножаются одним и тем же способом, каждое в своём виде в силу тех же законов. Каждая особь подобна той, от которой произошла; рост, цветение, оплодотворение и окраска подчинены физическим силам, каковы теплота, электричество, свет, влажность и прочая. То же происходит и с животными. Небесные тела образуются вследствие молекулярного притяжения и движутся непрерывно по своим орбитам, подчиняясь силе тяготения. Такая механическая регулярность в приложении сил Природы не указывает на свободный разум. Человек двигает рукой когда хочет и как хочет, а тот, кто двигал бы ею всё в одном направлении, начиная с рождения и до смерти, был бы автоматом. Потому и организующие силы Природы могут быть названы чисто автоматическими.

Всё это правда; но эти силы составляют следствия, которые должны иметь причину, и никто не утверждает, чтобы в них

заклучалось Божество. Оне матерьяльны и механичны, сами по себе неразумны: это также правда. Но оне приводятся в действие, распределяются, приноравливаются к различным потребностям разумом, не принадлежащим к человечеству. Целесообразное же приложение этих сил есть разумное действие, обнаруживающее разумную причину. Часовой механизм действует с автоматической правильностью, и эта правильность составляет всё его достоинство. Сила, двигающая его, совершенно матерьяльна и нисколько не разумна. Но каков был бы этот механизм, если бы Высший Разум не рассчитал, не соразмерил, не распределил силу, чтобы придать ему нужную точность? Из того, что этого разума нет в механизме часов и что его не видно, можно ли заключить, что его не существует вовсе? Он проявляется тут в своём действии.

Существование часов доказывает существование часовщика, а совершенство механизма свидетельствует о мудрости и знаниях его. Когда часы с точностью дают необходимые указания, приходит ли кому-нибудь мысль сказать: вот умные часы! Так и с механизмом Вселенной: Бог не показывается, но о Нём свидетельствуют дела Его.

Итак, существование Бога есть факт, доказанный не только Откровением, но и очевидностью матерьяльных факторов. Дикие племена не имели Откровения, однако они инстинктивно веруют в существование высшего могущества; они видят вещи, превосходящие силы человека, и заключают из того, что оне происходят от существа более высокого и могущественного, чем человек. Не логичнее ли они тех, кто утверждает, что всё создалось само собою?

ПРИРОДА БОЖИЯ*

Человеку не дано постигнуть внутреннюю природу Бога.
Чтобы понимать Бога, нам недостаёт того чувства, которое

* Просим читателя обратить особое внимание на этот раздел. Возможно ли смертному с большей философской стройностью и логическим изяществом решить эту сложнейшую проблему, над которой от веку бились и всё продолжают, уже после Кардека – не дивно ли? – биться лучшие умы философов и теологов? (Й.Р.)

достигается только полным очищением Духа. Но если человек не может проникнуть в сущность Божию, то всё-таки, признав Его существование и рассуждая на основании этих данных, он может прийти до познания свойств, необходимо Ему присущих. Видя, чем Бог не может быть, не перестав быть Богом, можно прийти до того, чем Он должен быть.

Не познав свойств Божьих, невозможно понять дела мироздания. Это – основной пункт всех религиозных верований, и, не руководствуясь ими, как маяком, для определения верного направления, большинство религий заблуждаются в своих догмах. Те, которые не приписывали Богу всемогущества, воображали многих богов; те, которые не считали Его всеблагим, видели в Нём ревность, гнев, пристрастие и мстительность.

Бог – это высший разум и совершенная мудрость. Человеческий разум ограничен, так как не может ни творить, ни понимать всё, что существует. Премудрость же Божия, обнимающая бесконечность, должна быть бесконечна. Если бы предположить, что она хоть в чём-нибудь ограничена, то можно бы себе представить существо более мудрое, способное постичь и сотворить то, что Бог бы не сотворил, и так далее до бесконечности.

Бог вечен, т.е. не имел начала и не будет иметь конца. Если бы Он имел начало, то вышел бы из небытия, а небытие – это ничто и, следовательно, оно не может произвести ничего: или Он был бы создан другим, предыдущим существом, и тогда то существо и было бы Богом. Если бы у Него было начало и будет конец, то можно вообразить существо, жившее ранее или могущее жить долее Его и т.д., до бесконечности.

Бог неизменен. Если бы Бог мог изменяться, то законы, управляющие Вселенною, не имели бы никакого постоянства.

Бог нематериален, т.е. природа Его отлична от всего, *что мы называем материей;* иначе Он не был бы неизменен и подвергался бы превращениям, свойственным материи.

Бог не имеет осязательной для наших чувств формы, иначе Он был бы материален. Мы говорим: рука Божия, глаз Божий, уста Божии потому, что человек, зная только себя, с собою сравнивает всё, что ему непонятно. Картины, на которых изображают Бога в

виде старца с длинной бородой, покрытого мантией, — смешны. Они унижают Верховное Существо до ничтожных человеческих размерностей, и тут уже недалеко до присвоения Ему и страстей человеческих, вроде гнева или ревности.

Бог всемогущ. Если бы Он не обладал наивысшим могуществом, то можно бы вообразить существо, более могущественное и, идя дальше, дойти до существа, которое бы уже никем не могло быть превзойдено в могуществе: оно то и было бы Богом.

Бог в высшей степени благ и справедлив. Премудрость Божественных законов выражается как в самых малых, так и в самых великих вещах, и премудрость эта не позволяет сомневаться в справедливости Божией.

Бесконечность какого-нибудь качества уничтожает возможность существования противоположного свойства, уменьшающего или уничтожающего первое. Существо бесконечно доброе не может иметь в себе ни малейшей злобы, а бесконечно злое не может иметь ни крупинки доброты; так, предмет безусловно чёрный не может иметь ни малейшего оттенка белого, а безусловно белый — ни малейшего пятнышка чёрного.

Поэтому Бог не может быть одновременно добрым и злым, потому что Он в таком случае не обладал бы высшей степенью ни того, ни другого свойства и, стало быть, не был бы Богом. Тогда всё зависело бы от произвола и ни в чём не было бы устойчивости. Бог должен непременно быть или бесконечно добрым или бесконечно злым, а так как дела Его свидетельствуют о Его мудрости, благости и попечении, то нужно заключить, что, не изменяя Себе и не переставая быть Богом, Он не может одновременно быть и добрым и злым, и, следовательно, Он бесконечно благ.

Высшая степень доброты включает в себе и высшую справедливость. Так, если бы Бог поступил несправедливо или пристрастно, хотя в одном случае, относительно одного какого-нибудь Своего создания, то Он не был бы бесконечно справедлив и, следовательно, не бесконечно благ.

Бог есть бесконечное совершенство. Невозможно представить себе Бога не бесконечно совершенным. Без этого Он не был бы Богом, и всегда можно было бы вообразить существо,

обладающее тем, чего бы Ему не доставало. Чтобы не быть никем превзойдённым, Он должен быть во всём бесконечен.

Качества Божии, будучи бесконечны, не могут быть ни увеличены, ни уменьшены; без этого они не были бы бесконечны, и Бог не был бы совершенен. Если бы отнять малейшую крупницу совершенств Божьих, то не было бы больше Бога, потому что могло бы существовать что-либо более совершенное.

Бог един. Бог един вследствие бесконечности Своих совершенств. Другой Бог мог бы существовать только при условии быть столь же бесконечным во всём. В случае малейшей между ними разницы, один из них был бы ниже другого, подчинён Его могуществу и, следовательно, не был бы Богом. А если бы между ними было полное равенство, то это была бы в течение вечности одна и та же мысль, та же воля, то же могущество; одним словом, сливаясь в своей однородности, они в действительности составили бы одного единого Бога. Если бы каждый из них имел свои специальные, обособленные задачи, то один делал бы то, чего другой не делал, и тогда между ними не могло бы быть полного равенства и ни один не имел бы верховной власти.

Незнание принципа бесконечности совершенств Божьих породило политеизм, свойственный всем первобытным народам. Они приписывали божественность всякой силе, которая казалась им превосходящей человеческую. Позднее рассудок довёл их до соединения этих отдельных сил в одну, и по мере того, как они постигали сущность божественных свойств, они исключали из своих символов все верования, отрицавшие эти совершенства.

Вообще говоря, Бог может быть Богом только при том условии, чтобы никакое существо не превосходило Его ни в чём, так как существо, превосходящее Бога хоть на волос в каком бы то ни было отношении, было бы в действительности истинным Богом. Бог, чтобы быть Богом, должен быть бесконечен во всем.

Итак, установив существование Божие на основании Его дел, мы посредством простого логического вывода доходим до определения отличающих Его свойств.

Следовательно, *Бог есть высшая, верховная мудрость; Он един, вечен, неизменен, бестелесен, всемогущ, бесконечно благ и*

справедлив, бесконечен во всех своих совершенствах, и не может быть иным.

Такова основа, на которой покоится всё мироздание; это — маяк, лучи которого распространяются на всю Вселенную и одни только могут руководить человеком в искании истины. Пользуясь ими, он никогда не заблудится, а если так часто уже заблуждался раньше, то потому только, что не следовал по указанному ему направлению.

Таков также и непогрешимый критерий всех философских и религиозных учений. Чтобы судить о них, человек находит строго определённую меру в атрибутах Божьих и с достоверностью может утверждать, что *всякая теория, всякий принцип, всякий догмат, всякое верование или обрядность, находящиеся в противоречии с одним из означенных атрибутов и стремящиеся не то что уничтожить, а хотя бы только ослабить его, не могут быть истинны.*

В философии, психологии, морали или религии истинно только то, что ни на йоту не удаляется от существенных атрибутов Божьих. Совершеннейшей религией была бы та, ни один догмат которой не находился бы в противоречии с этими свойствами, та, которая во всех частях своих могла бы выдержать испытание такого контроля, не потерпев от того ущерба.

ПРОВИДЕНИЕ

Провидением называется попечение Божие о всяческом Его создании. Бог находится везде, видит всё, руководит всем, не исключая даже мелочей: в этом и заключается действие Провидения.

«Как может Бог, столь великий, столь могущественный, превосходящий всё и всех, входить во все мельчайшие подробности и заниматься малейшими поступками или мыслями каждого отдельного человека?» Такой вопрос ставит себе неверующий и заключает, что, признав существование Бога, надо предположить, что Его действие распространяется только на общие законы

Вселенной. Он думает, что мир живёт от века под действием этих законов, которым подчинено всякое творение в сфере своей деятельности, и что для этого не нужно непрерывного вмешательства Провидения.

В настоящем своём низком состоянии человеку трудно постичь бесконечность Бога. Люди сами конечны и ограничены, потому и Бога считают таким же. Они Его представляют себе существом предельным, как они сами, и по своему образу составляют себе Его образ. Этому немало способствуют картины, изображающие Его под видом человека и поддерживающие это заблуждение в умах толпы, поклоняющейся форме больше, чем идее. Для большинства это — могущественный Царь, восседающий на недоступном престоле в беспредельности небес; люди, по ограниченности своих способностей и представлений, не понимают, чтобы Он мог или снисходил непосредственно вмешиваться в мелкие дела и обстоятельства.

Находясь в невозможности постичь сущность Божества, человеку остаётся только составить себе приблизительное понятие о Нём посредством сравнений, весьма, конечно, несовершенных, но показывающих ему возможность того, что с первого взгляда кажется ему невозможным.

Предположим флюид настолько тонкий, что проникает все тела, но неразумный и действующий механически посредством одних физических сил. Но если мы представим себе флюид разумный, одарённый способностью мыслить и чувствовать, он будет действовать уже не слепо, а сознательно, по собственной воле и на полной свободе: он будет видеть, слышать и чувствовать.

Свойства периспиритального флюида могут дать нам некоторое понятие об этом. Этот флюид сам по себе неразумен, потому что он матерьялен; но он носитель мысли, чувств и представлений духа.

Периспиритальный флюид — это не мысль духа, но агент и посредник, передающий эту мысль, а так как он переносит её, то он ею, так сказать, насыщен, и нам кажется, по невозможности их разделить, что мысль и её носитель — флюид, составляют одно, подобно звуку, сливающемуся с передающим его воздухом. Таким

образом, мы можем, в некотором смысле, материализовать мысль. Подобно тому, как мы говорим о звуковых волнах воздуха, мы можем сказать и то, что флюид делается разумным.

Так ли это или нет, т.е. действует ли божественная мысль непосредственно или через флюид, но для облегчения нашего понимания представим себе её в конкретной форме разумного флюида, наполняющего всю беспредельность мира и проникающего все части Вселенной: вся Природа погружена в божественный флюид. На основании же принципа, что все части одного целого однородны с этим целым и имеют однородные с ним свойства, каждый атом этого флюида, если можно так выразиться, обладает мыслью, т.е. существенным атрибутом Божества; а так как этот флюид распространён повсюду, то всё подвергается его разумному воздействию, его предупредительности и его попечению; нет ни одного создания, как бы ничтожно оно ни было, которое не было бы проникнуто им. Таким образом, мы постоянно находимся в присутствии Бога, не можем скрыть от Его взгляда ни одного нашего поступка; мысль наша в постоянном соприкосновении с Его мыслью, и выражение, что Бог читает в самых глубоких изгибах сердца нашего, совершенно верно. *Мы в Нём, как и Он в нас*, по выражению Иисуса Христа.

Таким образом, чтобы распространить Своё попечение на все Свои творения, Богу нет надобности взирать на них с высоты безграничного пространства, а молитвам нашим, чтобы быть услышанными Им, не нужно произноситься громко и пролетать беспредельные расстояния: Бог всегда с нами и около нас, и мысли наши отражаются в Нём. Мысли наши подобны звукам колокола, колеблющим все частицы окружающего воздуха.

Мы далеки от мысли материализовать Божество. Образ разумного флюида не более как сравнение; но оно способно дать более верное понятие о Боге, чем картины, изображающие Его в человеческом образе; оно имеет целью объяснить возможность для Бога быть вездесущим и пещись обо всём.

У нас непрестанно перед глазами один пример, указывающий, каким образом действие Бога может распространяться на самые кровавые части существ и каким способом самые мимолётные

впечатления души нашей достигают до Него. Этот пример взят из сообщения, данного по этому предмету одним духом.

«Человек есть микрокосм, руководитель которого дух, а руководимое – тело. В этом малом мире тело изображает творение, Богом которого будет дух. (Вы понимаете, что тут может быть только аналогия, но никак не тождество.) Члены этого тела – различные составляющие его органы: мышцы, нервы, сочленения – это, так сказать, отдельные физические индивидуальности, помещённые в определённые части тела; хотя количество этих разнообразных и столь различных органов и очень велико, но всякому, без сомнения, ясно, что не может произойти движения или получиться впечатления в какой бы то ни было части тела без того, чтобы дух не сознавал их. Происходят ли чувственные восприятия одновременно в нескольких частях – дух их сознаёт все, различает их, анализирует и определяет причину и место действия каждого из них при посредстве своего периспиритального флюида.

Подобный же феномен мы замечаем между Богом и творением. Бог находится везде в Природе, как и дух в теле; все части творения пребывают в непрестанном общении с Ним, подобно тому как все клетки организма непосредственно сообщаются с духовным существом. Нет причины, чтобы явления одного порядка не происходили одинаковым образом в том и другом случае.

Один из членов тела движется – и дух сознаёт это; одно существо мыслит – и Бог знает это. Все части тела приведены в движение, различные органы реагируют – дух чувствует каждое проявление, различает и анализирует каждое из них. Различные творения, различные существа движутся, мыслят, действуют – и Бог знает всё, что происходит, распределяет каждому, что к нему относится.

Из этого можно заключить также о солидарности материи и духа, о солидарности всех существ одного мира между собою, о солидарности всех миров и, наконец, о солидарности творения с Творцом». (*Парижское Общество Спиритических Исследований, 1867г.*).

Мы постигаем явление, – а это уже много; от явления мы восходим к его причине и судим о её величии по величию

явления. Но её внутренняя сущность остаётся нам непонятной, подобно причинам многих других феноменов. Нам известны явления электричества, теплоты, света и тяготения; мы можем даже учитывать их напряжённость, но внутренняя сущность производящей их причины ускользает от нас. Будет ли рациональнее отрицать Божество потому, что мы его не понимаем?

Ничто не мешает нам предположить, что сущность Верховного Разума имеет центр действия, главный очаг, непрестанно излучающий и затопляющий Вселенную своим светом, подобно солнцу. Но где этот очаг? Этого никто не может сказать. Возможно, что он и не имеет определённого пункта, а подобно своему действию непрестанно перемещается в безграничном пространстве. Если и простые духи обладают способностью вездесущности, то у Бога это свойство должно быть беспредельно. Если Бог наполняет мир, то можно, в виде гипотезы, предположить, что этот очаг не перемещается, а образуется везде, где только Высшая Воля пожелает проявиться. Тогда можно бы сказать, что Бог везде и нигде.

Перед этими неисповедимыми тайнами разум наш должен смириться. Бог существует, и в этом мы не можем сомневаться; Он бесконечно благ и справедлив; это Его сущность; попечение Его распространяется на всё: это мы понимаем. Стало быть, Он может желать нам только добра, и потому мы должны довериться Ему: это главное. Что же касается остального, то подождём, пока будем достойны Его понимания.

ЛИЦЕЗРЕНИЕ БОГА

Если Бог везде, то почему мы Его не видим? Увидим ли Его, когда покинем землю? Вот вопросы, которые ставятся ежедневно.

Первый разрешить нетрудно: наши матерьяльные органы ограничены в своих ощущениях и неспособны воспринимать впечатления от многих предметов, даже матерьяльных. Так, некоторые флюиды совершенно ускользают от нашего взора и

от наших физических инструментов; однако, мы не сомневаемся в их существовании. Мы видим действие чумы, но не видим переносящего её флюида; мы видим движение тела под влиянием силы тяготения, но эту силу мы не видим.

Предметы духовные не могут быть восприняты матерьяльными органами; только духовным зрением можем мы видеть духов и другие предметы духовного мира, и только душа наша может иметь понятие о Боге. Видит ли она тотчас после смерти? Это мы можем узнать только из загробных сообщений. Из них мы знаем, что лицезрение Божие доступно только самым чистым душам, и потому только немногие из них, покидая свою земную оболочку, бывают достаточно очищены от материи, чтобы получить эту способность. Простое сравнение объяснит это.

Тот, кто находится в глубине долины, среди густого тумана, не видит солнца, но, замечая его рассеянный свет, судит о его присутствии. Если он начнёт подниматься по горе, то по мере подъёма увидит, что туман рассеивается, свет делается ярче, но солнца всё ещё не видно. И только, вполне поднявшись над слоем испарений, вступив в сферу совершенно чистого воздуха, он увидит солнце во всём блеске его сияния.

Так и с душою. Периспитальная оболочка, для нас невидимая и неосязаемая, составляет для души настоящую материю и слишком ещё груба для многих ощущений. Эта оболочка одухотворяется по мере того, как душа возвышается нравственно. А несовершенства подобны туманам, затемняющим зрение души; каждый же недостаток, от которого она исправляется, есть смывтое и уничтоженное пятно; но только после совершенного очищения душа пользуется всею полнотою своих способностей.

Бог во всей божественной сущности Своей, во всём блеске Своём может быть видим только духами, достигшими высшей степени освобождения от материи. А если несовершенные духи Его не видят, то не потому, чтобы они были дальше от Него, чем другие — они, как и вся природа, все существа, погружены в божественный флюид, как мы в океан света, — но их несовершенства, как густой туман, скрывают Его от их взоров. Когда туман этот рассеется, они увидят сияние Его во всём блеске, и для этого им не нужно будет ни

подниматься, ни переноситься в глубины пространства. Духовное зрение их освободится от затемняющих его нравственных покровов и они увидят Его, где бы сами ни находились, даже на земле, ибо Он везде.

Дух очищается только постепенно, и различные воплощения составляют те реторты, на дне которых он каждый раз оставляет какие-нибудь несовершенства. Покидая телесную оболочку, он не тотчас освобождается от своих недостатков, и потому многие и после смерти видят Бога не более, чем при жизни; но, по мере того, как они очищаются, они получают более ясное сознание Его бытия хоть они и не видят Его, но понимают Его лучше. Свет Его делается менее рассеян для них. Потому, когда духи говорят, что Бог не позволяет им отвечать на какой-нибудь вопрос, то это не значит, что Бог является им и, обращаясь к ним с речью, повелевает или запрещает им то или другое. Нет, они просто это чувствуют и воспринимают внушение Его мысли подобно тому, как бывает с нами, когда духи облакают нас своим флюидом, хотя мы их и не видим.

Итак, ни один человек не может видеть Бога плотскими глазами. Если бы такая милость была оказана некоторым, то это могло бы случиться только в состоянии экстаза, когда душа настолько освобождается от уз материи, насколько это только возможно при воплощении. И всё-таки такая милость может выпасть на долю избранных душ, воплощённых на Земле ради миссии, а не для искупления. Но, так как духи самого высшего разряда сияют ослепительным блеском, то могло случиться, что духи менее высокие, воплощённые или бесплотные, поражённые окружающим их сиянием, думали, будто видят самого Бога. Так иной раз блестящий вельможа может быть принят за самого монарха.

В каком виде является Бог тем, кто заслужил Его лицеизрение? Имеет ли Он какую-нибудь форму, образ человеческий, или только вид сияющего света? Этого язык человеческий описать не в силах, потому что не существует подобия для сравнения, и нам не из чего составить даже приблизительного понятия. Мы – как слепые, которым старались бы объяснить сияние солнца. Наши выражения ограничиваются кругом наших идей и потребностей. Как язык диких племён недостаточен для описания чудес цивилизации, так и

речь самых просвещённых народов слишком бедна для выражения всего великолепия небес, наш разум слишком ограничен, и наше зрение слишком слабо для этого.

ИЗ БЕСЕД С ВЫСШИМИ ДУХАМИ*

Бог и бесконечность.

– Что такое Бог?

– «Бог – это Высший Разум, первопричина всего и вся».

– Что должно понимать под Беспредельностью?

– «То, что не имеет ни начала, ни конца; неведомое; всё, что неведомо, бесконечно, беспредельно».

– Можно ли было бы сказать, что Бог есть Беспредельность?

– «Определение неполно. Бедность языка людей, который недостаточен для определения вещей, стоящих выше их понимания».

Комментарий. Бог бесконечен в своих совершенствах, но бесконечность – это некая абстракция; сказать, будто Бог есть *беспредельность*, *бесконечность* значит принять свойства вещи за самую вещь и определять неизвестную вещь вещью ничуть не более известной. **

* Текст, стоящий в кавычках после вопросов, это и есть буквальный ответ духов на заданный вопрос. Пометой Комментарий обозначаем дополнения и комментарии, сделанные Кардеком, чтобы не путать их с ответами духов и заданными им вопросами. (Й.Р.)

** Атеисты полагают, что они опровергают Бога. В действительности же они опровергают лишь свои примитивные о Нём представления. И примитивные-то свои представления они опровергают опять-таки примитивно. Истинная идея о Боге не может быть опровергнута, ибо она безгранична и не скована определениями. В самом деле, как можно опровергнуть то, чему нет и не может быть конечного определения, что бесконечно, безгранично, беспредельно, безмерно, в отношении чего любое самое смелое определение – лишь ещё одна попытка понимания, не способная исчерпать то, что не может быть постигнуто и определено. Поэтому правы атеисты, когда пишут о своём боге, достойном всяческого осмеяния, со строчной буквы, и правы мы и все, кто исповедует взгляды Беспредельности, когда мы говорим о Боге с буквы заглавной. (Й.Р.)

Доказательства существования Бога.

— Где можно найти доказательства существования Бога?

— «В аксиоме, коию вы применяете в своих науках: *нет следствия без причины*. Ищите причину всего того, что не есть дело человеческое, и ваш разум ответит вам».

Комментарий. Чтобы верить в Бога, достаточно бросить взгляд на плоды творения. Вселенная существует, стало быть, она имеет некоторую причину. Сомневаться в существовании Бога — значило бы отрицать, что всякое следствие имеет свою причину, и утверждать, что ничто смогло сделать нечто.

— Какое заключение можно извлечь из наитивного чувства, коие все люди носят в себе и которое говорит им, что Бог существует?

— «Что Бог существует; ибо откуда человеку могло прийти это чувство, будь оно ни на чём не основано? Это ещё одно следствие того принципа, что нет действия без причины».

— То сокровенное чувство ощущения Бога, которое мы носим в себе, не есть ли оно результат воспитания и продукт приобретённых идей?

— «Если б оно было так, то почему это чувство есть даже у ваших дикарей?»

Комментарий. Если бы ощущение, что есть некое Высшее Существо, было всего лишь производным какого-то обучения, оно не было бы всеобщим и как и все понятия научные существовало бы только у тех, кто смог пройти это обучение.

— Можно ли найти первопричину образования вещей во внутрисущностных свойствах материи?

— «Но какова была бы тогда причина этих свойств? Всегда должна быть первопричина».

Комментарий. Приписывать первичное сотворенье вещей внутренним свойствам материи означало бы принимать следствие за причину, ибо эти свойства сами суть некоторое следствие, должное иметь какую-то причину.

– Что думать о мнении, которое приписывает первичное Сотворенье случайному сочетанию атомов материи, одним словом, случаю?

– «Другая нелепость! Какой здравомыслящий человек может смотреть на случай как на разумное существо? И затем, что такое случай? Ничто».

Комментарий. Гармония, управляющая движущими силами Вселенной, обнаруживает определённые сочетания и цели и тем самым во всём открывает некоторую разумную цель. Приписывать первичное сотворение случаю было бы бессмыслицею, ибо случай слеп и не может произвести разумных действий. Разумный случай уже не был бы случаем.

– Что даёт видеть в первопричине Верховный Разум, превосходящий все разумы?

– «У вас есть пословица, гласящая: по делу видать мастера. Так вот! посмотрите на дело и ищите мастера. Лишь гордыня порождает неверие. Человек, ослеплённый гордыней, не желает ничего, что выше его, вот почему он и называется *вольнодумцем*. Убогое создание, его может сразить легчайшее дуновение Божье!»

Комментарий. О мощи ума судят по его делам; так как ни одному человеку не под силу создать то, что производит Природа, то первопричина, стало быть, есть Разум, надстоящий человечеству.

Каковы бы ни были чудеса, совершаемые человеческим разумом, этот разум сам имеет некую причину, и чем более велико то, что он совершает, тем более велика должна быть его первопричина. Этот-то Разум и есть первопричина всех вещей, каково бы ни было название, коим человек её обозначает.

Свойства Божества.

– Может ли человек понять внутреннюю, сокровенную природу Бога?

– «Нет; на то слишком бедна его познавательная способность, ему недостаёт особого органа чувств».

– Будет ли однажды дано человеку понять тайну Божества?

– «Когда дух его не будет больше затемнён материей и когда, чрез совершенство своё, он приблизится к Богу; тогда он увидит Его и поймёт».

Комментарий. Несовершенство способностей не позволяет человеку понять сокровенную природу Бога. В эпоху детства человечества он часто смешивает Бога с Его созданием, несовершенства коего он Ему приписывает; но по мере того, как нравственное чувство развивается в человеке, мысль его лучше проникает в суть вещей, и он составляет себе о них понятие более верное и более соответствующее здравому смыслу, хотя понятие это и остаётся всегда неполно.

– Если мы не можем понять сокровенную природу Бога, то можем ли мы иметь хотя бы какую-то идею о некоторых Его совершенствах?

– «Да, о некоторых. Человек понимает их лучше по мере того, как возвышается над материей; он прозревает их мыслью».

– Когда мы говорим, что Бог вечен, бесконечен, незыблем, нематериален, единствен, всемогущ, предельно справедлив и благ, то не имеем ли мы полного понятия о Его свойствах?

– «С вашей точки зрения – да, потому что вы верите, будто охватываете всё; но усвойте себе хорошенько, что есть вещи, стоящие выше понимания самого умного человека и для коих язык ваш, ограниченный вашими идеями и ощущениями, совершенно не имеет выражения. Разум действительно говорит вам, что Бог должен обладать этими совершенствами в высшей степени, ибо если бы у Него недоставало хотя бы одного из них, Он не превосходил бы все и вся и, следственно, не был бы Богом. Чтобы быть над всеми, Бог должен быть совершенно непорочен и не должен иметь ни единого несовершенства, кое только может представить себе ваше воображение».

Комментарий. Бог вечен; если бы Он имел начало, то был бы вышедшим из небытия и, помимо того, был бы создан предшествующим Ему существом. Таким вот образом мы всё ближе восходим к бесконечности и вечности.

Он незыблем: если бы Он был подвержен изменениям, то законы, управляющие Вселенной, не имели бы никакой устойчивости и постоянства.

Он нематерьялен, т.е. природа Его отличается от всего того, что мы называем *материей*, иначе Он не был бы незыблем, ибо был бы подвержен трансформациям материи.

Он единствен: если бы было много Богов, то не было бы ни единства взглядов, ни единства силы в управлении Вселенной.

Он всемогущ, потому что Он единствен. Не обладай Он верховной мощью, то было бы что-нибудь более сильное или такое же сильное, как и Он, и тогда бы Он не сделал все и вся, и то, что не сделал бы Он, было бы сделано другим Богом.

Он в высшей степени справедлив и благ. Мудрость божественных законов открывается в самых малых вещах, как и в самых великих, и мудрость эта не позволяет сомневаться ни в Его справедливости, ни в Его благости.

Пантеизм.

— Есть ли Бог существо особенное, или же Он, согласно мнению некоторых, есть составляющая всех сил и всех умов Вселенной?

— «Если б оно было так, то Бога бы не было, ибо тогда Он был бы следствием, а не причиной; Он не может одновременно быть тем и другим.

Бог существует, — вы не можете в этом сомневаться, — и это главное; поверьте мне, вам не стоит идти дальше этого, не углубляйтесь в лабиринт, из коего вы не сможете выбраться: эти рассуждения не сделали бы вас лучше, но, быть может, немного горделивее, потому что вы считали бы себя знающими, тогда как в действительности вы бы ничего не знали. Оставьте же в стороне все эти системы; у вас достаточно вещей, вас более затрагивающих, начните хотя бы с себя; изучайте свои собственные несовершенства, дабы освободиться от них, это будет более полезно вам, нежели желание постичь то, что непостижимо».

– Что думать о мнении, согласно коему все тела природы, все существа, все миры Вселенной суть части самого Божества; иначе говоря, о пантеистическом учении?

– «Человек, не будучи в состоянии сделать себя Богом, хочет быть, по крайней мере, какой-то частью Его».

– Те, кто следует этому учению, утверждают, будто находят в нём доказательство некоторых атрибутов Бога: поскольку миры бесконечны, то Бог тем самым бесконечен; поскольку абсолютной пустоты, или небытия, нет нигде, то Бог вездесущ; поскольку Бог вездесущ, – ведь всё есть составная часть Бога, – то Он даёт всем явлениям природы основание быть разумными. Что можно противопоставить этому рассуждению?

– «Противопоставьте разум: по зрелом размышлении вам нетрудно будет признать нелепость такого рассуждения».

Комментарий. Это рассуждение делает из Бога некое матерьяльное существо, которое, хотя и одарено высшей разумностью, но в большем масштабе является тем, что мы есть в малом. Но так как материя непрестанно преобразуется, то Бог в таком случае не должен бы иметь никакого постоянства. Он оказался бы подвержен всем превратностям, даже всем потребностям человечества; Он был бы лишён одного из главных свойств Божества – неизблемости. Свойства материи не могут увязаться с идеей Бога без того, чтобы не принизить Его в нашей мысли, и все утончённости софистики не смогут разгадать тайну Его сокровенной природы. Мы не знаем, что Он есть, но мы знаем, чем Он не может быть, а эта система находится в противоречии с самыми основными Его свойствами; она смешивает Создателя с созданием, точно так же как если бы кто-то захотел, чтобы некая замысловатая машина была составной частью создавшего её инженера.

Разумность Бога открывается в Его делах так же, как разумность художника в его картине; но дела Бога суть не более Он сам, как картина не есть художник, задумавший и создавший её.

1858 г.

ДУХИ, ИЛИ СУЩЕСТВА МИРА ДУХОВНОГО

Существа, сообщающиеся нам, называют сами себя «духами», или «гениями», и утверждают, что прежде они принадлежали (по крайней мере, некоторые из них) к земному человечеству, т.е. были людьми, раньше жившими на Земле. Они образуют теперь духовный мир, как мы сейчас (во время этой нашей жизни) образуем мир телесный, или физический.

Сомнение, касающееся существования духов, имеет первой своей причиной незнание их истинной природы. Обыкновенно их представляют себе как существ в мироздании обособленных, сверхъестественных и необходимость существования коих никак не доказана. Многие знают их лишь по фантастическим сказкам, которыми их убаюкивали в детстве, наподобие того как превратно знают историю по романам; не выясняя того, не основаны ли эти сказки, если освободить их от смехотворных и нелепых подробностей, на фундаменте истины, люди поражаются лишь абсурдной стороной их; не давая себе труда расколоть горькую скорлупу, для того чтоб достать сам миндаль, они отбрасывают весь орех; точно так же в вопросах религии поступают те, кто, будучи неприятно поражены некоторыми злоупотреблениями священнослужителей, всё перемешивают в сплошном отрицании.

Каким бы ни было понятие, которое составляют себе о духах, вера эта необходимо основана на существовании некоего разумного начала за пределами материи; она несовместима с полным отрицанием этого начала. Мы, стало быть, берём свою исходную точку в существовании, выживании и индивидуальности души, чему спиритуализм является теоретическим и догматическим обоснованием, а спиритизм — обоснованием фактическим и очевидным.

Оставив на мгновение в стороне сами проявления духов и рассуждая индуктивным путём, давайте с вами посмотрим, к каким следствиям и выводам мы прийдём.

С той минуты, как мы допускаем существование души и индивидуальность её после смерти, нужно допустить также, во-первых, что природа её отлична от природы тела, поскольку будучи отделена от него, она больше не обладает его свойствами; во-вторых, что она обладает сознанием самой себя, поскольку она способна испытывать радость и страдание, без чего она не была бы живым существом, что для нас равносильно тому, как если б её и вовсе не было. Допустив это, мы видим необходимость того, что душа после смерти куда-то девается; чем же она становится и куда девается она? Согласно распространённой вере, она возносится на небо или ввергается в ад; но где тогда помещаются эти небо и ад? Раньше говорили, будто небо находилось вверху, а ад – внизу; но что такое «верх» и «низ» во Вселенной, с той поры как мы знаем о том, что Земля – шар, о том, что небесные тела движутся, вследствие чего то, что было в определённый миг верхом через двенадцать часов становится низом, о том, что в бесконечности космического пространства глаз погружается в расстоянья неизмеримые? Правда, под «низом» понимают также земные недра; но чем стали эти недра после того, как они были вдоль и поперёк изрыты геологией? Чем стали также эти знаменитые концентрические круги, названные «огненным небом», «звёздным небом», с той поры, как мы знаем, что Земля не является центром мира, что даже само Солнце наше – всего лишь одна из миллионов звёзд, горящих в пространстве, и каждая из коих является средоточием планетного круговорота? Что в таком случае становится с важностью и исключительностью Земли, затерянной в этой беспредельности? По какой такой неоправданной привилегии незаметная эта песчинка, не отличающаяся ни размерами своими, ни положением, ни особым значением, одна была бы населена разумными существами? Разум отказывается допустить эту бесполезность бесконечности, и всё говорит нам, что миры эти обитаемы. Если они обитаемы, то, стало быть, они вносят свою долю в мир душ; но зададимся ещё раз вопросом: что становится с этими душами, коль астрономия и геология разрушили предписанные им обиталища, и в особенности с той поры, как столь разумная теория о множественности миров

умножила число их до бесконечности? Поскольку старое учение о местопребывание душ не может согласоваться с данными науки, то другое учение, более логичное, предписывает областью им не какое-то определённое и ограниченное место, но всё космическое пространство: это целая незримая Вселенная, посреди коей мы живём, которая окружает нас и непрестанно с нами соприкасается. Есть ли в этом нечто невозможное, что-либо противоречащее рассудку? Ни в коей мере; напротив того, всё говорит нам, что иначе не может и быть.

Но что в таком случае делается с грядущими карами и наградами, если вы лишите их определённого им местоположения? Заметьте, что неверие в возможность этих кар и наград обыкновенно вызвано тем, что их изображают в условиях неприемлемых и невероятных; но скажите вместо этого, что души черпают своё счастье или своё несчастье в себе самих; что судьба их подчинена их нравственному состоянию; что собрание душ сочувственных и добрых есть источник блаженства; что согласно степени их очищения оне проникают внутрь себя и прозревают такие вещи, коие стираются пред грубыми душами — и весь свет без труда поймёт это; скажите ещё, что души достигают высшего положения лишь чрез усилия, которые оне приложили ради своего улучшения, и после ряда испытаний, кои служат их очищению; что ангелы суть души, достигшие последней степени очищения, которая доступна всем душам доброй воли; что ангелы суть посланцы Бога, коим поручено бдеть над исполнением замыслов Его во всём Космосе; что славное назначение это делает их счастливыми — и вы дадите их блаженству цель более полезную и привлекательную, нежели вечное созерцание, которое в конечном счёте было бы не чем иным, как вечною бесполезностию; скажите, наконец, что демоны суть не что иное, как души людей дурных и злых, души ещё не очистившиеся, но кои, как и все другие, могут достичь небесных высот, и это покажется более соответственным божественной справедливости и доброте, нежели учение о том, будто человек создан для зла и навечно предан греху. Вот что, таким образом, могут допустить самый строгий разум, самая точная логика и здравый смысл.

Притом души эти, населяющие пространство, являются в точности тем, что принято называть «духами». Духи, таким образом, суть не что иное, как души людей, снявшие с себя одежду плоти. Если б духи были существами в мироздании обособленными, то возможность существования их была бы более спорна; но если допускают существование душ, то равно надо допустить и существование духов, кои суть не что иное, как души; если допускают, что души находятся повсюду, то надо также допустить, что и духи пребывают всюду. Невозможно, стало быть, отрицать существование духов, не отрицая в то же время и существование душ.

Это, правда, всего лишь теория, более рациональная чем другая; но это уже также более, нежели просто теория, раз она не противоречит ни разуму, ни науке; если же она ещё и подтверждается фактами, то она уже имеет на своей стороне рассуждение и опыт. Факты эти мы находим в феномене спиритических проявлений, кои являются также очевидным доказательством существования души и сохранения её после смерти. Но у многих людей вера на этой точке и останавливается; они охотно допускают существование душ и, следственно, существование духов, но отрицают возможность общения с ними по той причине, говорят они, что существа нематерьяльные не могут воздействовать на материю. Это сомнение основано на незнании истинной природы духов, о которых себе обыкновенно составляют крайне ложное понятие, ибо их ошибочно представляют себе как существ отвлечённых, смутных и неопределённых, что на самом деле не так.

Представим себе сначала дух в его соединенье с телом; дух есть главное существо, поскольку это существо мыслящее и выживающее; тело, стало быть, всего лишь придаток духа, некая оболочка, некая одежда, которую он покидает, когда она изнашивается. Помимо этой матерьяльной оболочки, у духа есть также вторая, полуматерьяльная, которая соединяет его с первой; при смерти, дух сбрасывает с себя первую, но не вторую, которую мы называем «периспригом». Эта полуматерьяльная оболочка, наделённая формой человеческого тела, является для духа флюидическим, эфирным телом, которое хотя и невидимо нам в нормальном своём

состоянии, обладает тем не менее некоторыми свойствами материи. Дух, таким образом, не проблематичное существо, не отвлечённое понятие, но существо вполне определённое и ограниченное формой, коему недостаёт только видимости и осязаемости для того, чтоб походить на людей. Почему же ему в таком случае не воздействовать на материю? Потому только, что тело его флюидично? Но ведь разве не среди самых разрежённых флюидов, тех даже, которые считаются не имеющими веса как, например, электричество, находит человек свои самые мощные источники энергии? Разве невесомый свет не оказывает химического действия на весомую материю? Нам неизвестна сокровенная природа перисприга; но представим его себе образованным электрической материей, или какой иной, столь же утончённой, и почему бы ему тогда не обладать теми же свойствами, если он ещё к тому же и управляется волей?

1861 г.

А л л а н К а р д е к

БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ И НЕБЫТИЕ

Мы живём, думаем, действуем — для нас это несомненно: не менее несомненно и то, что мы умираем. Но, покинув землю, куда мы пойдём, что будет с нами? Сделаемся ли мы лучше или хуже? Будем мы или не будем существовать? «Быть или не быть?» — вот вопрос. Вечно жить или не жить вовсе; всё или ничего; будем ли мы жить вечно или всё исчезнет безвозвратно? Об этом стоит подумать.

Всякий человек стремится жить, наслаждаться жизнью, любить, быть счастливым. Скажите человеку, находящемуся на смертном одре, что он ещё будет жить, что час его смерти ещё не настал; главное, скажите ему, что он будет счастливее прежнего, и сердце его радостно забьётся; но к чему послужит эта радость, эта надежда на счастье, если достаточно одного дуновения, чтобы всё разлетелось в прах?

Есть ли что-либо более угнетающее, чем мысль о совершенном уничтожении? Святые привязанности, разум, прогресс, трудами приобретённые знания — всё будет разбито, всё потеряно. Какая надобность хлопотать о своём совершенствовании, сдерживать свои страсти, развивая свой ум, если не суждено увидеть плодов своих усилий, особенно при мысли, что завтра, может быть, уж ничего нам не будет нужно? Если бы это было так, — то судьба человека была бы во сто крат хуже участи животного, которое живёт настоящей минутой, в удовлетворении своих материальных потребностей, без надежды и упования на будущее. Но внутреннее инстинктивное чувство говорит нам, что это невозможно.

Вера в бытие человек поневоле сосредоточивает свои мысли на настоящем. И как, в самом деле, заботиться о будущем, которого не ждёшь? Эта исключительная забота о настоящем естественно приводит к эгоизму, и неверующий вполне последователен, подходя к следующему заключению: надо наслаждаться жизнью, потому что со смертью всё кончается: наслаждаться возможно

больше и скорее, потому что мы не знаем, сколько мы проживём; или приходя к ещё более опасному, для общества, заключению: будем наслаждаться и думать только о себе, так как счастье на земле принадлежит лишь тем, кто ловчее других.

Если совесть и останавливает некоторых, то нет никакой узды для тех, кто ничего не боится. Они думают, что законы человеческие карают только людей неискусных и недалёких, – вот почему они прилагают все свои способности к тому, чтобы обходить их.* Это учение нездоровое и противообщественное, учение, проповедывающее уничтожение, потому что оно уничтожает солидарность и братство – основу социальных отношений.

Предположим, например, что целый народ придёт почему-нибудь к убеждению, что через неделю, через месяц или даже год он будет уничтожен; что ни один человек не останется в живых и что о них не сохранится ни следов, ни воспоминаний. Что он будет делать в течение этого времени? Будет ли он трудиться над своим совершенствованием и просвещением? Будет ли он работать? Будет ли уважать права, жизнь и собственность своих ближних? Захочет ли он подчиняться законам и уважать авторитеты, даже наиболее почтенные, как, например, авторитет родителей? Будет ли признавать какие-либо обязанности? Конечно, нет. И так, если не видим таких массовых примеров, то единичные случаи, как результат учения о небытии, встречаются ежедневно. Если последствия отрицательных учений не так разрушительны, как могли бы быть, то это, во-первых, потому, что у большинства неверующих больше рисовки, чем настоящего неверия; больше сомнения, чем убеждения, и что они больше боятся набытия, чем они стараются это выказать, так как название вольнодумца льстит их самолюбию. Во-вторых, действительно и абсолютно неверующие составляют ничтожное меньшинство. Они невольно подчиняются влиянию мнений, противоположных учений о бессмертии души,

* «Не пойман – не вор!» – вот одна из главнейших заповедей общества, погружённого исключительно в материю и отвергающего ценности духовные. Общество, построенное на таких началах, несёт в себе самом зародыши своего распада и гибели, ибо подобными принципами отрицаются первоосновы общежития. (И.Р.)

и поддерживаются господствующим материализмом, но, если абсолютное неверие когда-нибудь сделается общим достоянием, то общество распадётся. Вот к чему ведёт доктрина полного уничтожения.*

Если бы учение о небытии действительно было истиной, то следовало бы его принять, и никакие противоположные ему системы, ни мысль о зле, причиняемом им, не могли бы воспрепятствовать признанию этого учения. Нельзя отрицать, что скептичность, сомнение и безразличие ежедневно распространяются вопреки усилиям религии – это несомненно. Если же религия бессильна против неверия, то значит ей чего-то недостаёт, чтобы бороться с ним, и если бы она оставалась в бездействии, то была бы окончательно побеждена в непродолжительном времени. Чего же ей недостаёт? В наш позитивный век хотят понимать, прежде чем верить, а ей недостаёт подтверждения её доктрины положительными фактами. Также подрывает её несогласование некоторых учений с положительными данными науки. Если религия говорит: бело, а факты доказывают, что чёрно, то приходится выбирать между очевидностью и слепой верою.

При таком положении вещей Спиритизм является преградой распространению неверия, опровергает его не только рассуждениями или указаниями на опасности, которые оно за

* Один 18-ти летний юноша, страдавший неизлечимой болезнью сердца, узнал от врачей, что более двух лет не проживёт. Он тотчас бросил учение и предался излишествам всякого рода. На замечания, что распутная жизнь опасна в его положении, он отвечал: «Не всё ли равно? Мне осталось так мало жить! Из-за чего я стану утомлять свой ум? Лучше повеселюсь до конца». Это логическое последствие учения о небытии.

Если бы этот юноша был спиритом, он думал бы так: «Смерть уничтожает только моё тело, которое я покину, как изношенное платье, но дух мой будет жить вечно. В будущей жизни я буду тем, чем сделаю себя в этой жизни. Ничто не пропадёт из того, что я приобрету в нравственном и умственном отношении, и всякий недостаток, от которого я исправлюсь, есть шаг вперёд по пути к блаженству. Будущее моё счастье или несчастье зависит от образа моей жизни. Итак, в моих интересах воспользоваться оставшимся мне малым временем и избегать всего, что может истощать мои силы».

Которое из учений предпочтительнее? (А.К.)

собой влечёт, но материальными фактами, давая возможность наглядно убедиться в существовании души и будущей жизни.

Каждый волен, конечно, в своих убеждениях, и может верить во что-нибудь или ни во что не верить; но те, которые стараются посеять в умах массы или же в особенности в умах юношества отрицание будущей жизни, опираясь на авторитет своей учёности и своего положения, распространяют зародыши смут и разрушения и берут на себя тяжёлую ответственность.

Есть ещё иное учение, которое отрекается от матерьялизма потому, что признаёт существование разумного начала вне материи, это учение о слиянии каждой отдельной индивидуальности со всемирным Целым. По этому учению, каждый индивидуум при своём рождении получает некую частицу того начала, которое и составляет его душу и даёт ему жизнь, разум и чувство. После смерти душа возвращается к первоначальному источнику и теряется в бесконечности, как капля воды в океане.

Это учение, допускающее хоть что-нибудь, без сомнения, несколько выше чистого матерьялизма, но результаты того и другого одинаковы. Погружается ли человек после смерти в небытие или теряется в общей массе — для него безразлично. Общественные связи для него тем самым тоже оказываются навсегда разорванными. Если в первом случае он уничтожается, то во втором теряет свою индивидуальность, что для него равносильно уничтожению. Самое важное для него, есть сохранение его личности, его собственного «Я» и без этого ему всё равно — быть или не быть! Будущность для него всё так же безразлична, и по-прежнему его занимает только настоящее. С точки зрения моральных последствий, это учение столь же нездорово, столь же безнадёжно, столь же эгоистично, как и матерьялизм.

Кроме того, на него можно сделать следующее возражение: все капли в океане одинаковы и обладают одинаковыми свойствами, как части одного целого; почему же души, извлечённые из общего океана всемирного разума, так мало похожи одна на другую? Почему гений появляется рядом с глупостью, самые высокие добродетели — подле ужасающего порока? Доброта, кротость, человеколюбие — и тут же злоба, жестокость и варварство? Каким образом

части однородного целого могут быть столь различны? Скажут, может быть, что воспитание их изменяет. Но откуда же берутся природные качества, раннее развитие, добрые или злые инстинкты, не зависящие от воспитания и часто расходящиеся с окружающей средой и тем обществом, в котором проявляются? Воспитание, без сомнения, изменяет природные качества души – умственные и нравственные, но здесь является новое затруднение. Кто же даёт воспитание этим душам и побуждает их совершенствоваться? Души, по общности своего происхождения из одного и того же источника не могут разниться одна от другой в своём развитии. С другой стороны, душа, возвращаясь во всемирное Целое, из которого она вышла, приносит в него более совершенный элемент, приобретённый ею во время жизни; следовательно, Целое должно в конце концов глубоко измениться и усовершенствоваться. Почему же из него непрестанно нарождаются души невежественные и нечестивые?

По этому учению, всемирный источник разума, порождающий человеческие души, независим от Божества. Это, собственно, не пантеизм, учение которого не вполне с ним сходно. Пантеизм признаёт, что всемирный источник жизни и разума составляет Божество. Бог в одно и то же время – дух и материя; все существа, все тела Природы составляют Божество: это составные элементы, его молекулы. Бог есть соединение всех разумов, а каждая личность, составляющая часть Целого, – есть сам Бог; никакое высшее, независимое существо не управляет Целым; мир – это громадная республика без главы или лучше сказать всякий тут глава с абсолютной властью.

Этой системе можно противопоставить множество возражений, из которых главные таковы: как объяснить, что Божество бесконечно совершенное (иным Его невозможно помыслить) может состоять из частей, столь несовершенных и нуждающихся в совершенствовании? Каждая частица целого подчинена закону совершенствования, и Бог должен совершенствоваться; а если Он постоянно совершенствуется, значит, было время, когда Он был очень несовершенен. Каким образом существо несовершенное, составленное из столь разнородных направлений и идей, могло

создать столь гармоничные, столь чудные единством, мудростью и предусмотрительностью законы, какими управляется мир? Если все души – отдельные части Божества, то они все содействовали составлению законов Природы; отчего же они постоянно ропщут на них, на собственные свои произведения? Никакая теория не может быть признана истинной, если она не удовлетворяет требованиям разума и не объясняет всех фактов, к ней относящихся; если хоть один случай не может быть ею объяснён, то, значит, теория эта верна не абсолютно.

В моральном отношении последствия этого учения столь же нелогичны. Прежде всего, для души остаётся то же, как и предыдущей системе, слияние с общим Целым и потеря индивидуальности. Если же допустить, согласно мнению некоторых пантеистов, что они сохраняют свою индивидуальность, то Бог уже не имеет единства воли: тогда Он является соединением мириад разнородных волений. Затем, поскольку каждая душа является составной частью Божества, то ни одна не подчиняется высшему могуществу и, следовательно, не несёт никакой ответственности за свои поступки, добрые или злые; ничто не побуждает её делать добро, и она может безнаказанно совершать зло, так как для неё высшая власть заключается в ней самой.

Эти теории не только не удовлетворяют разуму и стремлениям человека, но в них натыкаешься на непреодолимые затруднения, потому что они не в силах разрешить всех, ими же возбуждаемых вопросов. Итак, человеку предоставлено выбирать одно из трёх верований: в небытие, в слияние со всемирным Целым или в сохранение индивидуальности души до и после смерти. Логика неизбежно приводит нас к этому последнему верованию, на коем основывались все религии с тех пор, как существует мир.

Если логическое мышление приводит нас к признанию индивидуальности души, оно приводит также и к другому следствию, именно, что судьба всякой души должна зависеть от её личных свойств. Потому что нельзя допустить, чтобы малоразвитая душа дикаря или порочного человека находилась на одном уровне с душой учёного и добродетельного мужа. По справедливости души должны нести ответственность за свои действия; но, чтобы

быть ответственными, им нужна свобода выбора между добром и злом; а без этой свободы окажется просто фатализм, при котором не может быть никакой ответственности.

Все религии одинаково признают принцип счастливой или несчастливой судьбы душ после смерти, иначе говоря, наказаний или наград в будущей жизни, выражающихся в учении о рае и аде, которое мы находим у всех народов. Существенное различие между ними однако заключается в определении этих наград и наказаний и особенно тех условий, которые способствуют присуждению к тем или другим. Отсюда произошли противоречивые положения, породившие различные культы с установленными каждым из них особыми обрядностями для прославления Бога, для достижения рая и избежания ада.

При своём возникновении все религии должны были соответствовать степени нравственности и умственного развития человечества; а люди были в начале ещё настолько матерьяльны, что мало понимали духовную сторону культа и потому ограничивали свои религиозные обязанности исполнением наружных обрядностей. В продолжение некоторого времени эти обрядности удовлетворяли ум человека, но позднее, при развитии просвещения, оне стали для него неудовлетворительны. И, если религия не заполняет этот пробел, то люди отказываются от неё и обращаются к философии.

Если бы религия, сначала соответствовавшая ограниченным понятиям человека, всегда следовала за прогрессивным развитием его разума, не было бы вовсе неверующих. Потребность верить – в природе человека, и он будет верить, если только ему дадут духовную пищу, удовлетворяющую его умственные запросы. Он хочет знать – откуда он и куда он идёт; но если ему указывают цель, не отвечающую его стремлениям, его идее о Боге и положительным данным науки; если, сверх того, для достижения этой цели ему ставятся требования, с которыми его разум не может примириться, то он отвергает всё. Пантеизм и матерьялизм, кажутся ему более рациональными потому, что допускают исследование и рассуждение. Положим, люди рассуждают неправильно, но всё

же они предпочитают рассуждать хотя бы и ошибочно, чем не рассуждать вовсе.

Но пусть человеку представят будущее в условиях логических, действительно достойных величия, правосудия и бесконечной благодати Божией – и он покинет матерьялизм и пантеизм, пустоту которых сознаёт в глубине своей совести и которые он принял только за неимением лучшего. Спиритизм даёт больше и потому с жадностью принимается именно теми, кого мучают неизвестность и тяжёлые сомнения и которые не находят того, что ищут, ни в верованиях, ни в обыденной философии. Спиритизм имеет за собой преимущества логики и разума, подтверждённые фактами, вот почему борьба с ним была столь безуспешной.

Человек инстинктивно верит в будущее, но, не находя до сих пор никакого твёрдого основания для его определения, предоставил своему воображению создавать системы, породившие разногласия в верованиях. Спиритическое учение о будущем не есть фантастическая доктрина, более или менее остроумно задуманная, но результат наблюдений матерьяльных фактов, доступных нашим чувствам; оно соединит, как это уже твёрдо видно, все разноречивые мнения и постепенно приведёт силою вещей к единству верования в будущую жизнь, построенную уже не на гипотезах, а на неоспоримых фактах. Объединение понятий о будущей судьбе душ будет первым шагом к сближению различных вероисповеданий, огромным шагом к веротерпимости, а позднее и к полному сближению религий.

1865 г.

А л л а н К а р д е к

ПЕРЕХОД

Вера в будущую жизнь не исключает страх перехода от этой жизни к будущей. Многие боятся не самой смерти, а момента переселения. Страдают или не страдают при переходе? Вот что, собственно, их беспокоит. Об этом стоит подумать, тем более, что этого никто не избежит. Можно отказаться от земного путешествия, но тут все, как бедный, так и богатый, должны совершить этот переход, и как бы он ни был тягостен, ни знатность, ни богатство не уладят его горечи.

Достаточно видеть спокойную и тихую смерть некоторых и ужасные муки агонии других, чтобы судить, что чувства и ощущения не всегда и не у всех в эту минуту бывают одинаковы. Но кто может научить нас в этом отношении? Кто опишет нам физиологический процесс отделения души от тела? Кто расскажет нам свои впечатления в эту великую минуту? На этот счёт как наука, так и религия остаются безмолвны.

А почему? Да потому, что как той, так и другой недостаёт знания тех законов, кои управляют взаимоотношениями духа и материи. Одна останавливается на пороге жизни духовной, другая на пороге жизни материальной. Спиритизм же есть грань соединяющая то и другое; он один может сказать, как происходит переход: либо через более точное определение, которое он даёт свойствам души, либо рассказами тех, которые уже покинули земную жизнь. Знакомство с флюидической связью, каковая соединяет душу и тело, есть ключ к этому явлению, как и ко многим другим.

Инертная материя нечувствительна – это несомненный факт. Одна только душа испытывает ощущения удовольствия и скорби. Во время жизни всё, что испытывает тело, отражается на душе, вызывая в ней всевозможные впечатления. Страдает душа, а не тело; последнее есть только орудие страдания, а страдалец – душа. После смерти тело, отделённое от души, может быть безболезненно

изрублено: оно ничего не чувствует. Душа, отделяясь от него, не получает впечатления от ран наносимых телу; она имеет свои собственные ощущения, которые не исходят из осязаемой материи.

Перисприт – есть флюидическая оболочка души, от которой она не отделяется ни до, ни после смерти и с которой она составляет одно целое, потому что одно не может быть достигнуто без другого. В продолжение жизни периспритальный флюид проникает тело во всех его частях и служит проводником физических ощущений души; через этого же проводника душа влияет на тело и направляет его деятельность.

Пресечение органической жизни ведёт к отделению души от тела посредством разрыва флюидических связей, которые их соединяли. Но это расставание никогда не бывает резко; периспритальный флюид отделяется постепенно от всех органов, так что отделение бывает полным и совершенным только тогда, когда не остаётся уже ни одного атома перисприта, связанного с малейшей частицей тела. Болезненное ощущение, которое душа испытывает в это время, зависит от количества точек соприкосновения между телом и периспритом и от большей или меньшей лёгкости или медленности отделения во время перехода. Итак, не надо скрывать от себя, что смерть, смотря по обстоятельствам, может быть более или менее тяжёлой; и вот эти-то различные обстоятельства мы и намерены рассмотреть.

Но прежде всего примем как правило следующие четыре случая, которые можно рассматривать как крайние положения, между коими есть множество оттенков:

1) если в момент прекращения органической жизни отделение перисприта совершилось вполне, то душа решительно ничего не почувствует;

2) если в этот момент связь или сцепление двух элементов были в полной силе, то происходит что-то вроде раздирания, что болезненно отражается на душе;

3) если сцепление слабое, отделение происходит легко и без потрясения;

4) если по окончательном прекращении органической жизни остаётся ещё много точек соприкосновения между телом и

периспригом, душа может чувствовать разложение своего бывшего тела до тех пор, пока связь не разорвётся окончательно.

Из этого следует, что страдания, сопровождающие смерть, зависят от силы сцепления тела и перисприга, и что всё, что способствует уменьшению этого сцепления и скорости отделения, делает переход менее тягостным. Наконец, если отделение происходит без всякого затруднения, душа не испытывает никакого неприятного чувства.

При переходе от жизни телесной к жизни духовной происходит ещё один феномен значительной важности: это беспокойство, смущение духа. В это время душа испытывает оцепенение, которое парализует её способности и чувства. Она пребывает как бы в катаlepsии и таким образом почти никогда не бывает сознательной свидетельницей последнего вздоха. Мы говорим почти никогда, потому что есть случаи, где она может быть в сознании, как мы это увидим сейчас. Итак, смущение может быть рассматриваемо как нормальное состояние души во время смерти; его продолжительность определена: она колеблется от нескольких часов до нескольких лет. По мере того, как смятение рассеивается, душа как бы просыпается от глубокого сна; мысли спутаны, неопределённые, представления неясны, она видит всё как бы в тумане; но мало-помалу наступает просветление, возвращается память и наконец дух приходит в себя. Но пробуждение это бывает различно, смотря по индивидуальности; у иных оно спокойное и производит чудное ощущение, у других оно полно ужаса и тревоги и производит впечатление страшного кошмара.

Миг последнего вздоха, стало быть, не самый трудный, потому что душа обыкновенно находится тогда в бессознательном состоянии; но перед этим она страдает от разложения материи в продолжение агонии, а после — от мук смятения. Поспешим сказать, что это состояние не общее. Сила и продолжительность страданий, как мы уже говорили, находится в зависимости от сродства, существующего между телом и периспригом. Чем больше это сродство, тем большее усилие должен сделать дух, чтобы освободиться от связей, и тем мучения его сильнее и продолжительнее. Но у некоторых эта связь так слаба, что

освобождение происходит само собой и безболезненно. Дух отделяется от тела, как спелый плод падает с ветви – это случай, когда смерть покойна, и пробуждение мирно.

Нравственное состояние души больше всего влияет на лёгкость освобождения. Сродство между телом и периспритом зависит от привязанности духа к материи. Оно всего сильнее у людей, чьи помыслы сосредоточиваются на матерьяльной жизни и её наслаждениях, но почти отсутствует у тех, чья чистая душа заранее слилась воедино с жизнью духовной. Медленность и трудность расставания определяется степенью чистоты и дематерьялизации души, и от каждого зависит, сделать это отделение, или переход, по возможности легче и беззаботнее.

Итак, установив это положение и теоретически, и как результат наблюдения, нам остаётся рассмотреть влияние разных родов смерти на ощущения души в последнюю минуту.

В случаях естественной смерти, которая происходит от истощения жизненных сил болезнью или летами, освобождение происходит постепенно; у человека, душа которого дематерьялизована и мысли оторвались от всего земного, освобождение почти полностью происходит ещё до смерти; тело живёт ещё органической жизнью, а душа уже вошла в жизнь духовную и держится на такой тонкой связи, что она без труда прерывается при последнем биении сердца. В таком положении дух может уже обладать всем своим ясновидением и быть сознательным свидетелем прекращения жизни своего тела, от которого он рад избавиться; для него смятение очень непродолжительно: это минута спокойного тихого сна, от которого он пробуждается с чувством несказанного счастья и надежды.

У человека матерьяльного и чувственного, который жил больше телом, чем душой, для которого духовная жизнь – ничто, так как он даже в мыслях не допускает её, всё способствовало укреплению связи, которой он был привязан к материи, и ничто не помогало её ослаблению при жизни. С приближением смерти, отделение происходит также постепенно, но с большими усилиями. Судороги агонии – признак борьбы духа с материей: иногда он сам хочет разорвать связи, которые ему сопротивляются; иногда же

хватается за тело, чтобы удержаться, но неодолимая сила отрывает его по частям с огромными усилиями.

Дух тем более цепляется за телесную жизнь, что он ничего не видит после неё; он чувствует, что жизнь от него уходит и хочет её удержать, и вместо того, чтобы свободно отдаться движению, которое его увлекает, он сопротивляется всеми силами и таким образом может продолжить борьбу на целые дни, на недели и даже на месяцы. Без сомнения, в это время дух не пользуется ясным сознанием: смутное состояние началось задолго до смерти, но он от этого страдает не меньше; и к хаосу, в котором он находится, к неуверенности по поводу того, что с ним будет, прибавляется ещё смертельная тоска. Смерть наконец приходит, но не всё ещё кончено; смятение продолжается, он чувствует, что он жив, но не знает, что это за жизнь – матерьяльная или духовная. Он продолжает бороться до тех пор, пока не порвутся последние нити, прикрепляющие перисприт к телу. Смерть положила конец физической болезни, но она не устранила последствий её; пока ещё существуют точки соприкосновения между телом и периспритом, дух продолжает чувствовать их воздействие и страдает от этого.

Совершенно иное бывает с духом, уже отрешившимся от материи при жизни, даже при самых тяжёлых болезнях. Флюидические связи, соединяющие его с телом, слабы и обрываются незаметно; потом его вера и надежда на будущее, которое он уже провидит мысленно, а иногда даже реально, позволяют ему смотреть на смерть как на избавление, а на страдания – как на испытание. Отсюда нравственное спокойствие и покорность высшей воле, смягчающие его страдания. Так как эти нити порываются в самый миг смерти, то он не испытывает никакой болезненной реакции: он при своём пробуждении чувствует себя свободным, радостным и освобождённым от тяжкого бремени.

В случаях насильственной смерти условия не таковы. Никакое частичное разъединение не могло подготовить предварительного отделения перисприта от тела; органическая жизнь, в полной своей силе, внезапно останавливается; освобождение перисприта начинается только после смерти и, в этом случае, как и в других, не может произойти мгновенно. Дух, захваченный врасплох, как бы

ошеломлён, но, чувствуя, что он продолжает думать, уверен, что он ещё жив и иллюзию эту сохраняет до тех пор, пока не даст себе отчёта в своём положении. Это промежуточное состояние между жизнью телесной и духовной всегда интереснее для изучения, потому что представляет странное зрелище духа, принимающего своё флюидическое тело за материальное и испытывающего все ощущения органической жизни. Оно представляет бесконечное разнообразие оттенков, смотря по характеру, знаниям и степени морального развития духа. У возвышенных душ оно непродолжительно, потому что освобождение совершилось у них заранее, и смерть, хотя бы даже внезапная, только ускорит его окончание; у других переход этот может продолжаться годы. Это состояние встречается очень часто даже в случаях обыкновенной смерти и для некоторых не представляет ничего тяжёлого, смотря по качествам духа. Но для других это состояние ужасно. Оно ужасно в особенности у самоубийц. Тело соединено с периспритом всеми своими фибрами, все его судороги передаются душе, которая испытывает страшные страдания.

Состояние духа в миг смерти можно вкратце выразить так: дух страдает тем больше, чем медленнее освобождается перисприт; быстрота освобождения зависит от степени нравственного совершенства духа; для духа свободного от материи, совесть которого чиста, смерть есть сон нескольких мгновений, свободный от всякого страдания, а пробуждение полно сладости.

Чтобы трудиться над своим очищением, исправлять свои дурные наклонности, побеждать свои страсти, нужно понимать все преимущества совершенствования в будущем; чтобы освоиться с будущей жизнью, иметь на неё надежду и предпочитать её земной жизни, нужно не только в неё верить, но и понимать её; нужно себе представить её в том виде, который мог бы быть принят разумом, который был бы логичен, согласован со здравым смыслом и с тою идеей, какую имеешь о величии, благодати и справедливости Божией. Из всех философских учений Спиритизм в этом отношении оказывает самое могущественное влияние той несокрушимой верою, которую он даёт.

Истинный спирит не ограничивается простым верованием, он верит потому, что понимает и что верование это доступно его рассудку; будущая жизнь для него реальная жизнь, которая постоянно развёртывается пред его глазами; он видит, так сказать, осязает её, и сомнение не имеет доступа к его душе. Ограниченная земная жизнь исчезает для него перед жизнью духовной, которая и есть настоящая, действительная жизнь. Оттого-то убеждённый спирит и придаёт так мало значения случайностям пути и с покорностью переносит все превратности жизни: он понимает их причину и их пользу. Душа его возвышается в непосредственном общении с невидимым миром; флюидические связи, привязывающие его к материи, ослабляются, и таким образом происходит первое частичное освобождение, которое облегчает переход от этой жизни к загробной. Смутное состояние при освобождении весьма непродолжительно, потому что тотчас же по переходе душа сознаёт своё состояние, ничто ей не чуждо, и во всё она себе отдаёт полный отчёт.

Конечно, нельзя сказать, чтобы Спиритизм был единственным путём к спасению душ, но он облегчает его тем, что даёт сознательное отношение к религии, внушает добрые чувства и поясняет духу необходимость совершенствования. Кроме того, он даёт каждому способ облегчить освобождение других душ в ту минуту, когда оне покидают свою телесную оболочку, и сократить их смутное состояние молитвою и вызыванием. Искреннею молитвою, которая есть духовная магнетизация, вызывают скорейшее разъединение флюидов перисприта, а осторожным вызыванием и словами одобрения и доброжелательности извлекают дух из того состояния оцепенения, в котором он находится, и помогают ему скорее прийти в себя; если он страдает, его побуждают к раскаянию, которое одно может сократить страдания.

1865 г.

А л л а н К а р д е к

В ЧЁМ НЕИССЯКАЕМАЯ СИЛА СПИРИТИЗМА?

I

Тот, кто, не зная земного магнетизма, поразился бы движению маленьких намагниченных уток, перемещающихся на поверхности воды в ванночке, с трудом мог бы понять, что эта игрушка содержит в себе тайну вселенской механики и движения миров. То же самое и с тем, кто знает о Спиритизме только по движению столов. Он видит в этом всего лишь развлечение, светское времяпрепровождение и не понимает, что этот феномен, столь простой и обыденный, известный ещё с древности даже полудиким народам, может быть связан с самыми серьёзными вопросами общественного устройства. И действительно, для поверхностного наблюдателя, какова связь вертящегося стола с нравственностью и грядущим человечества? Но всякий, кто размышляет, помнит, что из обычного кипящего котелка, крышка которого приподнимается, котелка, который кипел с самой глубокой древности, вышел мощный двигатель, с помощью которого человек покоряет пространства и устраняет расстояния. Так вот! Вы, не верящие ни во что за пределами матерьяльного мира, знайте, что из этого крутящегося и вызывающего ваши пренебрежительные улыбки стола вышла целая наука, а вместе с ней и – разрешение проблем, кои ещё никогда философия решить не могла. Я обращаюсь ко всем искренним противникам и заклинаю их сказать, потрудились ли они изучить то, что они критикуют, ибо здравый смысл говорит, что критика имеет вес лишь в том случае, если критикующий знает то, о чём говорит. Насмехаться же над тем, чего не знаешь, что не подверг анализу тщательного наблюдения, это не критика, это доказательство собственного легкомыслия. Разумеется, представь мы эту философию как продукт человеческой головы, она встретила бы менее пренебрежений и была бы удостоена рассмотрения тех, кто притязают на управление общественным

мнением. Но она – какая нелепость! – идёт от духов и потому едва заслуживает единого взгляда своих хулителей. О ней судят по названию, на манер басенной обезьяны, судящей об орехе по скорлупе. Отвлекитесь же от происхождения; предположите, что эта книга есть произведение человеческое, и скажите по душе и по совести, прочитав её серьёзно, находите ли вы, над чем насмехаться.

II

Спиритизм – самый грозный противник матерьялизма [и, как частность, – марксизма. – *И.Р.*]; так что неудивительно, что противниками он имеет матерьялистов. Но поскольку матерьялизм – это учение, в преданности которому едва смеют признаться (доказательство тому, что исповедывающие его не полагают себя достаточно сильными и что совесть их не поддерживает), то поборники таких взглядов и рядятся в плащ разума и науки. И странное дело, наибольшие скептики говорят даже от имени религии, которую они знают и понимают ничуть не лучше, чем Спиритизм. Главной мишенью для них служит чудесное и сверхъестественное, коего они не допускают. И поскольку Спиритизм, на их взгляд, основан на чудесном, то он может быть лишь смехотворной гипотезой. Они не думают над тем, что, безоговорочно порицая чудесное и сверхъестественное, они порицают религию. И в самом деле, религия основана на откровении и чудесах. Ведь что есть откровение, если не сообщения, поступившие из нечеловеческого источника? Все святые авторы, начиная с Моисея, говорили об этом роде сообщений. Что суть чудеса, если не факты чудесные и сверхъестественные, поскольку литургический смысл этого – их отклонение от естественного порядка вещей; стало быть, отвергая чудесное и сверхъестественное, они отвергают самые основы религии. Но мы не с этой точки зрения должны рассматривать проблему. Спиритизму не нужно выяснять, существуют чудеса или нет, т.е. мог ли Бог в некоторых случаях нарушить вечные

законы, управляющие Вселенной. По этому поводу Спиритизм оставляет полную свободу вере. Он говорит и доказывает, что явления, на которые он опирается, имеют лишь видимость сверхъестественных. Явления эти таковы в глазах некоторых людей только потому, что они необычны и не входят в число известных фактов. Но они сверхъестественны ничуть не более, чем все явления, которым наука сегодня нашла объяснение и каковые представлялись чудесными в другую эпоху. Все спиритические явления, без исключения, являются следствием общих законов; они открывают нам одну из сил природы, силу неизвестную или, лучше сказать, не понятую до сих пор, но которая, как показывает наблюдение, находится в порядке вещей. Спиритизм, стало быть, в гораздо меньшей степени основывается на чудесном и сверхъестественном, чем сама религия, и те, кто с этой стороны нападают на него, стало быть, совершенно не знают предмета, и пусть бы они были самыми учёными людьми, мы скажем им: «Если ваша наука, давшая вам знания о таком множестве вещей, не научила вас, что область природы беспредельна, то вы учёны лишь наполовину».

III

Вы хотите, говорите вы, излечить ваш век от мании, грозящей заполнить мир. А вам хотелось бы, чтобы мир был заполнён безверием, которое вы стремитесь распространить? Разве не отсутствию всякой веры следует приписать ослабление уз и большую часть беспорядков, разрушающих общество? Доказывая существование и бессмертие души, Спиритизм вновь оживляет веру в будущее, поднимает упавший дух, помогает со смирением переносить жизненные невзгоды. Осмелитесь ли вы назвать это злом? В наличии суть два учения: одно – отрицающее будущее, другое – провозглашающее его и доказывающее; одно – ничего не объясняющее и другое – объясняющее всё и в силу этого обращающееся к разуму. Одно освящает эгоизм, другое даёт

опору справедливости, милосердию и любви к ближнему. Первое представляет лишь настоящее и уничтожает всякую надежду, второе утешает и показывает широкое поле грядущего. Так какое же из них самое вредное и губительное?

Некоторые люди, в том числе и среди самых отъявленных скептиков, делают из себя апостолов братства и прогресса. Но братство предполагает бескорыстие, самоотречение; при истинном братстве гордыня – это просто аномалия. По какому праву вы вменяете самоотвержение в обязанность тому, кому говорите, что когда он умрёт, для него всё будет кончено? кому вы говорите, что, быть может, завтра он будет всего лишь старой машиной, разломанной и выброшенной на свалку? Какой смысл ему терпеть какие-либо лишения? Не естественнее ли, чтобы за те несколько мгновений, какие вы ему предоставляете, он стремился пожить как можно лучше и приятнее? Отсюда уже и желание иметь больше, чтобы наслаждаться лучше; из этого желания рождается зависть к тем, кто имеет больше, чем он; а от зависти до желания взять то, что у них есть, один лишь шаг. Что его удерживает? Закон? Но закон не достигает каждого случая. Вы скажете, что это совесть, чувство долга? Но имеет ли это чувство под собой какое-то основание при вере, что всё для нас заканчивается с жизнью? При этой вере разумен лишь один афоризм: «Каждый за себя!» Мысли о братстве, совести, долге, гуманности, даже прогрессе суть не более, как пустые слова. О вы, провозглашающие подобные доктрины; вы не ведаете всего зла, которое вы тем творите обществу, и того, за сколько преступлений вы берёте на себя ответственность! Но что говорить об ответственности? Для скептика она вообще не существует, он питает почтение лишь к материи.

IV

Прогресс человечества имеет свой смысл в применении закона справедливости, любви и милосердия. Закон этот основан на уверенности в грядущем; отнимите у него эту уверенность –

и вы лишите опору его краеугольного камня. От этого закона происходят все прочие, ибо он включает в себя все условия человеческого счастья. Лишь он один может исцелить раны общества, и человек, сравнивая века и народы, может судить, насколько жизнь его улучшается, в зависимости от того, сколь лучше понимают этот закон и сколь лучше ему следуют. Если частичное и неполное применение его даёт реальное благо, то что произойдёт, когда человек сделает из него основу всех своих общественных установлений! Это возможно? Да; ибо если человек сделал десять шагов в эту сторону, то может сделать и двадцать, и все последующие. О будущем, стало быть, можно судить по прошедшему. Уже мы видим, как мало-помалу гаснут антипатии народа к народу. Разделявшие их барьеры опускаются перед цивилизацией; они протягивают друг другу руки от одного края света к другому. Более высокая справедливость правит международными законами; войны делаются всё более редкими, и оне теперь не исключают человечности. В международных отношениях устанавливается единообразие, расовые и кастовые различия стираются, и люди различных вероисповеданий заставляют умолкнуть сектантские предрассудки ради общего слияния в поклонении единому Богу. Мы говорим о народах, идущих во главе цивилизации. Во всех этих отношениях человечество ещё весьма далеко от совершенства, и предстоит ещё разрушить множество развалин, покуда не исчезнут последние остатки варварства. Но смогут ли эти развалины противостоять неодолимой силе прогресса, этой животворящей силе, коия сама есть один из законов природы? Если нынешнее поколение более продвинуто, нежели предыдущее, то отчего то, которое сменит нас, не окажется прогрессивнее нашего? Оно будет более продвинутым силою самих вещей. Прежде всего потому, что в каждом поколении ежедневно угасает несколько носителей старых пороков, и общество, таким образом, мало-помалу составляется из новых элементов, очищенных от старых предрассудков. Во-вторых, потому что человек, желая развиваться, будет изучать препятствия и постарается их опрокинуть. Как только движение прогресса признаётся неоспоримым, тут же грядущий прогресс оказывается

вне сомнений. Человек желает быть счастливым, это заложено в его природе, и к прогрессу он стремится лишь затем, чтобы увеличить сумму счастья, без чего продвижение было бы лишено смысла; в чём был бы для него прогресс, если бы он не должен был улучшить его положение? Но когда у него будет сумма удовольствий, какие может дать интеллектуальный прогресс, он заметит, что счастье его неполно. Он признает, что счастье это невозможно без надёжности общественных отношений, а надёжность эту он может обрести лишь в нравственном прогрессе. Стало быть, самым ходом вещей он сам будет направлять продвижение по этому пути, и Спиритизм предложит ему наиболее могучий рычаг, чтобы этой цели достичь.

V

Те, кто говорят, что спиритические верования грозят наводнить мир, тем самым провозглашают их силу, ибо идея, лишённая основы и логики, не смогла бы стать всемирной. Если, стало быть, Спиритизм водворяется повсюду, если больше всего сторонников он находит в просвещённых классах, как каждый то признаёт, то это значит, что основанием он имеет истину. Против этой тенденции все усилия его противников будут напрасны, и даже насмешка, которой они старались его уязвить, вместо того, чтобы остановить его натиск, по-видимому, лишь вдохнула в него новую жизнь. Такой результат полностью подтверждает то, что нам столько раз говорили духи: «Не обращайтесь внимания на сопротивление. Всё, что сделают против вас, пойдёт вам на пользу, и наиболее непримиримые противники ваши послужат вашему делу, сами того не желая. Злая воля людей не может возобладать над волею Божьей».

Через Спиритизм человечество должно вступить в новую фазу своего существования, фазу нравственного прогресса, являющегося неизбежным его последствием. Перестаньте же удивляться той быстроте, с которой распространяются спиритические идеи. Причина тому в удовлетворении, какое

оне доставляют всем тем, кто их углубляет и кто видит в них не пустое времяпрепровождение; и поскольку каждый желает прежде всего счастья, то и неудивительно, что он привязывается к идее, способной сделать его счастливым.

Развитие этих идей представляет три различных периода; первый период любопытства, вызванного необычностью происходящих феноменов; второй – период философского рассуждения; третий – период практического приложения и последствий его. Период любопытства пройден; любопытство всегда кратковременно: раз будучи удовлетворено, оно оставляет свой предмет, чтобы перейти от него к другому. Но не так обстоит дело с тем, что обращено к серьёзной мысли и рассудку. Второй период начался, третий неизбежно последует за ним. Распространение Спиритизма усилилось с той поры, как стала лучше понятна его внутренняя сущность, как стала видна глубина его проникновения, поскольку он затрагивает самую чувствительную человеческую струну – возможность для человека счастья даже в этом мире. В этом причина распространения Спиритизма, секрет силы, ведущей его к победе. Он делает счастливыми тех, кто его понимает, в ожидании того, что влияние его распространится на массы. Даже тот, кто не был свидетелем какого-либо материального феномена проявлений, говорит себе: «Помимо этих феноменов, есть ещё философия; и эта философия объясняет мне то, что никакая другая мне не объясняла. Я нахожу в ней посредством рассуждения разумное разрешение проблем, в непосредственной степени затрагивающих моё будущее. Она даёт мне спокойствие, уверенность, доверие; освобождает меня от мук неопределённости. Рядом с этим вопрос о материальных фактах – вопрос второстепенный». Вы все, нападающие на Спиритизм, желаете ли средства победить его? Вот оно: замените Спиритизм чем-нибудь лучшим. Найдите более философское решение всем вопросам, которые он решает; дайте человеку другую уверенность, которая сделает его более счастливым, и постарайтесь толком понять всю силу слова «уверенность», ибо человек принимает на веру лишь то, что представляется ему логичным. Не ограничивайтесь тем, чтобы сказать: «Того, о чём говорит

Спиритизм, нет, потому что этого не может быть», ибо говорить так слишком легко. Докажите, не голым отрицанием, но фактами, что этого нет, никогда не было и не может быть. Если этого нет, позаботьтесь в особенности сказать, что тогда должно быть на месте этого. Наконец, докажите, что плоды Спиритизма не способны сделать людей лучшими и, следовательно, счастливейшими через претворение на деле самой чистой евангелической морали, морали, кою хвалят много, но следуют которой столь мало. Когда вы сделаете это, вы будете иметь право нападать на Спиритизм. Он силён именно потому, что опирается на самые основы религии: Бога, душу, грядущие муки и воздаяния; в особенности же — потому, что он показывает естественную зависимость этих мук и воздаяний от предшествовавшей земной жизни, и потому ничто в картине будущего, даваемой им, не может получить неодобрения самого взыскательного ума. Вы, вся наука которых состоит в отрицании будущего, какую компенсацию предложите вы здешним страданиям? Вы опираетесь на безверие, он же опирается на веру в Бога. Когда он зовёт людей к счастью, надежде, истинному братству, вы, вы предлагаете ему перспективой небытие и эгоизм в качестве утешения. Он объясняет всё, вы не объясняете ничего; он доказывает фактами, а вы ничем не доказываете. Какой бы итог вы желали иметь в противоборстве двух этих учений?

VI

Ложную идею составил бы себе о Спиритизме тот, кто вообразил бы, будто он черпает свою силу в практике материальных проявлений, и что, стало быть, воспрепятствовав этим проявлениям, можно было бы уничтожить Спиритизм в его основе. Сила его — в его философии, в призыве, который он обращает к разуму, здравому смыслу. Во времена античности он был предметом потайных исследований, тщательно скрываемых от профана; сегодня же у него нет тайн ни от кого. Он говорит ясно, избегая двусмысленности. В нём нет ни мистической туманности,

ни аллегорий, поддающихся ложным толкованиям: он желает быть понятым всеми, он не требует слепой веры, он хочет, чтобы люди знали, почему они верят. Поскольку он опирается на рассудок, то он всегда будет сильнее тех, кто опираются на небытие. Препятствия, которые попытаются привнести в свободу проявлений, смогут ли они их задушить? Нет, ибо они вызовут те же последствия, что и всякие преследования: они возбуждают любопытство и вызовут желание познакомиться с тем, что запрещают. С другой стороны, если спиритические проявления были бы привилегией какого-то одного человека, нет сомнений, что, устранив этого человека, положили бы конец и проявлениям; к несчастью для наших недругов проявления эти доступны каждому, и ими пользуются от мала до велика, как в хижине, так и во дворце. Можно запретить публичное проведение их; но известно то, что как раз на публике они производятся не лучшим образом: в узком же кругу всего лучше. И поскольку каждый может быть медиумом, то кто может помешать отдельной семье в своём кругу, человеку в тиши своего кабинета, узнику за решёткой получать сообщения от духов без ведома жандармов и прямо у них перед носом? Если запретить их в одной стране, то помешают ли им тем в странах соседних, во всём мире, поскольку в обоих полушариях нет ни одной страны, где не было бы медиумов? Чтобы заключить в тюрьму всех медиумов, нужно посадить в тюрьмы половину человечества. И если бы даже удалось, что было бы весьма не легко, сжечь все спиритические книги — на следующий же день оне окажутся воспроизведены вновь, потому что источник их неуязвим, ибо духов — их истинных авторов — нельзя ни сжечь, ни посадить в тюрьму.

Спиритизм не есть создание одного человека, никто не может назвать себя его создателем, ибо он так же древен, как и сотворённый Господом мир. Он обретается во всех религиях и в католической, быть может, в наибольшей степени и с большей властью, чем в какой иной, ибо в ней находят основу всего: здесь и духи всех рангов, и их оккультные и очевидные отношения с людьми, и ангелы-хранители, и перевоплощение, и прижизненное освобождение души, двойное зрение, видения, проявления разного рода, появления и даже осязаемые появления. Что же касается

демонов, то это суть не что иное, как злые духи, и если исключить веру в то, что первые навеки ввергнуты во зло, тогда как вторым не закрыт путь прогресса, то меж ними остаётся только разница в названии.

Что делает современная спиритическая наука? Она собирает в одно целое то, что было разрозненно. Она объясняет в ясных терминах то, что было сказано аллегорическим слогом. Она удаляет то, что породили предрассудок и невежество, ради того, чтобы оставить лишь то, что действительно и позитивно. Вот её роль. Но роль основательницы ей не принадлежит. Она показывает то, что есть, координирует, но ничего не создаёт, ибо то, что лежит в её основе, было всегда и везде. Так кто же посмеет вообразить себя достаточно сильным, чтобы утопить её в сарказмах или задушить преследованием? Если её запретят в одном месте, она возродится в других, и в конце концов – и на той почве, откуда её изгнали, потому что она в природе вещей и человеку не дано ни уничтожить одну из сил природы, ни наложить своё вето на постановления Божьи.

И какой же интерес могут иметь те, которые препятствуют распространению спиритических идей? Идеи эти, правда, поднимаются против злоупотреблений, порождаемых гордыней и эгоизмом. Но злоупотребления эти, плодами коих пользуются лишь немногие, идут во вред большинству. Оне, стало быть, будут иметь за собой большинство, а серьёзными противниками их окажутся те, кто заинтересованы в сохранении этих злоупотреблений. Влияние этих идей, делая людей лучшими по отношению друг к другу, менее алчными в материальных интересах и более смиренными пред указами Провидения, напротив того, является залогом порядка и спокойствия.

VII

Спиритизм представляется в трёх различных аспектах: факт проявлений, философские и нравственные основы, из него

вытекающие, и применение этих основ. Отсюда же и три класса, или, скорее, три категории среди последователей: 1. Те, кто верят в проявления и ограничиваются лишь их констатацией: для них это только экспериментальная наука. 2. Те, кто понимают моральные следствия, из проявлений этих вытекающие. 3. Те, кто претворяют или силятся претворять эти нравственные принципы на деле. Какова бы ни была точка зрения, научная она или нравственная, с которой эти странные явления рассматривают, каждому понятно, что речь идёт о возникновении нового строя мыслей, последствиями коего может быть лишь глубокое изменение в состоянии человечества, и каждый также понимает, что это изменение может произойти только в сторону добра.

Что до противников, то их также можно разделить на три категории: 1. Те, кто систематически отрицают всё, что ново и идёт не от них, и говорят без знания дела. К этому классу принадлежат все те, кто не допускают ничего за пределом свидетельства органов ощущений. Они ничего не видели, ничего не желают видеть и ещё менее вникать во что бы то ни было. Они были бы даже раздосадованы, если бы видели это слишком ясно, из страха оказаться вынужденными признать, что они неправы. Спиритизм для них – химера, суеверие, утопия, его нет, он – одни лишь слова. Это предвзятые скептики. Рядом с ними можно поместить и тех, которые соизволили – «для очистки совести» бросить взгляд, с тем чтобы после сказать: «Я хотел увидеть и ничего не увидел». Им непонятно, что получаса недостаточно на то, чтобы освоить целую науку о Вечности и Беспредельности. 2. Те, которые, несколько не сомневаясь в реальности феноменов, всё же оспаривают их из мотивов личного интереса. Спиритизм для них существует, но они оспаривают его из страха перед его последствиями. Они нападают на него как на врага. 3. Те, кто находят в спиритической морали слишком сильное осуждение своим поступкам и наклонностям. Спиритизм, принятый всерьёз, сильно бы их стеснял. Они ни отвергают, ни одобряют: они предпочитают закрыть глаза. Первые побуждаемы гордыней и сомнением; вторые – честолюбием; третьи – эгоизмом. Нетрудно понять, что эти причины противодействия, не имея в себе ничего положительного, должны

со временем исчезнуть, ибо тщетно станем мы искать четвёртую группу антагонистов, ту, которая опиралась бы на очевидные доказательства противоположного рода и засвидетельствовала бы серьёзное, полное знания дела изучение вопроса. Все выдвигают лишь отрицание, никто не даёт весомого и неопровержимого доказательства.

Верить, будто человеческая природа может сразу и резко преобразиться под влиянием спиритических идей, значило бы ожидать от неё слишком многого. Влияние их, определённо, не одинаково ни по своему характеру, ни по своей силе среди тех, кто эти идеи исповедуют. Но каково бы оно ни было, сколь мал ни был бы результат, он всегда означает определённое улучшение, пусть бы это было только доказательство существования нематерьяльного мира, ибо оно влечёт за собой отрицание матерьялистических доктрин. Последнее является просто последствием наблюдения и анализа фактов. Но у тех, кто понимают философский Спиритизм и усматривают в нём не просто феномены более или менее любопытные, он имеет ещё и другие последствия. Первое, и самое общее – это развитие религиозного чувства даже у того, кто, хотя и не является матерьялистом, но не питает ничего, кроме безразличия, к вещам духовным. Из этой-то перемены у него возникает презрение к смерти; мы не говорим «стремление к смерти», далеко от того – ибо спирит будет защищать свою жизнь, как и всякий другой, – но определённое безразличие, которое позволяет без ропота и сожаления принять неизбежную смерть как вещь скорее радостную, чем страшную, благодаря уверенности в том состоянии, какое за ней следует. Второе последствие – почти такое же всеобщее, как и первое, это – смирение в жизненных невзгодах. Спиритизм побуждает смотреть на всё с такой высоты, что жизнь земная, теряющая три четверти своей значительности, не может больше вместе со всеми её волнениями и заботами занимать много места в сознании нашем: отсюда и большая храбрость в печалях, большая умеренность в желаниях. Отсюда же оставление мысли сократить свои дни, ибо спиритическое знание научает, что из-за самоубийства человек всегда теряет то, чего он желал добиться. Уверенность в будущем, сделать которое счастливым

находится отныне в нашей власти, возможность установить отношения с теми, кто нам дороги, всё это даёт спириту величайшее утешение. Его кругозор расширяется до бесконечности благодаря непрестанному знакомству с загробной жизнью, таинственные глубины которой он может исследовать. Третьим последствием будет появление снисхождения к чужим недостаткам. Но нужно подчеркнуть, что эгоистическое начало и всё, что с ним связано, наиболее живучи в человеке и, следовательно, труднее всего в нём изживаются. Люди охотно делают пожертвования, лишь бы они ничего им не стоили и, самое главное, — не заставляли терпеть лишения. Деньги всё ещё для большинства людей обладают неодолимой привлекательностью, и весьма немногие понимают слово «излишек», когда речь идёт о них самих. Также и отказ от своей самости есть знак самого значительного прогресса.

VIII

Разве духи, спрашивают некоторые, преподают нам какую-то новую мораль, стоящую выше того, что сказал Христос? И если эта мораль та же самая, что и евангелическая, то к чему тогда Спиритизм? Это рассуждение странным образом походит на рассуждение халифа Омара, сказавшего об Александрийской библиотеке: «Если она содержит только то, что есть в «Коране», то она бесполезна, стало быть, её следует сжечь; если в ней есть и что-то ещё, то она вредна, и её опять-таки следует сжечь». Нет, в Спиритизме нет морали, отличающейся от морали Иисуса. Но мы, в свою очередь, спросим: а что, разве до Христа у людей не было законов, данных Богом Моисею? Разве учение Его не содержится в десяти заповедях? Скажут ли из-за этого, что мораль Христа была бесполезна? И ещё мы спросим у отрицающих полезность спиритической морали: отчего мораль Христа так мало претворяется на деле и почему даже те, кто совершенно справедливо провозглашают её величие, одними из первых нарушают первейший из её законов: вселенское милосердие? Духи

не только подтверждают её, но и показывают нам её практическую полезность. Они делают понятными и очевидными истины, которые были поданы только в форме аллегорической. И, помимо морали, они разрешают самые сложные проблемы психологии.

Иисус пришёл указать людям путь к истинному благу. Почему бы Богу, пославшему его, чтобы напомнить о Своём забытом законе, не послать сегодня духов, дабы снова и более точно напомнить людям закон этот, если они забыли его, принося всё в жертву гордыне и корыстолюбию? Кто посмел бы поставить пределы могуществу Божьему и определить Ему Его пути? Кто сказал, что предсказанные времена, как то утверждают духи, не настали и что мы не вступили в те дни, когда истины, плохо понятые и ложно истолкованные, не должны быть явно открыты роду человеческому, дабы ускорить его продвижение? Разве не присутствует нечто провиденциальное в этих проявлениях, самопроизвольно происходящих во всех концах света? Не один какой-то человек, пророк, появляется предупредить нас, но отовсюду изливается свет: целый новый мир раскрывается пред нашими глазами. Как изобретение микроскопа открыло нам мир бесконечно малых существ, о наличии которых мы и не подозревали, как телескоп открыл нам тысячи миров, о которых мы также не подозревали, так и спиритические сообщения открывают нам незримый мир, окружающий нас, непрестанно с нами соприкасающийся и без нашего ведома принимающий участие во всём, что мы делаем. Ещё какое-то время – и существование этого мира, который есть мир нас ожидающий, будет так же несомненно, как и существование мира микроскопического и планет, затерянных в пространстве. Разве пустяк – познакомить нас с целым миром, целой Вселенной, посвятить нас в тайны загробной жизни? Правда то, что открытия эти, если можно дать им такое название, кое в чём противоречат некоторым общепринятым представлениям; но разве все великие научные открытия не изменяли равным образом, не переворачивали самые уважаемые представления? И разве не пришлось нашему самолюбию склониться пред очевидностью? То же будет и в отношении Спиритизма, и в скором времени он получит права гражданства среди человеческих знаний.

Общение с существами загробного мира привело к тому результату, что мы смогли понять природу будущей жизни, смогли эту жизнь увидеть, узнать о муках и радостях, ожидающих нас там в зависимости от наших достоинств, и тем самым привести к спиритуализму тех, кто видел в нас лишь материю, сложно устроенную машину. Также мы были правы, сказав, что Спиритизм убил матерьялизм фактами. Если б он дал только такой результат, то и тогда общественный порядок должен быть ему за это признателен. Но он делает более того: он показывает неотвратимые последствия зла и, следовательно, необходимость добра. Число тех, кого он привёл к лучшим чувствам, кого отвратил от зла и чьи злые наклонности обезвредил, гораздо более велико, чем думают, и день ото дня возрастает. Это происходит благодаря тому, что для них будущее перестаёт быть в неопределённости; оно перестаёт быть робкой надеждой, но делается истиной, которую понимают, объясняют себе, когда видят и слышат, как те, кто покинули нас, порицают или одобряют себя за то, что они сделали на земле. Всякий, кто является этому свидетелем, начинает размышлять об этом и ощущает потребность познать себя, судить о себе и исправлять себя.

IX

Противники Спиритизма не преминули в борьбе с ним вооружиться расхождениями во мнениях среди самих спиритов по поводу некоторых положений учения. Нет ничего удивительного в том, что при возникновении новой науки, когда нет ещё полноты в результатах наблюдений и когда каждый рассматривает их со своей точки зрения, могли появиться противоречащие друг другу системы. Но уже и сегодня три четверти этих систем пало в результате углублённого исследования проблемы, начиная с той, которая приписывала все сообщения Духу зла, как будто бы Богу было невозможно послать людям духов добрых: доктрина вздорная, потому что факты её опровергают; нечестивая, поскольку

она является отрицанием могущества и доброты Создателя. Духи всегда говорили нам, чтобы мы не беспокоились по поводу этих разногласий и что единство составитя впоследствии; и вот по большинству проблем единство уже составилось и разногласия с каждым днём всё более идут на убыль. И на вопрос: «В ожидании того, пока единство не установилось, на чём должен основываться человек беспристрастный и непредвзятый, чтобы составить себе мнение?» – вот вам их ответ: «Нет облака, которое могло бы затенить чистейший свет; незапятнанный алмаз обладает наибольшей стоимостью; стало быть, судите о духах по чистоте их учения. Не забывайте, что среди духов есть такие, которые нисколько ещё не освободились от земных представлений. Умейте распознать их по языку; судите о них по целостности картины, которую они обрисовывают перед вами. Смотрите, есть ли логическая связь в идеях, ими выдвигаемых; не обнаруживает ли что-либо в них невежества, гордыни или злонамеренности; всегда ли слова их отмечены печатью мудрости, означающей действительное превосходство. Если бы ваш мир был недоступен заблуждению, он был бы совершенен; он же далёк от этого. Вы находитесь лишь на этапе, когда нужно учиться отличать заблуждение от истины. Вам нужны уроки опыта, чтобы упражнять ваш рассудок и позволить вам продвигаться. Единство наступит с той стороны, где добро никогда не было смешано со злом. Именно с этой стороны люди соединятся силою вещей, ибо они рассудят, что там истина.

Какое, впрочем, значение имеют отдельные расхождения, касающиеся более формы, чем сути! Отметьте, что основополагающие принципы повсюду те же и должны соединить вас в общей мысли: любви к Богу и претворении добра. Каким бы ни был, стало быть, способ предполагаемого продвижения или нормальные условия будущего существования, конечная цель остаётся одна и та же: делать добро; и нет ведь двух способов его сделать».

Если среди сторонников Спиритизма мнения некоторых и расходятся по нескольким пунктам теории, то все тем не менее согласны в основополагающих её пунктах. Стало быть, есть единство, исключение составляют только те, – и число их весьма

невелико — кто, пока что не допуская вмешательства духов в проявления, приписывают их либо чисто физическим причинам, что противоречит аксиоме: «Всякое разумное действие должно иметь разумную же причину»; либо отражению нашей собственной мысли, что опровергается фактами. Остальные пункты лишь вторичны и ни в чём не касаются основ. Могут, стало быть, иметься направления, ищущие выяснения пока что ещё противоречивых частей знания. И здесь не должно быть сект, соперничающих друг с другом. Антагонизм будет лишь между теми, кто желают добра, и теми, кто делали бы или желали бы зла; вместе с тем, нет ни одного искреннего спирита, проникнутого, великими нравственными максимами, преподанными духами, который мог бы хотеть зла или желать зла своему ближнему, независимо от того, каковы мнения этого спирита. Если какое-то из этих направлений заблуждается, то рано или поздно свет прольётся на него, если оно будет стремиться к свету искренно и без предубеждения. Пока же у всех есть общая связь, должная соединить их в одной мысли; у всех одна цель. Мало поэтому значит дорога, лишь бы только она вела к этой цели. Ни одно направление не должно навязывать себя путём материального или морального принуждения, давления, и неправо будет только то, которое станет кидать анафемы на других, ибо оно, очевидно, будет поступать так под влиянием злых духов. Разум должен быть самым весомым аргументом, и умеренность сможет лучше подготовить торжество истины, чем резкая критика, отравленная завистью и ревностью. Благие духи проповедуют только единение и любовь к ближнему, и никогда злоторная или противоречащая милосердию мысль не могла притти из чистого источника. В заключение послушаем по этому поводу советы духа Блаженного Августина.

«Довольно долго люди поносили и терзали друг друга, посылали анафемы от имени Бога мира и милосердия, и Бога оскорбляло такое нарушение Его закона. Спиритизм есть связующее звено, должное соединить людей однажды, потому что он покажет им, где истина и где заблуждение. Но долго ещё книжники и фарисеи будут отвергать его, как они отвергали Христа. Так хотите ли узнать, под влиянием каких духов находятся

различные секты, оспаривающие друг у друга власть над миром? – судите о них по делам их и по их принципам. Никогда добрые духи не были подстрекателями ко злу. Никогда они не советовали, не узаконивали убийства и насилия. Никогда не возбуждали они ненависти между партиями, ни жажды богатств и почестей, ни алчности к благам земным. Лишь те, кто добры, человечны, благожелательны ко всем, являются их избранниками и суть также избранники Христовы, ибо идут путём, какой он указал им, дабы притти к нему.

Бл.Августин»

1858 г.

Проникновение в наш собственный внутренний мир является единственной и узкой дверью к истине. Никакого другого пути к этому, безусловно, не существует.

А. Шопенгауэр

П и ф а г о р

А Ф О Р И З М Ы

ПИФАГОР И ПИФАГОРЕЙСТВО

Пифагор — это имя-легенда, имя-символ, имя-загадка. Для большинства наших современников он, наверное, значим лишь как автор знаменитой теоремы, и только.* А это очень жаль.

Пифагор Самосский (570 — 496 гг. до Р.Х.) — одна из величайших фигур, завещанных нам античностью. Он не только знал всё то, что возможно объять уму человеческому, но и присоединял к знанию вещей великодушные чувства, влекущие благородную душу к стремлению все благодетельства природы, предоставленные ею в распоряжение человеческого прогресса, и все открытия науки заставить служить счастьем людей.

Родился Пифагор на греческом острове Самос, а большую часть жизни прожил в Южной Италии. Родителями его были Мнемарх и Пифаида, но жители острова, убеждённые в божественном происхождении философа, приписывали отцовство Аполлону, а род Пифагора — потомству Зевса. Буквально имя «Пифагор» переводится как «тот, о котором объявила Пифия». По словам Ямвлиха,** дельфийский оракул — жрица-прорицательница Пифия — предсказал Мнемарху, что у него родится дитя, «которое будет выделяться среди всех когда-либо живших красотой и мудростью и принесёт человеческому роду величайшую помощь на все времена».

После рождения ребёнка отец воздвиг величественное святилище Аполлону и нанял для сына лучших наставников. С ранних лет Пифагора люди начали замечать в нём признаки

* Хотя, пожалуй, и это будет теперь преувеличением. В порядке эксперимента мы опросили более двух десятков человек — от школьников до глубоких старцев — и за исключением двух случаев не смогли получить внятного ответа на вопрос, в чём всё-таки эта теорема заключается. (И.Р.)

** Ямвлих (умер ок. 330 г. н.э.) — древнегреческий философ-мистик, автор трактата «Жизнь Пифагора», основатель сирийской неоплатонической школы. (И.Р.)

особого ума и раннюю мудрость, отчего и возникла молва о его божественном происхождении.

В восемнадцать лет Пифагор тайно покидает отеческий дом и отправляется в Сирию постигать тайные знания у финикийских жрецов, а затем и к жрецам в Египет, к лучшим в те времена прорицателям и наставникам тайного знания. Тринадцать лет провёл Пифагор в Египте, изучая астрономию, геометрию и мистические таинства, пока персидский царь Камбис II не завоевал Египет. Пифагора в числе прочих пленников увели в Вавилон в качестве раба. Там он продолжил свои поиски знаний, изучая науку о числах, музыку и многие другие предметы. К пятидесяти годам он возвращается на родину, на остров Самос.

Слава о великом философе разнеслась по всей Элладе, и сотни людей начали приезжать на остров для того, чтобы увидеть мудреца и пообщаться с ним. Это тяготило Пифагора, к тому же много времени он был вынужден уделять общественной деятельности. Поэтому он принимает решение покинуть остров и переезжает в италийский город Кротон.*

По прибытии в Италию Пифагор узнаёт, что многие города находятся там в рабстве друг у друга. Своим красноречием и личной храбростью он способствует низложению Фалариса, тирана сицилийского. Мудрыми советами возвращает свободу, устраняет смуту и разногласия и примиряет италийскую знать. Он дарует мудрые законы многим народам, просящим его об этой милости.

Это был одновременно учёный, философ и организатор. Считается, что он первым ввёл в обиход понятие и термин «философия» (*любовь к мудрости*) и назвал себя *философом*. Он же первым ввёл в употребление понятие и термин «гармония» (*связь, стройность целого, соразмерность частей, созвучие*) и учил о её важности в жизни человека и устройении вселенной.

* Кротон — город в «Большой Греции», на западном берегу Тарентского залива. Большой Грецией древние греки называли южную часть Италии, от Неаполя до Тарента, по причине наличия там многочисленных греческих поселений («колоний»). (*И.Р.*)

Идеолог аристократии и благородства духа, Пифагор основал школу философии и мудрости, организация которой покоилась на восхитительных принципах: наука, нравственность, патриотизм сливались в ней в величественное и гармоничное целое. Пифагорейская школа взрастила новых законодателей и защитников прав человечества.

К несчастью, неустойчивость дел человеческих, этот зловещий закон, согласно которому за эпохой героических усилий и свершений наступает время застоя и упадка, призывает к жизни моральных уродов и чудовищ, которые соединяют дьявольскую ловкость и хитрость с намерением остановить продвижение человечества к истине и справедливости. Воспитательная и просветительская деятельность Пифагора вызвала сильнейшую реакцию сил тьмы, пифагорейцы были перебиты, а школа их вместе с её филиалами сожжена. Эта трагедия породила катастрофу в умственной жизни греков, направив ход мысли по совершенно ложному пути. Началось увлечение «системами», научное рвение выродилось в нескончаемые и праздные догадки о строении вселенной. Никакая связь не объединяла более философов (а вернее уже сказать, софистов) между собою. У каждого из них было собственное представление об устройстве мира, и все силы воображения такой софист (*платный учитель премудрости*) употреблял на то, чтобы показать превосходство своей системы над всеми прочими. Отсюда бесконечные и пустые споры, так как софисты не опирались на наблюдение фактов, которые не удосуживались даже более изучать.

Вернёмся, однако, к самому Пифагору. Его основным правилом было: «Любым способом следует избегать и отсекают огнём, железом и всеми другими средствами: от тела — болезнь, от души — невежество, от желудка — излишество, от города — смуту, от дома — разномыслие, от всего в целом — неумеренность». «Мера во всём» — принцип, близкий и понятный всем греческим мудрецам, нашёл своё наивысшее выражение в философии Пифагора.

Пифагор был строгим вегетарианцем, а также защитником прав «братьев наших меньших». Авторитет мыслителя был необычайно высок, а власть над людьми почти безгранична, так

как его считали полубогом. Порфирий* рассказывает, что после одной зажигательной речи Пифагора две тысячи кротонских граждан отrekliсь от обычной жизни, от права собственности и соединились в общину. В этом городе Пифагор создаёт этическое религиозное общество, ставшее одновременно философской школой, политической партией и религиозным братством. Целью этого общества было нравственное обновление и очищение религиозных воззрений тогдашнего человечества.

В эту общину (пифагорейскую школу) входили как мужчины, так и женщины, всего около 600 человек. Кротонская школа имела многочисленные отделения по всему италийскому побережью, и её выпускники проникали в высшие органы власти городов, неся пифагорейские идеалы порядка и гармонии в общественную жизнь и государственное управление.

Пифагору, согласно традиции, приписывают сочинения по теории чисел, геометрии, астрономии, определение основных музыкальных интервалов.

Пифагор считал, что число есть сущность всех вещей, что вселенная представляет собой гармоническую систему чисел и их отношений и что в практическом плане всё в мире определяется числами или соотношениями чисел.

Эти наблюдения были связаны, помимо прочего, и с музыкой. Решающую роль сыграло открытие, что если длина струн в музыкальном инструменте имеет соотношение друг к другу как 1:2, 2:3, 3:4, то получающиеся музыкальные интервалы будут соответствовать тому, что теперь у нас называется октавой, квинтой или квартой. Это открытие послужило побуждением к поискам аналогичных соотношений и в других областях, например, в геометрии и астрономии, серьёзно способствовал развитию последних.

В области математики Пифагор ввёл в обиход систематическое доказательство в геометрии, занимался построением планиметрии прямолинейных фигур, построением правильных многоугольников и многогранников, создал учение о подобии и доказал теорему, носящую его имя.

* Порфирий (232 — 304 гг.) — древнегреческий философ-идеалист, один из видных представителей неоплатонизма. (И.Р.)

Астрономические наблюдения убедили Пифагора в том, что небесные явления, с которыми связаны все главнейшие изменения земной жизни, наступают с математической правильностью, повторяясь точно определёнными циклами. Пифагор считал, что небесные тела подчиняются законам, аналогичным музыкальным — отсюда и его концепция гармонии сфер.

Опять же Пифагор впервые назвал вселенную «космосом», т.е. *строем, зданием* и развил учение о вселенной как о закономерном, стройном единстве, подчинённом законам гармонии и числа. Идея о шарообразности Земли опять-таки была впервые высказана Пифагором и в письменном виде закреплена Парменидом.* Пифагор считал, что Земля движется вокруг Солнца — центрального огня, источника света и тепла.

Пифагор занимался исследованиями и в области оптики и считал (ещё одно потрясающее предвидение), что объекты становятся видимыми благодаря выстреливаемым ими крохотным частицам, попадающим в глаз человека. Зная законы отражения, Пифагор развивал геометрические методы построения мнимых изображений плоскими и кривыми зеркалами, основанные на прослеживании отражённых лучей и их продолжений за зеркало.

Серьёзно занимался он и астрологией. За годы более чем тридцатилетних странствий он имел полную возможность глубоко и основательно изучить опыт трёх важнейших школ астрологии: египетской, ассиро-вавилонской и зороастрийской, и, помимо того, осуществить синтез их учений.

Необычность философии Пифагора в том, что она представляет собой попытку свести все явления к числовым отношениям и рассматривать числа как непреходящую сущность вещей. Если все числа составлены из чёта и нечёта, то и все вещи, по мысли Пифагора, соединяют в себе противоположности, из коих основные — предел и беспредельность. В то же время каждая вещь может рассматриваться и как примирение противоположностей, т.е. *гармония*.

В Кротоне и близлежащих городах Пифагор поставил правителей, разделяющих его взгляды (неспроста в своих

* Парменид (VI — V вв. до н.э.) — древнегреческий философ, видный представитель элейской школы. (Й.Р.)

изречениях он постоянно обращается то к правителям, то к законодателям, наставляя их уму-разуму). Поверх политической власти был создан Совет Трёхсот — научный, политический и религиозный орден, регулирующий всю общественную и государственную жизнь. Во главе этого совета стоял сам Пифагор. Благотворные результаты не замедлили сказаться: смягчились нравы, поднялся материальный и культурный уровень горожан, прекратились войны и грабежи.

Несомненно, именно пример Пифагора подвиг впоследствии Платона на основной вывод его философии: бедствия людей тогда прекратятся, когда правителями станут философы, либо когда правители настолько увлекутся философией, что сами сделаются философами, и философия и государственная власть сольются в нерасторжимом единстве; бедствия людей прекратятся, когда, наконец, к власти безусловно не будут допускаться те, кто прямо-таки в неё влюблён, а только те, кто испытывает к ней несомненное отвращение.

Эра гармонии и счастья, установленная Пифагором, продолжалась около 30 лет, а дальше случилось нечто чудовищное и неопишное. Народ, по свидетельству очевидца, буквально «взвыл» от порядка и благоустроенности и, подстрекаемый оказавшимися не у дел жрецами, военными, политиками и торговцами, разгромил и сжёг пифагорейскую школу и все её филиалы, поубивав преподавателей и учеников. С той поры пифагорейцев повсеместно преследовали и уничтожали.

Лишь двое пифагорейцев случайно уцелели: Филолай и Лизис, чтобы поведать потомкам печальную историю взлёта и крушения первой целенаправленной попытки осчастливить человечество — создать мир благоденствия и процветания на Земле.

К Пифагору судьба всё-таки оказалась благосклонна и «увела его в царство теней» за несколько лет до катастрофы. Великий реформатор и просветитель умер в счастливой уверенности, что исполнил свою великую задачу, наставив человечество на истинный путь.

По словам Гераклита,* Пифагор был учёнее всех своих современников, был первым настоящим «философом», т.е. учёным-универсалом. Пифагорейцы говорили своим ученикам, что «Зороастр был законодателем персов, Ликург — спартанцев, Солон — афинян, Нума — римлян, Пифагор же есть законодатель всего рода человеческого».

Ещё один важный, мы бы сказали, важнейший аспект учения пифагорейцев: они признавали бессмертие души и её постепенное очищение и совершенствование посредством перевоплощения, реинкарнации.

Настоящее собрание изречений Пифагора автор-составитель подбирал всю жизнь. Впоследствии к имеющемуся уже материалу он прибавил и «Пифагоровы законы и нравственные правила» в переводе (с *французского*!) В.Соликова (публикация 1808 года). Подобные переводы, на наш взгляд, в данном случае также вполне допустимы, если принять во внимание скудость подлинных источников. И в конце концов к полученному массиву автор-составитель присовокупил собственные переводы недостающих мест или тех, которые он посчитал неудачными в работах предшественников. Получившееся целое было заново переработано и приведено в систему.

Учитывая все эти запутанные обстоятельства, мы выносим настоящее произведение на суд потомков без указания источников. Пусть сия работа будет и останется коллективным трудом русских пифагорейцев, протяжённым не только в пространстве, но и во времени. Всё это, надо полагать, также как нельзя более соответствует духу пифагорейского учения.

ἵνα παραμυθῶνται

10 января 2006 г.

* Гераклит (конец VI — начало V вв. до н.э.) — крупнейший древнегреческий философ-материалист; сторонник аристократического правления. Главное его сочинение «О природе» дошло до нас лишь в фрагментах. (И.Р.)

В ПОРЯДКЕ И ВРЕМЕНИ ЕСТЬ ПЯТНАДЦАТЬ

- Божественному роду людей уготовано развенчивать заблуждения и видеть истину.
- Старайся великие дела производить, только ничего великого наперёд не обещай.
- Советы мои обдумывай часто, их полюби и следуй им всем: они поведут тебя к неземным совершенствам.
- Эволюция есть закон жизни. Число есть закон вселенной. Единство есть закон Бога.
- В мире царит непреложный закон: нет силы без необходимости.*
- Начало есть половина всего.
- Самое мудрое на свете – число, а после него – тот из людей, кто дал всем вещам имена.
- Все вещи в природе проявляются через гармонию, ритм, порядок или действие, приписываемое Богу.
- Число – самая мудрая из всех вещей. Числу все вещи подобны.
- Будь благословенно божественное число, породившее богов и людей.
- Всё, что познаётся, имеет число, ибо невозможно ни понять ничего, ни познать без него.

* Есть ещё и другой вариант русского текста: «Закон непреложный сопрягает силу с необходимостью». (Й.Р.)

- Счастье заключается в знании совершенства чисел.
- Почитай священными числа, вес и меру, как детей изящного равенства. Равенство – величайшее человеческое благо – утверждается на числах. Числа суть боги на земле.
- Ничего сверх меры, в правильной мере всё благое.
- В порядке и времени есть тайная сила, она позволяет всё сделать и сделать всё хорошо.
- Любым способом следует избегать и отсекалть огнём, железом и всеми другими средствами: от тела болезнь, от души – невежество, от желудка – излишество, от города – смуту, от дома – разномыслие, от всего в целом – неумеренность.

*НЕ ИЩИ ВОВНЕ СЕБЯ БЛАТ,
ИСТОЧНИК КОТОРЫХ ИМЕЕШЬ
ВНУТРИ*

- Гармония есть согласие разногласного.
- Твоё «я», твоя душа – это целый мир в миниатюре. И как и в миру, хватает там бурь и разногласий, а нужно настроить единство и созвучие. Лишь тогда ты внутренним оком узреть сможешь Бога и приобщиться к воле Его и могуществу.
- Великая наука жить счастливо состоит в том, чтобы жить только в настоящем.
- В настоящем созерцать грядущее – тебе под силу.
- Смертный! хоть дни жизни твоей и скоротечны, но, соблюдая бережливость, ты можешь ещё иметь время быть счастливым.
- Садись за жизненный пир, но не облакачивайся на него.
- Узнав свои подлинные права, ты и не подумаешь тешить себя пустыми желаниями.
- Если ты прозорлив, то увидишь: беды, что причиняют людям столько страданий, являются только последствиями сделанного ими выбора. Эти несчастные ищут вовне себя благ, источник которых они имеют в себе.
- Люди – жертвы зол, которые они навязывают самим себе. Всё их несчастье в том, что они ни глазом, ни слухом не могут воспринять благ, вполне от них близких; немногим доступен дар уклоняться от бед.

- Убедись, что нет у тебя иной собственности, кроме твоей души. Избери решительно самый лучший образ жизни, привычка сделает его приятным для тебя.
- Не следуй глупому примеру, живи собственным умом.
- Образ жизни старайся вести нероскошный и чистый, остерегайся деяний, которые вызовут зависть.
- Искореняй в себе корыстолюбие и тщеславие, ибо корысть и слава возбуждают зависть.
- Веди жизнь единообразную, если желаешь иметь смерть спокойную.
- В шумных сборищах не участвуй, а душу успокаивай игрой на музыкальных инструментах.
- Будь трезв, деятелен, целомудрен; гнев подавляй в зародыше. Ни на людях, ни наедине с собой не позволяй себе ничего дурного, так как прежде всего уважай самого себя.
- Не занимайся тем делом, в котором ты необразован, но изучай то, что нужно, и жизнь твоя будет прекрасной.
- Если желаешь жить долгоденственно и счастливо, вкушай удовольствия умеренно и с благоразумием.

У ВРАТ ХРАМА ПРЕМУДРОСТИ ТЕСНЫЙ ВХОД

- Как хорошо, когда благоденствие человека основано на законах разума.
- Главное – это отгонять от тела болезнь, от души – невежество, от утробы – сластолюбие, от государства – мятеж, от семьи – раздор, отовсюду – нарушение меры.
- Во всё течение своей жизни храни воздержание и трезвость: врата храма премудрости имеют тесный вход. Упитанный и тучный не может через них пройти.
- Подобно атлету води жизнь трезвую и целомудренную, но не для того, чтобы добиться победы на олимпийском игрище, но чтобы одержать победу на поприще жизни.
- Порядок да управляет всеми твоими делами. Следуя ему, ты будешь иметь удивительную возможность делать всё с желаемым успехом.
- Ничего не делай без знания его причин, а также знай то, что следует знать. Это правило необходимо для того, чтобы жить самым приятным образом.
- Благополучие состоит в том, чтобы быть в согласии с самим собой. Лира, хорошо настроенная, издаёт согласные звуки. Душа благоустроенная наслаждается счастьем.
- Немногие умеют быть счастливыми: слепые игрушки страстей, влекутся они по безбрежному морю захлёстывающими одна другую волнами, не умея ни противиться, ни уступить натиску бури.
- Не бегай за счастьем: оно всегда находится с тобою. Пребывай больше дома.

- Никого не приглашай к твоему столу, когда поставлены на нём только обыкновенные яства.
- Делать старайся полезное людям и следуй советам.
- На поле жизни, подобно сеятелю, ходи ровным и постоянным шагом.
- Старайся жить жизнью, наиболее соответствующей добродетели. Она может быть наиболее трудною, но по мере привычки к ней она становится наиболее радостной.
- Кубок жизни был бы сладок до приторности, если бы не падало в него несколько горьких слёз.
- Помни, что возможность всегда рядом с необходимостью.*
- Если молодой человек желает себе жизни долгоденственной, он воздержит себя от пресыщения и всякого излишества.
- Юноша! всем сердцем твоим возлюби порядок. Он да будет тебе вместо естественного закона. Им и для него ты существуешь.
- Порядок да будет твоим божеством! Непрестанно воздавай ему сердечное служение: порядок есть союз всех вещей. Сама природа через него существует.
- Что такое мудрость? Знание порядка. Если желаешь быть мудрым в течение твоей жизни, всё поставь на своём месте. Преходящая временная слава не стоит тихого и безмятежного порядка, видимого в ежедневных делах мудрого.
- Прежде чем делать, подумай, иначе получится глупо.

* Другой вариант русского текста: «Как известно, где необходимость, там и возможность». (И.Р.)

ЛЕНИВОГО СНА НЕ ДОПУСКАЙ НА УСТАЛЫЕ ОЧИ

- Ложась спать – спроси себя, что сделал за день. Просыпаясь утром – спроси, что будешь делать сегодня.
- Прежде чем встать от сладостных снов, навеваемых ночью, думой раскинь, какие дела тебе день приготовил.
- Просыпаясь утром, спроси себя: «Что я должен сделать?» Вечером, прежде чем заснуть: «Что я сделал?»
- Не закрывай глаз, когда хочешь спать, не разобравши всех своих поступков за прошедший день.
- Не допускай ленивого сна на усталые очи, прежде чем на три вопроса о деле дневном не ответишь: «Что я сделал?» «Чего я не сделал?» и «Что мне осталось?»
- В общественных отношениях своих избегай делать врагов из друзей; старайся, наоборот, своих врагов обращать в друзей.
-
- Живи с людьми так, чтобы твои друзья не стали недругами, а недруги стали друзьями.
- Не будь одним из тех, которые кажутся мудрыми только в своих сочинениях.
- Какое бы ни постигло тебя несчастье, удержи себя от слёз: храни их для пролития о несчастье других.
- Мудрый и высоким умом одарённый! старайся, сколько возможно, усовершенствовать род человеческий.

- Будем относиться благоразумно и справедливо ко всем, не только к благоразумным и справедливым, и не будем нечестными с нечестными и злыми со злыми.
- Помогай человеку в поднятии тяжести, но не в сложении её. Учись помогать старательным, но не помогай ленивым и тем, кто избегает ответственности.
- Терпеть жестокие гонения за то, что желаешь образовать и просветить род человеческий – такова горестная судьба благодетелей человечества.
- Омывай полученную обиду не в крови, а в реке забвения.
- Уходя на чужбину, не оборачивайся.
- Место твоего рождения да будет тебе отечеством, если с твоим бытием ты видел в нём и добрые нравы. Истинное отечество там, где есть благие нравы.
- Не ходи часто ни в какое общество: пребывай больше в своём семействе и посещая своего друга.
- В обществе человеческом оставайся только на время, нужное для избрания себе жены и верного друга.

*МУДРЕЦУ НЕ КЛИЦУ
ЧРЕЗМЕРНЫЕ ЗАБОТЫ
ИЛИ ПОЛНОЕ ОТСУТСТВИЕ ИХ*

- При наименовании отчества восходи мысленно к первоначальному его источнику: отеческий дом есть истинное его происхождение.
- Внутренность домов ваших да будет святилищем, куда только один закон может иметь свободный вход.
- Посещай дом мудрого: будет ли он дома, или нет; ты выйдешь из него лучшим.
- В общении нужно держаться так, чтобы друзей не делать врагами.
- Не живи у народа чрезмерно цивилизованного, у которого приличия заступают место обязанностей.
- Что самое истинное? Что люди дурны.
- Исправить нравы устаревшей нации так же трудно, как сделать белым чёрное дерево.
- Одни люди охочи до славы, другие до наживы, я же – до одной истины.
- Жизнь подобна зрелищу: в ней часто весьма дурные люди занимают наилучшие места.
- У хвастунов так же как и в позлащённом оружии, внутреннее не соответствует наружному.

- Мудр закон индийский, повелевающий не терпеть в обществе человека, изобличённого во лжи.
- Огня ножом не вороши; человека гневного и надменного резкими словами не задевай.
- Благоразумный путешественник! не будь миротворцем между сражающимися змеей и тигром. Только тогда добрые бывают спокойны, когда злые друг друга истребляют.
-
- Во время гнева не должно ни говорить, ни действовать.
- Лесть подобна вооружению, нарисованному на картине: она доставляет приятность, а пользы никакой.
- Один порицающий тебя принесёт тебе больше пользы, нежели толпа льстецов.
- Всегда избегай чрезмерных забот иль отсутствия их.
- Если ты богат, то убегай тяжбы. Если же беден, то убегай её ещё больше.
- Все дела сначала обдумай, чтоб не было хуже.
- Чего не знаешь, того и делать не притязай!
- Где необходимость, там и возможность.
- Не будь глух к увещаниям и от дел полезных не отказывайся.
- Если это плохо, так воздержись; а если хорошо, то настаивай и упорствуй!
- Ничему не удивляйся!

- Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом.
- Если тебя спросят: в чём состоит благополучие? – ответствуй: быть в согласии с самим собой.
- Лишь то делай, что не наносит вреда твоей истинной природе, и прежде, чем делать, размысли.

*СВЯТОСТЬ ЖИЗНИ, ЛЮБВИ,
КРАСОТЫ
И СЕМЕЙНОГО ОЧАГА*

- Любовь есть дело святое: не делай её предметом общих разговоров.
- В женщине разум предпочитай красоте, а приятностям давай более преимущества, чем разуму.
- Прежде вступления твоего в союз супружества, должен ты знать, что в природе всё непрестанно изменяется: женщина сегодняшняя не есть уже женщина вчерашняя.
- Помните, юные девицы, что лицо тогда бывает прекрасным, когда оно изображает изящную душу.
- Юная девица! Скрывай внутри сердца твоего зародыш любви: берегись, да не скоро он прорастёт!
- Да будут все удовольствия юных супругов растворены благоразумием. Любите друг друга, сохраняя непорочность нравов.
- Женщины! любите в жизни только один раз: это закон природы и совет разума.
- Законодатель! Если желаешь исправить народные нравы, отнесись о том прежде к женщинам.
- Мудрая домохозяйка да учится у природы, произведшей малым иждивением столь превосходные вещи: только она научит её искусству домоуправления.

- Узкая и короткая одежда унижает самые благородные части тела. Мужская одежда да будет величественна, а женская красива и приятна.
- Юная супруга! будь подобна благовонному цветку, ожидающему ночи для излияния сладчайших своих благоуханий.
- Упившись вином, не приступай к святому делу деторождения.
- Сделавшись отцом, не преклоняй колена твоего ни перед кем, даже перед твоим родителем.
- Благоразумная супруга! Если желаешь, чтоб муж твой свободное время проводил подле тебя, то потщись, чтоб он ни в каком ином месте не находил столько приятности, удовольствия, скромности и нежности.
- Отец семейства! Не терпи, чтобы чуждая рука прикасалась к голове твоей жены или твоих дочерей.
- Не делай выговоров своей жене при своих детях.
- На верность своей собаки полагайся во всякое время, а на верность своей жены только до первого случая.
- Не полагайся на жену, которая много смеётся.
- Предоставьте жёнам вашим все упражнения, не требующие ни силы, ни мужества, ни благоразумия.
- Отец слабый и не видящий пороков своего сына подобен дереву, доставляющему рукоятку топору, который срубит его.

- Не позволяй своим детям убивать насекомых: с этого начинается человекоубийство.*
- Человек! не делай другим животным того, чего не хочешь, чтобы они тебе делали.
- Воздержись себя от убийства животных. Пролитие их крови привело людей к безумию проливать кровь себе подобных.
- Не дерзай мыслить, что бессловесные животные не имеют разума. О, если бы они могли говорить!
- Не избирай себе другом зверолова, и дочь его да не будет твоею женою.
- Мать семейства! Никогда не оставляй своих детей: отсутствие насадки всегда бывает вредно её яйцам.
- Берегите слёзы ваших детей, дабы они могли проливать их на вашей могиле.
- Мудрый! Будь прежде законодателем твоего семейства, если желаешь быть законодателем твоего отечества.
- Не вверяйте правления республики тому, кому жена его и дети не оказывают должного уважения.
- Не исполняющий обязанностей отца семейства, не может быть ни законодателем, ни правителем города.
- [И вместе с тем,] да не избирают граждане своим правителем отца, имеющего много детей.

* Другой вариант русского текста: «Строго накажи дитя, виновное в убийстве насекомого, с этого начинается человекоубийство». (И.Р.)

МУДРОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЯ – ИСТОЧНИК МУДРОСТИ ЗАКОНОВ

- Народ, любящий своё гражданское бытие! Избегай более всего: постановления не имеющего силы, неспособного градоправительства и роскоши при столе. Три этих вредных начала обязательно произведут общее и домашнее неустройство и ускорят общественную и частную погибель.
- Не призывайте иноплеменника обитать с вами. Не открывайте врат града вашего всякому пришельцу: благоустроенный город подобен пиршественному столу, изготовленному по числу пирующих.
- При деспотизме народ есть ползающий червь, который позволяет давить себя; при республике – это медведь, пожирающий своих вожаков.
- Законодатель! Покори народ владычеству разума и добродетели: только в этом состоит истинная его свобода.
- Законодателям и правителям нет нужды говорить людям: «Будьте добродетельны», но достаточно удалять от них случаи быть порочными.
- Что должно делать народу, желающему наслаждаться свободой внутри и быть страшным внешним своим неприятелям? Иметь достаточно хлеба, немного соли и самую малость законов.
- Имейте малое число законов: многочисленные законы не могут быть изящны.

- Законодатель! Постарайся, чтобы уложение твоё было написано на немногих листах. Закон есть общенародная книга; народ же не имеет времени много читать.
- Прежде издания своих законов законодатель да советуется с законами безмолвными или с внутренним народным чувством.
- Законодатели да не расширяют круга естественных законов. Природа, бессмертным своим перстом начертав оный, сказала человеческому разуму: «Ты не можешь преступить его без наказания».
- Народам должно стараться прежде иметь добрые нравы, чем законы: нравы есть самые первые законы.
- Не стоит жить с народом, имеющим бóльшую нужду в законах, чем в добрых нравах.
- Не нужно высокого ума, не нужно чудес и таинств для обнародования законов разума: довольно для этого одного здравого разума и правого сердца.

МУДРЫЕ ЗАКОНЫ ЛУЧШЕ ТВЁРДЫХ СТЕН

- Наилучшие законы те, которые составлялись без законодателей и которые, не будучи писаными, всегда существуют.
- Каждый народ желает особенного законоположения. Однако следует понимать, что законы справедливости, подобно лучам солнечным, суть законы всех земель и всех веков.
- Прежде законодателей существовали законы. Народы! Требуйте этих законов от ваших законодателей.
- Не требуйте новых законов: они дорого будут вам стоить. Довольно будет для вас, если исправите скрижали прежних ваших узаконений.
- Люди! Если вам угодно, имейте полубогов, но не имейте полузаконков.
- Законодатель! Желает ли, чтобы законы твои были основанием народного благоденствия? Постарайся, чтобы они в точности исполнялись.
- Не обносите города вашего высокими и твёрдыми стенами: укрепите его более добрыми законами.
- Не нужно там оружие, где есть мудрые законы.
- Звание гражданина можно иметь только там, где есть добрые законы.
- Где нет равенства состояний, там не может быть равенства прав.

- Горе вам, если власть и могущество законов ваших не превышают силы и власти человеческой!
- Да будут первыми вашими божествами солнце и закон: первое распределяет ваши труды, а второй учреждает ваше поведение.
- Смертные! Закон есть вещь святая: вверяйте исполнение его только чистым рукам.
- Одни издают законы для снискания славы: простим им. Иные для приобретения великих сокровищ: пожалеем о них. Законодатель человеков вещает истину единственно по внутреннему убеждению и из любви к ней.
- Если будете принуждены иметь некогда над собою тирана, по крайней мере не допускайте его, чтобы он в то же время был вашим законодателем.

ЗАКОНОДАТЕЛЬ ДА БУДЕШЬ ОТГОЛОСКОМ РАЗУМА

- Более необходима осторожность в выборе законодателя, чем градоправителя. Ибо обязанности градоправителя ограничиваются только настоящим, законодателю же надлежит своё внимание обращать и на будущее.
- Кто излагает законы только местные и временные не заслуживает высокого и священного звания законодателя.
- Если законодатель желает, чтобы законы его были долговечнее меди и мрамора, ему прежде их издания нужно прилежно исследовать человеческие нужды.
- Если законодатель желает, чтобы законы его пребывали нерушимыми и долговечными, он постарается, чтобы они были справедливы.
- Законодатели! Не составляйте законов для народа, но сотворите народ для законов: закон справедливости существовал прежде народа.
- Законодатель должен быть отголоском разума, а судья отголоском закона.
- Законодатель! Ты не можешь назваться истинным законотворцем, если в уложении твоём находятся исключения: законы справедливости их не терпят.
- Если мудрый желает возвестить людям какую-либо важную истину, он облечёт её в одежды общественного мнения, ибо высочайшим законом почитают таковое народы.

- Законодатель! не запрещай народу верить, что плуг ниспослан с небес: пусть земледелие всегда пребудет для него священным.
- Законодатель! Поступай с народом точно так, как природа поступает с людьми: она делает их счастливыми, не изъясняя им того. Никогда не обманывай народ, но и всего ему не объясняй.
- Законодатель да подражает природе: она равно велика как в подробностях своих, так и в своей совокупности.
-
- Законодатель да не говорит народу: «Расти и размножайся!» Природа уже весьма ясно это ему повелевает. Но пусть говорит ему: «Прежде произведения на свет твоих детей, размышляй о средствах сделать их мудрыми и счастливыми».
- Да не пишет законодатель законов о торговле: она их не терпит, подобно океану, носящему корабли её. Торговля процветает и распространяется одной только доверенностью.
- Законодатель да говорит человеку о его правах, а народу о его обязанностях.
- Не пристало законодателю говорить народу о его правах, если тот ещё не знает и не исполняет своих должностей. Говорить ему о его преимуществах, не напоминая прежде о его обязанностях, значит оказывать ему худую услугу.
- Граждане! Если на всенародных ваших собраниях станут вам проповедовать о равенстве, не говоря о правосудии, то сведите с кафедры проповедника и на уста его наложите печать молчания.

- Законодателям бесполезно писать законы народу, не имеющему собственности. Гражданин без собственности не имеет отечества.
- Что толку писать законы народу, на воротах которого не видно ещё замков, ибо он в законах этих не имеет нужды.
- Тщетно станет законодатель писать законы для народа, преданного роскоши: роскошь умерщвляет законы.
- Что толку писать строгие законы для истребления роскоши! Достаточно только поселить презрение в общественном мнении к ветреным и легкомысленным женщинам.
- Законодатель! не осуждай злых на жестокие казни, но подражай селянину, который привязывает к рогам неистового быка сено для предостережения мимоидущих.
- Законодатель и градоправитель! Не показывайся иначе народу, как в приличной тебе одежде. В противном случае он сочтёт тебя себе подобным.
- Пусть только жрецы говорят тёмно и двусмысленно, законодателю же подобает говорить ясно и вразумительно.
- Законодатель! Не говори народам земным именем богов, ибо ты через это сам себя унизишь. Храни безмолвие или говори своим собственным именем. Свидетельство мудрого есть свидетельство богов.
- Законодатель да удалится, если народ заставляет его действовать заодно со своими предсказателями.
- На клятвы правителей и народа полагайся не больше, чем на обещания женщин.

- **Законодатель! Если народ требует от тебя клятвы, говори ему:
«Клянусь скипетром разума!»**
- **Народы! Имейте к мудрому хотя бы немного той доверенности,
какую вы имеете к своим предсказателям.**
- **Народы да чтят благоговейно память мудрых своих
законодателей, ибо мудрый законодатель подобен самим
богам.**

ЛЮДИ, ПОЧИТАЙТЕ САМИХ СЕБЯ!

- **Правители народов!** Непрестанно вспоминайте изречение великого и многомудрого Гермеса*: «Народ всегда охотно повинуется тому, кто делает ему добро».
- **Градоправитель** да не ставит разума своего на месте закона.
- **Правитель!** Имей при себе двух человек: одного, который бы всякое утро при твоём пробуждении уведомлял тебя о том добре, которое ты должен сделать в наступающий день; другого, который бы всякий вечер при отходе твоём ко сну напоминал тебе о зле, которое ты сам сделал или допустил сделать других.
- **Не избирайте правителем** вашим отца семейства, которому дети его не оказывают должного повиновения.
- **Правитель города**, если он всегда желает иметь право наказывать злых, не должен принимать от них никаких услуг.
- **Законодатель!** Прежде дарования народу свободы, дай ему мудрые законы. Люди не могут ещё быть свободными, если они имеют нужду в законах.

* Гермес (у римлян – Меркурий) – в древнегреческой мифологии бог скотоводства и пастухов, позднее сделался покровителем путников, дорог, купцов, торговли и прибыли, хранителем тайного знания и изобретателем лиры и пастушеской флейты. Изображался обычно юношей с жезлом в руке и шапочкой на голове. Жезл Гермеса обладал свойствами, аналогичными «волшебной палочке». По повериям греков, Гермес низводил души умерших в подземное царство. В эллинистический период в Египте Гермеса отождествляли с богом Тотом, изобретателем письмен, искусств и наук, и именовали его «Гермес трижды величайший» («Гермес Трисмегист»). Гермесу приписывали и основание так называемых «герметических» наук, в частности, алхимии. Манера изложения материала в этих школах «тайного» знания отличалась невняtnостью, запутанностью и зашифрованностью с целью отпугнуть «посторонних» и не пропустить их «в святая святых», отсюда и более поздние оттенки этого слова вплоть до «герметичности» и названия клея «Герметик». (И.Р.)

- Не говори о солнечном свете несчастному, лишённому зрения, а о прелестях независимости непросвещённому народу.
- Законодатель! не пиши законов народу, живущему под мучительским правлением, ибо они там бесполезны.
- Люди, почитайте самих себя: народ, уважающий самого себя, никогда не может быть невольником.
- Да изгладится навеки память о народе, первоначально поставившем над собою властителя!
- Где нравы без просвещения, или просвещение без нравов, там невозможно долго наслаждаться счастьем и свободой.
- Тогда только можешь ты назваться свободным, когда будешь на себе носить одно иго необходимости.
- Веди жизнь умеренную и трезвую, если желаешь быть независимым.
- Не почитай себя свободным до тех пор, пока пропитание твоё не будет зависеть от тебя самого.
- Подобно слону, размножай свой род только в независимости.
- Юноша да вооружится заблаговременно против привычки: сила привычки столь велика, что приучает человека терпеливо сносить даже неволю.
- Внушите детям вашим, что рабство есть исчадие невежества.
- Будь с теми, кто ношу взваливает, не будь с теми, кто ношу сваливает; поощряй людей не к праздности, а к добродетели и к труду.

БУДЬ ПОВЕЛИТЕЛЕМ САМОГО СЕБЯ

- Всякий закон, даже и самый лучший, есть иго.
- Законодатель! раздели твоё уложение на две скрижали: на одной из них изобрази законы правосудия для народа, а на другой правила справедливости для людей отличных и просвещённых.
- Из двух человек одинаковой силы сильнее тот, кто прав.
- Ничего не говори, или всегда говори только истину, даже самим царям, хотя бы и предстояло тебе жестоко пострадать от рук служителей тьмы.
- Будь лучше невольником, льющим воду на обagrённые кровью руки завоевателя, чем самим завоевателем.
- Одинаково опасно и безумному вручать меч, и бесчестному власть.*
- Душа твоя да будет подобна луку, находящемуся в руках необходимости.
- Будь повелителем самого себя: царствуя и благоуправляя собой, ты будешь иметь превосходное владычество и самую важную должность.
- Власть воли так сильна, что может взять верх над неизбежностью.
- Отклоняйся от дорог исхоженных, ищи нехоженные пути. Тот, кто ищет мудрости, должен искать её в уединении.

* Другой вариант русского текста: «Одинаково опасно: безумному вручать меч и бесчестному – власть». (И.Р.)

- Мудрый! Будучи обязан жить среди простого народа, будь подобен маслу, плавающему поверх воды, но не смешивающемуся с ней.
- Если можешь быть орлом, не стремись стать первым среди галок.
- Люди! хотя вы все равны, но не верьте, однако, что слабоумный равен мудрому.
- Мудрый тогда согласится быть законодателем, когда найдёт себе отечество. Во всех странах будучи чужим, он повсюду видит только народ, но нигде не усматривает людей.
- Прежде всего не теряй самоуважения!
- Мудрый и высоким умом одарённый! хотя светильник твой изливает ровный и чистый свет, но этого недовольно. Нужно ещё, чтобы не исходило от него противного запаха.
- Не почитай себя великим человеком, смотря на свою тень, какая бывает при восходе и закате солнца.
- Не дерзай мыслить, что подобные тебе люди не могут без тебя обойтись.
- Делай великое, не обещая великого.
- Статую красит вид, а человека – деяния его.
- Погрешности свои старайся не прикрывать словами, но врачевать обличениями.
- Не совершай ни сам, ни с другими постыдных деяний.

- Сну не дай низойти на свои усталые очи, каждое за день свершённое дело пока не рассмотришь: «В чём преступил я? Что сделал? Какой мною долг не исполнен?» С этого ты, начав, разбирай по порядку. И следом кайся в дурных деяньях своих, или радуйся – добрым.

УВАЖЕНИЕ К СЕБЕ И ДРУГИМ – ПЕРВЫЙ ЗАКОН

- Бедные люди ведут себя порой неразумно, ты же делай лишь то, о чём сокрушаться не будешь.
- Не делай ничего постыдного ни в присутствии других, ни в тайне. Первым твоим законом должно быть уважение к себе самому.
- Не будь ни у кого обезьяной, хотя бы и у самой природы.
- Не будь ни у кого невольником, даже и у своего друга.
- Не будь самовластным господином других. Даже своей собаки.
- Только неблагородный человек способен в глаза хвалить, а за глаза злословить.
- Не будь ласкателем ни живых, ни мёртвых.
- Не будь членом учёного общества: самые мудрые, когда они составляют общество, делаются простолюдинами.
- Не почитай знания за одно с мудростью.
- Старайся прежде быть мудрым, а учёным, когда будешь иметь свободное время.
- Научайся заблаговременно ограждать себя щитом любомудрия, ибо это защитительное оружие требует частого употребления.
- Старайся сохранить приобретённую тобой славу, но если случится, что у тебя её похитят, то не смущайся и не приходи от

того в отчаяние. Счастье состоит не в том, чтобы называться мудрым, а быть им на самом деле.

- Оградив себя разумом, предавайся спокойно сну. Рано или поздно разум превозможет всякую силу: преодолеет могущество народа и царей.
- Всё исследуй, давай разуму первое место.
- Познай самого себя – и ты узнаешь вселенную и богов!
- Большие души испытывают всегда потребность сознавать ясно даже тогда, когда отдаются высшим силам.
- Не ищи мудрого ни при дворе царей, ни в народных собраниях, ищи его в его доме.

НЕ ОГРАНИЧИВАЙ ЛЮБВИ ТВОЕЙ К ИСТИНЕ

- Одному только разуму, как мудрому попечителю, должно верить всю жизнь.
- Без ума человек не познает ничего здравого, ничего истинного и даже не способен ничего уловить какими бы то ни было чувствами, – только ум сам по себе всё видит и всё слышит, прочее же и слепо, и глухо.
- Одни просят у богов великого богатства; другие знатных и высоких чинов; иные долголетней жизни; некоторые целомудренной жены; иные истины. Но ты ищи премудрости. С нею придут к тебе все сокровища.
- Повинующийся разуму, повинуется богам.
- Не рассуждай с детьми, с женщинами и с народом.
- Корону позволительно носить только богам, женщинам и детям.
- Что такое смерть? Невежество есть истинная смерть.
- Много люди слышат и добрых и злых разговоров – веры слепой не питай, но не оставляй без внимания, не раздражайся, узнав, что обман принимают за правду.
- Никогда не давай полной воли твоему воображению: оно произведёт чудовищ.
- Предаваясь размышлению, берегись, чтобы оно не превратилось в помешательство.

- Искатель истины да не позволит проникнуть в свой ум блуждающим мыслям и да не впустит в свою жизнь людей, не способных к духовному изменению.
- Не протягивай охотно свою правую руку никому. Следует иметь собственный ум и не делиться мудростью и знанием с теми, кто не способен это оценить. Только время помогает в преодолении человеческого невежества.
- Поднявшись с постели, сгладь отпечатки своего тела. Мудрый человек не оставляет позади себя форму, которую менее разумные люди могут принять за форму для изготовления идола.
- Не сообщай истину в местах общенародных: народ употребит её во зло.
- Есть люди и народы столь «стыдливые», что не могут смотреть на непокрытую истину. Не будьте столь стыдливы: истину полезно видеть нагую. Ложь пусть покрывает себя одеждой. Лицемерие пусть надевает на себя маску. Приличия много сделали вреда истине.
- Истина – дочь времени.
- Будь другом истины до мученичества, но не будь её защитником до нетерпимости.
- Две вещи делают человека богоподобным: жизнь для блага общества и правдивость.
- Не употребляй лжи даже и для спасения своего друга.
- Положи предел ревности твоей к наукам: но не ограничивай любви твоей к истине.

- Жизнь подобна играшкам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть. Так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины.
- Пребудь другом истины даже до последней минуты твоей жизни; но страшись быть гонителем за неё подобных себе.

ПРАЗДНОСТЬ – ИСПОЧНИК ВСЕХ ЗОЛ

- Мудр закон, который повелевает строго следить за поведением гражданина, живущего в праздности.
- Отмените праздники ваши, продолжающиеся целые дни. Целый день, проведённый в праздности, не может быть благоугодной жертвой как богам, так и отечеству.
- Законодатель! постарайся, да не будут в праздности жёны, юноши, воины и народ.
- Древние осуждали ленивых на смерть, а вы осудите их только на работу: так они будут лучше наказаны.
- Возделывай своё поле: боги освобождают тебя от всякого другого богослужения. Земледелие есть первое для человека богопочитание.
- Поле своё обрабатывай собственными руками. Не оставляй его возделывать твоим невольникам: земледелие требует рук свободного человека.
- Не будь другом возделывающего с нерадением свою землю: он вознаградит также и о поле дружбы.
- За дело принимайся, обратившись к богам, чтоб вели его к благу.*
- В свободное от своих дел время упражняйся в науках: оне в жизни нашей доставляют нам неизъяснимые удовольствия.

* Другой вариант русского текста: «Берись за работу, лишь помолвившись богам о её окончании». (И.Р.)

- Не заботься о соискании великого знания: из всех знаний нравственная наука, может быть, есть самая наинужнейшая, но ей не обучаются.
- Одну каплю здравого разума предпочитай целому кладезю учёности.
- Умеренно предавайся таинственной и глубокоумственной метафизике, а напротив, упражняйся больше в исследовании естества.
- Всё с особенным вниманием рассматривай, но ничего не изъясняй.
- Прежде старайся исследовать вещи около тебя находящиеся, чем те, которые удалены от твоего зрения.
- Философ значит «любомудр»; а это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости. Мудрецом же может быть только Бог, а не человек.
- Никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван любомудром.
- У всякого заблуждения, как и у истины, есть свои последователи, поэтому философу пристала осторожность как в осуждении, так и в одобрении; и если заблуждение торжествует, он удаляется, чтобы ждать.

СЛОВА ТРЕБУЮТ САМОГО СЕРЬЁЗНОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ

- Размышляй, сравнивай и делай свой выбор с полной свободой: лишь глупцам предоставлено действовать без знания цели и без причины.
- Сначала думай, потом делай – так избежешь глупости и ошибок. Говорить и делать без разумения достойно ничтожества. Ты же, напротив, совершай лишь то, что впоследствии не сможет тебе повредить.
- Прежде всего придержи язык свой.
- Более примечай и наблюдай, чем читай: кто читает много, тот читает худо.
- Говори мало, пиши ещё менее.
- Если хочешь пережить самого себя и быть в почтении у потомства, то оставь после себя добродетельное семейство и хорошую книгу.
- Измеряй свои желания, взвешивай свои мысли, исчисляй свои слова.
- Будь хозяином своему языку прежде всех других вещей. Если есть сомнение – лучше промолчать.
- Прежде чем станешь говорить, дай время созреть мысли твоей под твоим языком.
- Размышление предохраняет от бесполезного многословия.

- Первое упражнение будущего мудреца состоит в том, чтобы до конца смирить свой язык и слова летучие заключить, ошипав перья, за белой стеною зубов.
- Молчание – первый камень храма премудрости.
- Молчи или говори что-нибудь получше молчания.
- Как ни коротки слова: «да» и «нет», всё же они требуют самого серьёзного размышления.
- Твори справедливость на словах и на деле и никогда не поступай необдуманно – пусть это будет твоим постоянным упражнением.
- Шутку, как и соль, должно употреблять с умеренностью.
- Одно и то же, что от полыни горечь отнять и что у слова дерзость отсечь.
- Прежде всего научайся каждую вещь называть собственным её именем: это самая первая и важнейшая из всех наук.
- Полезнее камень наобум бросить, чем слово пустое.
- Веры к тому не имей, чьи слова и дела ненадёжны, сам же лишь то говори, что сочтёшь из всего наилучшим.
- Законодатель да запретит пребывание в городе человеку, питающемуся иждивением тех, которых заставляет он смеяться.
- Слушая и сохраняя молчание, ты сделаешься мудрым: начало премудрости есть молчание.
- Юноша да хранит молчание перед вещающим старцем.

-
- Любитель молчания! воздержи себя от употребления вина: молчание и вино не могут быть совместны. Молчание хотя подобно бесплодному дереву, но предохраняет от многих погрешностей. Пусть молодой человек насаждает и возделывает дерево молчания перед училищем премудрости.
- Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык.
- Беседу следует вести так, чтобы собеседников из врагов делать друзьями, а не друзей – врагами.
- Как старинное вино не пригодно к тому, чтобы его много пить, так и грубое обращение не пригодно для собеседования.

ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ВСЕХ ПОРОКОВ

- Останься лучше бедным, если для соискания богатства надобно тебе унижаться и осквернить руки твои неправдой.
- Мудрый тогда только согласится быть богатым, когда богатые сделаются мудрыми.
- Богатство то прибывает, то убывает.
- Да не обладает тобой дух тщеславия быть богатым, ибо это послужило бы к умножению числа бедных. Но последуй лучше естественной склонности быть счастливым: счастье находится для всех состояний.
- Употребление золота и серебра – главная причина всех пороков.
- Страшитесь прелестей изящных художеств: они питаются одной только роскошью, а роскошь растлевает добрые нравы.
- Избегай напрасных и ненужных трат и расходов, пусть бы это и выглядело не очень учтиво в глазах других.
- Столовые приборы и прочие вещи в доме твоём да не будут слишком драгоценны и весьма скудельны: ибо ты не будешь тогда сокрушать себя чрезмерным сетованием и объят великим гневом, когда случится тебе лишиться их. Суетное тщеславие насыщаться из великолепных и позолоченных сосудов не стоит удовольствия спокойной жизни.
- Знай: последствия роскоши и скупости схожи – во всём предпочти золотую середину: в ней есть справедливость и первое благо.

- Не допускай непомерных расходов, как низкий душою, но и не слишком скупись. Основа всего – это мера.
- Расточитель отцовского наследия бесчестен.
- Не живи в том городе, где пышность и великолепие народных памятников оскорбляют бедность честных семейств.
- Пока город ваш состоит из богатых и бедных граждан, до тех пор вы не можете считать себя свободными: бедный по необходимости бывает невольником богатого.
- Законодатель да положит предел страстям гражданина и его собственности. Кто имеет мало, хочет иметь больше; кто имеет много, хочет иметь ещё больше.
- Во время зимы не проси убежища у неблагодарного. Прах во гробе мёртвого не так холоден, как дом неблагодарного.
- Не посекай древа, давшего тебе убежище во время бури.
- Делая добро народу, не помышляй о воздаянии: из всех животных он есть самое неблагодарное.
- С благодарностью не смешивайте суеверия.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО

- Хотите ли быть мудрыми? Старайтесь столь же ревностно делать добро, сколько рачительно вы делали зло.
- Чтобы о тебе ни думали, делай то, что ты считаешь справедливым. Будь одинаково равнодушен и к порицанию и к похвале.
- Боги дали людям две благодати: говорить правду и делать добро.
- Благо определённо и ограничено, тогда как зло неопределённо и неограниченно. Тысячи путей уводят от цели, и лишь один-единственный ведёт к ней.
- Быть всегда в словах и поступках стремись справедливым. И никогда старайся себя не вести безрассудно.
- Спешి делать добро лучше настоящим утром, чем наступающим вечером, ибо жизнь скоротечна, и время летит.
- Делай людям добро во всё течение своей жизни. Хвали их только после смерти.
- Не должно злословить умерших.
- Пусть – что важнее всего – твоим главным судьёй станет совесть.
- Во всяком деле прежде советуйся со своей совестью, а потом со своим другом.
- Совесть твоя да будет единственным твоим божеством.

- Если тебя спросят: «Кто такой нечестивец и безбожник?» – отвечай: «Человек несправедливый и бесовестный и есть совершенный безбожник».
- Добродетель – это любовь к мудрости, перешедшая в действие.
- Будь добродетелен, если хочешь быть счастливым: надо быть мудрым, чтобы долгое время наслаждаться счастьем.
- Скромность есть прекрасный храм добродетели. Если станешь для неё искать иного жилища, ты оскорбишь её.
- Знаете ли, что есть нечто превосходнее красавицы? Красота, соединённая со скромностью.
- Если совершается с удовольствием постыдное, то удовольствие проходит, а стыд остаётся; если же совершается с усилием достойное, то усилие проходит, а достойное остаётся.
- Богатство – якорь ненадёжный, а слава – и того хуже. То же и тело, то же и власть, то же и почёт; всё это ничтожно и бессильно. В чём же надёжный якорь для жизни? Только в добродетели. Таков уж божественный закон, что добродетель держится твёрдо и непоколебимо; всё же остальное – ничто.

ПЕЛО ДА НЕ БУДЕШ ГРОБОМ ДУШИ!

- Смертным по воле богов могут выпасть на долю страдания – ропот смири на судьбу, каким бы ни был твой жребий, и утешенье себе постарайся найти, если можешь. Помни, что честные люди подвержены меньше невзгодам.
-
- Несчастные люди приносят страдания сами себе, они слепы и глухи, хотя им доступен путь совершенства, и мало кто знает спасенье от бедствий. Эта несчастная участь лишает смертных рассудка. Злая судьба постоянно бросает их с места на место. Скрытый раздор, этим людям присущий, сопутствуя бедам, их губит. Не вызывай его, но избегай, уклоняясь.
- Смертный! когда несчастье станет стучаться в твои двери, открой их ему с весёлым лицом, не дожидаясь, чтобы оно стучалось к тебе в другой раз: сопротивление раздражает его, покорство же – обезоруживает.
- За здоровьем неизменно следи: отмеряй телу, сколько нужно, питания, а уму – отдыха.
- Похоти уступай зимой, не уступай летом; менее опасна она весной и осенью, опасна же во всякую пору и для здоровья нехороша.
- Наука врачебная более всех прочих требует мудрости и благоразумия.
- Тело своё не делай гробом своей души.
-
- Природа, подобно тени, шествует вместе с телами.
- Мету важно во всём соблюдать – в еде и напитках, и в упражненьях для тела, и мера есть то, что не в тягость.

- Всегда обедай дома: свободным и трезвым можно быть только в своём доме.
- Должно оставить беспечность, коль дело пойдёт о здоровье.
- Не предавайся обжорству, сон ограничь, научись обуздывать гнев и желанья.
- Никто не должен преступать меры ни в пище, ни в питье.
- Да изгонит градоправитель из города всякого человека чрезмерно тучного: он для других служит дурным примером.
- Во всё течение твоей жизни пребудь трезвым, ибо весьма тучное тело иссушает душу.
- Чаще теряют меру в питье, чем в еде.
- Чтобы отучиться от пьянства, чаще взирай на дела, какие творишь пьяным.
- Неразумные при выпивании вина доходят до опьянения, а при несчастьях – до совершенной потери ума.
- Пьянство есть упражнение в безумстве.
- Воздержись от употребления вина: оно есть молоко, питающее страсти.
- Спроси у пьяницы, как бы он мог перестать пьянствовать? Я отвечу за него: пусть почаще вспоминает о делах, какие он делает в пьяном виде.
-

Человек умирает в опьянении от вина; он беснуется в опьянении от любви.

- Слюбяться надобно всякий раз, как хочешь обессилеть.

ДРУЖБА ЕСТЬ РАВЕНСТВО

- От самой юности своей учись быть мудрым: это упражнение требует целой человеческой жизни.
- Юноша! Каждое твоё желание посылай в училище нужды.
- Юноши да приобучают себя к размышлению: оно предохранит их от бесполезного многословия.
- Избери себе друга; ты не можешь быть счастлив один: счастье есть дело двоих.
- Сыщи себе верного друга. Имея его, ты можешь обойтись без богов.
- Пригласи с собою жить твоего друга: утешительно состариться двоим под одной кровлей. Существо уединённое не может истинно наслаждаться жизнью.
- Не избирай себе другом живущего в несогласии со своею женою.
- Если ты не можешь найти себе друга, по крайней мере сыщи себе товарища одного с тобою звания, чтобы вы разговорами своими могли себя взаимно утешать.
- После долгого и напрасного искания друга возьми себе собаку: верная собака есть точный образ друга.
- У друзей всё общее, и дружба есть равенство.
- Спросят тебя: «Что такое дружба?» – так отвечай: «Сочетание двух добродетельных душ».

- Когда ты с другом, ты не один, но вас и не двое.
- Будучи незванным и не приглашённым, не садись за стол даже и своего брата. Исключи из того только стол твоего друга.
- Никому, кроме своего друга, ничем не будь обязан.
- Избери себе друга заблаговременно, ибо жизнь весьма скоротечна.
- Не обижайся, сколь можешь, на друга за мелкий проступок.
- Если не можешь иметь верного друга, будь сам себе другом.

БОЖЕСТВО ЖИВЁТ В ВАС

- Боже! Поистине ты уберёг бы от бедствий, если б раскрыл у каждого высшей природы начало!
- Старайся быть одновременно мудрым и любви достойным: видеть мудрого, любви достойного, есть прекраснейшее зрелище.
- Не имей других пророков, кроме мужей мудрых: ничего не случится, чего бы они не предвидели.
- Пусть стихотворцы воспевают деяния и чудеса природы, но не дерзают вещать о богах. Божество непостижимо.
- Земледелец да не имеет других богов, кроме поля, его питающего.
- Воздержитесь от чествования неизвестных богов: солнце и другие божества, видимые на небе и на земле, да будут предметами вашего поклонения.
- Из одного Божества не делайте многих богов.
- Старайтесь, чтобы богослужение ваше было просто.
- Не приносите даров богам вашим для умиловления их, ибо они оскорбляются ими.
- Не просите у богов ваших ни дождя, ни ветра: боги не принимают в этом участия. В природе всё управляется неизменными законами.
- Не ищи на небе других богов, кроме звёзд.

- Не проси ничего у богов: они сами подвержены закону необходимости.
- Если ты желаешь по смерти своей оставить сочинение, которое было бы для всякого ясно и вразумительно, то не пиши в нём о естестве богов.
- Читай в книге природы то, что для тебя ясно и вразумительно. Над прочим же много своей головы не ломай: чего в ней не можешь читать, то тебя и не касается.
- Не превозноси шумными и продолжительными похвалами благодеяния и чудеса природы: мудрый, употребляя дары её, размышляет о них в безмолвии.
- Не молись о себе, ибо ты не знаешь, в чём твоя польза.
- Не принимай участия в беседах, где хорошо или плохо говорят о богах: ты лучше старайся возделывать своё поле.
- Не презирай народ иудейский за то, что он поклонялся ослу: народы, обоготворяющие человека, благоразумнее ли поступают?
- Предоставь простому народу советоваться с предсказателями; ты же совещайся только с опытом и с мудрыми старцами.
- Не насмехайся перед народом над предметами, которые он почитает священными: народ достоин сожаления, а не осмеяния.
- Предоставь жрецам исследовать естество богов; ты же занимайся познанием человеческого сердца.
- Почитайте за сумасшедшего мечтателя того, кто возвестит вам о себе, что он беседовал с богами.

- «Боги, – говорят жрецы, – скоро раскаялись, что сотворили человека». Мы спокойно им отвечаем: «Человек раскаялся, что сотворил богов».
- Ничему не удивляйся: удивление произвело богов.
- Если вас спросят: «Что есть древнее богов?» – отвечайте: «Страх и надежда».
- Научайся познавать людей: познание людей удобнее и нужнее, чем познание богов.
- Когда уже истощите все средства человеческого благоразумия, тогда имейте прибежище к провидению богов.
- Люди! Если вы не можете быть мудрыми без богов, то имейте их только для того, чтобы сделаться мудрыми.
- Не вкладывайте бича в руку ваших богов: в противном случае вы будете или дети, или невольники.
- Градоправителям и законодателям следует запретить жрецам устрашать народ, женщин и детей изображением адских мук.
- Прежде сооружения великолепных храмов богам вашим, постройте себе спокойные дома: люди имеют в домах больше нужды, чем боги.
- Не принуждайте мудрого приносить жертвы богам. Каждый чувствует их особенным и ему свойственным образом: чернь обагрив кровью их жертвенники, а он – исследуя естество и участь быть им подобным.
- Да не терпят горожане в стенах своих жреца, изобилующего богатством.

- Не живи у народа, у которого находится больше жрецов, чем градоначальников, больше законов, чем добрых нравов; больше распутных женщин, чем гражданок; больше храмов, чем училищ; больше темниц, чем гостиниц.
- Хозяин! не бери себе в дом человека, бывшего служителем жреца.
- Не принуждайте мудрого чаще ходить в молитвенные храмы ваши, ибо он сам в себе носит божество.
- Начальник училища любомудрия! Запрети вход в него жрецу: жрец всегда есть жрец.
- Природа едина, и нет ничего ей равного: мать и дочь сама себе, она есть божество богов. Рассматривай только природу, и прочее оставь простолюдinам.
- Не следует толковать Божьи тайны и секреты науки без духовного и умственного просвещения.

НЕПУВАС НИЧЕГО, КРОМЕ ДУШИ

- Начав поиски истины и таинств, нельзя возвращаться к невежеству и порокам. Лучше ничего не знать о божественном, чем изучить малость и остановиться на полпути.
- Душа и тело подают себе взаимную помощь. Нет иного теснейшего союза: два составляют одно. Правитель! следи прилежно, чтобы жрецы не расторгали этого соединения.
- Нет у тебя, человек, ничего, кроме души.
- Имей попечение о теле своём. Если это не добродетель, то, по крайней мере, это первая твоя обязанность.
- Человеческое тело должно сохраняться как наиболее драгоценное средство человеческого воплощения. Самоубийство – не дело мудреца.
- Без приказанья полководца солдат не оставляет свой пост; и ты без приказанья Божества не смей покидать эту жизнь!
- Дух есть действенная и бессмертная часть человека. Душа же – это дух, облачённый в газообразное, эфирное тело.
- Приучи душу свою к размышлению: она скоро будет иметь орлиные крылья.
- В избавленье души ко всему подходи с размышленьем и руководствуйся подлинным знанием – лучшим возникшим.
- В успокоительный сон не должно тебе погружаться, прежде чем снова не вспомнишь, о каждом сегодняшнем деле: в чём провинился? что мог совершить? и чего не исполнил?

Перебери всё в уме, начиная сначала, и после радуйся добрым делам и себя укоряй за дурные. Так поступай и усвой, к чему ты должен стремиться, так ты найдёшь пути достижения божественных качеств.

- Душа совершает круг неизбежности, чередую облакаясь то в одну, то в другую жизнь.
- Будь твёрд: божественный род присутствует в смертных; им возвещая, священная всё открывает природу.
- Запомни, что неотвратима для смертных кончина.
- Если тебя спросят: «Что такое смерть?» – отвечай: «Истинная смерть – это невежество». Сколько мёртвых среди живых!
- Сделай начертание твоей жизни, и следуй оному неизменно до последней минуты твоего бытия.
- Старайся жизнь свою вести так, чтобы в конце каждого дня ты мог сам себе сказать: «Я жил».
- Считай потерянным тот день, в который ты не наслаждался созерцанием солнца: солнце есть жизнь.
- Уходя, не оглядывайся; перед смертью не цепляйся за жизнь.
- Не бойся смерти: смерть есть только перемена жилища.
- Не бойся смерти, ибо жизнь есть не что иное, как точка на неизмеримом круге существований, который всем существам назначено многократно пробежать.
- Посвящённый привлекает смерть или отдаляет её по своему произволу.

- Если ты, тело покинув, в свободный эфир вознесёшься, станешь нетленным и вечным и смерти не знающим богом.
- Надгробные ваши надписи да будут кратки и просты... «Прохожий! Почти этот гроб так, как ты желаешь, чтобы некогда почтили твой».

* * *

ПИФАГОРЕЙСКИЙ КАМЕРПОН

- Закон, польза и наслаждение – вот важнейшая из триад. Кто следует ей должным образом, тот достигает гармонии. И кто нарушает требования гармонии, тот готовит себе гибель и беды как здесь, так и в мире загробном.
- Прекрасна законность, когда ей сопутствуют полезность и приятность. Прекрасна полезность, когда ей сопутствуют приятность и законность. Прекрасна приятность, когда ей сопутствуют полезность и законность. В этом гармония.
- Но избегай приятности, когда при ней нет полезности и законности. Избегай полезности, когда она лишена законности и приятности. Избегай и законности, коли ей чужды полезность и приятность. Так сторонятся несообразности и не встанут на злой путь гибели*.

* Облечённый законоприменением всегда мнит себя сильнее подвергнутого законопослушанию. И это большая ошибка, потому что столь незатейливое миропонимание обличает слабость его ума, и, доведись ему натолкнуться отнюдь не на глупца, то быть ему битым, потому что, как известно, ум силу ломит.

Законность, которая лишена полезности и приятности, есть законность мнимая, а по сути – подлинное беззаконие. Нарушать подобную законность – приятный долг человека, следующего высоким нравственным стандартам.

Забавно, но тот, кто сильнее, почему-то всегда считает себя самым лучшим. И это большое заблуждение: обычно он – самый худший, потому что его нехитрое миропонимание мало чем отличается от миропонимания обезьяны. (Й.Р.)

СОДЕРЖАНИЕ

Сочинения Леона Дени	7
От переводчика (<i>Йог Раманантата</i>)	8

Л е о н Д е н и

СПИРИТИЗМ – РЕЛИГИЯ БУДУЩЕГО	11
---	-----------

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

А л л а н К а р д е к

С Т А Т Ь И

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО СПИРИТИЗМА.....	293
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ УЧЕНИЯ ДУХОВ.....	304
ПРАВИЛА, ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ УЧЕНИЯ ДУХОВ	312
СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА	318
ПРИРОДА БОЖИЯ	320
ПРОВИДЕНИЕ	324
ЛИЦЕЗРЕНИЕ БОГА.....	328
ИЗ БЕСЕД С ВЫСШИМИ ДУХАМИ	331
ДУХИ, ИЛИ СУЩЕСТВА МИРА ДУХОВНОГО	337
БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ И НЕБЫТИЕ	342
ПЕРЕХОД	350
В ЧЁМ НЕИССЯКАЕМАЯ СИЛА СПИРИТИЗМА?	357

П и ф а г о р

А Ф О Р И З М Ы

ПИФАГОР И ПИФАГОРЕЙСТВО.....	377
НЕ ИЩИ ВОВНЕ СЕБЯ БЛАГ,.....	386
ИСТОЧНИК КОТОРЫХ ИМЕЕШЬ ВНУТРИ	386

У ВРАТ ХРАМА ПРЕМУДРОСТИ ТЕСНЫЙ ВХОД	388
ЛЕНИВОГО СНА НЕ ДОПУСКАЙ	
НА УСТАЛЫЕ ОЧИ.....	390
МУДРЕЦУ НЕ К ЛИЦУ ЧРЕЗМЕРНЫЕ ЗАБОТЫ.....	392
ИЛИ ПОЛНОЕ ОТСУТСТВИЕ ИХ	392
СВЯТОСТЬ ЖИЗНИ, ЛЮБВИ, КРАСОТЫ	395
И СЕМЕЙНОГО ОЧАГА	395
МУДРОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЯ – ИСТОЧНИК	398
МУДРОСТИ ЗАКОНОВ.....	398
МУДРЫЕ ЗАКОНЫ ЛУЧШЕ ТВЁРДЫХ СТЕН.....	400
ЗАКОНОДАТЕЛЬ ДА БУДЕТ ОТГОЛОСКОМ РАЗУМА	402
ЛЮДИ, ПОЧИТАЙТЕ САМИХ СЕБЯ!	406
БУДЬ ПОВЕЛИТЕЛЕМ САМОГО СЕБЯ	408
УВАЖЕНИЕ К СЕБЕ И ДРУГИМ – ПЕРВЫЙ ЗАКОН...	411
НЕ ОГРАНИЧИВАЙ ЛЮБВИ ТВОЕЙ К ИСТИНЕ	413
ПРАЗДНОСТЬ – ИСТОЧНИК ВСЕХ ЗОЛ.....	416
СЛОВА ТРЕБУЮТ САМОГО СЕРЬЁЗНОГО	
РАЗМЫШЛЕНИЯ	418
ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ВСЕХ ПОРОКОВ	421
СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО	423
ТЕЛО ДА НЕ БУДЕТ ГРОБОМ ДУШИ!.....	425
ДРУЖБА ЕСТЬ РАВЕНСТВО	427
БОЖЕСТВО ЖИВЁТ В ВАС	429
НЕТ У ВАС НИЧЕГО, КРОМЕ ДУШИ	433
ПИФАГОРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН.....	436

ГИПЕРМАРКЕТ ЭЗОТЕРИКИ

Море эзотерических товаров с доставкой на дом

WWW.MAGIC-KNIGA.RU

КНИГИ

Книги по практической магии, эзотерике, оккультизму.

Восточные практики и учения.
Новинки издательств.

КАРТЫ ТАРО

Огромный выбор карт, оракулов и коллекционных колод.

Книги по Таро, самоучители, мешочки, гадальные скатерти

ГАДАНИЯ

- Спиритические доски
- Наборы Рун
- Хрустальные Шары
- Гадальные скатерти
- Магические свечи

АТРИБУТИКА

- Амулеты и талисманы
- Славянская символика
- Натуральные камни
- Восточный Фэн-Шуй, поющие чаши, шары здоровья
- Биолокационные рамки

Доставка заказов по России (почтой, курьером, пункты выдачи заказов) и по всему миру.

Телефон: 8 (499) 703-18-18 (Многоканальный)

Леон Дени

Спиритизм - религия будущего

Главный редактор: Демакова А. А.

Редакция: Гелева П. А.

Перевод: Гелева П. А.

Технический редактор: Комиссаров М. Ю.

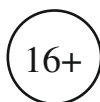
Компьютерная верстка: Комиссаров М. Ю.

Дизайн обложки: Шеральт А. В.

Подписано в печать: 31.08.19

Формат 60х84^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,58

Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-6042822-8-1

9 785604 282281

ИП Москвичев А. Г. 603001,

г. Нижний Новгород, а/я 49

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские технологии»

(ПАО «Т 8»)

г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5